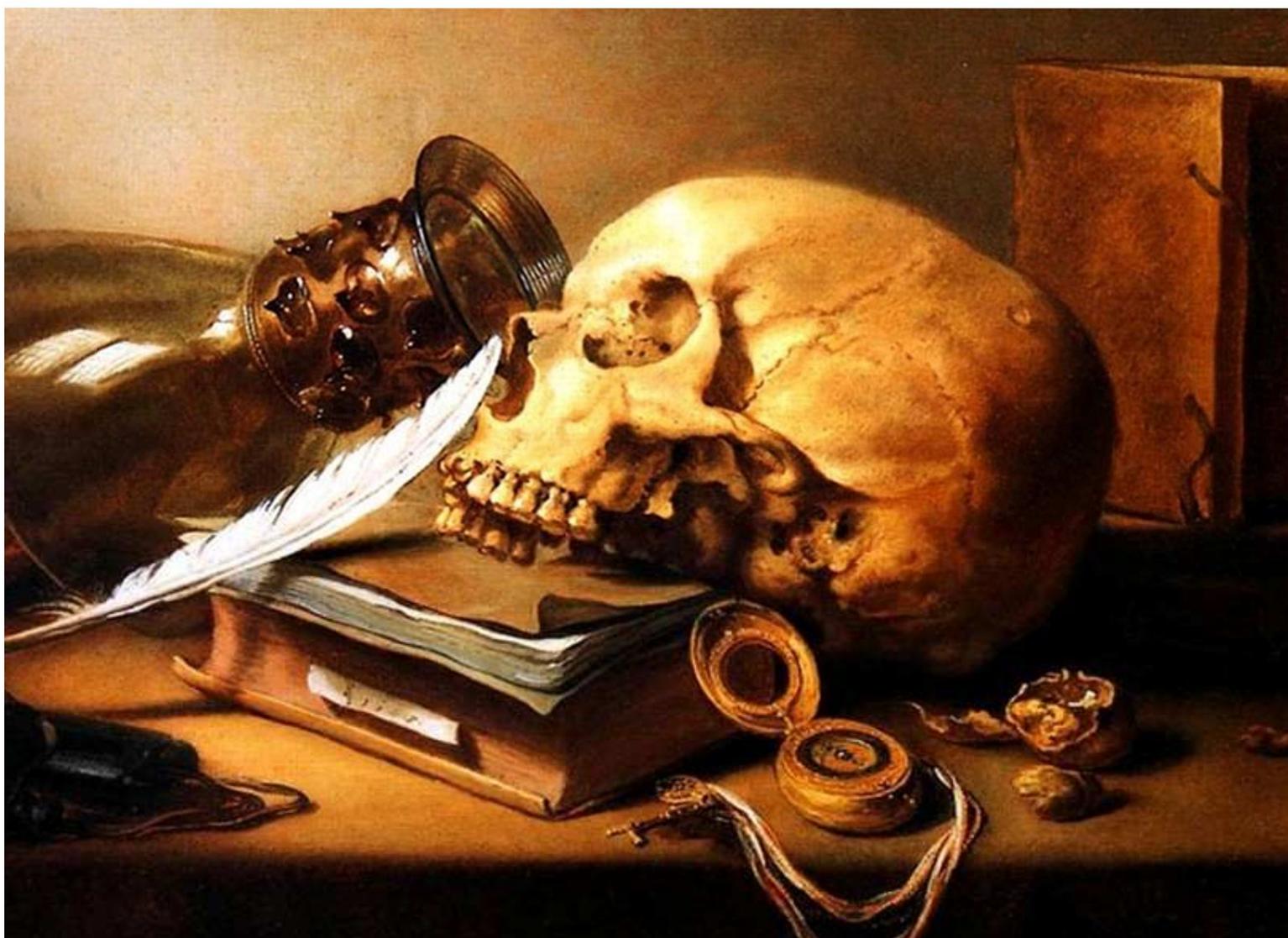

Валерий Сергеев

Виктор Хорошулин

ДУХ АЛЬБЕРТИНЫ
И ТАЙНА СТАРИННОЙ КНИГИ

КАЛУНИНГРАД, 2014 ГОД

Валерий Сергеев

Виктор Хорошулин

ОБ АВТОРАХ

Авторы этой книги разговаривают с читателями, как со старыми знакомыми, в надежде приобрести среди них единомышленников и новых друзей. Они рассуждают на «больные» темы, иронизируют, порой, на грани самобичевания, и распахивают для всех свой мир сострадания, веры и надежды. Их искренняя и добрая проза имеет свое лицо и вполне узнаваемый голос. В ней есть яркие образы, точные метафоры, интересные ассоциации дня сегодняшнего, воспоминания о прошлом и мечты о будущем. Они приглашают читателя на свидание с родным Калининградом и предлагают по-иному взглянуть на многие житейские проблемы.

Сергеев Валерий Васильевич, родился 31 января 1959 года в семье военнослужащего. Опытный врач и преподаватель, человек увлеченный и творческий. Автор восьми книг стихов и прозы, а также десятков статей о медицине. Закончил военно-медицинский факультет Горьковского медицинского института, более двадцати лет прослужил на Балтийском Флоте, подполковник медицинской службы запаса. В настоящее время – заместитель главного врача городской станции скорой медицинской помощи г. Калининграда. Е-майл: valeri1959@list.ru

Хорошулин Виктор Анатольевич, родился 23 августа 1961 года в Калининграде. В 1982 году закончил Калининградское ВАТУ, в 1992 г. ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского и прослужил в Вооружённых Силах СССР и РФ четверть века. Подполковник запаса. В настоящее время живёт в Москве. Радиоинженер, кандидат технических наук, доцент. Увлекается живописью, музыкой, страстно любит природу. Много пишет для детей. Работает на предприятии в интересах Министерства Обороны. Е-майл: ccxxzz000@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Об авторах.....	2
Оглавление.....	3
Аннотация.....	3
В поисках «средства Макропулоса» (предисловие профессора В.А. Глотова)	3
Книга 1. ЭНЕРГИЯ ЖИЗНИ.....	5
Книга 2. БЕССМЕРТНАЯ ПАРТИЯ.....	104
Книга 3. НОВАЯ УЛИЦА КЁНИГСБЕРГА.....	211

АННОТАЦИЯ

Молодые калининградские врачи случайно соприкоснулись с великой Тайной, родившейся в Кёнигсберге три столетия назад. Обладание Ею может сделать человека всемогущим, но может и погубить. Как поступят наши современники, оказавшись перед такой дилеммой? Сумеют ли они сделать правильный выбор, устоять в противоборстве с силами Зла и собственными соблазнами? Смогут ли пройти через все испытания, оставаясь достойными последователями великого Учения?

В поисках «средства Макропулоса» или размышления по прочтении повести-трилогии Валерия Сергеева и Виктора Хорошулина «Дух Альбертины и тайна старинной книги»

Уважаемый читатель! Перед Вами захватывающая авантюрная повесть-трилогия опытного врача Валерия Сергеева и кандидата технических наук, инженера Виктора Хорошулина. Жанр повести – научно-фантастическое произведение с элементами мистики. Тема – поиск эликсира жизни и долголетия. Повесть написана высокообразованными и весьма эрудированными людьми, хорошо знающими «натуру». Оба автора еще совсем недавно были кадровыми офицерами, много повидали и пережили за годы военной службы.

Сама тема поиска эликсира жизни и долголетия не нова. Вспомним, пьесу-утопию, грандиозную философскую пенталогию «Назад к Мафусаилу» Бернарда Шоу, действия которой охватывают многие десятки веков. Или знаменитую пьесу Карела Чапека «Средство Макропулоса»; или философские трактаты нашего знаменитого соотечественника, лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма», а также работы знаменитого хирурга и кибернетика академика Николая Михайловича Амосова. Эта тема весьма спекулятивна и плодотворна, позволяет делать различные художественные интерпретации. Каждое произведение или исследование, посвященное данному вопросу – некий опыт художественного, философского, научного и этического исследования проблемы. И Бернард Шоу, и Карел Чапек, и другие мыслители ломали голову над проблемой долголетия и сопряженными с ней психологическими и социальными проблемами.

В повести-трилогии тоже есть попытка художественного исследования указанной проблемы. И эта попытка, безусловно, удалась. Не считаю для себя возможным пересказывать сюжет повести,

чтобы еще больше заинтриговать читателя, скажу лишь, что эта книга о средневековых и современных врачах, ученых, новых медицинских реалиях, наконец, о дружбе. Она несет определенный гуманистический заряд, от нее веет оптимизмом и верой, что все, в конце концов, образуется: добро победит, а зло будет наказано.

Не берусь судить о сугубо художественных нюансах произведения – это дело литературных критиков, однако, обещаю что, приступив к чтению, окунувшись в поток увлекательных и мистических событий, Вы не сможете оторваться, пока не перевернете последнюю страницу. И я уверен, что никто из Вас не пожалеет о времени, проведенном с такой книгой!

Поиски эликсира долголетия продолжают и сейчас очень серьезными учеными, например, академиком РАН Владимиром Скулачевым и Ко. Они разработали глазные капли SkQ1, замедляющие старение. Изучен механизм старения на генетическом уровне. Гипотеза российского ученого Алексея Оловникова, утверждающая, что первопричина старения заключается в укорочении редумер как перихромосомных «линий» биологического времени, высказанная еще в 70-е годы, была блестяще подтверждена западными учеными. За эту работу им дали Нобелевскую премию, наш же исследователь оказался "не при делах". Увы! Такова судьба многих русских ученых: еще одна наша Нобелевская премия "уплыла" за рубеж.

В процессе «освоения» повести-трилогии я почувствовал потребность вновь перечитать пьесы Карела Чапека и Бернарда Шоу, книгу В. Скулачева и соавт. "Жизнь без старости", работы И. И. Мечникова, трактат доктора медицины Адольфа фон Гергарда «Практическое руководство к гомеопатической медицине», забытую книгу Петра Юльевича Шмидта "Анабиоз", забытую монографию Герасима Андреевича Югая «Общая теория жизни», материалы по крионике и трансгуманизму. Вспомнил знаменитый трактат Николая Федоровича Федорова «Философия общего дела», труды Владимира Ивановича Вернадского и Александра Леонидовича Чижевского, Елены Ивановны Рерих, Ивана Антоновича Ефремова, Станислава Лема. Так что чтение повести и ее осмысление потребовало определенного времени.

Возможно ли синтезировать «средство Макропулоса»? Однозначного ответа у меня нет. Проблема остается открытой... Слишком много еще предстоит узнать о природе жизни и самом человеке, пристальнее взглянуть на антропный принцип в свете новых данных о Вселенной, полученных с орбитального телескопа Хаббл.

Для меня обозначенная тема, в определенном смысле, интересна, так как некоторые аспекты вмешательства в процессы регуляции продолжительности жизни затрагиваются в моей главной работе, в частности, решение проблемы анабиоза человека путем психофизиологического вмешательства в систему регуляции кровообращения, воспроизведение состояния "саматхи", описываемое в йогических трактатах. Это пока только гипотетическая возможность вводить человека в состояние анабиоза без применения фармакологических препаратов, крионирования, замещения воды в тканях и т.д. Для будущих полетов к звездам, да и к окраинам Солнечной системы такие методики будут чрезвычайно актуальны. Но пока все эти идеи тоже из области фантастики.

Один из авторов повести-трилогии (Валерий Сергеев) вырос и получил образование в Смоленске – на родине знаменитых фантастов Александра Романовича Беляева и Айзека Азимова. Это, согласитесь, ко многому обязывает... Как и то, что большую часть своей жизни оба автора провели в удивительном Янтарном крае, городе философа Иммануила Канта, мистика Эрнста Теодора Амадея Гофмана и писателя-мечтателя, популяризатора современной науки и космической фантастики Сергея Александровича Снегова – в замечательном Калининграде (бывшем Кёнигсберге).

Прежде авторы работали преимущественно над «малыми» литературными формами. Настоящая книга – это дебют в «большой» прозе. И он, на мой взгляд, удался. Это важный опыт в "заточке пера". Думаю, будут и другие не менее увлекательные повести и романы. До новых встреч!

*Профессор Смоленской государственной медицинской Академии,
доктор медицинских наук В. А. ГЛОТОВ*

КНИГА 1. ЭНЕРГИЯ ЖИЗНИ

Пролог

«Сего дня, 30 августа 1724 года от Рождества Христова, я, профессор медицины Иоганн Майбах, с благословения Господа нашего и Пресвятой Девы Марии, начинаю своё повествование, обращённое к потомкам, дабы поделиться с ними своими знаниями и богатым врачебным опытом.»

Господь свидетель, что я лечил людей честно и бескорыстно, и единственное, в чём до конца своих дней буду упрекать себя, так это в предательстве моего верного друга и мудрого учителя, профессора Вильгельма Пильца. Но, видит Всемогущий и Всемилостивейший Господь, случилось это под давлением жестоких обстоятельств.

И сам Пильц, и другие мои наставники держали свои обширные знания исключительно в голове, не доверяя их бумаге. Я до сих пор поражаюсь, какая неисчерпаемая кладёзь медицинских знаний осталась сокрытой от потомков и сколько практической пользы они могли бы извлечь из них! Поэтому я решил взяться за перо и надеюсь на Господа, что мои труды не будут напрасными...»

Старик отложил в сторону остро очиненное гусиное перо и тяжело вздохнул. Пламя свечи беспокойно заколыхалось. По стенам тесной комнаты забегали светлые блики и причудливые тени. «Всё, как в нашей жизни», – подумал старик, поднимаясь из-за стола. Ему вдруг стало тяжело от нахлынувших воспоминаний, он отворил дверь и вышел на улицу.

Вечерело, на небе появились первые звёзды. Ветра почти не ощущалось. Из глубины улицы доносились чьи-то невнятные голоса. Похоже, очередные гуляки возвращались из кабачка «Весёлый угорь», расположенного в сотне шагов от дома старого врача. Слева светилась огнями величественная громада Замка, в котором по древнему обычаю останавливались прусские короли, прибывающие для вступления на престол и принятия присяги. По звукам, доносящимся оттуда, Майбах понял, что происходит смена караулов, в обязанности которых, кроме охраны покоев, входило и наблюдение с высоких башен за всем городом. В случае пожара караульные трубили тревогу, а чтобы жители знали, куда спешить на помощь, наклоняли в ту сторону развевающийся штандарт, или в ночное время вывешивали шест с большим и ярким фонарем.

Нынешний вечер был тих и спокоен. Внизу малиновой полоской догорало в водах Прегеля заходящее солнце. Острые пики корабельных мачт мирно дремали у речного берега.

Старик достал трубку и чиркнул огнём: ноздри защекотал ароматный дымок крепкого заморского табака. Майбах любил свой Альтштадт, любил города-побратимы: Кнайпхоф и Лёбенихте, которые в августе по указу короля Фридриха Вильгельма I, прозванного Королём-солдатом, объединились в один, с общим названием Кёнигсберг. По этому поводу до сих пор не затихало разгульное празднование: рыбаки и ремесленники продолжали отмечать это событие в многочисленных винных погребах. Особенно радовался Кнайпхоф: ведь это из его стен вышел первый бургомистр Кёнигсберга. Старый врач невольно усмехнулся, поскольку хорошо знал Захариуса Хессе, долгоязого педанта, в прошлом бургомистра Острова. Ибо Кнайпхоф – это и есть остров, образованный разделением Прегеля на два русла. Хессе, известный юрист, страдал катаром желудка, и Иоганн Майбах довольно успешно лечил его настоями целебных трав. Но бургомистр был страстным курильщиком и именно это, по мнению профессора, мешало полному выздоровлению главы Кёнигсберга.

Возвращаться в дом старому врачу не хотелось. Он с охоткой покурил трубку, вслушиваясь в городские звуки. Вот процокали копыта – в Королевский замок спешила карета, вот послышалась перебранка со звоном оружия: у самой реки кого-то задержала городская стража. А вот внутри дома хлопнула дверь – это жена Майбаха, заботливая Лизхен, спускалась вниз за своим беспокойным супругом.

Часть 1. Профессор Альбертины

Глава 1. Кёнигсбергский университет

«...С Божьей помощью, получив отцовское благословение, я, шестнадцати лет от роду, стал студентом Кёнигсбергского университета. Мой отец, Гюнтер Майбах, настаивал на этом: «Многие молодые люди получают образование и становятся уважаемыми, зажиточными бюргерами, – говорил он. – Мы с матерью надрываем спину и выбиваемся из сил для того, чтобы сделать из тебя добропорядочного человека. Запомни, если ты не станешь студентом, то пойдёшь в солдаты. А нам бы не хотелось, чтобы ты вспарывал животы таким же молодым парням, как сам, и в результате оказался погребённым в братской могиле на чужбине».

Мой отец занимался строительством. Он работал каменщиком, и укладывал кирпичи с таким проворством, усердием и мастерством, что многие артели старались переманить его к себе. Наш Альтштадт и его пригороды постоянно росли: строились жилые дома, склады, кирхи, бастиионы, тоннели, шлюзы. Хорошему каменщику всегда находилось дело, что позволило моему отцу понемногу откладывать деньги, и теперь я понял, для какой цели...»

– Иоганн, – обратился к сыну ещё не старый, крепкого телосложения мужчина с начинающими седеть волосами. – Мне надо с тобой серьёзно поговорить. – Он пришёл с работы усталый и теперь сидел за столом, держа крепкой, похожей на клешню краба, рукой кружку тёмного пива. Женщина, мать Иоганна, хлопотала у очага, разогревая ужин.

– Выслушай меня, не перебивая. В этом году ты окончил городскую школу, и учитель Клаус Заубер остался весьма высокого мнения о твоих способностях. За семь лет ты освоил латынь и древнегреческий язык, математику, а также множество историй из Священного писания. Я считаю, этого вполне достаточно, чтобы мой единственный сын продолжил учебу в университете! Не в Альтштадской гимназии, нет! В самой Альбертине! Слава Господу нашему, в Кёнигсберге есть свой университет и тебе не придется ехать куда-нибудь в Гейдельберг! Я скопил достаточно денег, чтобы оплатить твою будущую учёбу...

– Но, отец... – невысокий светловолосый юноша пытался возразить, только Гюнтер не стал слушать сына.

– Я знаю, что твоя мечта – морские путешествия и жизнь, полная приключений. Ты хочешь стоять за штурвалом корабля и глазеть на диковинные страны. Что ж, и эта мечта вполне осуществима... Дай же мне договорить! Сядь за стол... Эльза! Принеси нам пива... – и, уже немного успокоившись, отец произнёс: – Лучше пиво, чем вино «трёх людей» (1).

– Посмотри на эти руки, – продолжал Гюнтер, когда его жена поставили на стол две глиняные кружки. – Погляди внимательно на моё лицо... Оно обветрено и обожжено солнцем, поскольку моя работа, и в летний зной, и в осенний дождь, и в зимнюю стужу проходит под открытым небом. А руки мои привычны лишь к кирпичу и мастерку.... Видишь, как неловко я держу даже ручку этой кружки!..

Иоганн молчал. Он чувствовал, что отцу в этот момент лучше не перечить.

– Помоги мне очистить яйцо, Иоганн... Эй, Эльза, подавай ужин!

Некоторое время они ели тушёные кабачки, запивая их пивом. Во время еды никто не проронил ни слова.

– Я нашёл сведущих людей и навёл справки. Ты получишь хорошую специальность и выбьешься в люди. Но придется долго и терпеливо учиться, Иоганн! Я не думаю, что нас заинтересовала бы теология. Это - наука для бездельников в сутане! То же самое я скажу про философию. Если у тебя достаточно монет, пожалуйста, философствуй себе в удовольствие! Юриспруденция... Это – очень почетно, но туда тяжело попасть... Но уж медицина – это то, что нам надо! Ты будешь врачом! Помни, что любой король, когда ему занедужится, зовёт в первую очередь врача! Только потом к нему приходит священник, и то, если врач не сумел сделать своё дело... Незадолго до твоего рождения закончилась очень жестокая война. Меня едва не убило пушечным ядром, сынок... Но будут ещё войны! Снова станет литься кровь и ядра продолжат отрывать руки, ноги, головы... А кто-то ведь должен помогать раненым? Это – святое дело, Иоганн. Потом война закончится, и что дальше? Люди повсеместно болеют. Тяжело, страшно... Их вновь придется кому-то лечить. Пойми, сын, в наше время врач никогда не окажется без работы. А если он ещё и толковый врач, то озолотит и себя, и

своих потомков. Герцогов и королей люди быстро забудут, а вот великого врача будут помнить. Поэтому не спорь, а лучше поклянись, что будешь прилежно осваивать медицинскую науку и не подведёшь старого Гюнтера Майбаха! – он с надеждой посмотрел на сына. – А захочешь, впоследствии устроишься судовым врачом...

Иоганн не нашёл слов для возражения. Он был чрезвычайно благодарен отцу, человеку тяжёлого нрава и обычно немногословному, иногда даже злому и ворчливому, но вдруг проявившему такие искренние и добрые чувства к сыну! Они с матерью, как оказалось, давно готовились к этому разговору, и долгое время копили деньги на его обучение, во многом отказывая себе.

– Спасибо, отец. Спасибо, мама... Я постараюсь оправдать ваши надежды.

– Да поможет тебе Господь...

Так решилась дальнейшая судьба Иоганна Майбаха. С юных лет он действительно мечтал о морских путешествиях, мысленно бороздил воды южных и северных морей, открывал новые земли, входил на своём корабле в порты Гамбурга, Лондона, Лиссабона, намеревался достичь берегов Нового Света. Но судьба распорядилась иначе: отец желал видеть своего сына непременно образованным человеком, что было весьма характерно для того времени. Юноша чувствовал его правоту и испытывал глубокую благодарность за столь искреннее участие и важную поддержку.

В 1544 году в Кёнигсберге учредили свой университет. Он был обустроен по образцу существующих в ту пору германских университетов. Молодёжь XVII-го века охотно шла в них приобретать новые знания и осваивать достойные профессии. И вот, кёнигсбергский храм науки распахнул свои двери сыну каменщика. Что ждёт его за этими дверями, известно одному лишь Богу...

Кёнигсберг, величавая столица Восточной Пруссии, долгое время был форпостом тевтонских рыцарей, откуда они совершали свои грабительские набеги на Польшу и Литву. Сама Пруссия, обильно политая кровью в многочисленных захватнических войнах, совсем недавно обрела независимость. Впрочем, и о ней самой, и о Кёнигсберге стоит рассказать немного подробнее.

Ох, уж эта Пруссия, бывшая страной-вассалом, и ставшая самостоятельным государством с сильнейшей в Европе армией! А всё началось с них – с тевтонцев, и их воинственных потомков. Одно время Пруссия считалась территорией Польши и тогда, для подавления свободолюбивых вассалов, были приглашены рыцари Ордена. Они ответили на призыв польского князя Конрада I Мазовецкого и, с поистине тевтонской беспощадностью, приступили к истреблению племен пруссов. Полвека ушло на безжалостные войны в этих краях. Пруссов покорили. Вот тут бы тевтонцам и уйти восвояси!.. Но нет, они начали расширять «свои» владения, отхватывая у соседей один кусок земли за другим. И вновь ржали кони, свистели стрелы, звенела сталь...

В 1525 году Пруссия стала светским герцогством. Орденские земли были изъяты из церковной собственности и переданы в гражданское ведение, несмотря на то, что формально они всё ещё принадлежали Польше. Случилось это при Альбрехте Бранденбургском из династии Гогенцоллернов (2), великом магистре Тевтонского ордена. Так бывшие рыцари превратились в немецких помещиков-землевладельцев. Гогенцоллерны, владевшие бранденбургскими землями, пытались объединить их с прусскими, избавившись при этом от опеки польской короны. В конце концов, это им удалось. После шведско-польской войны, в

ходе которой Польша потерпела поражение, был подписан указ, в котором Пруссия объявлялась суверенным государством.

А Кёнигсберг жил и процветал. Население города составляли выходцы из германских земель, которые обустроивали главный город Восточной Пруссии с немецким усердием и основательностью. Следует отметить, что горожане не очень охотно поддерживали политику Гогенцоллернов, олицетворяющую собой тевтонские стремления покорять и грабить соседние народы, словом, жить властно и независимо, постоянно держа в руках обнажённый меч. Жители Кёнигсберга даже выступали против воинствующей династии и против отделения Пруссии от Польши. Молодой Гюнтер Майбах сам едва не погиб в ходе этих столкновений, но, слава богу, его не коснулись последствия этого противостояния, и он, как нам известно, занялся вполне мирной профессией, в которой немало преуспел.

Когда у Гюнтера с Эльзой появился первенец, они решили приложить все усилия, чтобы мальчик занял достойное положение в обществе. А для этого он должен был учиться: сначала в городской школе, чтобы освоить латынь, а затем уже в университете. Гогенцоллерны, хоть и были помешаны на былом величии и доблести тевтонских предков, тем не менее, весьма благоволили к храмам науки и просвещения. Только одно условие необходимо было соблюдать неукоснительно: учёба должна быть оплачена. К счастью, Гюнтер имел работу, платили за неё неплохо, а копить они с женой умели. Иоганн же, с детства худенький, белокурый (как его мать) и невысокий мальчик, весьма успешно постигал те науки, которые ему преподавали в городской школе Альтштадта приезжие учителя и её ректор Клаус Заубер.

Глава 2. В стенах Альбертины

«...В год 1668-й от Рождества Христова я, по воле Господа нашего, впервые вошёл в стены Кёнигсбергского университета. Я до сей поры с благоговением вспоминаю те времена, когда мой ум, словно губка, впитывал самые разносторонние знания, а душа расцветала, ибо каждый день, проведённый в лоне священной Альбертины, был наполнен новыми, необычными событиями, яркими и живыми. Учился я жадно, азартно и весьма успешно...

Горячее желание лечить людей безболезненно, без вмешательства ланцета, а лишь посредством снадобий, мазей и целебных порошков заставило меня искать рецепты чудодейственных лекарств. Я пропадаю в университетской библиотеке, общался с профессорами медицины и со знахарями из предместий Кёнигсберга, проводил дома бесчисленное количество опытов, пытаюсь найти и проверить на деле те или иные ингредиенты, их соотношения и, незаметно для самого себя постепенно превратился в убеждённого алхимика. А такое увлечение могло вывести меня на очень опасный путь...»

Иоганн, проходя по Лавочному мосту через Прегель (3), посторонился, пропуская следующую на Кнайпхоф телегу, гружённую мешками с углём. Пожилой возница, служивший при Кафедральном соборе, улыбнулся и кивнул студенту. Они не были знакомы, но за неполные два года, проведённые Иоганном на острове, столь примелькались друг другу, что при встрече чувствовали один к другому чуть ли не родственную приязнь.

Студент поправил плащ, довольно тонкий для сегодняшней прохладной погоды, натянул на голову капюшон. Со стороны Остзее (4) дул пронизывающий ветер. От реки тянуло сыростью, смешанной с запахом рыбы, доносящимся со стороны разгружающихся судов. Альтштадт, затянутый пеленой тумана, несмотря на раннее утро, жил своей портовой жизнью. Этот день тоже начинался с большой торговли. Берег реки постепенно заполняли продавцы и покупатели, нетерпеливо фыркали лошади на базарной площади, слышался смех, громкие крики возниц и цоканье подков по набережной.

Иоганн перешёл на противоположный берег, и, повернув налево, стал подниматься к знакомым строениям родного Альтштадта, по улице Хлебных лавок, мимо ратуши с «бородатыми япперами» (5), готовыми высунуть свои языки в сторону Кнайпхофа.

Альбертина – такое имя университет получил совсем недавно, в память об его основателе, Альбрехте Бранденбургском. На четырёх факультетах более двухсот студентов изучали теологию, юриспруденцию, медицину и философию. Нельзя сказать, что их жизнь была стеснена жёсткими рамками дисциплины. Конечно, порядок существовал, и нарушение установленных правил каралось строго. Однако, преподаватели Альбертины: доктора, профессора и магистры, представители высшей касты немецкого общества, допускали некоторую демократию в отношениях со студентами (некоторые из них даже проводили занятия у себя на дому), утверждая, таким образом, исключительное положение Кёнигсбергского университета перед другими городскими учреждениями. Сухие схоластические лекции зачастую сменялись коллоквиумами, диспутами, шумными спорами, в ходе которых некоторые злободневные вопросы выносились на широкое обсуждение.

Студенты Альбертины были различных сословий и нередко приезжали издалека. Кроме немцев, тут было много поляков, чехов, венгров и литовцев. Сказалась закончившаяся двадцать лет назад Тридцатилетняя война, которая принесла Европе страшные бедствия и опустошения. А этот тихий уголок Восточной Пруссии был далёк от всяческих баталий и жил своей размеренной, неторопливой и спокойной жизнью. Поэтому сюда и устремились тысячи беженцев, которые находили пристанище на здешней земле, обустроивались и обживались, однако не теряли связи со своим прежним миром, со своими родными местами.

Прибыв на учёбу из самых разных уголков Европы, молодые люди «вливались» в существующие в «альма матер» братства-землячества. Члены братств жили сообща, деля все тяготы студенческого бытия, главной из которых была бедность. Нередко случалось, что, задолжав за учёбу, бедолаги были вынуждены отправляться восвояси. Те же, кто, несмотря на трудности, оставался в стенах Альбертины, делили меж собой одежду, обувь и кусок хлеба. Если кому-то из студентов перепадали из дома кое-какие припасы, будь то продукты или деньги, радовалось всё землячество.

Университет располагался в северо-восточной части Кнайпхофа. Храм науки и величественный Кафедральный собор, который являлся также и университетской церковью, разделяло кладбище соборной общины. Альбертина имела два здания. Коллегия (6) состояла из двух сходящихся под прямым углом крыльев, в одном из которых находился актёрский зал. Второй корпус использовался как общежитие для малоимущих студентов. Вне университета, на Вайдендамме, располагался лишь анатомический театр. Многие студенты селились в коллегиях, главным образом, по земляческому принципу. Некоторые, отпрыски зажиточных семей, снимали квартиры.

Иоганн жил дома в Альтштадте. От него до дверей Альбертины студент легко доходил пешком за полчаса. Иоганну было легче, чем иногородним: его родные находились

рядом. Отец с матерью работали не жалея сил, и их здоровья, к счастью, хватило на те годы, которые сын провёл на студенческой скамье. Ещё немного, и он сам станет зарабатывать на жизнь, чем облегчит участь своих заботливых родителей...

Учёба давалась Иоганну на удивление легко. Сказались его любознательность и увлечение медициной, как наукой, природная сообразительность и тот основательный задел знаний, который он приобрёл в стенах школы. Лекции в университете читались на латыни, а в ней новоявленный студент был уже не новичок. Умение схватывать мысль «на лету», трудолюбие и аккуратность приносили свои плоды: к окончанию первого года обучения он считался одним из лучших студентов, чем страшно гордились его отец и мать.

Однажды за ужином в семье зашел разговор о светилах медицинской науки.

– ...Как ты сказал, Гиппократ? – переспросил Гюнтер сына. – Кто же он, немец? – отец считал, что все великие люди родом из Германии. – Фамилия наша - немецкая. Похоже, из швабов... Говоришь, грек, великий врач... Вот и старайся быть похожим на него!

Немного позже, когда Иоганн самостоятельно изготовил микстуру, которая хорошо снимала проявления простуды, довольный отец обратился к матери:

– Видишь, Эльза, теперь у нас есть собственный врач! Незачем ходить к еврею Лаппе с Аптекарской улицы, чтобы платить большие деньги за его бесполезные снадобья, от которых ничего кроме расстройства желудка не получишь!

На что получил ответ:

– Одеваться надо теплее! Тогда не простудишься... А сынок наш и впрямь молодец!

Спустя некоторое время в доме появилась ещё одно новое лекарство – настойка на янтарных крошках, которую отец и мать принимали как средство от усталости и старческих недугов.

– Я от неё молодею! – радовался Гюнтер и в его глазах вспыхивали задорные искорки. – И недорогая, зараза, а как бодрит и сил прибавляет!

– Да, – счастливо улыбалась Эльза. – Наш Иоганн скоро станет настоящим врачом.

Гюнтер Майбах был не просто каменщиком с золотыми руками, он обладал незаурядным умом и рассудительностью, перемешанной с хитростью, так характерной для немца. Перед тем, как расстаться со своими трудовыми деньгами, он сумел встретиться с деканом медицинского факультета, и даже пытался добиться аудиенции у самого ректора Альбертины, правда, ему это не удалось. Зато теперь он достаточно много знал о традициях, сложившихся в университете, о жизни студенчества и тех неожиданностях, которые могли возникнуть на пути молодого Майбаха.

– Сынок, - сказал он Иоганну, когда тот впервые собирался в храм науки. – Я должен тебя предостеречь насчёт одного скверного мероприятия, которое очень скоро ожидает тебя. – Юноша насторожился. – Не волнуйся, местные шалопаи, посвящая молодёжь в бурши, придумали одну... дурацкую процедуру, которую тебе предстоит пройти... Не беда, если тебе отхватят топором прядь волос на голове, отполируют физиономию на шлифовальном круге... или оттяпают кусок ткани от штанов с задницы... Плохо то, что за этот кусок тебе еще придётся заплатить. Можно, конечно, возмутиться и призвать к порядку, но университетские бакалавры уверяют, что лучше подчиниться традиции, и тогда всё будет хорошо. Затем тебя примут в братство... И для этого тоже потребуется взнос... Что ж, вот тебе несколько талеров. Но теперь нам всю неделю придётся есть одну капусту...

Землячество, в которое был принят Иоганн, носило название «Пруссия». В него входили как местные студенты, жители Кёнигсберга, так и выходцы с западных земель. Братство имело свой герб и флаг, постоянную штаб-квартиру, расположенную вблизи

Замкового пруда, и «свои» трактирчики, где молодые люди отдыхали от занятий и веселились в компании с кислым кёнигсбергским вином. Кроме «Пруссии», были и другие братства: «Мазовия», «Венгрия» и «Трансильвания», «Литва» и «Ганза».

– Теперь ты член нашего братства, – вдохновенно говорил Иоганну его старший товарищ, студент юридического факультета (будущий известный кёнигсбергский нотариус) Вольфганг Шёнебург. – Держись нас, братишка. Если тебя кто тронет, только дай нам знать! Мы своих в беде не бросаем. Ну, а если понадобится, приди на помощь своим братьям-буршам! Раз ты местный, из Альтштадта, то сегодня же мы покажем тебе нашу квартиру и посидим в трактире «Усы сома». Это – наш трактир, да и находится он в Альтштадте, совсем недалеко от твоего дома. Не робей, теперь у тебя есть много друзей!

Сам Вольфганг имел живописный синяк на левой стороне лица, от него резко пахло винным перегаром, но Иоганн с почтением вслушивался в слова «почти бакалавра», как Вольфганг сам себя величал.

С какой нежностью всю свою последующую жизнь вспоминал Иоганн годы, проведённые в стенах Альбертины! Какой важный и неожиданный поворот вскоре произошел в его судьбе, насколько захватывающе, интересно и колоритно завертелась жизнь! Тут было всё: и нескончаемые лекции, и практические занятия, и страх ошибиться... Порой посещало чувство неуверенности, но его все чаще сменяла гордость за себя. Вспоминались драки с горожанами и буршами из других братств, вечеринки в «Усах сома», пошловатые песни, переделанные местными вагантами (7) из стихов Симона Даха (8) и псалмов Валентина Тило (9), известного поэта и бывшего профессора кёнигсбергского университета... А друзья-студенты! А наставники!..

Как большинство студентов, Иоганн Майбах внимательно слушал лекции и аккуратно записывал всё сказанное магистрами и профессорами. Но больше всего ему нравились диспуты: живое, шумное и полезное для ума обсуждение той или иной практической ситуации.

– К вам привезли больного! – Магистр Гуго Розенталь внимательно оглядел притихших студентов. – Больной в беспамятстве. – Ещё один долгий, изучающий взгляд... – Студент Иеронимус Штетлих! Каковы ваши действия? Потрудитесь поделиться с нами своими соображениями.

Поднявшийся со скамьи щуплый бурш одёрнул тёмную мантию и возвёл очи ввысь, подыскивая подходящие слова.

– Больной лежит на санях, – уточнил магистр. – На улице мороз. Если врач будет слишком долго размышлять, то несчастный просто замёрзнет! – среди буршей послышались редкие смешки. – Разумеется, тех, кто его привёз, вы тут же пригласите в дом и угостите глинтвейном, расспросите про погоду и цены на овёс... – смех усилился.

– Я немедленно подойду к больному... – выдавил из себя Иеронимус.

– Отлично! И о чём вы спросите человека в бесчувственном состоянии? Кто поможет?.. Вальденблум!

– Больного надо отнести в дом и осмотреть!

– Отлично, Генрих. Вы убедились, что он тёплый и ещё дышит. Что дальше?

– Необходимо привести его в чувство! – послышались возгласы.

– Обтереть уксусом...

– Пустить кровь...

– Прочсть молитву...

Через несколько минут жаркой дискуссии становится ясно, что сначала следует попытаться определить, чем же болен пациент.

– Запомните! Правильно распознать болезнь – первая ступень к излечению страждущего человека! *Bene dignoscitur, bene curatur!* (10) – И, хотя вопросами жизни или смерти, ведаёт непосредственно Господь, в силах врача помочь больному, ибо сам Бог даёт ему необходимые знания, опыт, интуицию и решимость!

Когда аудитория немного утихла, магистр Розенталь добавил:

– Есть множество способов для определения того, что же случилось с больным, но лучше всего осведомиться об этом у людей, которые его доставили. Человек мог отравиться, занедужить малокровием, получить удар ножом в пьяной драке, его могла сбить разбушевавшаяся лошадь... Цвет лица, наличие ран или язв на теле, сухость или влажность кожи, испражнения - всё это может рассказать вам о многом, и внимательный врач очень скоро составит правильное мнение о состоянии пациента....

Майбах улыбнулся, вспоминая минувшее. Именно тогда, в самом начале своего пути, он подумал: «Хорошо бы создать такую настойку или, скажем, микстуру, намочив которой лоб или щёки больного, можно было бы привести его в чувство, унять жар и боль... А ложкой-другой этого целебного снадобья можно было бы поднять на ноги любого больного...» Впоследствии эти мысли не давали ему покоя. Прочувшись всего год, он пришёл к убеждению, что такое средство создать не только можно, но и необходимо. Нужно лишь правильно подобрать и тщательно выверить все его компоненты. Как рассказывали преподаватели, работа по созданию таких медикаментов велась издавна. Некоторые даже заявляли о том, что им удалось получить такой чудодейственный бальзам или эликсир, однако рецептуру и дозы своего лекарства держали в строжайшей тайне. И тогда Иоганн поставил перед собой великую цель – во что бы то ни стало создать такой универсальный препарат, пусть даже на это потребуется целая жизнь!

...Его путь лежал мимо пекарни, от которой всегда чудесно пахло свежим хлебом. Этот запах обычно разжигал чувство голода, но нынче молодой Майбах был слишком возбуждён, чтобы думать о еде. В складках одежды он прятал древний свиток с удивительным рецептом... Сегодня утром, едва пробежав глазами местами подпорченный временем текст, у Иоганна появилось радостное предчувствие: вот оно, наконец-то найдено! Одновременно с этим в душу проникла тревога: от написанного на старом свитке явно пахло колдовством...

До дома оставалось совсем немного. Альтштадт располагался на возвышенности, которая начиналась от самой реки. Со временем холм оброс каменными и деревянными домами. Позже его кривые, узкие улочки были вымощены булыжником. В центре Альтштата находилась просторная четырехугольная площадь, городская ратуша и старинная кирха с высоким шпилем. На самой площади каждую субботу проводились торги мясом и другими съестными припасами. Вся она в один день застраивалась множеством аккуратных деревянных лавочек, которые уже под вечер разбирались, и площадь к воскресному дню тщательно убиралась от мусора. У Старого города и его ближайших соседей появились свои предместья: Трагхайм, своим обликом похожий на старого солдата, вернувшегося из дальнего похода; Лаак, славящийся увеселительными заведениями и напоминающий загулявшего бурша, Штайндамм и Росгартен, украшенные садами, тенистыми липовыми и каштановыми аллеями...

Иоганн толкнул дверь, шагнул через порог и по винтовой лестнице поднялся на второй этаж. Мать резала на столе овощи, в очаге весело потрескивал огонь. Отец, как было видно, уже ушёл на работу. Студент с удовольствием стянул с себя плащ. Эльза с укором взглянула на сына.

– Иоганн, дорогой, где ты пропадал всю эту ночь? – она сначала нахмурилась, затем улыбнулась, увидев сына живым, невредимым и в чистом облачении. – Столько слухов ходит по всему Кёнигсбергу о ваших, студенческих гулянках! То подрались со столярами в Лёбенихте, то устроили дуэль и проткнули кого-то шпагой на Канонен-аллее! Мы с отцом беспокоимся за тебя...

– Успокойся, матушка. Ты же видишь: шпагу я не ношу, а в наших кабацких «заседаниях» участвую крайне редко. Этой ночью я работал в Кнайпхофе. У помощника конюха было любовное свидание, и он попросил меня подменить его... в обмен на один ценный документ, – Иоганн достал заветный свиток. – Поэтому я всю ночь провёл на конюшне... Но слава богу, Томас не обманул и на рассвете принёс мне старинный рецепт! Взгляни, этому составу более ста лет!

– Ты помешался на своих рецептах и лекарствах! – с явным облегчением промолвила мать. – Омой руки и садись за стол, отведай рыбы с овощами. До начала занятий много ли времени?

– Да, мама, я успею отдохнуть. Повторительные лекции сегодня во второй половине дня. Но мне не терпится изучить эту пропись. Лекарство, приготовленное согласно ей, поможет от многих страшных болезней! Представляешь, у меня будет средство, против «черной смерти» (11) и оспы!

– Господь с тобой, сынок, не произноси эти страшные слова в нашем доме. – Мать сходила с тазом на улицу и выплеснула помой в промёрзший за ночь сточный жёлоб. Грязная вода медленно поползла вниз, в Прегель.

– День сегодня будет солнечным, – отметила она, вернувшись. Заметив, что сын увлечён старинным свитком, пошла к плите. – Я пожарю тебе яичницу, учёный ты наш.

– Нет, мама, – отозвался Иоганн. – Я ещё не учёный. Вот наш профессор, Вильгельм Пильц, это – да!.. На его лекции приходит невероятное количество слушателей. Кстати, он нам так и сказал: «Студенты, ищите старые рецепты и создавайте свои, новые. Но все эти поиски должны сопровождаться усиленным изучением самого предмета, не забывайте об этом, бездельники!» – сын и мать рассмеялись. – Вот я и нашёл. Правда, есть тут что-то, что меня несколько смущает...

– Вот и показал бы его этому профессору.

– Нет, мама. Это – необыкновенный человек... К нему трудно подступиться. Он... величественен. Он, как огромная скала... Я ко многим могу подойти за советом и с просьбой, а вот к профессору Пильцу... отчего-то робею.

– Наверное, ты чувствуешь недостаток знаний.

– Пожалуй... Поэтому и пытаюсь это наверстать.

– Да, уж... Слишком стараешься: вся кладовая уже заставлена стеклянными пузырьками, баночками со странными жидкостями, связками каких-то пахучих трав...

– Это лечебные травы, мама. А в пузырьках тоже нет ничего опасного...

– Смотри, Иоганн, мне бы очень не хотелось, чтобы моего сына обвинили в колдовстве, – тихо произнесла набожная Эльза.

Наступил вечер. Иоганн вернулся из университета. Следом за ним в дом ввалился Гюнтер. Эльза была рада, что вся семья собралась в доме за вечерним столом. Впрочем, не преминула заметить:

– Эх, ты, кирпичных дел мастер! Не забыл-таки заглянуть в кабачок...

Гюнтер, сполоснув руки и лицо, ответил:

– Не ругайся, мать. Сегодня был тяжёлый день.

– Неужто закончили строительство? Выложили крепостную стену вокруг Кёнигсберга?

– Не в этом дело. Мы возвращались через Хаберберг и Кнайпхоф. Там, на окраине форштадта сгорел дом... Жуткое зрелище. Со времён войны ничего более печального не наблюдал...

– Вот беда... – произнесла Эльза. – Как это случилось?

– Никто толком не знает. Известно, что сгорела целая семья. Сегодня под утро... Стража оцепила пожарище, ведётся расследование... Эльза, есть ли у нас пиво? Давайте помянем души погибших людей. Ибо кто знает, что с нами случится завтра...

Иоганн поёжился. Вот он, знак свыше! Не зря, видно, именно сегодня ему удалось завладеть старинной рукописью.

– Что с тобой, Иоганн? – спросила мать.

– Ничего, мама.

В старом рецепте было ясно сказано: «Возьми пепел с пожарища, где сгорели живые люди...»

Форштадт, то есть пригород Кнайпхофа, – это Хаберберг. Место, где городские кварталы постепенно переходят в сельскую местность. Там часто что-нибудь происходит: то весеннее половодье превратится в наводнение, то случится очередная потасовка между городскими и сельскими жителями, то возникнет пожар, как сегодня, да ещё с жертвами...

«Возьми пепел с пожарища, где сгорели живые люди...».

Это означало, что ему надо немедленно бежать в Хаберберг.

Глава 3. Ночное происшествие

– Ещё не очень поздно, – оправдывался Иоганн перед родителями. – Мои товарищи-бурши ждут меня в «Усах сома», но я иду по делу. Думаю, за пару часов всё уладить.

– Куда же ты, сынок? – мать обеспокоилась неожиданной отлучкой сына.

– Оставь его, Эльза, – пробубнил отец. – Сама видишь, он не на гулянку спешит, а по какому-то важному делу. Пускай себе идёт. Он – взрослый, ему уже семнадцать. И мозги варят... не то, что у соседских баловней, у которых во рту каша, а в голове опилки. Наш сын уже почти врач. Скоро станет вторым... как там его?.. Гиппократом!

– Да поможет тебе Пресвятая Дева Мария, сынок... – вздохнула мать.

И вот Иоганн нырнул в колючую, промозглую тьму. Ранняя весна – пора оттепелей и заморозков. Поплотнее закутавшись в плащ, студент быстро зашагал вниз, к реке. Иногда с «рыси» приходилось переходить на лёгкий бег.

Бывает, на улицах Кёнигсберга так метет и кружит, что куда не поверни, а мелкий колючий снежок – все равно хлещет по щекам. Хоть разворачивайся да ступай обратно, но и тогда несносные вихри умудряются швырять иглы снежинок или дождинок в твои глаза.

Точно так же многие наши нерешенные вопросы: как от них ни прячься, ни отворачивайся, ни закрывайся полой плаща и капюшоном, все равно – остаются, надоедают и упрямо ранят в сердце и душу, мешая дышать, лишая возможности сосредоточиться на главном...

Узкие улочки не везде были мощеными и освещались крайне плохо. Многие дома, выходя фасадами навстречу друг другу, своими террасами сужали их просветы еще больше. В нос студента впился стойкий запах гнили, мочи и фекалий, всех нечистот, что горожане выбросили на улицу в течение дня. Редкие масляные фонари, висевшие на стенах, да одиночные горящие факелы с большим трудом позволяли ориентироваться в ночном городе. Только Иоганн не обращал внимания ни на потоки помоев, ни на вонь от испражнений, ни на громкую ругань загулявших грузчиков Закхайма, слышавшуюся далеко впереди. Его путь лежал к Лавочному мосту - на остров, а с него – на другой берег Прегеля по Зелёному мосту.

Черное, как плащ астролога, небо сверкало в разрывах туч россыпями звёзд. Свежий ветерок обдувал лицо студента. Иоганну даже показалось, что ветер спросил, почти неслышно, как будто вздохнул: «Куда спешишь, Иоганн? Куда торопишься? Не лучше ли остаться дома?» «Спешу по неотложному делу, – мысленно отвечал ему будущий врач. – Мне нужно добыть важный компонент для своего лекарства. Возможно, оно спасёт множество жизней».

Возле дома кожевенных дел мастера Шульца стояли две бочки. Старый скорняк держал в них мочу домашних животных. Острый аммиачный запах вонзился в ноздри, заставив Иоганна дёрнуть головой.

– Вот дьявол, – промолвил он, – ведь сам же нюхает эту мерзость, а плотно прикрыть крышками вонючие жерла, у старого бездельника не достают руки...

Далеко впереди маячили тени редких прохожих. Пожалуй, следует опасаться встречи с лихими людьми, мелькнула мысль. Эх, если бы днём...

Видимо, не зря пепел от пожарища входит в состав таинственного снадобья. Его частицы вбирают в себя не только жар огня, но и разнообразные человеческие чувства. Из которых самые сильные – это страх, боль, безысходность... Сделает ли это будущее лекарство сильнее? Несомненно, сделает. Для того, чтобы частички пепла с вкраплёнными в них человеческими эмоциями усилить и соединить воедино, требуется кровь летучей мыши... Почему именно её, этого Иоганн не знал, хотя догадывался. Но то, что пепел надо собрать немедленно, это ясно – сила, которую он приобрел во время пожара, чувства, которые он впитал, могут улетучиться, выветриться, быть смыты дождем...

Вот и река. На ее берегах, как и в любом ганзейском городе, стоят узкие прижавшиеся друг к другу островерхие склады-амбары, пакгаузы и судоверфи, а у самой воды сложены в штабеля бревна, бочки и ящики. У костра греется ночная стража. Лучше не попадаться на глаза этим людям, решил молодой Майбах, и свернул влево, к Лавочному мосту. На его удачу стражники остановили для осмотра телегу, которая собиралась проехать в Кнайпхоф. Воспользовавшись этим обстоятельством, Иоганн прошмыгнул на мост. Ещё немного, и он будет на острове.

Остров Кнайпхоф невелик, но густо застроен высокими домами. Наиболее величаво выглядит Кафедральный собор с колокольной из красного кирпича и ярко-вишневой двускатной черепичной крышей: у редкого прохожего, идущего мимо этого творения, не возникнет чувство восхищения перед талантом возводивших его мастеров. Изнутри он увешан древними знаменами и украшен военными трофеями, в нем погребены многие знатнейшие люди города, в числе которых и герцог Альбрехт. Поодаль разместилось здание

Альбертины, вокруг которого располагались мастерские ремесленников, книжные и продуктовые лавки, жилые дома и дровяные склады.

У Иоганна, едва он оказался на острове, часто и громко застучало сердце. В душу закралась неуверенность и тревога. Непонятно отчего на память пришли рассказы горожан о наводнении, покрывшем водой весь Кнайпхоф (12). Старые жители по сей день помнят то бедствие, принёсшее городу так много горя и убытков. Иоганн представил себе скрытые под речной водой улицы, людей, спасающихся на крышах домов, стремительные мутные потоки, смывающие всё на своем пути... И поёжился от холода.

Чтобы совсем не пасть духом, студент заставил себя подумать о чём-то более весёлом. И сразу вспомнились ежегодные праздники Длинной колбасы, которые в Альтштадте и на Кнайпхофе устраивались первого января. Вот с этой улицы мясники начинали своё гордое шествие друг за другом, демонстрируя народу свои славные изделия, обычно гигантских размеров. После этого горожане дружно выкатывали бочки с пивом, все желающие усаживались за длинные столы, и безудержное веселье частенько затягивалось до глубокой ночи...

Иоганн улыбнулся, вспоминая зимние увеселения горожан. Не отставали от колбасников и пекари, устраивавшие на Крещение праздник Батона с изюмом. Огромный батон из лучшей пшеничной муки с добавлением пряностей исторгал изумительный запах! Мастера и подмастерья украшали его звёздами, коронами, гербами и зазывали народ на большой пир.

– Да, – подумал Иоганн... – А праздник Ярмарочного быка! А всевозможные карнавалы! И откуда у людей столько выдумки?

Вскоре он оказался возле старинного величавого сооружения. Здесь было гораздо светлее, чем в Альтштадте. Снаружи Кафедральный собор был освещён фонарями, к тому же, разноцветные струи света сочились сквозь его витражи. Многие жители ещё не легли спать, поэтому то тут, то там мерцали огоньки в окнах жилых домов. Иоганну это было на руку. Все закоулки Кнайпхофа были ему хорошо известны, а наличие освещённых участков улиц и прохожие, спешащие в этот поздний час по своим делам, создавали иллюзию безопасности.

Иоганн пересёк остров, перешёл по Зелёному мосту на другой берег и вскоре оказался в Хабербергском форштадте, славящемся, кроме описанных выше происшествий, ежегодными шумными ярмарками и увеселениями. С северной стороны пригород Кнайпхофа выглядел, как настоящий город, с высокими каменными домами, кирхой, большой площадью и аллеями. Но ближе к югу всё чаще появлялись признаки деревенских усадеб: деревянные, мазанные глиной лачуги, сараи, загоны для скота. Здесь было гораздо темнее, чем на острове, но все же ориентироваться было можно – редкие фонари не давали заблудиться. Иоганн чувствовал, что его цель уже близка.

«Пожар, ужас, смерть... Что это за лекарство, настоящее на пепле погибших в мучениях людей?.. Не колдовство ли все это?» – опять мелькнула тревожная мысль. Правда, в свитке было написано о создании именно лечебного снадобья! Хотя... Иоганну было известно, что колдуны и ведьмы любят посещать публичные казни, чтобы завладеть хотя бы кусочком окровавленной одежды, хотя бы прядью волос с головы преступника. Эти предметы крайне необходимы для обряда приготовления любого колдовского зелья. Как доказать, что Иоганн, собирающийся взять щепоть пепла в этом страшном месте, не собирается использовать его в своих дьявольских ритуалах? И опять застучало сердце, и

вновь ему послышались едва уловимые слова: «Опомнись, Иоганн! Зачем ты пришёл сюда? Уходи...»

Запах гари вывел Иоганна к месту пожарища. Тут ещё вчера стоял добротный дом, рядом с которым ютились хозяйственные постройки, сарай, хлев... Вокруг росли плодовые деревья. От кучи золы веяло теплом и невыразимой печалью. Казалось, что над этим местом кружатся души погибших в огне людей. При слабом свете, который давало пламя горящего невдалеке костра, было видно, что от дома не осталось ничего, кроме обугленных брёвен. Что послужило причиной пожара, будут выяснять местные власти. Скорее всего, оставленная без присмотра печь... Иоганн стоял возле места недавней трагедии и размышлял. Ему оставалось сделать всего-то несколько шагов вперед, зачерпнуть ладонью горсть пепла и высыпать его в кожаный мешочек. Торопливо развязав тесьму своего кошелька, студент огляделся и прислушался. Шорохи, приглушенные стуки, звон цепи, невнятные голоса, - всё эти звуки издавали готовящиеся ко сну местные жители и загнанный в стойла скот. Иоганн перекрестился. «Пресвятая Дева Мария, - прошептал он. – Прости мне этот грех: не для себя я стараюсь, а для спасения людей...»

Ему вдруг вспомнились рассказы буршей о том, что иногда в аудиториях университета появляется призрак первого ректора Альбертины, Георга Сабинуса. Некоторые утверждали, что явственно видели, как во время лекции он поднимается на кафедру, постоит, послушает с минуту, и... растворяется в воздухе. Увидеть его считалось... а вот это точно не определено, – то ли к удаче, то ли к великой беде. Впрочем, многие не верят этим рассказам, и, наверное, правильно делают.

На всякий случай Иоганн прочитал про себя «Отче наш» и сделал первый шаг по пепелищу. Затем второй и третий... Он старался ступать предельно осторожно, высоко поднимая ноги, словно серая цапля на мелководье.

– Пожалуй, достаточно, – наконец решил он и наклонился, ощупывая рукой остывшие головешки. Тут в его ноздри ударил резкий неприятный запах, Иоганн невольно отшатнулся, сделав шаг в сторону. Под ногой что-то громко хрустнуло...

– Кто там? – костёр осветил поднимающуюся фигуру. – Эй, Курт, посмотри, кто там бродит!

– Никак, очередной колдун пожаловал! – раздался голос в нескольких шагах от Иоганна.

«Стража! - догадался Иоганн. – Выходит, место пожара тщательно охраняется».

– Я давно за ним слежу. Эй, колдун, выбирайся на свет божий. Мы с тобой прогуляемся кое-куда!

Иоганн сначала присел от неожиданности, потом развернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, прочь от этого места.

«Только бы в темноте не нарваться на другого стражника...» – пронеслось в его голове.

– Он едва не выбил из моих рук алебарду! Стоять! – прокричал третий охранник.

– Стража, не дайте ему уйти! Курт, Густав, Томас! За ним!

Послышался топот сапог и лязг железа. Иоганн с разбега ударился ногой о жердь, торчащую из плетня, и упал, морщась от боли.

– Колдун здесь!

– Не уйдёт!..

Злобным лаем захлебывались проснувшиеся собаки. Неподальёку в хлеву заржала лошадь. Скрипнула дверь. Хозяин вышел на улицу с фонарём, осветив небольшое

пространство впереди. Иоганн мгновенно оценил обстановку и выбрал путь, по которому следовало уходить от погони. Стражники тяжелы, у них оружие и бегать им нелегко. Но и ушибленная нога заметно затрудняла передвижения Иоганна. Дьявол! Надо было предусмотреть такой вариант! Он же видел костёр! Почему же не хватило ума выяснить, кто возле него сидит? Теперь главное – оторваться от погони. Если его схватят, не миновать расправы!

– Похоже, он неплохо ориентируется в здешних закоулках, – слышались голоса стражников.

– Наверное, видит во тьме не хуже кошки. Известное дело – колдун!

– Ничего, у него один путь – на ближайший мост и к Кнайпхофу! Там его и возьмём!

Затрубил рог. У Иоганна похолодело внутри. Дело становилось совсем плохо – преследователи вызывали подмогу. Бежать становилось все трудней. Сердце бешено билось. Чувство страха сковывало движения, появилась резь в правом боку, одышка и тошнота. Голова соображала с трудом: «Какой мост впереди? Есть ли другой путь?» Иногда ему казалось, что стражники отстали, их почти не слышно. Тогда он сбавлял темп бега и старался осмотреться. Вскоре он понял, что сбился с пути, слишком сильно принял вправо, и теперь необходимо исправлять положение. Где-то неподалёку должен быть другой мост на Кнайпхоф, имеющий название Потроховый. Мост сильно пострадал от телег, перевозящих тяжёлые грузы. Похоже, что его собираются серьёзно отремонтировать. Именно к нему и выскочил задыхающийся от быстрого бега Иоганн. В темноте, чуть ли не на ощупь, он сумел пробраться на остров. Но, не успев перевести дух, услышал ненавистное:

– Вот он! Эй, колдун, стой!

Стало понятно, что здесь его уже поджидали. Десяток ног затопал в направлении Иоганна. И ему оставалось только одно: собрав в кулак всю свою волю и остаток сил, опять пуститься в бега. Подвыпившие прохожие, возвращающиеся из кабака, шарахались в стороны при виде тёмной фигуры в широком плаще и бормотали про себя проклятия вслед бегущему. Но юноша не обращал на них внимания. Для него в этот момент существовали только голоса преследующих его стражников – они помогали ему выбирать направление бегства.

На Лавочный мост уже не попасть, на Кузнечный тоже. Ночной патруль оттеснил несчастного студента, подозреваемого в колдовстве, к восточной стороне Кнайпхофа. Вбежать в какую-нибудь дверь, забиться в тёмную щель... Казалось, что за ним гонится весь город, стоит только остановиться, и его схватят, свяжут и передадут в руки палача.

А бежать было уже некуда. Иоганн оказался на берегу реки. Впереди светился огоньками Королевский замок, правее располагался Лёбенихте. «Было бы лето...» – вздохнул про себя студент, тогда бы он вмиг переплыл Прегель. Но сейчас ранняя весна, вода ледяная... И всё же Иоганн уже спускался вниз, к прибрежным камням. Погоня была очень близка...

«Я смогу, – шептал молодой Майбах. – Это не страшно! Десяток-другой мощных гребков, даже не успею остыть, а там – спасение!»

Унылая река выжидающе смотрела на отчаянного человека, решившего рискнуть своей жизнью. Огоньки фонарей криво и насмешливо отражались на черной поверхности воды...

Или все же затаиться?.. Переждать?

– Где же он? – слышались голоса стражников. Иоганн понял, что их не менее десяти.

– Только что был здесь. Может, спустился к реке?

– Проклятый колдун! Сейчас схватим его. Долго же пришлось за ним гоняться, с самого Хаберберга!

– Что ж, осмотрим берег. Ему больше негде спрятаться!

Всклипнув от жалости к себе, и не переставая шептать молитву, Иоганн вошёл в воду, которая ледяными тисками мгновенно охватила его ноги. Но студент не отступал. Он скинул с плеч плащ и бросился в реку. *Audaces fortuna juvat!* (13)

– Эй, ты что делаешь!?

– Оставь его, Курт. Если он колдун, то вода не примет его.

На берегу уже суетились люди с горящими факелами.

– Лихо работает руками, глядишь, так и выберется...

– Держу пари, его хватит только до середины...

– Уж не хочешь ли ему помочь?

Столпившиеся на берегу стражники громко захохотали. Увлечённые необычным зрелищем, они не заметили на противоположном берегу Прегеля стоящую в неосвещённом месте карету и человека, бесшумно спускающегося к воде.

Иоганн же грёб изо всех сил, преодолевая ужас, смертельный холод и начинающееся окоченение. Впереди – частокол брёвен, укрепляющих берег реки. Только бы добраться до него! Там спасение!.. Потом он перестал понимать происходящее с ним...

Человек, спустившийся к реке, внимательно следил за плывущим студентом. Тот держался на поверхности воды из последних сил. У самого берега движения пловца почти прекратились. Ещё мгновение, и он скроется под водой. Человек быстро нагнулся и подхватил готовое отдаться реке тело.

– Что там? – нетерпеливо спрашивали с другого берега стражники. Из освещённого пространства трудно глядеть в темноту. – Неужели выплыл?

Кто-то размахнулся и швырнул факел далеко вперёд. Свет вырвал из темноты коренастую фигуру человека, несущую неподвижную ношу, с которой стекала вода.

Человек поднялся к карете, распахнул дверцу и положил тело на сидение.

– Мартин, вперёд! Домой! – крикнул он кучеру.

Через некоторое время карета остановилась у высокого строения. Подоспевшие слуги внесли Иоганна внутрь.

Прошло ещё немного времени. Наконец, Иоганн открыл глаза.

– Ожил, – услышал он чей-то довольный голос. Сознание постепенно возвращалось к бедному студенту. – Ты можешь приподняться? – Голос показался Иоганну знакомым. И лицо человека, который находился рядом, тоже. – На, выпей горячего вина. Грета, разогрей бульон!.. Луиза, перелей его в чашку и принеси сюда!

Пока Иоганн с трудом вливал в себя живительный напиток, спаситель с интересом разглядывал его.

– По одежде вижу, что ты – бурш. Отчего же за тобой гнались стражники? Неужели опять переломали кому-то кости, бездельники?.. Постой, а ведь я тебя знаю. Ты – Иоганн Майбах, студент нашего факультета, медик.

– Я вас тоже знаю, – чуть отдышавшись, ответил Иоганн. – Вы – профессор медицины Вильгельм Пильц... Ради Бога, не выдавайте меня страже! Я ни в чём не виноват! Но меня могут обвинить в колдовстве за то, что я собирался взять немного пепла на пожарище...

– Не волнуйся, вот тебе одеяло, согревайся. Значит, горсточку пепла... И зачем он тебе? Говори не таясь, я умею хранить секреты.... И не беспокойся, здесь тебя искать никто

не станет. Это – моя приёмная дочь, Лизхен... – Иоганн увидел худенькую светловолосую девочку с большими, выразительными глазами, которая принесла что-то на небольшом подносе. Ее аккуратный носик был чуть-чуть вздернут кверху, на щеках просматривались симпатичные ямочки, а губы казались мягкими и расслабленными, как бы слегка улыбающимися. – Она решила угостить тебя куриным бульоном. Тебе обязательно надо его выпить, мой мальчик....

– Я... достал старинный рецепт. Хотел сделать лекарство от моровых болезней. Но для его приготовления был нужен пепел с пожарища, где сгорели люди... Скажите, это – колдовство?

– Пожалуй, – улыбнулся Пильц. – Тут действительно пахнет колдовством... Или, что вернее, дремучим невежеством. Тебе уже лучше, Иоганн?

– Да, спасибо, профессор. Мне надо домой.

– Тебя отвезут в моей карете. По городу бродят стражники, они продолжают тебя искать. А в карете будет безопасно... Подумать только, лекарство от моровых болезней... Бедный мальчик, ты столько пережил... Немедленно поезжай домой и ложись спать. Завтра, если болезнь не овладеет тобой, поговорим про лекарства и рецепты. А о том, что произошло, никому ни слова. Сейчас я дам указание Мартину...

Глава 4. Тайна учителя

«...Господь послал мне спасение в лице профессора Вильгельма Пильца. В тот поздний час у него прошла важная встреча с посланником известного алхимика из Польши – Иосифа Раковского. Богу было угодно, чтобы, простившись со своим собеседником, он обратил внимание на шум и скопление народа на другом берегу Прегеля. Он пришёл мне на помощь, спас меня и впоследствии стал моим учителем. От него я узнал многие секреты врачевания, коим нас не обучали в университете. Его дом стал для меня вторым университетом. Со временем, наши встречи приобрели регулярный характер. Мы часами беседовали с ним на разнообразные темы, но, в первую очередь, о том, как побеждать недуги...»

– Я очень рад, Иоганн, что болезнь не коснулась тебя. После такого купания, скажу тебе честно, немногие смогли бы выжить, случись у них катар важных органов. А к таким органам относятся, в первую очередь, мозг, сердце, лёгкие и печень. Знать, небеса благоволят к тебе и ждут от тебя благочестивых деяний на стезе медицины. – Голос профессора сегодня был необыкновенно тихим и вкрадчивым, хотя на лекциях и диспутах он давал ему возможность течь свободно и сильно, а словам, как аккордам органа, позволял поиграть друг с другом, отчего они и гремели порой так, что звенело в ушах. Неудивительно, что обладатель такого голоса был человеком крепкого телосложения, однако с довольно лёгкой (для шестидесяти лет) походкой. Густые брови нависали над его слегка прищуренными, всегда чуть-чуть смеющимися, но одновременно внимательными и умными глазами. Длинные, зачесанные от лица седые волосы и аккуратно подстриженная борода делали его открытое лицо мужественным, как у скандинавских воителей-викингов.

– Ты и вправду решил, что зола с этого пожарища поможет в приготовлении сильнодействующего лекарства?.. – профессор улыбнулся, в его глазах сверкнула хитринка.

Уютно было в доме Пильца. Потрескивали дрова в камине, подрагивали нежные лепестки пламени свечей. Учитель с учеником сидели напротив друг друга в небольшой комнате в плетёных креслах. Со стороны улицы иногда раздавалось цоканье копыт, слышались звонкий детский смех, деловитые голоса ремесленников и торговцев. Такая обстановка располагала к спокойной беседе. Иоганну было лестно думать о том, что профессор университета приблизил его, обычного студента, к себе, и при этом не читает нравоучений, а ведёт заинтересованную беседу, почти как со своим ровней.

– Я хочу найти средство против моровых лихорадок, которые сейчас уносят столько жизней. Как говорится о воскресении Спасителя нашего: «смертью смерть поправь!» Я надеюсь, что ужас и боль погибших детей должны отпугнуть эти болезни.

– Я тоже много думал о том, как изгонять из тела подобные недуги... – Пильц покачал головой и нахмурился, как музыкант, уловивший фальшивую ноту... – Твои рассуждения, Иоганн, не лишены смысла, но... только не в отношении этих болезней. Ты ведь знаешь, что эпидемии во все времена совпадали с землетрясениями, войнами и особым положением звезд. Многие считают, что это – божественная кара за наше греховное поведение! Церковь учит, что это – проделки нечистой силы, в тот злосчастный период, когда Бог на время отступает от защиты грешников. Конечно же, людям всегда приходится расплачиваться за свои ошибки, но в данном случае, думаю, *causa causalis* (14) состоит в ином: моровые болезни вызываются «миазмами», порождаемыми гниением плоти людей и животных. Эти миазмы копятся в глубинах земли, и периодически выносятся, на её поверхность. Они передаются через воздух и воду, от человека к человеку и через предметы, которые держал заболевший. Самым действенным средством во время мора является не молитва или пилюли, а скорейший побег из данной местности, и длительный, на сколько это возможно, период невозвращения туда... И ещё одно важное правило: надо чаще омыwać своё тело. В Древнем Риме, например, для этого было множество общественных бань, но с приходом христианства почти все термы были превращены в храмы. В европейских городах бани просто необходимы, но церковь предостерегает, что с обычной водой в тело могут проникнуть всевозможные греховные мысли, и что общественные бани – это путь в ад, вместилища соблазна и разврата, а между тем, они – первое средство для профилактики моровых заболеваний... Что ты так смотришь на меня? Думаешь, мои слова похожи на ересь? Да, ты прав, тот, кто ищет свои пути в науке, а не довольствуется только церковными догмами, тот еретик и есть! Между тем, настоящий врач должен знать, как устроен человек, какие начала живут и борются в нём друг с другом, как должен поступить лекарь, чтобы помочь жизненной силе одержать верх над силой недуга!

Профессор поднялся с кресла и прошёлся по комнате. Пламя свечей резко колыхнулось, словно напуганное движениями этого крупного человека. – И я искал, Иоганн... Всю свою жизнь искал! Ты знаешь, как это прекрасно, быть в поиске! Собираешь по крупицам новые данные, обнаруживаешь связь между ними, объединяешь их, удивляешься и радуешься, словно ребёнок, каждому новому результату! Отсеивать ненужное, вредное, ложное... Я давно убедился, что мне в подобных изысканиях нужен толковый помощник. Желательно, из числа наших студентов. Ты как раз подходишь на эту роль, Иоганн. Ты – молод, умён, целеустремлён, у тебя есть силы и желание трудиться на благо людей и науки! У тебя есть мечта, которая созвучна с моей... Не скажу, чтобы она в точности копировала её, все же существуют некоторые отличия, – он усмехнулся, – но в целом мы идём к одной цели. Согласен ли ты, Иоганн Майбах, стать моим помощником, учеником и последователем? – и профессор пристально посмотрел на юношу. – По глазам вижу, что согласен! Эй, Пауль, –

крикнул он слуге. – Достань нам графинчик с бургундским! А сейчас, мой дорогой Иоганн, я расскажу тебе о своих опытах...

С того памятного дня альтштадский студент и профессор Альбертины стали встречаться довольно часто: ученый радушно принимал юношу в своем доме и позволял сопровождать себя во время прогулок. А жил Вильгельм Пильц в Лёбенихте со своей приёмной дочерью Луизой. Родители девочки, как узнал позднее Иоганн, были близкими друзьями профессора. Какое несчастье их постигло, отчего они погибли – это пока оставалось тайной для молодого Майбаха, да, впрочем, он и не горел желанием её раскрыть... Грозный со студентами, шумный и порой резкий в спорах с оппонентами, Пильц был чрезвычайно ласков с дочерью. Все в доме называли её «Лизхен». Девочка росла нежным цветком в тёплой оранжерее, она была мила, тиха, но очень старательна: занималась вышивкой и всегда по мере своих сил старалась помочь домашним по хозяйству.

Пильцу прислуживала немолодая семейная пара: Пауль и Грета. Позже Иоганн узнал, что раньше у профессора была своя семья, но много лет назад он потерял её. Как это случилось, болезнь или война лишили Пильца семейного счастья, этого Иоганн также не знал, а расспрашивать об этом самого профессора он счёл неучтывым.

Кроме лекций в университете Пильц занимался врачебной практикой. У него имелось немало пациентов, среди которых были и весьма высокопоставленные персоны. Случалось, что загадочные гости в таинственных чёрных масках посещали его глубокой ночью, о чем-то подолгу беседовали с профессором, щедро оплачивая искусство целителя и его молчание...

Однажды, летним вечером, профессор со студентом как обычно сидели в доме Пильца и беседовали. Несколько раз к ним в комнату бесшумно заходила Луиза. Ей очень хотелось обратить на себя внимание, только она тяготела не к научной беседе, а к простой болтовне, где бы тоже охотно поделилась своими детскими наблюдениями... Но между отцом и симпатичным студентом продолжался учёный разговор, который мало её занимал. Тем более, когда мужчины так увлечены беседой, то не замечают ничего вокруг... Посидев немножко, она также бесшумно уходила к себе. А разговор, между тем, переходил на довольно щекотливую тему.

– Господь создал человека по своему образу и подобию. Он же вложил в него Душу. Тело – это обиталище Души. Если болит тело, то подобную боль испытывает и Душа, – говорил Иоганн. – А если болит Душа, отражается ли это на теле?

– Несомненно, Иоганн. Тело и Душа не могут существовать друг без друга. Боль одной субстанции причиняет страдание и другой. Но если боль от ран можно утолить, применяя настойки и мази, то душевную боль принято унимать постом и молитвой.

– Учитель, расскажите, как Душа управляет жизненными соками человека? – молодой Майбах решил называть профессора именно так. Тот не возражал, находя в этом некоторое соприкосновение с античной и восточной философией.

– Хороший вопрос, Иоганн. Душа – это главная сила, которая посредством флюидов эфира воздействует на кровь и другие влаги, удаляя из тела вредоносные вещества. Гиппократ (15) и Эразистрат (16) называли эти флюиды «пневмой» и полагали, что она входит в тело с воздухом. Только со временем стало понятно, что эфир возникает в мозговых желудочках... С помощью его Душа управляет тонусом и сохраняет здоровье тела. Избыток эфира ведёт к сокращениям и спазму, а недостаток - к атонии... – Пильц подошёл к окну. – Похоже, собирается дождь... Так вот, возникающие в теле болезни могут принимать всевозможные формы: кожных высыпаний, распухания желез, нарывов и нагноений,

лихорадки и обильного пота, кашля и выделения слизи, поноса и рвоты. Но ещё Гиппократ писал, что каждая болезнь в своем развитии обязательно проходит три периода: сырости, сварения и извержения. И заканчивается болезнь либо выздоровлением, либо смертью. Обычно боль, отек и слабость предупреждают нас о начале нездоровья...

– Учитель, а всегда ли лекарь имеет возможность помочь Душе очистить тело от болезни?

– Мы можем и должны помогать целесообразным движениям, совершаемым Душой, применяя проверенные лекарственные средства. Врачебное искусство состоит не в наблюдении за болезнью, а в ее лечении. Хороший врач обязан знать, как остановить ее развитие на любой стадии. Многие века медицинское пособие сводилось либо к успокоению или опорожнению органов при повышенном тонусе и усиленных движениях флюида, либо к возбуждению их при пониженном тонусе и ослабленных движениях флюида. В качестве расслабляющих средств наши врачи и сегодня предписывают: мясо, тепло, вино, мускус, камфару, эфир и опиум. А для укрепления и возбуждения тонуса применяют: кровопускания и пиявок, холод, потогонные, рвотные и слабительные средства.

Тебе, дорогой Иоганн, наверняка хорошо известен метод «перетягивания» воспаления с одной части тела на другую при помощи банок и горчичников, путем удерживания их на коже до образования пузырей. К сожалению, мне редко приходилось видеть, чтобы кому-то из больных такое лечение действительно помогало... Я сам долгое время практиковал повторные кровопускания, ставил клистиры, назначал рвотные средства, но они... убивали моих пациентов. Я изготавливал териак (17), но и он не спасал больных!

– Выходит, если болезнь прогрессирует в теле, то её остановить нельзя? – тихо спросил Иоганн.

– *Auscultare disce!* (18) Мной уже было сказано: врач обязан знать, как остановить ее развитие на любой стадии.... Заметил ли ты, что при одинаковых ранах и при похожем лечении, одни больные выздоравливают раньше других? А некоторые могут умереть даже при незначительном поражении!

– Тело по-разному борется с болезнью?

– Да. В теле каждого человека скрыты невидимые ресурсы, которые могут противостоять недугам. Для себя я назвал это «жизненной силой» – *vim vitae*. Задача врача состоит как раз в том, чтобы эту силу пробудить к действию!

– А это возможно?

– До нас этого еще никто не делал. Великий Парацельс (19), соединивший медицину и химию, подозревал о существовании таких возможностей и искал их. Но, увы, не нашёл. – После короткого молчания, заложив за ухо седую прядь волос, Пильц продолжил: – Но есть и другие исследователи. И мы в их числе, Иоганн.

– Значит, вы уже давно занимаетесь этой проблемой?

– Да, Иоганн. Но к этому я шёл долгим и непростым путём. Угрызения совести мешали мне лечить страждущих способами, которые легко превращают жизнь в смерть или вызывают новые страдания и хронические недуги, которые часто труднее устранимы, чем первоначальная болезнь. Тогда я понял, что должны существовать иные, менее жестокие и более действенные способы борьбы с болезнью! И я их нашел!

«...Вильгельм Пильц поведал мне о том, что на первом этапе ему очень помогло учение Галена о весовых и объемных соотношениях при приготовлении лекарственных средств: настоек и экстрактов, порошков и мазей...»

– «Все есть яд и все есть лекарство! – предупреждал Гален (20), – одна лишь доза делает их тем или иным!» – и с этим трудно не согласиться. Но я, мой дорогой Иоганн, пошел еще дальше: следуя принципу «не навреди» и, желая избавиться от побочных воздействий лекарств, я решил уменьшать дозы ингредиентов, разводя настойки и растворы в воде или спирте все в большей и большей степени. Этот способ приготовления препаратов я вскоре назвал: «метод магических троек» Обычно, я поступал так: готовил концентрированную спиртовую вытяжку из какого-нибудь лекарственного сырья, затем смешивал одну её каплю с 33 каплями спирта, после чего долго и интенсивно встряхивал, таким образом «возбуждая» или, говоря по-учёному, «потенцируя» её. Затем, из полученной смеси бралась следующая капля и разводилась 33 каплями спирта, и этот процесс повторялся 3, 6 или 9 раз - для лечения острых болезней и 27, 30 или 33 раза - для застарелых недугов. Для приготовления твердых лекарственных форм вместо спирта я использовал молочный сахар, и, для потенцирования, тщательно растирал полученный состав пестиком в фарфоровой ступке.

И вдруг, Иоганн, я с огромным удивлением заметил, что после такого разведения или раздробления, многие мои лекарства действовали совершенно иначе. И, как правило, намного сильнее исходного вещества! А сила их воздействия, вопреки здравому смыслу, возрастала от каждого нового разведения! Об этом не было написано ни в одной мудрой книге, и я понял, что сделал своё первое открытие...

Иоганн с восхищением смотрел на своего учителя. Тот зажгёт свечи, поскольку в комнате сгущались сумерки, и дал распоряжение Паулю насчёт ужина. Послышались раскаты грома, за окном полил сильный дождь.

– Сейчас мы с тобой, Иоганн, поужинаем знаменитыми кёнигсбергскими клопсами, затем ты отправишься домой. Как следует подумай над моими словами. И запомни: никому не говори о том, что ты здесь слышал раньше и услышишь потом. Наша церковь весьма пристрастна к мыслящим людям. Тех, кто задумывается, ищет, находит и делает выводы, запросто могут обвинить в ереси и колдовстве. Я бы не хотел, чтобы нас с тобой за это бросили в темницу... или повели на эшафот.

Ужин в доме Пильца обычно завершал беседу Учителя с Учеником. Во всяком случае, к данному моменту оба уже чувствовали усталость, поэтому неспешно расправлялись с тем, что приготовила им хлопотливая Грета, и непринуждённо переговаривались на второстепенные темы, обсуждая университетские будни, политику, но чаще всего – последние новости, которыми был богат портовый город.

– Учитель, но вы так и не рассказали о скрытых в теле человека ресурсах... – покончив с клопсами, спросил Иоганн. – Что вы под этим подразумеваете? Может быть, они находятся в каком-нибудь органе? Например, в желудке... И что об этом говорят наши просвещённые предки?

– Да, набив брюхо, всегда вспоминаешь о желудке! – Пильц рассмеялся. – Что же касается твоего вопроса, на него так сразу не ответить... Я с огромным почтением отношусь к своим авторитетным учителям и всем ученым мужам древности, мнения которых придерживается большинство наших врачей, но оставляю за собой право и на собственное суждение. Не могу позволить, чтобы чужие мнения, какими бы громкими они ни были, заглушали мой внутренний голос. Ведь если каждый уважающий себя эскулап перестанет утолять жажду знаний из родника собственного разума, то остановится всякое движение и

обновление, а все наше искусство превратится из кристально чистого озера в гнилое вонючее болото!

Иоганн сделал попытку подняться из-за стола, но профессор удержал его.

– Бургундское у меня закончилось. Попробуем нашей, кёнигсбергской кислятины, раз уж пошёл такой серьезный разговор. – Он наполнил бокалы из графина, при этом Иоганн заметил, как Пильц сосредоточенно о чём-то думает. – Прежде чем ты отправишься домой, Иоганн, я попытаюсь сформулировать свою основную мысль и на этом завершить нашу затянувшуюся и такую непростую беседу... Так вот, овладев методом «магических троек», я задумался над словами одного из асклеиадов (21): «Лучшее лекарство от лихорадки – это сама лихорадка!», и, несмотря на новейшие теории врачевания, решил отойти от общепризнанного метода *contraria contraries curantur* (22), а прибегнуть к принципу *similia similibus curantur* (23). Об этом в нашем университете ты не услышишь! Пока не услышишь... Может быть, пройдет годы, когда люди придут именно к этому... Начал же я так...

«Первые опыты, по словам профессора, он провел с ртутью и мышьяком, применение которых в определённых дозах вызвали у людей сильный понос и кишечные колики. Приготовленные по его рецептам эти опасные вещества стали облегчать страдания даже у холерных больных. Сера, вызывающая на коже язвы и нарывы, стала способствовать очищению паршивых, золотушных и прокаженных, а препарат из пчел – апис – отлично помогал при отеках и нарывах, сопровождающихся острой жгучей болью.

– Тогда мне стало ясно, – говорил Пильц, – что специфичность всех лекарственных веществ в этом и заключается: они вызывают у здоровых людей болезненные состояния, подобные тем, какие они же излечивают у больных! Попутно я отметил, что чайный лист является противоядием для всех приготовленных мной лекарств...»

Слушая Учителя, Иоганн неожиданно почувствовал, что начинает путаться. Смысл сказанного наставником сначала проникал в его мозг, возбуждая течение мыслей... затем, подобно дыму из курительной трубки профессора, куда-то исчезал. Из рассуждений Учителя следовало, что его эксперименты позволили ему сделать важный вывод: врач должен действовать в том же направлении, что и сама болезнь, а для окончательного излечения необходимо, чтобы в теле пациента возникла вторая болезнь, подобная первой, но более сильная, которая и погасит разгорающийся недуг. С этим Иоганн так сразу согласиться не мог ...

– Предвижу, какое огромное число просвещенных коллег обрушится на меня с упреками и обвинениями в ереси и отступничестве от догм классической медицины, – продолжал Пильц. – Скольких непримиримых врагов обрету, но я предпочитаю оставаться верным этой точке зрения, так как практика доказала ее эффективность!

Иоганн накинул плащ. Давно следовало откланяться и идти домой, но что-то удерживало его. Наконец, после нескольких месяцев непринуждённых, поучительных бесед он услышал нечто поистине сокровенное! Именно этого он ждал, к этому стремилось его внутреннее желание и природная любознательность. Перед Иоганном начал раскрываться как великий замысел его Учителя, так и личность самого Вильгельма Пильца. Хотелось и далее слушать, внимая мудрым мыслям этого незаурядного человека...

Профессор вышел из дома вслед за Иоганном. Он кивнул предупредительному Паулю, выразившему готовность проводить студента домой, хотя бы до Королевского замка,

после чего слуга отправился убирать со стола. Дождь закончился, лишь кое-где с карнизов падали крупные капли. Чувствовалась вечерняя прохлада.

– Самая мудрая и безупречная книга всех времен – Святая Библия, гласит, что простым смертным свойственно заблуждаться, – горячо говорил профессор своему собеседнику, держа его под руку. – Меня все чаще терзали крамольные мысли: что, если учение античных мудрецов Аристотеля (24) и Цельса (25), а также Бируни (26) и Авиценны (27) тоже не является истиной? Тем более, что наши предшественники: древние греки, римляне и арабы не были христианами... Пойдём, Иоганн, я провожу тебя до Альтштадта, а по дороге продолжу свой рассказ.... Ты готов слушать?

– Конечно, Учитель... Это так интересно!

Прохожих на улице было немало. Многие учтиво кланялись профессору, поскольку хорошо знали этого почтенного человека, и внимательно присматривались к его спутнику. Мимо, разбрызгивая воду в лужах, с шумом проезжали повозки, развозя товары с закрывшегося рынка. Где-то совсем недалеко играла шарманка.

– Мир таков, мой мальчик, как он есть: добро в нем так тесно переплетено со злом, что непосвященному трудно отличить первое от второго. На каждом шагу мы сталкиваемся и с тем, и с другим. В результате своих размышлений и наблюдений, я пришел к выводу, что не всякое знание и опыт мы получаем от Господа. Несомненно, что любовь, милосердие и сострадание – все это от Всевышнего, но зависть, жадность и уныние, конечно же, происки и козни Сатаны. Но коль мы не сомневаемся в существовании животворящей светлой энергии, то следует мириться и с тем, что всегда и всюду нам будет противодействовать злая черная сила...

Я решил подчинить человеческому разуму силы зла и направить их темную энергию против них же самих. Вот что стало целью моих многолетних исследований... Пожалуй, здесь я приблизился к ответу на твой вопрос о скрытых ресурсах, которые я назвал «жизненной силой». Но чтобы пробудить эту данную нам Богом силу и помочь ей раскрыться, нужно научиться управлять той силой, которая ей противодействует! На этом тернистом пути я достиг многого, но радости и удовлетворения мне это не принесло... И вот почему так произошло... – они свернули влево, огибая Королевский замок и спускаясь к пруду Лебедей (28). Отсюда до Альтштадта было рукой подать.

– Я слушаю вас, Учитель, – произнёс Иоганн.

– Приступая к работе, мне предстояло, во-первых, понять в какой момент энергия страданий покидает тело? Это было не так уж сложно: конечно же, в момент кризиса и перелома болезни. Во-вторых, следовало выбрать вещество, способное поглотить в себя выходящую из человеческого тела силу зла. Я остановился на минерале галите, точнее – растертых кристаллах каменной соли, так хорошо впитывающей в себя влагу и окружающие запахи, что ее приходится хранить в закупоренных сосудах.

Они разговаривали под развесистым клёном. Мимо прошла группа студентов, оживлённо обсуждавших какую-то важную, на их взгляд, проблему. Неожиданно Иоганн подумал о том, что вопросы, решаемые его товарищами, слишком мелки, и что только ему одному повезло прикоснуться к чему-то особенному, важному, великому...

– Я не утомил тебя, мой мальчик?

– Нет, что вы, Учитель. Я только сейчас начал понимать всю ширь и размах ваших мыслей и трудов. В своем учении вы соединили доказательность науки и гуманность религии. Пожалуйста, не прерывайте нити ваших рассуждений на самом любопытном месте! Ведь именно к этому исподволь стремилась и моя душа, но нехватка знаний и опыта не

давали возможности поставить перед собой конкретную задачу! Так вы нашли способ улавливать силу зла?

– Отойдём-ка в сторонку... вот сюда, в этот тихий уголок. То, что я скажу тебе сейчас, не должно касаться чужих ушей. Это великая тайна, Иоганн...

Они свернули к пруду, спустились к самой воде и укрылись под роскошной дубовой кроной. Пилец осмотрелся по сторонам и убедился в отсутствии поблизости нежелательных прохожих.

– Ну, так слушай дальше, Иоганн. Врачуя тяжелых пациентов, я помещал колбу с солью на область сердца больных лихорадкой, коликами, падучей болезнью, в те самые периоды, когда у них наступало облегчение и избавление от недуга. Путем разведения и возбуждения полученного экстракта на сыворотке из женского молока я получал многократно усиленную энергию самых тяжелых недугов. Позднее мне приходилось использовать для этих целей и измельченный магический электрон - янтарь. Если потерять этот целебный камень, то он источает приятный запах хвои, и начинает притягивать другие предметы, а цвет его такой же, как у золота... Подобным образом мне удалось экстрагировать и потенцировать фактор страха, боли и отчаяния. Однако эти духовные категории не подчинялись в ходе экспериментов закону «подобия», а, напротив, влияли на людей вопреки ему. Воздействуя с их помощью на больных, я обычно добивался улучшения состояния последних, но случаи испытаний на здоровых людях почти всегда заканчивались трагически... Такие вытяжки приносили человеку только страдания и горе, а нередко заканчивались безумием!..

Я заметил, что, разводя такие тинктуры (29), я начинал себя ужасно плохо чувствовать, а несколько раз даже падал без чувств. Чтобы вернуть себе силы и способность продолжать начатое дело, мне приходилось по нескольку раз умываться родниковой водой и держать свои руки над пламенем свечи. Смешивая «факторы болезней» в сыворотке крови казненных преступников, мне, наконец, удалось извлечь энергию Смерти в чистом виде - *Vis mali* (30)! К сожалению, действие такого сильного яда уже не сочеталось с Молитвой и Святым Причастием и, видимо поэтому, также не подчинялось принципу «подобия», сея одну только смерть...

Медленно следуя по узким улочкам засыпающего города и неторопливо беседуя, собеседники не заметили, как оказались в Альтштадте.

– Вот так, – вздохнул профессор, – я выделил силу Зла, но пока не научился манипулировать ею. Для того чтобы определить основные пропорции, необходимые для пробуждения жизненной силы, нужно провести много опытов. В случае неудачи это грозит пациентам верной гибелью. Единственное, что могло бы пролить свет... сдвинуть с места мои исследования, это учение французского врача и мыслителя Габе, изложенное в его книге «Теория и практика врачевания»...

– Я не слышал такого имени, Учитель...

– Это неудивительно. Его имя проклято... Я и сам совершенно случайно узнал о нём, прочтя один из трудов Габе. Это – великий врач, Иоганн! Он исследовал человеческое тело с анатомической точки зрения в мельчайших подробностях и писал как раз что-то о... «хранилище жизненной энергии»... К сожалению, сам ученый попал в руки инквизиции и был сожжён, а его книгу пока невозможно отыскать. Я веду переписку со многими европейскими коллегами, а также с книготорговцами, и не теряю надежды ознакомиться с ней... Идя же иным путём, нам придётся оставить на нём множество погибших...

Глава 5. Член тайного общества

«...Когда я стал бакалавром, у нас, молодых врачей, появилась возможность для практики. Мы лечили больных, как под руководством наших преподавателей, так и самостоятельно. Профессор Пильц пригласил меня в качестве ассистента. Для меня это была великая честь – вместе с Учителем исцелять людей от их недугов. Часто больные находились в состоянии между жизнью и смертью. В тех случаях, когда университетские светила рекомендовали прибегнуть к ланцету, Пильц успешно обходился тинктурами и экстрактами из различных лечебных трав. В безнадежных случаях, когда больного спасти было практически невозможно, мы применяли метод «лечения подобного подобным». Я научился выделять *Vis mali*. С великой благодарностью к Всемогущему Господу нашему, могу признаться, что во многих случаях нам удавалось спасти больного. Увы, это удавалось не всегда. Выделяя «энергию смерти», мы не могли определить точное место в теле человека, на которое следовало её направить. Нам очень не хватало книги великого врача Габера. Но, не смотря на это, мы продолжали наши опыты, хотя нам и было нелегко, но *nihil sine labore* (31)...»

Светлое утро, начало сентября. Пауль, слуга профессора Пильца, прогуливался в Кнайпхофе возле Зелёного моста. В это время из семи мостов Кёнигсберга больше всего народу притягивал к себе именно Зелёный мост - стык между речным и морским портами, откуда открывался замечательный вид на всю гавань – жизненную артерию Кенигсберга, а также Зеленые ворота (32). Издавна повелось, что сюда прибывали гонцы, развозящие почту, и приходили люди, которые её ожидали. В основном, это были деловые горожане, занимающиеся торговлей. Не так давно в Кнайпхофе начала действовать первая торговая биржа, построенная как раз рядом с этим мостом. В ожидании свежих новостей здесь толпились люди, которые вели оживлённые разговоры. Обсуждались разные вопросы: от состояния здоровья томящегося в темнице Иеронима Рота (33), до скачущих неизвестно отчего цен на соль, рыбу и янтарь, а также сроков поставки пушнины из России. Неподальку от Пауля два господина беседовали по поводу углубления канала между Кёнигсбергом и Пиллау.

– Прегель углубляли более ста лет назад, – убеждённо говорил один другому. – И этого недостаточно! Большие, тяжёлые суда не проходят, они вынуждены разгружаться далеко до места назначения. Поэтому строятся дополнительные причалы, портовые сооружения! Гораздо проще и выгоднее будет углубить дно канала хотя бы до семи локтей (34)!

– Затея интересная, – соглашался второй. – Вы не первый, кто подает подобную идею... Да, рассуждая по-флотски, Кёнигсберг – это река, выходящая в море, а Пиллау – это уже настоящее море! Покажите ваши расчёты (35)...

Пауль рассеянно смотрел на выкрашенные в зелёный цвет опоры моста. За более чем двадцатилетнюю службу у профессора, он занимался не только домашними делами, но привык выполнять и другие, не совсем обычные поручения. А именно, принимать письма от каких-то тайных посланников. Старый слуга не вникал в дела профессора, хотя краем уха слышал, что корреспонденцию ему передают люди, связанные с таинственным Братством каких-то «мыслителей», или *addito sodalium disputatores* (36), как его называл сам Пильц.

Ещё он что-то говорил о Братстве Гиацинта, но, было похоже, речь шла об одной и той же организации. Что это за сообщество, и чем оно занимается, у Пауля не хватало духу поинтересоваться, но он подозревал, что за этим братством тщательно присматривает другое, именуемое «Святой инквизицией». А вот с ней-то никто не хотел иметь никаких трений.

В утреннем небе раздавались пронзительные крики чаек. Послышался цокот копыт и скрип колёс – к зернохранилищу потянулись лёгкие и тяжёлые повозки. Свежий ветерок донёс аппетитный, дразнящий ноздри запах со стороны коптильни. Невдалеке от моста старый хозяин книжной лавки своим дребезжающим голосом начал зазывать покупателей:

– Знаменитая новинка! Книга испанца Сервантеса!..

Вот мимо прошли мальчишки с корзинами, наполненными свежевывловленными угрями и раками. Было ясно: рыбаки проверили поставленные на ночь ловушки. Пауль подумал, что неплохо бы купить несколько рыбин на обед, но в этот момент его окликнули.

– Здравствуйте, дорогой Пауль! Раз меня встречаете вы, значит, профессор опять занят! – произнёс с лёгким славянским акцентом сошедший с моста молодой человек в помятом дорожном костюме, в шляпе, и с короткой шпагой на боку.

За последние два года слуга Пильца несколько раз общался с этим человеком. И он ему нравился. Вид молодого и жизнерадостного лица сразу избавил Пауля от горестных раздумий.

– Рад видеть вас, герр Новак, - улыбнулся в ответ слуга. – Я полагал, что вы прибыли морем. Но у вас такой вид, словно вы путешествовали верхом...

– Вы правы, мой друг. Я добирался по суше. И сейчас напрямик из Варшавы. Как ваши дела, как поживает профессор Пильц, чем он занят в настоящее время? – говоря эти слова, господин Новак вынул из куртки свёрток и протянул его Паулю. – Здесь то, что он просил. Сведения об интересующем его предмете.

– У нас всё в порядке: профессор читает лекции в университете и занимается практикой. А сейчас у него важные дела в госпитале иезуитов... Несколько тяжелобольных... А разве вы не заглянете в его дом? Он будет чрезвычайно рад вас видеть...

– Увы, мой дорогой Пауль, – широко улыбнулся Новак. – Не сейчас. Может быть, ближе к вечеру.

– Простите меня, герр Новак, – Пауль спрятал свёрток в сумку. – Мне хотелось бы задать вам ещё один вопрос, если вы не очень торопитесь.

Молодой человек улыбнулся ещё шире:

– Спрашивайте, дружище, и пойдёмте к Кузнечному мосту. Мой, да и ваш тоже, путь лежит как раз через него. Что за сомнения вас одолевают, уж не хотите ли вы вторично женить вашего хозяина? – он рассмеялся.

– Меня беспокоит то, что профессор общается с членами некоего Братства мыслителей... или Гиацинта. Возможно, что он сам член этого Братства. Я не решался спросить его лично, но, думаю, вы сможете мне объяснить... Я подозреваю, что это еретическое сообщество... – он понизил голос, - и ему может угрожать Святая инквизиция!

Улыбка исчезла с лица молодого путешественника. Правда, ненадолго. Она появилась вновь, но уже не была столь сияющей.

– Мой друг, вы задали довольно коварный вопрос...

– Поверьте, я беспокоюсь о репутации и жизни профессора... и, чего уж греха таить, за свою собственную. И, судя по вашей реакции, дело не такое уж безобидное?

Новак отеснил Пауля в сторону от дороги, пропуская карету, взял его за руку, строго и пристально посмотрел в глаза.

– И что же вы хотите узнать о *Addito sodalium disputatores*, сударь?

Бедному слуге показалось, что его сейчас проткнут шпагой. Но он нашёл в себе силы ответить твёрдо и кратко:

– Только то, что члены Братства ничего не замышляют против Церкви, и что профессору Пильцу не угрожает никакая беда.

– Успокойтесь, Пауль, – Новак ослабил хватку. – Профессор не член Братства... Но симпатизирует нам. А мы, в свою очередь, рады помочь ему... Наша организация отнюдь, не сатанинская. Она включает в себя много просвещённых людей во всех концах Европы... Видите ли, Пауль, вот вы, например, согласны с тем, что Господь создал человека по своему образу и подобию?

– Конечно, раз об этом сказано в Библии...

– Не забывайте, что Господь был Творцом. Стало быть, и человек – тоже Творец! Взгляните на это прекрасное здание Кафедрального собора. Замысел его создания и вдохновение – это от Господа. А строили его руки простых мастеров. Руки таких же горожан, как и вы, Пауль. Тоже самое можно сказать и о полотнах да Винчи, и о поэмах Гомера. Но... некоторые творения человечества Церковь считает еретическими, направленными против Господа... Философ старается понять мир, объяснить, как он устроен... В этом нет ничего предосудительного, ибо таким человека создал Господь... И за то, что философ считает, будто Бог присутствует не только в душе каждого человека, но и в капельке росы на зелёной былинке, в родниковой воде, утоляющей жажду путника, в шуме морского прибоя... за это философа сжигают на костре. Другой исследователь, изучающий законы движения небесных тел, утверждает, что наша Земля – это шар, который вертится вокруг своей оси! Вместе с другими небесными телами... Церковь, не в состоянии опровергнуть это утверждение, готовит костёр и для него...

– Да, я слышал что-то подобное...

– Ваш хозяин – профессор, умный и образованный человек. Он врач! Он хочет знать, как устроен человек, чтобы успешно его лечить. Но если он воскресит умирающего, вернёт его к жизни, значит ли это, что он может считать себя равным самому Создателю? Не будет ли это считаться ересью? Не лучше ли и его отвести на костёр?.. – Пауль молчал, а Новак продолжал: – Вот мы и объединились, мыслящие и просвещённые люди, чтобы помогать друг другу. И если мы не всегда можем спасти кого-нибудь от судилища и жестокой смерти, то пытаемся сохранить хотя бы мысли этого человека. Мысли, запечатлённые на бумаге, полотнах картин, в музыке, стихах... Вы понимаете меня?

Пауль кивнул.

– И всё же ваша деятельность несколько противоречит учению католической церкви...

– Противоречит мнению некоторых служителей этой церкви, – поправил Пауля Новак, – ...таких же людей, как и мы с вами, которым свойственно и ошибаться, и грешить. Но *tempora mutantur* (37). Лет десять назад я не осмелился бы с вами заводить этот разговор, а ещё чуть ранее... даже думать об этом было бы чрезвычайно опасно. Однако повторюсь, – *tempora mutantur*. Наше Братство существует более ста лет, и нами было спасено для потомков немало бесценных творений человеческого разума. – Новак стал очень серьёзным. – Нам было нелегко и в те времена, и сейчас. Люди, именующие себя «служителями Церкви», считают, что человек, который воплощает на бумаге или холсте... или в иных образах то, что подсказано ему самим Господом, может считаться поклонником Дьявола, если то, что он творит, не нравится этим людям. Они сжигают на кострах не только самих

гениев, но уничтожают их произведения, их мысли, учение... Вы, Пауль, старый солдат, участник нескольких баталий, вас после тяжкого ранения вырвал из лап смерти доктор Пильц, и за это вы приняли решение служить ему всю оставшуюся жизнь – это в высшей степени похвально. Видите ли, то, что я передал вам - это всего лишь сведения об одной важной медицинской книге. Автор был несправедливо казнён, но мысли, которые выразил в этой книге великий философ и врачеватель, помогут и доктору Пильцу, и другим врачам лечить людей, возвращать их к жизни, так же, как Пильц в своё время спас вас. К сожалению, завладеть самой книгой нам не удалось, и, видимо, она повторит судьбу ее создателя... Но, во всяком случае, мы теперь знаем, где её искать!

Они остановились. Пауль должен был продолжить путь в Лёбенихте, а его молодой спутник уже высматривал экипаж, чтобы умчаться в другом направлении.

– Я ответил на ваш вопрос? – вновь улыбнулся член тайного Братства.

– А причём тут гиацинт?

– Камень гиацинт, или циркон, олицетворяет мудрость... И не только мудрость, но богатство и славу, которые даёт человеку мудрость и знания.

– Да, благодарю вас, герр Новак... Я хотел вам ещё сказать...

– Что же?

– Если вам понадобится моя помощь в поисках этой волшебной книги, ради профессора Пильца я готов пожертвовать чем угодно...

– Спасибо, дорогой Пауль. У нас в Кёнигсберге есть свои люди, они постараются справиться и без вас. А сейчас, прощайте... Вечером я загляну к профессору!

– Храни вас Господь, сударь.

Глава 6. Тень книги и события на бранденбургской дороге

Два месяца профессор Пильц и Иоганн провели в госпитале иезуитов (38). Обосновавшись в Вармийском епископстве, члены Ордена занимались, в основном, благотворительностью и миссионерством, вовлекая протестантов в лоно католицизма. Но это – внешняя, видимая сторона их деятельности. Известно, что главной задачей Общества Иисуса являлось возрождение и укрепление католической веры, весьма пошатнувшейся в борьбе с лютеранством, и беспощадная борьба с ересью.

Иоганну Майбаху не были известны все тонкости религиозного противостояния, но монахи-иезуиты производили на него неприятное впечатление. Было очевидно, что Орден старается привлечь внимание правителя Восточной Пруссии Фридриха-Вильгельма к собственным проблемам, показывая усиленную богоугодную деятельность, ради которой и были призваны в госпиталь важные медицинские персоны из Кёнигсбергского университета.

Профессор Пильц, вместе с несколькими магистрами и бакалаврами, довольно успешно врачевал в госпитале, излечив не один десяток больных, чем, несомненно, поднял престиж, как самого госпиталя, так и собственно Общества Иисуса. И вот, позади один из самых тяжёлых дней. Сегодня не обошлось без применения ланцета и иных хирургических инструментов: один больной - каменщик, получил серьёзные травмы, упав со строительных лесов при возведении северного бастиона Кёнигсберга, а второй – крестьянин из Ломзе, поехавший на рынок в Альштадт, попал под лошадь возле Деревянного моста. Обоим была

оказана необходимая помощь, наконец, оставив больных на попечение монахов, врачи стали расходиться по домам.

– Мы славно поработали, Иоганн. – Я вижу, что ты становишься настоящим врачом, - хвалил ученика Пильц. – Твои обезболивающие тинктуры действуют просто волшебным!

– И всё же, мне кажется, что вы чем-то озабочены, Учитель. Устали?

– Да, Иоганн, немного устал... Впрочем, ты прав... Кое-что меня действительно тревожит...

Солнце клонилось к закату, но вечер был удивительно светел. Казалось, что светило, приблизившись к горизонту, увидело на «той стороне» нечто, что заставило его радостно брызнуть яркими лучами, окрасив черепичные крыши домов, устремлённые к небу шпили, и весело отразиться в стёклах окон.

– Так что же все-таки случилось? – забеспокоился Иоганн.

– На днях я получил известие от моих друзей из Братства камня Гиацинта... Книга Габе находится на пути в Кёнигсберг. Её уже вывезли из Тильзита.

– Значит, представится возможность на неё взглянуть? – обрадовано спросил Иоганн.

– Увы, мой мальчик, – Пильц был хмур. – Её везут по заказу Ордена иезуитов. Они закупили партию книг для собственной гимназии. Но эта книга, как и несколько других, признанных еретическими, будет сожжена здесь, в Кёнигсберге после публичного осуждения... Как будто мало того, что поглумились над её автором...

Но оказалось... *habent sua fata libelli* (39) ...

Я наводил справки, искал возможность купить её за любые деньги... Но всё напрасно, только привлёк к себе излишнее внимание...

– И что же, ничего нельзя сделать?

– Пока сложно сказать, Иоганн. Люди из Братства проследят её путь к монахам. А там... попытаемся ещё раз... Тебя отвезти в Альтштадт? – Профессор и его ученик остановились у кареты Пильца. Сидящий на козлах Мартин приветливо кивнул юноше.

– Нет, спасибо, профессор. Я лучше пройду пешком. Погода чудесная, и до темноты ещё далеко.

Они попрощались, и Иоганн зашагал по направлению к дому, с удовольствием ловя лицом волны лёгкого вечернего ветра. Проходя по мосту через Голубой ручей, он остановился на его середине и взглянул вниз, на воду. Со дна водоёма поднимались мелкие пузырьки. «Вот так же и мы, - подумал Иоганн, – всё стремимся вырваться из мрачных глубин и взмыть ввысь, а как окажемся на поверхности, так и лопаемся...» Его захлестнуло чувство безысходности. Кажется, вот она, заветная книга, плод чьих-то грандиозных многолетних изысканий и твоя великая мечта... вот она, совсем близко... Но попробуй, возьми.

Сойдя с моста, Иоганн решил, что по пути домой непременно заглянет в кабачок «Усы сома». Он давно не видел своих товарищей по студенческой скамье. Неплохо бы посидеть в их компании и хотя бы на несколько минут забыть о потере. Или, точнее, о несостоявшейся находке. Тем более что сегодня монахи неплохо заплатили докторам.

Прохожие, встречавшиеся ему на пути, тоже радовались приветливому сентябрьскому вечеру. Они прогуливались неторопливо, с достоинством. Разговаривали друг с другом степенно, негромко... Впрочем, как и во всяком другом городе, возле питейных заведений не обходилось порой без ругани, пьяных выкриков и плача. Глубоко вздохнув, бакалавр направился мимо шорной мастерской по брусчатке в сторону Альтштадта.

– Иоганн Майбах! – внезапно послышалось сзади. Этот голос Иоганну был очень хорошо знаком.

– Вольфганг Шёнебург! Вот это встреча! – Старые приятели обнялись.

Вольфганг к тому времени уже окончил университет и работал помощником нотариуса на Липовой аллее в Росгартене, однако планировал переселиться в Кнайпхоф. Отчаянный искатель приключений в студенческие годы, он остепенился и приосанился, но по-прежнему не мог скрыть свой бесшабашный характер и умение отыскивать опасное и рискованное в повседневной рутинной жизни.... «Пусть другие способны на великие мысли, зато я - на великие поступки!» - таков был его девиз в студенческие годы. Несколько минут приятели стояли, обнявшись, и расспрашивали один другого о том – о сём, словно раньше являлись близкими друзьями, хотя на самом деле, это было не совсем так. Тем не менее, оба искренне радовались встрече.

– Если ты решил посетить нашу старую пристань под названием «Усы сома», то нам как раз по пути! – смеялся Вольфганг. – Как поживает наше университетское братство? Много ли выпитого пива, разбитых носов и достойных пера Шекспира подвигов?

– Наше братство не теряет форму. Иногда, правда, приходится учиться и даже трудиться, но потом мы с лихвой восстанавливаем справедливое соотношение между обязанностями и бездельем! Сейчас нас около тридцати человек. Адрес нашей штаб-квартиры не изменился, место встреч и отдыха, тоже прежнее. И мы направляемся именно туда!

– Отдадим же должное Бахусу! – прозвучало, как призыв к атаке.

Остаток вечера Иоганн провёл в весёлой компании студентов. Здесь был его сокурсник Петер Грюн, житель Лаака, студент курсом помладше Томас Кунц, проживающий, как и Иоганн, в Альтштадте, и ещё пятеро парней разных факультетов и курсов, но объединённые одним землячеством. С появлением Вольфганга и Иоганна, непринужденно-праздничная атмосфера заведения вспенилась, подобно свежему пиву, и, перелившись через край, заполнила собой всё пространство уютного кабачка.

Но, ни громкие разговоры и смех, ни выпитое вино не смогли заглушить мысль, которая неожиданно родилась в голове Иоганна Майбаха. И вот, в самый разгар веселой пирушки она вдруг предстала перед ним во всей своей красе... Иначе и быть не могло: ей нужно было только окончательно оформиться и окрепнуть... Да, существует решение! Есть, есть возможность завладеть старинной книгой!

Стол перед молодыми людьми был уставлен рядами опустошенных бутылок, убирать которые до окончания пирушки не разрешалось. Так уж было заведено, только это никого не печалило, даже наоборот – безмерные винные шеренги являлись особой гордостью и славой корпорации. Не мудрено, что после таких пиршеств частенько тянуло на «подвиги»...

Старый возница, Михель устало понукал тяжело бредущую лошадь, по имени Мильхен, запряжённую в крытую повозку, на которой даже в это тёмное предрассветное время весьма отчётливо виднелась эмблема в виде «пылающего сердца» (40). Впереди возка горели два фонаря, освещая путь и предупреждая встречные экипажи о соблюдении мер осторожности. Дорога Бранденбург – Кёнигсберг никогда не отличалась особыми удобствами и безопасностью для путников, поэтому возница зорко поглядывал по сторонам. Хотя самое опасное темное время суток подходило к концу, и самый тревожный участок дороги был уже позади, Михель был настороже: «Чёрт дёрнул этого проклятого монаха отправиться в путь ночью! Срочный груз, видите ли, который нужно доставить к утру!»

Сам Михель не отличался кротким нравом. В молодые годы он тоже был не прочь полихачить на пустынных дорогах. Но, подальше от этих мест – в Польше. Теперь же он служил у монахов и был бы вполне доволен своей участью, если бы не эти срочные и тайные поездки. Да и монах, который лишь делает вид, что спит, укрывшись в глубине войлочного фургона, внушает не меньший страх, чем возможные грабители. А как он вчера вечером доказывал необходимость немедленного убийства! Монахи-доминиканцы советовали подождать до утра, убеждали его переночевать под надёжной монастырской крышей, воздав молитвы Господу и Пресвятой Деве Марии, да пригубив после вечерни доброго тильзитского пива. В ответ иезуит проскрипел мерзким деревянным голосом, что он отвечает за прибытие ценного груза головой, и так сверкнул очами, что показалось, будто блеснуло хорошо отполированное лезвие кинжала. «Я везу книги для гимназии Общества Иисуса! – брызгал слюной монах. – Гимназия делает людей образованными! Она учит детей любить Христа! Кто этого не понимает, тот – еретик! Разве может быть более отвратительное преступление, чем ересь?» И это в присутствии братьев-монахов, конюха и прислуживающих на кухне молодых послушников! Все, конечно, с ним соглашались. Кому охота связываться с бесноватым иезуитом. И вот, как следствие, – поездка по полной опасностей ночной дороге. Хотя, если бы монах имел при себе пару заряженных мушкетов, это вполне бы меняло дело.

Книги! Монах везёт книги. Ничего себе, «ценный груз»! Правда, Михель вспомнил, как в Кнайпхофе один человек приобрёл книгу в лавке, выложив за неё такую сумму, за которую можно было бы купить хорошую лошадь взамен Мильхен. За содержимое тех двух ящиков, что лежат в повозке, наверное, можно получить немало монет, если на них, конечно, найдётся достойный покупатель. Но истинную цену большим и малым фолиантам, бережно упакованным в плотную ткань, Михель, естественно, не знал.

Сентябрьская ночь прохладна. В небе сквозь прорехи туч тускло блестит луна. Хвала Господу, что нет дождя, скоро рассветёт и солнце согреет уставших путников. Пусто на дороге, темно. Ничего, ещё немного, и покажутся Бранденбургские ворота. Тишина. Лоскуты тумана повисли на придорожных кустах. Кажется, что лес заколдован...

Камень, брошенный сильной и умелой рукой, ударил Михеля прямо в висок. Тот, охнув, свалился с повозки в заросли ежевики. Тотчас из тьмы возникли чьи-то фигуры. Три человека запрыгнули в повозку. Один схватил вожжи и остановил лошадь, двое нырнули внутрь покрытия. Монах, ошеломлённый столь внезапным нападением, пытался сопротивляться, но, получив мощный удар в лицо, затих.

– Отменно сработано, – произнёс один из нападавших. – Свет!

Осветив фонарём, снятым с передка повозки, перевозимый иезуитом груз, нападавшие заинтересовались ящиками с книгами.

Возница и монах не подавали признаков жизни.

Сначала был открыт один ящик, затем второй. Явно, налетчики что-то искали среди книг. Через некоторое время один, держащий увесистый манускрипт в руках, так, чтобы свет от фонаря давал возможность разобрать написанное, произнёс:

– Вот она! Габе... Что ж, профессор Пильц будет доволен!

– Это всё? – спросил один из его соратников.

– Да, бежим!..

Глава 7. Последствия безрассудного поступка

«...Действуя самовольно, без ведома профессора, я со своими товарищами-студентами похитил заветную книгу и передал её Учителю.

28 сентября 1672 года профессора Пильца арестовали. Монах, притворившись оглушённым, слышал, как я неразумно назвал имя своего Учителя. И вот, к нему в дом пришли иезуиты в сопровождении полиции (41). В руках профессора была та самая книга врача Габбе, которую и опознал монах-иезуит. Отпираться было бесполезно. Пильца заточили в Голубую башню (42)...»

– Я слышал, что вы арестовали моих слуг, господин полицейский?

– Увы, мой дорогой профессор, – с натянутой улыбкой произнёс чиновник. – Мы проводим дознание, в процессе которого должны выяснить все обстоятельства этого... непростого дела.

– Но, кажется, я вам достаточно ясно всё объяснил.

– Да, исходя из ваших слов, вы искали именно эту книгу в различных книжных лавках... Интересовались у собирателей старины... Услышав ваш разговор с торговцами, некто, чью внешность вы не запомнили...

– Именно, он был в плаще, с поднятым капюшоном... Я видел лишь его подбородок... Вам описать его? Длинный, вытянутый, немного скошенный вправо...

– ...неожиданно предложил вам свою помощь. Иными словами, он находит книгу и доставляет её вам. При этом вас не должно было волновать, каким способом будет приобретена книга тем человеком, пусть даже преступным... Кстати, как дорого он оценил свои услуги?

– Откровенно говоря, он произвел впечатление отчаянного и грозного человека, поэтому я сам предложил ему 100 флоринов...

– Вот как? И вы их ему заплатили?

– Разумеется, я же честный человек. Он принёс мне книгу и получил свои деньги. Сделка состоялась. А вскоре прибыли священники иезуиты в сопровождении местной полиции... В тот злополучный день, 25 сентября днём я читал лекции в университете, весь вечер провёл у себя в кабинете, а ночь – в собственной спальне. Мои слуги готовы это подтвердить... Поэтому я настаиваю на немедленном моём освобождении. И отпустите мою прислугу! В этой башне находиться невыносимо! Здесь можно легко подхватить лихорадку! Рядом со мной содержится девочка, обвиняемая в колдовстве! Но ей нет и четырнадцати лет!..

– Успокойтесь, дорогой профессор. Могу вам сообщить, что, учитывая ваши заслуги перед городом, а также прислушиваясь к благоприятным рекомендациям от некоторых уважаемых людей... и, конечно, принимая к сведению то, что вы непосредственно не участвовали в самом преступлении... мы могли бы отпустить вас сегодня же. Но...

– Что же вам мешает?

– Орден, дорогой профессор. Вы перешли дорогу могущественному Ордену. И хотя иезуиты здесь не чувствуют себя полноправными хозяевами, такими, как, скажем, в Испании, всё же достаточно влиятельные покровители у них имеются. Должен поставить вас в известность, что кое-кто из иезуитов специально прибыл в Кёнигсберг, чтобы принять участие в дознании. Они уверены, что вы подговорили своих слуг, а именно: конюха Мартина Лёве и Пауля Вассермана совершить данное преступление. Скорее всего, был и третий исполнитель. А поскольку одним из ваших близких друзей является студент Иоганн

Майбах, то весьма вероятно, что он и был третьим соучастником. Слышите, шаги в коридоре? Сюда идут слуги Христа... Держитесь уверенно, будьте спокойны, говорите обдуманно. Я на вашей стороне, но всё же...

Дверь раскрылась, и чиновник сразу умолк. Дальнейшее разбирательство происходило в присутствии двух людей в черных одеяниях. Первым из вошедших был человек невысокого роста, лет пятидесяти, облаченный в сутану с эмблемой «пламенеющего сердца». Его тяжелая челюсть как бы «упиралась» в широкую грудь. Шаг был стремительным и шумным, а тело словно намеревалось протаранить какую-то незримую стену. Вся эта зловещая фигура представляла собой сочетание внутренней мощи и отсутствия гибкости, каждое движение которой было значительно сильнее, чем нужно. За ним следовал писарь, с походкой крадущегося злодея, держащий в худых руках листы бумаги и перья. Казалось, что его тщедушному телу, отводилась роль лишь подставки для крупной лысой головы.

Первый, сделав два шага в направлении стола, за которым сидел Пильц, а в непосредственной близости от него стояли полицейские и чиновник, ведущий расследование, внезапно остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. Глаза его округлились, рот исказился в невыносимой гримасе, означающей высшую степень омерзения и брезгливости.

– Ты еретик, Пильц! – прорычал иезуит.

– Присаживайтесь, господа, – нарочито вежливо пригласил вошедших юрист-дознатель. – Вы знакомы с подозреваемым?

– Мы прекрасно знакомы, – прошипел член Общества Иисуса. – И очень давно.

– У нас с отцом Варфоломеем давняя дружба, – улыбнулся в ответ Пильц. – Непонятно только, святой отец, зачем вам понадобилось тащиться сюда из Парижа? Пруссия – светское герцогство. Какие важные дела могут быть у католика в стране, где исповедуют лютеранство? И каким образом вас задело это дело, ведь мы с вами закончили наше общение много лет назад...

– Всё узнаешь, еретик... Я прислан сюда для оказания помощи в ведении расследования самим епископом Вармийским... И это согласовано с бургомистрами Лёбенихте и Кнайпхофа.

– Позвольте, отец... Варфоломей, – взял слово судебный чиновник. – С чего вы взяли, что нам понадобится чья-то помощь?

– Вы расследуете нападение на монаха с целью завладения книгой...

– Именно так. Согласно уложениям «Каролины» (43), это – преступление против собственности, причём, следствие располагает данными, что подозреваемый никак не связан с нападавшими. Злоумышленники взялись доставить ему книгу, а уж каким способом это будет сделано, он просто не мог знать. Профессор Пильц – человек, уважаемый в нашем городе и найдётся немало людей, готовых замолвить за него доброе слово. Ибо поступки профессора – это поступки добропорядочного горожанина, к тому же, врача и наставника молодежи. Следствие вообще сомневается в причастности его к совершённому преступлению... Прямых свидетелей, как оказалось, не имеется, поэтому мы рассматриваем вопрос о прекращении этого дела в связи с недоказанностью участия профессора Пильца в данном злодеянии.

Наступила пауза. Иезуит сверлил глазами подследственного, пытаясь проткнуть его взглядом, словно шпагой. Сидящий подле него монах отчаянно скрипел пером по чистому листу, нанося на бумагу ровные строки.

– Ты уже профессор, Пильц... – скривился, как от зубной боли, дознаватель от Церкви.

– Я рад, что вы это заметили, святой отец. Я – именно профессор, а не крайбиттер (44), как вы, видимо, подозревали ранее...

– Рано радуешься, Пильц. Полагаю, это дело будет рассматривать Хофхансгерихт, то есть, суд по особо тяжким преступлениям, – проговорил иезуит. – Совершено преступление против Господа, следовательно, неминуем инквизиционный процесс. И пора начать стадию специального расследования. Ибо дознание и общее расследование можно считать завершёнными, хоть вы (гневный взгляд в сторону полицейского чиновника) и не добились никаких результатов. Но это неважно. Не забывай, что в наших руках находятся главные подозреваемые. Если к ним применить пытки, на что прямо указано в статьях 16, 20, 25, 27, 28, 44, 53... и в других, предусмотренных «Каролиной», то и результат не замедлит появиться. В виде веских и неопровержимых доказательств!

Юрист-дознаватель, заметно смутившись, осведомился:

– «Каролина» рассматривает религиозные преступления, такие, как богохульство... статья 106, клятвопреступление, статья 107... и колдовство, статья 109. Но ересь сегодня нами не рассматривается. По-вашему, какое из вышеуказанных преступлений совершил доктор Пильц?

– Все вышеперечисленные! – закричал иезуит. – В самом мерзком и гнусном их проявлении!

– При всём уважении к Обществу Иисуса и почитанию Господа нашего мне трудно поверить в столь тяжкое обвинение, которое вы бросаете профессору...

– А вы знаете, что это за книга, за которой охотился Пильц?! – Иезуит вскочил со стула, при этом едва не упал подсвечник с горящими свечами. Писец испуганно отпрянул в сторону. Полицейский чиновник тоже с трудом сохранял спокойствие. – Это страшное сочинение бесноватого еретика Габе! Он тоже был врачом, пока в него не вселился дьявол!..

– Мы сейчас не рассматриваем дело еретика Габе...

– Доктор Пильц не зря разыскивал эту книгу! В ней человеческое тело представлено, как географическая карта! – голос обвинителя стал приторно сладким, а его неподвижный холодный взгляд завис перед лицом полицейского, как бы немного до него не дотянувшись. – С одной стороны, это хорошо для изучения строения человека, чтобы понимать, как его правильно лечить. Но!.. В книге Габе кроме известных органов, таких, как сердце, лёгкие, печень, указаны места, в которых сокрыта человеческая душа! Вы это понимаете? Из-за желания обнаружить прямой доступ к душе христианина врачеватель Габе был сожжён, как еретик, почти двести лет назад! Но появился другой врач! Он тоже захотел лечить человеческое тело путём осквернения его души! И развил свою дьявольскую теорию! Вот он, этот врач, – отец Варфоломей кивнул в сторону Пильца. – Ему понадобилась еретическая книга затем, чтобы найти точки в теле человека, через которые он может воздействовать на душу! Он собирался торговать человеческими душами с самим Дьяволом! Кто-нибудь может доказать, что это не так? – И, воспользовавшись тем, что никто его не перебивает, продолжал более спокойно: – Пильцу был нужен ученик. И он у него появился. Наш брат, пострадавший при нападении, слышал голос молодого человека. Следовательно, не вызывает сомнений, что одним из нападавших был студент Иоганн Майбах, являющийся учеником и последователем Пильца в его сатанинских изысканиях! Надеюсь, Майбах тоже арестован. Советую взять под стражу и его родителей! Палач поможет нам найти улики и доказательства! Прорастающие зёрна, брошенные Пильцем в почву колдовства и еретичества, должны быть вырваны с

корнем! На это выразило надежду Вармийское епископство! И его Святейшество! Поэтому я нахожусь здесь с предоставленными мне полномочиями, и буду придерживаться единственной цели – полного искоренения ереси!

«...На допросах профессор умолчал об истинном положении дел. Он настаивал на том, что не был знаком с лицами, которые напали на повозку иезуитов. Мол, сам виноват в случившемся, потому что безрассудно нанял каких-то людей для похищения книги... Я собирался пойти к следователю, покаяться и признаться в содеянном... Но это не помогло бы Пильцу, погубило бы меня и моих товарищей – студентов из нашего братства. Тогда я решил хранить молчание. Позже, когда мне удалось увидеться и поговорить с профессором, он подтвердил правильность моего поступка...»

– Вот видишь, мой дорогой Иоганн, как всё заканчивается... Ты не кори и не суди себя, Господь на твоей стороне. Ты задумал благое дело, и пусть совершенно преступление, но... оно было содеяно во имя великой цели. Даст Бог, и я тоже выберусь из этой костедробилки... Но... мы связались с иезуитами, а это – тройная неприятность. Что ж, продолжай наше дело: лечи людей, ищи, добывай знания и применяй их во благо... Выбрав свою дорогу, не сворачивай на другую. *Ave atque vale!* (45)

Пильц выглядел ужасно: кисти его рук были обмотаны грязными, в буро-красных пятнах тряпками, скулы в кровоподтеках и ссадинах, передние зубы отсутствовали, отчего изменились все пропорции лица, а произносимые звуки стали шипящими и глухими... Он сильно постарел и осунулся, исхудал, даже - высох. Иоганн вдруг поймал себя на мысли, что его учитель выглядит, словно скомканная бумага: помятый и исписанный лист... Потное, бледное лицо со следами побоев, безуспешно пытающиеся растянуться в грустной улыбке потрескавшиеся губы... Но вот взгляд... Только спокойный и добрый, словно лучащийся и согревающий взгляд Учителя оставался прежним - уверенным, мудрым... отеческим...

Молодой бакалавр, чудом избежавший похожей участи, благодаря упорству и стойкости профессора, не смог сдержать рыданий:

– Профессор, я благодарю вас за все, что вы для меня сделали! Вы мой самый близкий человек и всегда будете мне дороже отца и матери! Простите меня, Учитель...

– Позаботься о несчастной Лизхен, Иоганн...

В глухом, сыром каземате воцарилась тягостная тишина...

Профессор Пильц умер в темнице 31 января 1673 года.

«...Начиная свои исследования, я надеялся найти лекарство для исправления человеческой природы и избавления людей от болезней и пороков. Я хотел изготовить средство, чтобы победить зависть и злобу, жадность и бедность, остановить распри и войны. Мне это почти удалось, но...

Подобно раздвоенному языку змеи – древнему символу медицины, мое дерзкое открытие может быть употреблено, как во благо, так и во зло... Поэтому я никогда не открою свое страшное знание ученикам и потомкам, дабы никто не смог воспользоваться им во вред роду человеческому. И пусть никто не думает, что такое решение далось мне легко...»

Часть 2. Тайна старинной книги

Глава 8. Обретение рукописи

В 1939 году Германия развязала очередную кровопролитную войну. На этот раз, самую масштабную и жестокую в истории человечества, в огне которой погибли миллионы людей и были стерты с лица земли тысячи городов.

В августе 1944 года авиация союзников попыталась сравнять Кёнигсберг с землей. В ходе ковровых бомбардировок были разрушены четверть промышленных объектов и почти половина всех зданий города-крепости. Исторический центр города, особенно районы Альтштадт, Лёбенихте, и Кнайпхоф, был полностью уничтожен. Королевский замок, старое и новое здания Кёнигсбергского университета, все кирхи старого города были превращены в руины. В безжизненные стены превратился и Кафедральный собор. Город, словно тяжелораненый солдат, медленно умирал. Жизнь уходила из него через многочисленные раны, нанесённые тротилом и напалмом. 9 апреля 1945 года Кёнигсберг был взят советскими войсками, а в сентябре по решению Потсдамской конференции он стал частью СССР.

Вскоре, Кенигсберг, а это слово звучало для многих, как брань и вызов, переименовали в Калининград, Прегель в Преголю (так казалось – более «по-русски»), Штайндам в Ленинский проспект... Замок и памятник королю Вильгельму снесли, а в Альбертине стали преподавать марксизм-ленинизм...

«Зачем нам Кант, Гофман, Гайдн, Глюк, Брахерт и другие?», «Долой былых кумиров!», «Мы наш, мы – новый мир построим!..» – кричали на партийных митингах борцы с «немецчиной»... Так памятник Шиллеру во время штурма города спасся лишь благодаря надписи: «Не стрелять! Это – пролетарский поэт!» Но все равно шальной снаряд угодил поэту прямо в горло, после чего в народе долго бытовала шутка: «Наливать всем, кроме Шиллера – у него все равно из глотки вытечет».

Так, на месте бывшей столицы Восточной Пруссии возник советский город (46). Он был возрожден из пепла войны трудом и талантом нескольких поколений россиян – творцов его новой, мирной истории... С тех пор эта земля дала миру немало выдающихся людей: поэтов и художников, ученых и покорителей космоса (47). Однако это были представители уже совершенно иного народа...

Развалины, о которых пойдет речь, были расположены между улицами: Пролетарская, Минская, Пороховая и Астрономическая. Большие и малые, полностью и частично разрушенные строения были местом, чудесным образом, манящим вездесущих мальчишек. Выросшие на этих улицах хрущёвки окружали палисадниками и огородами, а вот мест для игр и гуляния у сорванцов практически не было. Поэтому пацаны стремились проводить свободное время на руинах. «Сашка, ты куда?» – «На развалку, мам, гулять!» «Смотри, чтобы через час был дома. Осторожнее там!» – это уже вдогонку. Сашки, Витьки, Серёжки, Валерки, Вовки устраивали на «развалке» увлекательные игрища. Нужно разжечь костёр – пожалуйста! Нужно устроить обломками кирпичей «артиллерийский обстрел немецких танков» (это – тоже кирпичи, только один побольше, а другой поменьше – башня) – запросто! Захотелось исследовать в поисках пороха, патронов, немецких крестов и других ценных предметов внутренности разрушенного дома – будьте любезны! А находили немало:

стволы карабинов, дырявые немецкие каски, снаряды и патроны, разбитые часы, монеты и награды...

Однажды такой малолетний исследователь забрался через зияющую пробоину в подвал разрушенного немецкого дома, где среди груд щебня и обломков кирпича обнаружил чудом сохранившийся деревянный ящик. С большим трудом дотошному искателю исторических ценностей удалось его открыть. В недрах треснувшего и подгнившего ларца, тщательно замотанная в непромокаемую бумагу и куски брезента, лежала книга - толстый и довольно увесистый фолиант в кожаном переплёте с двумя металлическими застёжками. Принес счастливый добытчик свою находку домой, показал родителям. «Тащишь в дом всякую гадость, – проворчала мать – немедленно выброси её на улицу!». «Нет, не спеши, – сказал рассудительный отец, раскрыв книгу и вглядываясь в страницы, на которых было что-то написано по-немецки. – Любопытная книга... Очень старая. Возможно, она представляет историческую ценность... и даже материальную... Кто знает, а вдруг тут написано что-то очень важное. Оставим её у себя, потом посмотрим, посоветуемся со знатоками».

И книга была водворена на антресоль в коридоре, между стопки старых номеров журнала «Наука и жизнь», перевязанной шпагатом, и резиновыми сапогами.

Десять лет «любопытная книга» пролежала на этом месте, всеми забытая. Изредка её брали в руки, сдували накопившуюся пыль, иногда даже раскрывали и... водворяли обратно на антресоль со словами: «Надо бы показать, посоветоваться...»

В течение ещё десятка лет, в жизни привыкшей к одиночеству реликвии мало что изменилось: выезжали из квартиры старые жильцы, появлялись новые хозяева. Изменилось и место её хранения – из коридора она перекочевала в массивный шкаф. В течение следующего десятилетия антикварная книга поменяла свою прописку. Новые хозяева переехали из советской хрущевки в старый, но добротный немецкий дом, отремонтированный и вполне пригодный для жилья. Но прошло ещё несколько лет, прежде чем она попала в руки Андрея Орлова, чрезвычайно любознательного и весьма начитанного молодого человека, врача по профессии и искателя приключений по натуре.

Молодой врач снимал комнату в этом доме. На днях он переехал сюда вместе со своей женой Натальей, и сейчас исследовал книжные полки, пытаясь найти место, чтобы водрузить на них свои медицинские справочники, которые у врача всегда должны находиться под рукой. Необычных размеров, явно старинной работы, фолиант, резко выделяющийся на фоне скромной домашней библиотеки, сразу привлёк внимание молодого специалиста.

– Смотри-ка, Наташа, какая удивительная книга... На первой странице дата – 1724 год... Настоящий раритет! Немецкая... рукописная... Интересно, откуда она у нашей хозяйки?

Чуть позже он убедился, что книга имеет медицинское содержание. Неплохо зная немецкий язык (в школе и в институте по немецкому у него всегда было «отлично»), он заметил, что в книге немецкие слова обильно разбавлены хорошо знакомыми латинскими терминами: названиями минералов, болезней, именами великих врачей-врачевателей...

Осторожно перелистывая пожелтевшие страницы и вглядываясь в ровные, написанные красивым почерком строки, Андрей ощущал необъяснимое волнение. Ему казалось, что он понимает в тексте практически всё, даже без словаря. Незнакомое немецкое слово тут же «находило» выплывший откуда-то из глубин сознания русский аналог. Это было удивительно и захватывающе! Через некоторое время молодой человек понял, что благодаря этой книге далёкий немецкий предок, умудрённый богатым жизненным опытом

человек, разговаривает с ним, доверяет ему свои тайны, делится знаниями, даёт важные советы.

На вопрос, заданный хозяйке квартиры, о происхождении данной книги и о том, может ли он её почитать, удивлённая старушка ответила:

– Да читай, коли разберёшь. Откуда она у нас? Да кто его знает... Нашли где-то на развалинах возле Минской улицы. Давно уже. А кто принес, и где он сейчас, разве теперь упомнишь? Читай, читай, Андрюша, если она медицинская... Только, прошу тебя, аккуратно. Книга, видать, дорогая...

Жена Андрея удивлялась, насколько сильно книга увлекла её мужа.

– Орлов, ты уделяешь ей больше внимания, чем мне! – смеялась Наталья.

– Ты так думаешь? – рассеянно отвечал ей муж. – Удивительная книга... Но ты – ещё удивительней!

Действительно, книга странным образом притягивала. Но не только тем, что в ней содержалось много интересных фактов, а еще какой-то непонятной, особой магической силой, которой она, несомненно, обладала.

Перелистывая страницу за страницей, молодой врач стал замечать, что понемногу меняется мир вокруг него. Во всяком случае, казалось, что книга заставляет его смотреть на всё по-другому. И видеть то, чего раньше он попросту не замечал...

Глава 9. Нити из прошлого

– Эх, Андрюша, – вздохнула хозяйка. – А ты знаешь, как в сорок шестом переселенцы заселяли дома? Приезжали, выбирали особняки, кому какой понравится, и занимали... Особняки двух-трёхэтажные, с верандами, а внизу – глубокий подвал... Такими были у немцев, прежних хозяев, дома на одну семью. А наших-то... по три, а то и по пять семей въезжало... Перед домом – двор с мощённой кирпичом дорожкой. Веришь ли, на той улице, на которой мы стали жить, сейчас это улица Тихоненко, во дворах сибирские кедры росли. За домом – сад: яблони, груши, сливы, крыжовник... За садом – огороды... Да, умели немцы обустроить свою жизнь, – вздохнула старушка. – Они-то сначала думали, что лишь на короткое время отсюда уезжают. Поэтому и прятали здесь свои ценные вещи. Некоторым из наших посчастливилось откапывать такие клады в садах-огородах... Ковры, столовое серебро, богатую посуду... Я сама, будучи девчонкой, перелопатила пол-участка. Да только ничего не нашла. Видно, плохо старалась, – она улыбнулась, вспоминая своё детство. – А потом мы разменялись и переехали вот сюда, ближе к центру... А книга эта от старых хозяев осталась, нашли где-то в развалинах... Только никто на неё никаких претензий не предъявлял. Так и лежит...

– Спасибо, Лариса Владимировна. Эту книгу написал немецкий врач. Есть у него некоторые любопытные рецепты... Вот, хочу проверить... Вдруг старые, забытые лекарства будут сегодня работать не хуже современных препаратов? Тем более, тут все натуральное, никакой химии...

– Читай, Андрюша, читай! Раньше лечить умели. И дешевле, и надёжней... Тем более, немцы... Посмотришь меня на досуге, а то что-то поясницу опять ломит?.. – бабка сморщилась, согнулась и потёрла больное место. – Пойду-ка я, пожалуй, полежу...

– Садитесь обедать! – донёлся из кухни голос Наташи. – Лариса Владимировна, пока не пообедаете, я вас никуда не отпущу! Андрей! Да положи ты эту книгу на полку!

– Кто бы знал, – пожаловалась молодая женщина хозяйке уже за столом, – что эта древность так приворожит нашего врача! Он и за стол её тащит, и в туалет, и в постель...

– Вот она – злая разлучница! – рассмеялась Лариса Владимировна. – Знатный у тебя борщ, Наташенька. А я люблю в борщ болгарского перчика добавить и фасольки. У нас, на Украине так всегда делают.

– Он у нас диссертацию задумал писать, – с гордостью сообщила супруга Андрея. – Что-то важное нашёл в этой книжке...

– И правильно, пусть пишет. Учёным быть всегда почётно, – согласилась хозяйка. – Сметанки добавь, Наташенька...

Поздним вечером, уже в постели жена прижалась к молчаливому Андрею.

– Что с тобой происходит, милый? О чём ты думаешь? У тебя неприятности на работе?

– Нет, котик, с чего ты взяла?

– Я вижу, что тебя что-то тяготит...

– Успокойся, Наташа... Ничего меня не тяготит. Просто, думаю... Иногда полезно поразмышлять...

– Знаешь, мне надоело твоё постоянно озабоченное лицо... Ты что же, впрямь решил взяться за диссертацию? И всё из-за этой книги?... Ответь, Андрей!

– Диссертация... Нет у меня времени на неё. Работы полно. Но и без диссертации можно добиться значительных... успехов. Если правильно взяться за дело...

– Так ты задумал какое-то новое дело? Какое же? – не отставала супруга.

– Лечить людей – вот моё дело. И лечить качественно. Успокойся, зайка, я пока ничего ещё не решил. Но кое-какие мыслишки появились... Интересные. Вполне возможно, скоро всё у нас с тобой изменится. Только бы получилось...

– Ну вот, а говоришь, что ничего не задумал... – произнесла жена, поворачиваясь на другой бок. – Конечно, со мной поговорить у тебя времени нет...

– Спи, зайка, – прошептал Андрей. – Всё узнаешь в своё время. Это тот самый редчайший случай, когда не мы выбираем себе книгу, а она – нас...

Жена вскоре засопела. Орлов улыбнулся, с нежностью подумав о ней. Ему, конечно же, опять не спалось: мысли кружили в голове мощным водоворотом. Одни вспыхивали яркими искрами, но тут же потухали, другие гасли, столкнувшись с такими же ночными странностями, а третьи росли, крепились и множились, образуя чрезвычайно затейливые образы.

Нет никакой возможности заснуть! Поворочавшись с боку на бок примерно час, боясь разбудить спящую Наталью, Андрей поднялся и прошёл на кухню. Включил свет, плотно прикрыл за собой дверь. Сел на стул, задумчиво глядя на черноту летней ночи, скрывающуюся за занавесками. Прислушался. В доме царил тишина, нарушаемая только мышью вознёй под половицами. К ней Орлов уже успел привыкнуть. В клетке, под плотной накидкой дремал волнистый попугайчик, в честь мультяшного героя прозванный Кешей.

– Ну-с, приступим... – молодой врач, волнуясь, открыл толстенный деревянный переплет, обтянутый бурой потрескавшейся кожей, и стал осторожно перелистывать пожелтевшие от времени страницы, исписанные мелким, как бисер, но вполне разборчивым почерком. Сразу было видно, что автор делал записи не торопясь, со знанием дела, тщательно обдумывая и взвешивая каждое свое слово. Состав лекарств был явно на латыни, но сигнатуры (48), все разъяснения к ним и пометки были на немецком языке. В этом ничего

странного не было. Некоторое время для понимания немецкого текста требовался словарь, затем как-то незаметно Андрей почувствовал, что может обходиться и без него.

– Да тут материала не на одну диссертацию... И не на одну статью по истории медицины, – усмехнулся Андрей. – Но можно попытаться извлечь из книги пользу и иного характера...

Настольная лампа, принесённая из комнаты и водружённая на кухонный стол, привычно очерчивала на гладкой поверхности яркий магический круг, приглашая к серьезным раздумьям и оставляя за границей света и тени все неприятности и бытовые проблемы минувшего дня. Иногда «оживал» и давал о себе знать старенький холодильник, сердито бормоча что-то сквозь потревоженный сон. Все больше углубляясь в чтение, Андрей необъяснимым образом ощутил, как сквозь века к нему потянулись невидимые нити из прошлого, а порой даже стал чудиться негромкий, но уверенный голос мудрого Учителя.

Уже месяц Андрей знакомился с книгой. Сначала просто из любопытства, потом профессиональный интерес с головой захлестнул его. Орлова очень скоро перестало удивлять, что он без труда читает старинный рукописный текст на немецком, да так, словно долгие годы усиленно изучал этот язык. Может быть, именно поэтому к нему пришло необъяснимое желание, почти необходимость, ежедневно читать её, в тихое ночное время, в месте, сокрытом от посторонних глаз и ушей. Сначала содержание не произвело на Андрея большого впечатления. Лечить настойками и вытяжками из лекарственных трав люди начали очень давно. А идею лечения «подобного подобным» высказывали и основатель гомеопатического (49) метода лечения немецкий врач Самуэль Ганеман, и родоначальник практического применения изопатии (50) немецкий ветеринар Вильгельм Люкс. Правда, жили они намного позже Вильгельма Пильца, но разве кто-нибудь сможет поручиться, что им не приходилось слышать об опытах старого алхимика? Отчего-то Андрей прозвал про себя автора книги «алхимиком». Видимо, он ещё не начал относиться всерьёз к исследованиям забытого немецкого врача. Но что-то ему подсказывало, что это мнение очень скоро может перемениться...

Еще учась на медицинском факультете, Андрей узнал, что новаторские изыскания С. Ганемана (51) начались с исследования свойств иезуитского порошка, который изготавливали из коры хинного дерева, произрастающего в высокогорных районах Южной Америки. О, это была красивая история, очень похожая на легенду!

Во времена Ганемана малярия уносила около трех миллионов жизней в год. Но по воле судьбы лекарство и болезнь были разделены тысячами километров. Одно время хинин был дороже золота, и за ним охотились, словно за сокровищами. Правительства Перу и Боливии, государств, где произрастало хинное дерево, наложили «вето» на вывоз его семян за границу. Но нашлись искатели приключений, которым с риском для жизни удалось похитить семена хинного дерева и посадить их на острове Ява. Благодаря кардиналу Иоанну, члену Ордена иезуитов, хинная кора в виде порошка прославилась сначала в Испании, затем в Италии, а вскоре и во всей Европе. Очень скоро хинна стала применяться и в других формах – мацерированной в вине или спирте, а затем уже – в виде пилюль.

Так вот, изучая действие хинина на организм здорового человека, Ганеман обнаружил, что прием этого лекарства вызывал появление лихорадочного состояния, характерного для малярии, что побудило его произвести схожие опыты и с другими фармакологическими средствами. Данные наблюдения подтолкнули к применению «закона подобия», ставшего основным кредо гомеопатов: «подобное лечит подобным».

Второй исследователь, Вильгельм Люкс (52) использовал в качестве исходных компонентов для приготовления своих лекарств: мочу, слюну, пот, кожные выделения, кровь из варикозных язв, взятые от больного человека... Препаратом из слез больного, ему удавалось добиться полного излечения при тяжелых воспалениях и изъязвлениях глаз. При помощи бронхиальной слизи (мокроты) он успешно лечил хронические бронхиты, а глоточной слизью – отиты...

Андрей приоткрыл дверь в коридор и прислушался. Жена мирно спала. Вернулся на кухню, открыл пошире форточку, закурил... Эти ночные бдения уже стали, каким-то «наркотиком». Если ночью не посидишь хотя бы часок над книгой, не поразмыслишь над написанным, то кажется, что ночь прошла даром. Да и не только ночь... Весь следующий день проносится без пользы и толку. Андрей покосился на важно «развалившийся» на столе фолиант... А в нём-то есть толк? Кажется, что-то определённо есть...

Итак, надо ещё раз всё обдумать. Он сел за стол.

Все коллеги Андрея относились к этим, почти забытым теориям весьма скептически, да и сам он, обладая практическим складом ума, прежде не проявлял к таким «пещерным» методикам лечения ни малейшего интереса. Иное дело – перспективы новейших компьютерных технологий или расшифровки человеческого генома... Но все же подсознание молодого доктора шептало: «Овчинка» стоит выделки! В этой невзрачной породе много золотых самородков, только их нужно суметь извлечь!»

Ганеман и Люкс верили, что существует некая духовная жизненная сила, поддерживающая здоровье человека; а болезни вызываются исключительно расстройством потоков этой жизненной силы. Они пропагандировали лечение препаратами в сверхмалых дозах, но никогда не экспериментировали над чистой энергией, и даже не пытались выделить «факторы» патологических состояний, тем более, самой смерти, как это сделали доктора Пильц и Майбах.

Андрею оставалось признать, что, несмотря на схожесть многих суждений, «старый алхимик» ушел в своих изысканиях намного дальше. Его опыты были смелее, а помыслы дерзновеннее: прежде никто не осмеливался победить силы зла его же оружием: все предшественники профессора Пильца пытались, как правило, заискивать перед ними и просить их покровительства. Но таинственное предупреждение Учителя: «я никогда не открою свое страшное знание ученикам и потомкам, дабы никто не смог воспользоваться им во вред роду человеческому», свидетельствовали о том, что он сумел достичь того, к чему стремился. Как же узнать: не выдавал ли Иоганн Майбах, ученик Вильгельма Пильца желаемое за действительное? Что в его утверждениях является правдой, что - вымыслом? А вдруг измышления старого врача имеют в своей основе подлинные достижения, способные перевернуть современные представления о природе болезней и принципах их лечения? Над этим стоило хорошенько подумать, а еще лучше – поставить серию опытов...

Андрей взглянул на часы. Половина второго. В стекло бьются ночные бабочки, комары с противным писком кружат над головой. Не дай бог, проснётся Наташа, не миновать неприятного разговора. Действительно, он совсем помешался на этой книге... Включил чайник. Чашечка чая – и в постель, решил молодой человек. До утра ещё вполне можно выспаться. А там... вновь суета, беготня, работа... Днём не поразмыслишь над необыкновенными идеями, порождаемыми в мозгу вкрадчивым голосом далёкого немецкого коллеги... А ночью так хорошо думается!

...Конечно, подобные исследования проводились исстари, и существует множество сведений о них. Например, еще в 19 веке были описаны интересные эксперименты, в

результате которых водоросли погибали в сосуде с водой, в котором некоторое время находилась пластина из меди, даже после повторных промываний этого сосуда, когда уже никакими химическими реакциями следы меди не обнаруживались. Действительно, как бы непросто было в это поверить, но современная квантовая физика подтвердила, что при высоких разведениях гомеопатических препаратов в них уже не присутствует ни одной молекулы грубого вещества, а остается одна лишь чистая Энергия, высвобождаемая при активном встряхивании или растирании сырья!

Сегодня ни для кого не секрет, что многие сильнодействующие вещества, которые в рекомендуемых концентрациях сужают кровеносные сосуды, в минимальных дозах – расширяют их. Установлено, что даже тканевые токсины, которые считаются непосредственной причиной болезни, при введении их в организм в сверхмалых дозах превращаются в средство стимуляции иммунитета и механизмов выздоровления.

В современной медицинской литературе Андрею встречались и методики лечения псориаза при помощи лекарств, приготовленных из растертых кожных чешуек самого больного, а эпилепсии и рассеянного склероза – препаратами из собственной крови пациента.

«Вы все считаете, что жизненная сила – это чушь? – мысленно обращался Андрей к своим оппонентам. – Тогда – докажите мне это: создайте хоть раз живое из неживого... Природа жизни не настолько примитивна, чтобы ее можно было объяснить только лишь с помощью физики и химии. Есть в ней что-то... самое главное - то, что мы, пока, не в силах потрогать и даже объяснить... А как это «что-то» называть: «душой», «жизненной силой», «тонусом» или «энергией» – дело десятое!

Любой из вас, - продолжал свой «доклад» Андрей, - может проделать простейший опыт: если над стаканом воды тридцать раз прочитать молитву, то она приобретает совершенно иные свойства и начинает лечить, а если произнести проклятья – то становится причиной болезни или ухудшения самочувствия... Пора бы всем понять, что современная наука уже не входит в противоречие с религиозным восприятием мира, а древние храмы и книги, которыми мы не перестаем восхищаться, сошествие Благодатного Огня на Пасху, феномен нетленности тела ламы Итигэлова, мироточащие и исцеляющие иконы, появились не на пустом месте и имеют важнейшую духовную первооснову. Мы можем в это не верить, но, как говорится, «поезд будет ехать и без последнего вагона»...

Андрей допил чай и захлопнул старинную книгу. Пора спать. Его ноздри защекотали частички мельчайшей трехвековой пыли. Он потер указательным пальцем переносицу, чтобы не чихнуть и не разбудить свою супругу. «Мне выпал редкий шанс и глупо им не воспользоваться, - подумал он. – «Двигать» науку – это, конечно, здорово, но и о себе забывать не стоит. Давно пора выкарабкаться из нищеты и начинать новую красивую жизнь. Удача - как прекрасная, но пугливая бабочка, она не каждому садится на голову. Я достоин большего и она выбрала меня не случайно! Уж я-то сумею правильно распорядиться таким подарком судьбы. Завтра, нет, уже сегодня я обязательно придумаю, какую выгоду можно извлечь из этого фолианта...»

Через приоткрытую форточку ночь свежим и легким вздохом тронула неплотно задернутые шторы... А на фоне темного окна бледная тень Иоганна Майбаха пристально смотрела на Андрея, укоризненно покачивая головой, обрамленной длинными седыми прядями волос, и беззвучно шевеля тонкими губами...

Впрочем, возможно, это был уже сон...

Глава 10. Добрый доктор Айболит

Хороша и по-своему неповторима калининградская осень! Затяжная, с дождями и солнцем, порой, она перерастает в весну, минуя зиму. Нет, зима, конечно, приходит, иногда даже с сильными морозами и обильными снегопадами. Но это бывает довольно редко. Вот в 70-е годы прошлого века, это – да. Бывало такое... Но чаще – нудные дожди, немного мокрого снежка и кратковременные слабые морозы...

Эта осень мало чем отличалась от всех предыдущих: то есть, не спешила переходить в зиму. И, как следствие, – вспышка острых респираторных заболеваний. Работы врачам прибавилось. А Андрей Орлов, благодаря своей квартирной хозяйке, стал очень востребован не только среди простуженных горожан, но и среди пенсионеров, у которых, как известно, букет разного рода заболеваний бывает гораздо «роскошнее».

Весьма общительная Лариса Владимировна, после чудесного исцеления, которое ей обеспечил медик-квартирант, в короткие сроки организовала молодому врачу широкую клиентуру среди людей пожилого возраста.

– Что вы, Лариса Владимировна! – пробовал отказаться Андрей. – Я же не семейный врач! У меня своя работа в клинике!..

– И сколько ты получаешь в своей клинике? – язвительно интересовалась дама с украинскими корнями. – Стыдно признаться? Так вот, возьми подработку. Все подрабатывают. Помогай людям, принимай подношения. Ничего зазорного в этом нет. Ты людям здоровье возвращаешь, а пациенты за это – благодарят тебя денежкой...

– Я не могу принимать деньги от больных людей. Я должен бескорыстно помогать людям! Таково моё кредо.

– Это в рабочее время, – логично парировала бойкая старушка. – А в своё личное – можно! – и уже в комнату: – Наташенька, ничего, если я твоего мужа работой дополнительной обеспечу? Часик-другой в день, а прибавка будет солидной! А там, найдёте старичка больного да одинокого, за которым никто не присматривает, глядишь, он вам в благодарность квартиру завещает. Так многие делают, я знаю...

Наташа, уставшая после смены, не нашла слов для возражений. Так и начался новый период в жизни Андрея. После работы он успевал сбежать по двум-трём адресам, проведать больных стариков. Вскоре убедился, что его визиты приносят, кроме дополнительного дохода, несомненную пользу больным. Само собой, возникло и чувство гордости за себя.

Однажды, сидя вечером у постели пожилой женщины, в прошлом - педагога, он с сомнением теребил в руках невзрачную бумажку – рецепт своего коллеги, выписанный накануне. Вроде бы, всё назначено правильно, но те лекарства, которые были указаны в рецепте, во-первых, были совсем недёшевы, а во-вторых, небезопасны по своему химическому составу для «возрастного» организма. Тут надо бы что-то... менее токсичное - гомеопатическое, подумалось Андрею, и в ту же минуту гениальная мысль буквально прожгла его! Есть такое снадобье! Старина Майбах позаботился! Он отложил рецепт в сторону...

– Вот что, Вероника Петровна. Вы пока не принимайте эти таблетки. – Старушка понимающе кивнула головой. – Они выписаны правильно, но довольно дефицитные...

– Да уж, сейчас с лекарствами трудно, – согласилась бывшая учительница. – Вот раньше в аптеках всё было... И, в основном, наше, отечественное...

– Я вам лично принесу лекарство. И подробно расскажу, как им пользоваться. Если будете поступать строго в соответствии с моими советами, ваш недуг скоро пройдет...

Дома он заглянул в книгу, выписал необходимые компоненты и подумал: «Ай да Майбах, ай да сукин сын! А ведь я начинаю лечить по его принципу... То есть, метод, конечно, не совсем его, в основе лежит учение Пильца, но до совершенства-то довел его все-таки Иоганн Майбах!»

Жена сразу заметила, что муж в хорошем настроении.

– Я думала, ты едва на ногах держишься от усталости, а нет, выглядишь молодцом! Неужто старушки вдохновили? – Наташа улыбалась. – Ужинать будешь?

– А что у нас на ужин? – Андрей сгрёб супругу в охапку и прижал к себе. Та аж взвизгнула от неожиданности. – Можно, я съем тебя?

На другой день Андрей передал Веронике Петровне лекарство и подробную инструкцию. При этом наказал:

– Строго придерживайтесь этих рекомендаций, иначе средство не поможет. Если что, звоните. Я найду к вам денька через два.

Вслед за этим случаем последовал второй, затем третий. Молодой врач на каждую болезнь отыскивал в книге нетрадиционный способ лечения: и вроде бы он прост, и далеко не нов, однако в каждом случае всегда находились весьма важные указания, которых Орлов не смог бы найти ни в одном справочнике, и которые являлись неотъемлемой частью лечения «по-майбаховски»...

После очередного счастливого исцеления «проблемного» больного, Андрей припал губами к старинному фолианту и с благодарностью прошептал:

– Спасибо, Учитель!

И книга ответила ему странным гулом в ушах и покалыванием в кончиках пальцев.

Именно этой осенью Андрей почувствовал произошедшую в себе перемену. «Я действительно нужен людям, – думал он. – Вот этими руками давно почивший, старый немецкий врач, приносит пользу моим современникам. Точнее, мы вместе с ним приносим... Выходит, что я – являюсь продолжателем его дела и его учеником! И это – прекрасно!»

Андрей стал более энергичен, более уверен в себе, он научился быстро и безошибочно ставить сложные диагнозы. Сомнения, ранее частенько досаждавшие ему, теперь полностью исчезли. В клинике он стал курировать больных чуть ли не в два раза больше, чем прежде. И ни разу не ошибся в определении методов лечения. Только заведующий отделением, Сан Саныч начал с подозрением поглядывать на молодого, ретивого доктора. Наверное, заподозрил издоимство или халтуру?.. Возможно, просто завидовал...

К началу зимы имя доктора Орлова стало популярным в округе. Старики, почувствовав недомогание, тут же говорили: «Надо нашему Андрюше показаться»...

Часто Орлов слышал примерно такие слова:

– Очень приятно с вами общаться, Андрей Валерьевич. А придёшь, бывало, в нашу поликлинику, а там на тебя смотрят, как на чёрта из табакерки... откуда, мол, взялся? Иди домой, подымай спокойно, не мешай людям работать... А вы так внимательны, и сразу видно, что дело своё хорошо знаете....

Среди людей молодого и среднего возраста у Андрея тоже появились «свои» пациенты. Разве откажешь, если звонят: «Мне ваш телефон дала подруга. Отзывается о вас очень хорошо... А у нас проблема, мы уж ходили к врачам, да всё без толку...» И Андрей выкраивал часок времени из своего «напряжённого графика», и мчался на помощь. Диагнозы

он ставил безошибочно, не было трудностей и с назначением лекарств. Но всё равно заглядывал в старую книгу, пытаясь найти другой путь лечения. И, как ни странно, находил. Применял методику немецкого врача в современных условиях, и обнаруживал, что она великолепно работает!

«А ведь ты, старина Майбах, писал, что никому не доверишь свои тайны... И всё же чуточку приоткрыл завесу... А мне этого хватило. Хочешь ты того или нет, но я стал твоим учеником. И пойду дальше! В твоей книге много интересного даже для нас, живущих в двадцать первом веке. Правда, то, о чём ты только смутно догадывался, мы уже давно знаем... А то, что ты хотел, но не смог сделать, я без особого труда могу воплотить в жизнь самостоятельно».

Порой ему казалось, что старик его слышит и даже пытается что-то ответить. Сообщить нечто важное... Однажды, взглянув в старое зеркало, висящее в прихожей, он заметил в нём... нет, не своё отражение, а чужое бледное лицо, которое внимательно смотрело на него. Андрей в ужасе отшатнулся. Лицо исчезло, но страх остался. «Нервы, Андрюша, много работы, постоянная беготня, общение с больными...» – успокаивала жена. Он это понимал. Но слишком явным было то видение. Пожалуй, при случае Андрей мог бы даже узнать этот лик...

Не сказать, чтобы очень внушительно, но доходы семьи Орловых все-таки выросли. Андрею удалось даже купить с рук старенький «Опель». На машине объезжать «клиентуру» стало намного удобнее и быстрее. В один вечер он мог проведать больных на Ленинском проспекте, на Сельме и в Балтийском районе. На все это у него теперь уходило не больше двух-трех часов. Словом, быстро росла популярность молодого врача в народе. Но не всех это устраивало... Как-то раз Сан Саныч вызвал Андрея к себе в кабинет.

– Ты что же, Орлов, занялся частной практикой? И каково? Выгодное дело? – сквозь толстые стёкла очков на врача был направлен строгий, укоряющий взгляд. – По работе в клинике у меня к тебе претензий нет. Работаешь ты толково, тут ничего худого не скажу... Что же тебя заставляет подрабатывать на стороне? Мало получаешь? Так мы все не богачи. Нехорошо, Андрей Валерьевич.

– Обращаются за помощью, Сан Саныч. Не могу отказать, – оправдывался Андрей.

– Понимаю. Только не с того ты начинаешь свою трудовую деятельность, не с того. Если уж мне докладывают о твоих... похождениях, то, что будем делать, если слухи дойдут до Управления здравоохранением. Нехорошо получается, некрасиво... И последнее: у нас по итогам года предусмотрена премия. Но тебя я теперь вынужден её лишить. Пойми меня правильно, но есть такие понятия, как «человеческая порядочность» и «профессиональная этика»!

Выходя из кабинета заведующего отделением, Андрей не сдержался и произнёс еле слышно: «Вот сволочь!» С одной стороны, подработка в осенний период всё-таки принесла ему определенный доход, превышающий возможную премию в несколько раз, а с другой... Молодой специалист, грамотный и работающий, вынужден крутиться, чтобы обеспечить себя и свою семью... К тому же, приходится снимать жильё, без малейшей надежды получить хоть какую-то квартирку, пусть даже у чёрта на куличках.

Сев в машину, Андрей Орлов завёл двигатель и подумал: «Я приношу людям пользу. Но значит ли это, что я полностью реализовал себя как личность?»

Как ни странно, ему показалось, что ответ на свой вопрос он найдёт в книге.

Той самой.

Глава 11. Первые опыты – первые успехи

Жизнь продолжала идти своим чередом. В Калининград ворвалась весна. Стряхнув с себя остатки зимней хандры, город встретил её разноголосым птичьим пением, буйным цветением нарциссов и тюльпанов. Улицы наполнились новыми звуками – высокими, чистыми и ясными. Даже трамваи звенели по-особому весело, будто обменивались приветствиями, совершая крутые повороты у площади Победы. А в сердце каждого человека Весна нашла и заставила зазвучать потаенные струны, наполняя души людей новой, радостной мелодией.

Андрей продолжал заниматься частной практикой. Он чувствовал, что эта деятельность ему подходит больше, нежели работа в клинике. В стационаре он как бы «отбывает повинность», это безрадостно и неинтересно, а вот работа «на дому» у больных стариков, приносит ему огромное душевное удовлетворение.

– Когда вы приходите, Андрей Валерьевич, мне кажется, что дом посетило само Добро! – с улыбкой говорила ему пожилая дама Людмила Сергеевна, большую часть жизни проработавшая на заводе «Янтарь». Процесс её лечения уже подходил к концу, и успех от него был налицо. Здесь молодой врач столкнулся действительно с непростым случаем. Его предшественник – участковый терапевт поставил неверный диагноз, приняв интенсивные, но не типичные боли при стенокардии за проявления холецистита, и, не вмешавшись в «процесс выздоровления» Андрей, назначенное «лечение» могло привести больную к печальному исходу. О чём Орлов деликатно заметил:

– Я сразу почувствовал что-то странное... Будь у вас та болезнь, которую заподозрил мой коллега, вы бы давно пошли на поправку... А ваше состояние лишь ухудшилось... К сожалению, так иногда случается, но я исправлю эту оплошность.

– Сам Бог послал мне вас, - всхлипнула пожилая женщина. – Спасибо моей подруге, которую вы тоже поставили на ноги, это она дала мне ваш телефон. Вы знаете, хотя и муж, и дети давно заждались меня на том свете, а умирать всё равно не хочется... Надеюсь еще порадоваться солнцу, весне, зелёным листочкам, птичьему пению...

– Ну и живите! Незачем торопить то, что приходит к каждому в свой срок, – ответил Андрей.

Убедившись, что больная чувствует себя гораздо лучше, но в её доме царит какое-то запустение, неухоженность, препятствующая нормальному образу жизни, он спросил:

- Вы что же, совсем одиноки? О вас, как я погляжу, даже позаботиться некому.

Вскоре выяснилось, что есть, кому заботиться, но это – подруги молодости, иногда захаживающие в гости, и ещё реже – престарелая соседка...

– Наняли бы кого-нибудь в помощь. Сейчас многие так делают. Завещают им, допустим, свою квартиру...

– Страшно, Андрей Валерьевич, слишком много аферистов... Завещаешь им свои метры, а потом они тебя на кладбище и спроводят. И никто разбираться не будет... Нет, тут нужен проверенный человек... Вот, например, вы... – у Андрея все внутри задрожало от нетерпения, - вы же тоже, если не ошибаюсь, бесквартирный?

– Да, Людмила Сергеевна. И даже не знаю, как мне поступить: честно на квартиру не заработаешь, а с ипотекой связываться опасно - меня уже раз обманули... Наверное, уеду куда-нибудь из большого города...

К этому времени Андрей Орлов уже всерьёз занялся поисками стариков, которые могли бы завещать ему свое жилье. Наталья на некоторое время могла бы стать сиделкой, бросив работу в магазине (она работала в торговом центре «Тысяча мелочей»). Ну и что? Ничего, продержались бы. Надо что-то делать, не век же снимать углы и комнаты! И вот, наконец, представился реальный случай. Сдерживая радость в голосе, Андрей поблагодарил женщину за доверие и пообещал поговорить с женой и подумать над ее предложением.

– Если она согласится, то мы с вами созвонимся. Не забывайте принимать лекарство, Людмила Сергеевна.

– Спасибо, сынок, – расчувствовалась старушка.

В старинную немецкую книгу Андрей заглядывал постоянно. Перелистывал страницы, вчитывался, не спеша возвращался к прочитанному, но неуклонно продвигался вперед. Он отметил, что в своей практике всё чаще применяет принцип лечения «подобного подобным». О том, как изготовить это «подобное», в книге указывалось сразу несколько способов. Имея под рукой исходный материал и нехитрое оборудование, молодой врач быстро и качественно готовил лекарства от разных заболеваний. Но ему не терпелось почерпнуть именно «потаённые» знания, о чем неоднократно намекалось в рукописи. Те знания, которые открыли бы путь к недостижимым сверкающим вершинам, к такому желанному пьедесталу. Напрямую автор труда о своем секрете не говорил, но если внимательно вчитаться, то человеку с высшим медицинским образованием не составляло особого труда догадаться о том, что в тексте либо завуалировано, или упоминается вскользь, либо просто умалчивается.

Иногда он спрашивал себя, а чего в книге больше: медицины или философии? Старик Майбах очень любил рассуждать о целесообразности применения тех или иных препаратов и способов лечения. В своих размышлениях он уходил весьма далеко – от тела к душе и обратно – от души к телу, причём, путь этот был достаточно замысловат. И, хотя Андрей в основном, понимал смысл текста, ему частенько приходилось «поломать голову», поскольку старинный эпистолярный жанр, в котором была написана книга, сильно отличался от современного письма.

В ту субботу Андрей проснулся поздно. С удовлетворением подумал, что важных и неотложных дел на сегодня нет. В клинике у него выходной, поход к пациентам на этот день тоже не был запланирован. Андрей даже удивился: неужели придётся бездельничать?

Наталья с утра ушла на работу. Тонкий аромат её духов ещё витал в комнате. В окно с солнечной улыбкой заглядывал свежий апрельский день. Птахи резвились среди ветвей деревьев, спешащих опериться молодой зеленью. Птичье пение звучало так радостно и так заразительно, что Андрей не сдержал улыбки. Попугай Кеша своим чириканьем давал понять, что он присоединяется к пернатому хору и также от всей души приветствует весну.

Молодой человек погромыхал на кухне кастрюльками и... то ли позавтракал, то ли пообедал, после чего сел за чтение рукописи. Весь день он переводил рецепт за рецептом, делал пометки и выписки, и, порой, в голос хохотал над необычными названиями разных «экзотических» недугов. И пора бы уже к ним привыкнуть, но каждый раз они вызывали если не смех, то улыбку. А в этот день смех просто невозможно было сдержать. Ведь звучали они примерно так: «от плешивости», «от кривизны и худобы ног», «от чревоугодия» (О, к этому следует вернуться – доходное дело! - отмечал про себя Андрей)...

Ближе к вечеру в дверь позвонил сосед Василий Марчук. Отличный мужик и почти друг: ранее Андрей частенько ездил с ним на рыбалку и по грибы, он-то и посоветовал Орлову снять жильё в этом доме. И сейчас первое, что пришло в голову врача: а не надумал ли сосед пригласить его проветриться на Куршский залив?.. Но Василий был непривычно грустен и бледен.

– Зубы... – мученически простонал он, показывая на припухшую щеку, – всю ночь не спал. Дай что-нибудь обезболивающего. Все мои запасы уже закончились...

Андрей порылся в аптечке и вручил соседу конвалюту анальгина. Марчук глубоко вздохнул и ушёл восвояси.

– А не подыскать ли для приятеля что-нибудь подходящее из старинных рецептов? – осенило Андрея, и он принялся листать антикварную книгу. «От замерзания в ледяной воде», «от пустынной жажды и высыхания», «для зачатия наследника мужского пола»... Не то, не то... Вот! Нашел: «для успокоения болей в зубах и костях»...

Почти все необходимое для изготовления этого снадобья нашлось тут же на кухне: яичная скорлупа, которую пришлось вручную растереть до пылевидного состояния, лимонный сок и прополис («взять пчелиный клей-узу» – было сказано в книге).

– Я понял вас, Учитель, – улыбнулся Андрей, – скорлупа – это кальций, строительный материал, а прополис – для обезболивающего и противовоспалительного эффекта...

«Перед приемом и после него не пить красного вина и не есть мяса», – гласила инструкция, – «Действует от заката до рассвета».

– Вот и славно, – отметил для себя Андрей, посмотрев в окно на склоняющееся к горизонту светило, и поспешил к своему соседу.

Василий жил в этом же доме, только этажом выше. Поднимаясь по крутым ступеням, Орлов вдыхал ароматы готовящейся в доме пищи. А где-то звучала музыка, кто-то из соседей был без ума от Джо Дассена.

– Ну, что? Все еще маешься? – сочувственно осведомился он у Василия.

– И не спрашивай: хоть на стену лезь!

– А ты случайно вина сегодня не пил и мяса не ел? – спросил он больного.

– Да ты что, издеваешься? Я уже сутки ничего не ем и не пью! Еще ты пристаешь со своими глупыми вопросами!

– Тогда прими вот это, – и Андрей протянул ему порошок, завернутый в конфетный фантик.

Сосед вытряхнул его содержимое в перекошенный рот.

– Кисленькое... Что это было?

– Народная медицина, натуральный продукт, сам приготовил. Не беспокойся – хуже не станет, – и присел на табуретку. – Чаем угостишь?

– А хуже и не бывает... – сосед засуетился, вынимая из буфета печенье и другие сладости. Постепенно он перестал вздыхать и охать, а страдальческое выражение стало сходить с его небритого лица. Взгляд прояснился! Наливая кипяток в чашку Андрея, он несколько раз, словно проверяя на мягкость буханку хлеба, ткнут указательным пальцем в щеку, и вдруг в полной растерянности заявил:

– Проща... Боль прошла! – и с удивлением уставился на своего спасителя. – Андрюха, ты – просто волшебник!

– Значит так, Василий, ты сейчас ложись спать, а с утра пораньше дуй в дежурную стоматологию... Смотри, мяса не ешь! – сказал Орлов своему соседу на прощанье и ушел.

– Неужели все это – от мяса? – растерянно произнёс вслед ему обалдевший Василий...

Спустившись вниз, воодушевленный таким успехом Андрей решил продолжить работу с книгой.

Вот-вот должна придти с работы жена, он поставил на плиту кастрюлю с водой, собираясь попотчевать её пельменями. Сам сел за стол, достал заветный фолиант.

Мимоходом просматривая сигнатуры лекарств, Андрей недовольно бурчал:

– ...Яд змеи, чернила каракатицы... Где же я их достану?.. Мышьяк, ртуть, опиум, дурман... Нет, не подходит, опасно... Сангвинария, подофиллум, фитолякка... Ужас! Я даже названий таких не слышал... А что, если попробовать вот это? – Андрей заёрзал на жестком табурете и с интересом углубился в чтение. – Купрум металликум – это медь, натрум муриатикум – морская соль и крылышки мухи... Что же – ингредиенты не столь экзотические в отличие от странного названия: «Будь быстрее всех!». Прямо какой-то олимпийский девиз, – пошутил он. – Не знаю действия первых двух компонентов, но муха в рецепт старого Учителя попала, видимо, благодаря ее молниеносной реакции, исключительной скорости и маневренности...» – размышлял Андрей.

Пришла Наталья. За ужином они обсудили вопрос её ухода с работы. На днях с Людмилой Сергеевной был заключён договор о найме помощника по хозяйству. Взамен она завещала семье Орловых свою однокомнатную квартиру. Наталье надо было увольняться из магазина и приступить к выполнению новых обязанностей.

К книге Андрей вернулся уже ночью.

– Читаем дальше, – шептал он еле слышно, – «...готовить, как и прочие... отмерять на кончике ножа... принимать, попав в опасность (возможно, оно как-то взаимодействует с адреналином?)... теряет силу от первого глотка холодной воды...» Отлично! Сейчас и состряпаю: медная проволока у меня в кладовке, а морская соль на полочке в ванной...

Глубокой ночью порошок «Будь быстрее всех!» был готов: потенцирован, отмерен и упакован в вощеную бумажку. Ложась спать, Андрей попытался решить, на ком бы его испытать. Но, ничего не придумав, заснул.

С того дня прошла неделя.

Наталья уволилась с работы и большую часть времени проводила дома. Два раза в день она отправлялась на улицу Павлика Морозова, в дом, где поживала Людмила Сергеевна. Она делала в квартире пожилой женщины уборку, ходила в магазин и аптеку. А еду себе ветеран труда готовила сама. Вот и сегодня, все попытки Натальи взяться за стряпню, были пресечены:

– Оставь, Наташенька! Для меня супчик сварить – хоть какое-то развлечение, – говорила старушка. – А то ты, Наташа, буквально всё за меня хочешь делать. Ступай-ка лучше домой. Спасибо тебе.

– Андрей велел проконтролировать, как вы принимаете лекарства, – улыбнулась та.

– Уж за это не беспокойтесь!

– Погулять не забудьте, – уходя, напомнила Наталья.

Ей не совсем нравилось сегодняшнее положение дел: прежней работы она лишилась, стало быть, и зарплаты тоже... Но, договор заключён, завещание написано. Остаётся ждать чьей-то смерти... Ох, тяжело это... А что прикажете делать? Глядишь, годика через два-три и решится данный вопрос... тьфу-тьфу-тьфу, грех так думать... Но, в чём грех-то? Старые люди умирают, а молодые дают жизнь другим. Будь у них с Андреем своя квартира, она бы родила ему сына или дочку... От этих мыслей закружилась голова...

Выйдя из подъезда, Наталья обнаружила, что погода окончательно испортилась: небо затянули тучи, крупные капли дождя всюду «хозяйничали» в округе, не давая людям

свободно прогуливаться по улице. А ведь еще совсем недавно ничто не предвещало дождя. Так ласково светило солнышко! Зонт, конечно, был оставлен дома. Растерянно оглянувшись по сторонам, она вдруг заметила подъезжающий к дому знакомый «Опель».

– Как хорошо, что ты догадался меня встретить, Андрей! – обрадовано сказала она мужу, садясь в машину.

– Так получилось... Звонила Марина, приглашала к себе. Вот я и решил: встречу тебя, и вместе отправимся к ней. Как там наша пациентка?

– Людмила Сергеевна чувствует себя нормально... Даже не знаю, хорошо это или плохо?.. – вздохнула Наталья. – С одной стороны - радуешься, что человеку стало лучше, а с другой – какой-то камень на душе...

– Ничего, пусть живёт наша старушка. А я постараюсь ещё кого-нибудь отыскать... Мы же решили, что это самый верный способ законно получить жильё...

От улицы Павлика Морозова до Киевской ехать всего ничего. Серые дома, серое небо, серая брусчатка с трамвайными путями, оставшимися ещё после немцев, действовали отнюдь не угнетающе, а, скорее – успокаивающе. К тому же, автомагнитола «выдавала» вполне приличную музыку. В машине было тепло и уютно.

– Что хотела Марина?

Марина была старшей сестрой Натальи. Она недавно развелась с мужем и теперь одна воспитывала сына – двенадцатилетнего Димку, приветливого и трудолюбивого парня, способного в учёбе и спорте.

– Завтра у Димки очень ответственное соревнование. Сестрица немного нервничает, да и спортсмен наш тоже. Просила заехать, поговорить с ним, приободрить немного...

– Ну, а я уж испугалась, не случилось ли чего...

На следующий день, в воскресенье состоялась заключительная часть международного турнира по восточным единоборствам среди детей и подростков. Участвовали в нём спортсмены из Франции, Германии, Литвы, Польши, России, Казахстана... Проходили соревнования во Дворце спорта «Юность», построенном на берегу Прегеля в конце 70-х годов прошлого века, и являющимся центром как спортивных, так и культурных мероприятий. Любая, приезжающая в Калининград знаменитость, считала за счастье дать концерт непременно во Дворце спорта, собирая на свои выступления множество калининградцев.

Андрей с Натальей были приглашены на это зрелище лично участником международного турнира, племянником Димкой, который вот уже три года успешно занимался каратэ, готовясь в ближайшее время стать вторым «Чаком Норрисом». Орловы с радостью согласились «поболеть» за него в финале соревнований.

Ради справедливости надо сказать, что это приглашение Андрей воспринял, как очередной «знак сверху». У него было готово снадобье, изготовленное по старинному рецепту, взятому из таинственного фолианта. «Будь быстрее всех» - таково было название препарата, и его действенность необходимо было проверить. А какой наилучший способ его испытания, если не в единоборстве?

– Там и апробирую, – решил Андрей, – а вреда ребенку от этого никакого не будет: все составные части абсолютно безопасны.

Дворец спорта был полон народа, и в его округе с трудом отыскивалось место для парковки. Соревнования уже начались. Сразу на двух татами шли жаркие поединки. Вначале

выступали совсем юные спортсмены, и Орлов не упустил возможность пройти в раздевалку и подбодрить своего племянника непосредственно перед боем.

Пожелав ему победы, Андрей приступил к реализации своей идеи:

– Вот, прими витаминку... – посоветовал он, вручая заветный порошок, – только обязательно, прямо здесь и сейчас... она – сил прибавляет... Не робей, дружок, мы в тебя верим, – похлопал он Димку по плечу и пошел на свое зрительское место.

Минут через двадцать, объявили финальный поединок: «Дмитрий Веряскин (Россия) – Курт Хенге (Германия)». Дмитрий вышел в полной защитной экипировке, отчего выражение его лица было скрыто решеткой шлема. В первые секунды схватки ничего странного в его поведении не было. Обычная «разведка» противника: мальчишки делали обманные выпады и в полсилы обменивались «дежурными» ударами. Но вот немецкий парень пошел в атаку: после серии ударов он провел красивый бросок, болевым приемом удачно захватил кисть Димки и попытался совершить его удержание. Андрею и всем болельщикам в огромном зале уже казалось, что бой проигран, когда случилось что-то необычное. Никто не понял, как это произошло, но российский спортсмен вдруг оказался на ногах и уже во всю мутузил немецкого парнишку. Он бил его без остановки: хлестко и сильно, в голову и в корпус, руками и ногами... Противник был деморализован и растерян: практически все удары достигали цели, он не успевал защищаться или уклоняться.

Трибуны взревели. Андрей вскочил со своего места и кричал вместе со всеми:

– Дима, давай! Так его! Так!

Наконец Курт Хенге упал, и судья остановил поединок досрочно...

Андрей поспешил в раздевалку. Дмитрий был явно чем-то расстроен и вовсе не выглядел чемпионом. Он стоял уже без шлема и жадно пил воду из пластиковой бутылки, а тренер, снимая щитки с его ног, в радостном возбуждении приговаривал:

– Вот молоток! Разделал немца под орех! Показал ему «Сталинград»!

– Первый раз со мной такое... – бормотал в ответ растерянный Димка, – Я даже не знаю, как вам объяснить... После того, как он меня бросил на татами и стал проводить болевой прием, я подумал, что это – конец! Мне было ужасно обидно и стыдно, и тогда внутри что-то как будто «включилось»: все стало каким-то нечетким, звуки – протяжными, а движения людей неторопливыми и плавными... Я все видел, словно при замедленной съемке, и успевал нанести пять-шесть ударов, пока соперник лишь наклонял корпус. Я делал несколько шагов или прыжков, пока он только сгибал руку... Все прошло только тогда, когда мне дали глотнуть воды...

– Не пугайся, дорогой. Поверь: так иногда бывает в критических ситуациях, – успокоил его Андрей, а сам подумал: «Средство работает! Значит, старый Алхимик был прав!»

Настала пора подвести промежуточные итоги. Они оказались настолько ошеломляющими, что самым внятным для них объяснением являлось следующее: произошла череда удивительных случайностей! Но, так ли это? Неужели зубная боль у соседа прошла сама собой? Ведь приготовленное средство для этого и предназначалось, причем, действие каждого компонента для Андрея было ясно. А вот роль составных частей снадобья «Будь быстрее всех» оставалась абсолютно непонятной. Возможно, они воздействовали на какой-то дремавший в организме человека источник энергии, который внезапно «проснулся» и обеспечил такой потрясающий эффект... Или это тоже произошло случайно? Открывается же иногда у спортсменов «второе дыхание»... Появляются же у женщины силы, когда она, спасая своего ребёнка, становится способна сдвинуть с места

автомобиль... Но вот искусственно создать такую возможность?.. Если подобные попытки и предпринимались прежде, то Орлов о них не слышал. Применение же допингов, по его мнению, лишь весьма отдаленно напоминало такой удивительный эффект...

Ясно было одно: надо проводить новые испытания... Лишь тогда можно будет говорить о какой-то системе.

А что же там дальше, в этой старинной книге? Какие ещё сюрпризы приготовил Андрею Орлову его Учитель, старый «алхимик» Майбах?

Глава 12. Ночной визит

Этой ночью Орлов, как обычно, занимался переводом и изучением старинной книги. Кофе закончился. Чтобы побороть сонливость молодому врачу приходилось периодически вставать из-за стола, прохаживаться по кухне и делать «освежающую» разминку... Где-то за час до рассвета в окошко кто-то тихо постучал. Сначала Андрей решил, что это ему послышалось, но странный стук повторился.

– Кто бы это мог быть? – насторожился врач.

Это было удивительно еще и потому, что из-за солидного фундамента окно дома находилось на высоте более двух метров... Одернув штору, Орлов всмотрелся в предрассветный сумрак. Сначала он никого не увидел, но, приглядевшись более внимательно, заметил стоявшего за кистями цветущей сирени человека. Седовласый старик оперлся на трость и манил его рукой...

Андрею удалось рассмотреть благородные черты пожилого мужчины; они показались ему до боли знакомыми, но, не смотря на это, вспомнить старца он не мог... Накинув на плечи легкую замшевую куртку, Орлов тихо прикрыл за собой дверь квартиры и по темной лестнице поспешил к выходу...

Когда же он распахнул подъездную дверь, в глаза ему неожиданно брызнул яркий дневной свет. Несколько мгновений Андрей стоял на пороге, не решаясь шагнуть в открывшееся перед ним пространство. Под ногами блестела на солнце умытая дождём покатая булыжная мостовая. Справа и слева стояли трехэтажные кирпичные дома, под высокими черепичными крышами, с маленькими окошками и необычными, разделенными на две горизонтальные створки входными дверями. Ближайшие строения были соединены аркой, которую украшал барельеф в виде щита со скрещёнными мечами и рыцарским шлемом. За ней, в глубине проулка, куда проникало гораздо меньше солнечных лучей, виднелись более скромные деревянные постройки. Оттуда слышался собачий лай и доносился стук тяжёлого молота.

– Смелее, у нас мало времени, – старик подбежал к Андрею и, схватив его за руку, куда-то потащил. – Поторопись, мой юный коллега!

Говорил он по-немецки, на каком-то незнакомом наречии, однако смысл его слов необъяснимым образом мгновенно переводился в мозгу Орлова в понятные фразы.

– Что происходит? Где я? – пробормотал молодой врач, но таинственный незнакомец лишь повторял:

– Быстрее, мой друг.

Он выпустил руку Андрея, взял зажатую подмышкой трость в руку и указал ею вправо.

– Нам – туда.

Андрей решил хотя бы оглядеться. Но, обернувшись, не обнаружил ни своего подъезда, ни дома. На его месте мрачно возвышалась длинная кирпичная стена с узкими окнами-бойницами. От неожиданности Орлов тихо выругался и бросился догонять ушедшего вперёд старика. С этого момента он уже ничему не удивлялся...

А старик бодро шагал по влажной мостовой, обходя лужи и распугивая спящих под ногами голубей. Был он облачён в синий длиннополый сюртук, отчего-то расстёгнутый, в такого же цвета панталоны и белые чулки. На ногах красовались добротные башмаки с медными пряжками. Иногда странный провожатый оборачивался, доставал платок и вытирал им лоб. Его светлые глаза были слегка прищурены, а на губах играла загадочная улыбка...
- Смелее, юноша, смелее!

Дорогу им пересекла запряженная парой лошадей карета. Ее колёса рассекали лужу, разбрызгивая по сторонам грязную воду. Андрей лишь бросил короткий взгляд в сторону старинного экипажа, как вновь ощутил лёгкий толчок в плечо.

– Нам – прямо.

Они прошли мимо играющих на обочине дороги ребятишек, молодой женщины в длинном клетчатом платье и чепце, качавшей металлическим рычагом воду из колодца в большой глиняный горшок. Андрей обратил внимание, что один из мальчишек здорово смахивает на племянника Димку, а бравшая воду женщина – вылитая Наталья! Но времени на рассматривание и расспросы не было. Они продолжили движение мимо лавки, торгующей янтарными украшениями, миновали аптеку, двери которой были широко открыты...

– К чему такая спешка? – удивлённо спросил Андрей. – Ведь за нами никто не гонится!

Старик мгновенно остановился, подошел к Орлову вплотную и крепко сжал его руку.

– Иезуиты! – прошептал он и оглянулся по сторонам. – Если тебя увидят монахи, мы пропали!

– Иезуиты?... – чуть слышно повторил Андрей.

– Они давно охотятся за мной. Очень давно... – и жестом старик велел молодому врачу держать язык за зубами. – А сейчас – вниз и налево...

С этого места открывался великолепный вид на город. Настолько захватывающий, что Орлов едва не задохнулся от нахлынувших чувств. Внизу сверкала на солнце широкая река. Вдоль её берегов стояло множество больших и малых парусных судов. И кругом – тесные ряды домов с остроконечными крышами и башенками, увенчанными шпилями, над которыми повсеместно возвышались ярко-зеленые с позолотой кроны цветущих лип. Чуть левее – густо застроенный остров, мосты на деревянных сваях ... А вот и Кафедральный собор! Точь-в-точь как наш – Калининградский! Боже мой, – наконец осенило Андрея, – ведь это же – старый Кёнигсберг!

Однако старик не дал Орлову полюбоваться городскими красотами. Он вновь увлек его в узкий, довольно грязный переулок, не переставая повторять:

– Сейчас, сейчас. Надо торопиться.... Уже близко.

Наконец они остановились перед фасадом кирпичного дома с довольно высоким крыльцом. И пока поднимались по ступеням, старик зорко поглядывал по сторонам. Затем он толкнул резную дверь и впустил Андрея в дом.

Внутри было заметно прохладней, чем на улице. Станный провожатый повёл молодого человека по неосвещенному коридору, затем, через узкую дверь – в подвальное помещение, куда спускалась крутая винтовая лестница.

Словно по ходу захватывающего театрального действия декорации стремительно менялись одна за другой. Внизу было светло. Горели свечи. «Довольно просторный подвал», - отметил про себя Андрей. Центральную часть помещения занимал широкий стол. Он был весь заставлен колбами, ретортами, пробирками и прочими склянками. Однако все они находились в строгом порядке. Чувствовалось, что каждому сосуду на столе – своё место и назначение.

– Будь здесь! – приказал старик. – И смотри сюда!

Только сейчас Андрей обратил внимание, что поодаль стола, возле стены стоит кровать, на которой неподвижно лежит бледный истощенный человек.

– Ты назвал меня своим учителем. И я пришел за тобой. Чтобы преподать один урок. Это – больной. У него – чахотка! Он безнадежен, но я его сейчас спасу! – фразы вылетали из уст странного врачевателя пушечными залпами. Каждое слово, словно гвоздь в доску, вколачивалось в сознание Орлова. – Вот матрица! Я её делал так... - Старик достал ступу с пестиком и показал, как он растирает её содержимое. – Потом я высыпаю всё в мешочек, – он, что говорил, то и делал своими ловкими руками. – Затем – самое главное: я помещаю его в точку, откуда исходит энергия смерти! Важно «насытить» матрицу лишь до необходимой степени. Иначе она принесёт смерть! Для данного больного мне достаточно подержать её над этим местом одну минуту!

Он склонился над пациентом и, откинув покрывало, поместил свой мешочек в ямку над левой ключицей. Другой рукой он перевернул песочные часы: время пошло. Андрей, затаив дыхание, следил за каждым движением лекаря.

– Я долгие годы искал это место! Смотри же и запоминай!

Дождавшись, когда последняя песчинка упала на дно, он убрал мешочек с заряженной матрицей.

– А теперь приступим к возрождению энергии жизни! – объявил старый врач. – Я могу водрузить смертельный состав вот сюда, - он показал место на теле больного. – Но могу приготовить и микстуру с частицами матрицы. Если больной в состоянии сам её выпить, я так и поступаю. Когда же он не может этого сделать, я прикладываю «энергию смерти» вот сюда. И здесь она будет находиться до тех пор, пока не произойдет перелом в течении болезни! Лишь только человек очнётся, как только изменится цвет его лица, он задышит ровно и глубоко, значит, «энергия жизни» проснулась!

Наверху послышался какой-то шум. Старик тотчас насторожился. Подождал минуту и, видимо, успокоился.

– Теперь ты знаешь мой секрет! Пользуйся им, но помни: были люди, которые заплатили за него своей жизнью! Не опускайся же до того, чтобы с его помощью пытаться извлечь какую-то выгоду для себя!

Андрей хотел многое уточнить, у него возник ряд важных вопросов, на которые ему захотелось немедленно получить ответ, но в этот момент в верхнюю дверь настойчиво постучали.

– Проклятие! – воскликнул старик, метнулся к кровати больного и стремительно отодвинул её от стены, часть которой закрывал деревянный щит. Убрав и его, старик наклонился к полу. Через миг открылась потайная дверь.

– Вот, – старик вынул из кармана ключ. – Беги, поднимайся по ступенькам! Этим ключом откроешь следующую дверь и выйдешь наружу... Быстрее! Не забывай, что здесь видел и слышал. Дальше врачуй сам. Будешь честно трудиться – придет и опыт...

Сверху слышались глухие удары. Орлов пролез через потайную дверь, споткнулся о ступеньки, но быстро освоился в потёмках.

– Молодой... – слышался голос старого врача. – Живи и здравствуй! Начался нелёгкий подъём. Ступени были очень крутыми. Дверь сзади закрылась, словно отрезав остатки света. Андрей обеими руками шарил по стенам и поднимался всё выше. Что творилось в подвале, который так спешно покинул молодой врач, было не понятно. Похоже, что туда ворвались люди... Кто они? Монахи? Иезуиты?.. Боже мой, подумал Андрей, а что же будет со мной?

Внезапно Орлов наткнулся на дверь, о которой предупреждал учитель. Где-то здесь должен висеть замок. Пытаясь нащупать замочную скважину, он упёрся лбом в толстые дубовые доски. Но замка нигде не было и Андрей все сильнее давил лбом в запёртую дверь...

Очнулся Орлов у себя дома, на кухне. Голова его покоилась на кухонном столе. Лоб довольно сильно болел. И немудрено: ведь голова несколько часов подряд лежала на жёсткой поверхности. Андрей потёр руками онемевший лоб, прогоняя остатки сна и восстанавливая кровообращение. Чёрт возьми! Неужели это был сон!

Не без труда приподнявшись, он взглянул на часы. Ого, проспал целых три часа! Но сон... Каким же он был ярким, реалистичным! Взгляд на книгу: «Ох, не доведёт тебя до добра этот фолиант», – с улыбкой подумал Андрей.

Он подошёл к окну. Утро давно вступило в свои права. Сейчас проснётся Наталья. Нельзя, чтобы она видела, что он всю ночь провёл на кухне... Хотя, она и так догадается. Андрей вышел в коридор.

На полу, возле стула, на котором сидел Орлов, что-то лежало. Если приглядеться внимательней, то можно было различить, что этот предмет – небольшой металлический ключ. Редкий. Старинной работы.

Глава 13. Удивительное - рядом

В Калининграде много летних кафе. И они никогда не пустуют, особенно по вечерам. Намаившиеся за день жители, с удовольствием проводят время под разноцветными зонтами за бокалом пива или сухого вина, радуясь хорошей погоде, безмятежно отдыхая и болтая ни о чём.

В этот июльский вечер Андрей Орлов тоже присел за свободный столик в уютной кафешке, расположившейся возле торгового центра «Европа». Он ждал жену. Наталья «опекала» уже трёх пожилых людей, и ей приходилось нелегко. Не все старички обладали таким же покладистым характером, как Людмила Сергеевна. Ко всем был нужен свой, индивидуальный подход, каждый нуждался в ласковом слове. А сдерживать собственные эмоции – дело немаловажное, особенно в таком щекотливом мероприятии. Все эти пенсионеры завещали свои квартиры Орловым: две «однушки» и двухкомнатную, но вот только уходить из этой жизни старики что-то не торопились.

Небо освещалось предзакатными лучами. Золотистая желтизна облаков гармонично сочеталась с уставшей за день бирюзой бесконечного неба. Андрей знал, что эта бездонная синь в любой момент может окраситься в малиновые тона с прожилками тёмно-фиолетовых туч, так похожих на натруженные руки работающего человека.

Почти девять. Мимо прошли, высматривая свободные места, болельщики, возвращающиеся со стадиона «Балтика». Судя по хорошему настроению, калининградская команда, на сей раз, оказалась на высоте. Андрей был равнодушен к футболу, но всегда радовался победам местных спортсменов, будь то футбол, волейбол или баскетбол... Сам он приехал в Калининград четыре года назад, после окончания уральского мединститута, но уже считал «Кёниг» своим городом.

Покуривая свой любимый «KENT» и потягивая из бокала тёмное пиво, он всматривался в лица сидящих неподалёку посетителей, невольно слушал их болтовню и размышлял.

– Пожалуй, – думал он, – каждый человек должен взять за правило ежедневно размышлять. На работе и дома, в очередях и общественном транспорте. «Начните, – советовал своим воображаемым слушателям Андрей, – хотя бы с пяти-десяти минут в день: не «трещите» по мобильнику, не «доставайте» окружающих пустой болтовней, а немного помолчите и задумайтесь... Бросьте хрустеть чипсами и хохотать без повода, не шуршите пакетами, не толкайтесь кошёлками, а хоть немного побудьте наедине со своими мыслями и чувствами... Очень плохой признак, коль таковых у вас не окажется вовсе...» Хотя... кому он это говорит? Кто его станет слушать? Эти пустые, недалёкие прожигатели жизни? Эти пузырьки, возникшие в лужах от капель дождя, и готовые тут же полопаться? Никому из них не подняться из своего убогого состояния даже до его сегодняшнего уровня, не говоря уже о том, чтобы достичь тех вершин, которые наметил для себя он, Андрей Орлов.

– Вот, ты где! – тут и Наталья подросла.

Она была молода и красива, но выглядела еще моложе. Приподнятые брови, рот с некоторым подобием улыбки, не слишком пристальный взгляд, но... который, как было известно мужу, достаточно многое замечает. «Судя по всему, – думал Андрей, – ей предстоит превращаться в пожилую женщину прямо из девочки, минуя так называемый «цветущий» средний возраст».

– Присаживайся, супруга великого эскулапа, – шутливо произнёс Андрей. – Ты, верно, проголодалась... Пиццу будешь?

– С удовольствием!

Они заказали пиццу, немного поболтали о том, что давненько не посещали кафе, а так иногда приятно посидеть и вновь почувствовать друг к другу непередаваемую словами симпатию... Вспомнили о том, что «Опель» сломался и сейчас ожидает в автосервисе заграничные запчасти, которых на складе, увы, нет... И, конечно же, о том, что наступившие сегодня трудности, завтра окажутся лишь поводом для улыбки.

– Это даже хорошо, что ты не за рулём, – смеялась Наталья, – можешь позволить себе бокал вина!

– Да, свои «плюсы» в этом, несомненно, есть... Устала, зайка? – сочувственно взглянул он на супругу.

– А, ерунда. Нина Григорьевна немного утомила своей «стерильностью»: всё ей не так, всё не то... Ее может затошнить от запаха жареной рыбы или при виде грязных рук...

– А Петрович как?

– Тоже надоел... своей галантностью... Хочет выглядеть гусаром, старый вояка... в молодости, видать, был похлеще поручика Ржевского! – она звонко рассмеялась. – Ты-то как?

– Тоже не сидел без дела. Провёл несколько удачных опытов... – и, увидев нахмурившееся личико супруги, добавил: – Я на пороге открытия, Наташ. Настоящего.

Наталья промолчала. Затем, пригубив из бокала, заметила:

– Вечер-то сегодня какой... просто волшебный...

Андрей действительно стоял на пороге открытия. Точнее, ему казалось, что стоял... Он решил экспериментировать с неизученной энергией, с теми субстанциями, которые в книге имели названия «Энергия смерти» и «Энергия жизни». Принцип их действия при лечении «подобного подобным» был ясен: необходимо уловить «энергию смерти» соответствующей матрицей, на которой она может сохраняться в течение 9-ти дней (почему именно 9-ти, об этом сказано не было). Затем, эту энергию надо было внедрить в тело смертельно больного человека (какого количества этой «энергии», и как ее измерить - тоже сказано не было, как и не совсем понятно, на какую область человеческого тела следовало это воздействие направить в каждом конкретном случае). Энергия смерти, возбуждая неизвестные нам рецепторы, должна приводить в действие доселе дремлющую «энергию жизни», скрытую то ли в каком-то таинственном депо, то ли в окружающем нас пространстве, тем самым, заставляя организм бороться с недугом и полностью побеждать его, возрождая человека к жизни. На словах всё это выглядит красиво, – подумалось Андрею, – а вот на практике – множество сомнений и весьма противоречивых рекомендаций. Было понятно, что автор записей что-то утаивает. Нет, тут спешить нельзя! Надо всё тщательно обдумать! Не может такого быть, чтобы Учитель не оставил ни единого шанса мыслящему человеку, проникнуть в суть его теории... Но, действуя второпях, необдуманно, можно таких дров наломать, что всё дело погибнет на корню...

Однажды ночью Андрей, по устоявшейся уже привычке, будучи не в силах отогнать от себя желание углубиться в старинную книгу, тихонько выскользнул из-под лёгкого одеяла и, сунув ноги в тапочки, отправился на кухню.

Наталья спокойно спала. Всё повторялось, как обычно: свет, дверь, кнопка чайника, чашка, заварник, стул и он, заветный фолиант. Толстая книга, лежащая на кухонном столе, была похожа на чёрную коробку, в которой хранятся не только тайны и знания, но и что-то другое: осторожные голоса, звуки клавесина, скрип лодочных уключин, старческий кашель, жар огня... и многое другое, что скрыто под широкими корками обложки, словно за массивными дверьми в волшебный замок.

Андрей приоткрыл окно, впуская в помещение лёгкую прохладу летней ночи. В мозгу назойливо крутилась фраза на латыни: *apotestatem cogitationis* (53). Но откуда она появилась, он не мог понять. В книге такая фраза не встречалась, в этом Орлов был уверен. «Странно, подумал он, доставая с полки сахарницу, – неужели я начал думать на латинском языке?»

Настольные часы показывали четверть первого. Андрей улыбнулся. Впереди много времени. Потёр ладони от предвкушения общения с удивительной книгой.

«Апотестатем... Удивительный язык. Пожалуй, ни на каком ином и не выразишь желаемую мысль так изящно, но строго и торжественно».

Он мягко передвинул стул и сел за стол. Налил в чашку чаю. И вдруг...

За окном послышались дребезжащие звуки. Скрип колёс и цокот копыт. Было похоже на то, что какая-то телега с шумом катила глухой ночью прямо под окнами дома. Звонко стучали подковы запряженных лошадей. Свист и щелчок бича! И – громкий, хриплый крик кучера:

– Vorsicht! Fort vom Weg! (54)

Андрей выскочил из-за стола и рванулся к окну. Распахнул его и высунулся наружу чуть ли не по пояс...

Но ни лошадей, ни повозки он не увидел.

Тишина ночной улицы. Поникшие ветви деревьев в саду. Тускло поблёскивали припаркованные возле дома машины. И заунывное кошачье мяуканье. Город, словно спящий ребёнок, которому приснилось что-то тревожное, беспокойно ворочался во сне.

Андрей по крупицам собирал сведения, касающиеся действия чудодейственных «энергий». К сожалению, старый Алхимик серьёзно перестраховался и не оставил готовых рецептов, он лишь указал цель, намекнул, что изготовить такие средства вполне реально. Орлову предстояло в одиночку пройти весь его путь и постичь эту тайну самостоятельно.

– Ничего, ничего... Старик, конечно, хитер, только я – еще хитрее, – думал он, просматривая свои конспекты. – Сдохну, но повторю все его опыты.

При этом он подумал, что было бы неплохо покончить со своим нищенским существованием в эпоху повального обогащения, беспринципного и несправедливого... «Пусть плачут неудачники, – думал он. – Я же – не из их числа!»

Конечно, он мечтал о славе, как о достойном венце его деятельности в медицинской науке. Хотя, иногда одолевали и сомнения. «Наука это или магия? От бога или от черта такое знание? Добро или зло оно несет людям? – вихрем пронеслись мысли в голове Андрея. – Впрочем, какая мне разница! Главное – принцип работает. Я не собираюсь, как доктора Пильц и Майбах, философствовать на тему нравственности, милосердия и сострадания».

Как-то для самого себя Орлов решил, что «добро» – это то, что помогает решать его собственные проблемы, и что приносит радость лично ему. «С какого перепугу мне беспокоиться о судьбе этого безмозглого «планктона»? – думал он об окружающих его людях, – ведь всему этому стаду карликов нет никакого дела до меня и моих забот...»

Лето было в самом разгаре, и пора было приступать непосредственно к экспериментам. Для начала, памятуя урок профессора, полученный во сне (а Андрей отнесся к нему очень серьёзно, как к мудрому совету, посланному учителем через века), следовало приготовить «матрицу» из соли, чтобы затем «заряжать» ее энергией различных болезненных состояний. Майбах неосмотрительно и весьма подробно рассказал об одном опыте, который он провёл в самом начале своей деятельности, видимо, надеясь, что никто не станет скрупулёзно вникать в содержание его методики. Но Андрей не упускал ни одной мелочи...

Растирая соль в ступке, Орлов размышлял:

– Как же в природе все просто, но... одновременно сложно устроено. Вот возьмем, хорошо всем известную поваренную соль – хлористый натрий. Она содержится во всех физиологических жидкостях нашего организма: слезах, поте, крови, плазме. Это вещество участвует в поддержании и регулировании водно-солевого баланса, а разность концентрации соли является основным механизмом для поступления питательных веществ в клетку и выведению продуктов её жизнедеятельности. Этот же принцип используется в передаче нервных импульсов нейронами... Неслучайно, наверное, и то, что с древнейших времён были известны способы гадания с применением соли...

Соль – самая распространенная приправа к еде, без нее не обходится приготовление практически ни одного блюда. Она продается в любом магазине, и каждый ребенок знает, что соль бывает крупного и мелкого помола. Причем, даже после такой, весьма примитивной обработки, ее свойства заметно меняются: любая хозяйка вам скажет, что белоснежная мелкая соль-экстра уже не подходит для домашней консервации, ее вкус не такой насыщенный, поэтому и расход на приготовление пищи намного больше.

Орлов знал и то, что столовая соль, очищенная от всех примесей путем перекристаллизации, становится мало гигроскопичной и для задуманных им опытов не годится, поэтому он и достал пачку грубой каменной соли. Андрей даже не подозревал о том, что если вручную долго и упорно растирать эти кристаллы, то они становятся практически безвкусной пылью, невероятно сильно впитывающей окружающие запахи и влагу. Он это понял примерно через час работы, когда результат его титанического труда превратился в дурно пахнущую жидкую кашу.

Процесс пришлось повторить, поместив ступку и пестик внутрь двойного полиэтиленового пакета. В итоге он стал обладателем двух герметически закупоренных пробирок с матрицей, готовой впитать энергию любой болезни...

Первую пробирку следующим же утром он положил в свой нагрудный карман перед уходом в клинику. Четкого плана действий у него не было.

«Там посмотрим... – думал он. – Что подвернется, с тем и буду работать. Главное – не топтаться на месте».

Тяжелобольных и умирающих тем утром в отделении не оказалось. После завершения скучного обхода, назначений и выписки двоих поправившихся пациентов, у него появилось немного свободного времени. Наслушавшись в курилке свежих анекдотов и от души насмеявшись, на обед он поспешил домой. Андрей всегда так делал – ведь жил всего в двух остановках от больницы скорой медицинской помощи, тем более что Наталья в обеденное время обычно находилась дома, а сегодня обещала приготовить «особенно вкусный» борщ.

Обед действительно уже дожидался Андрея, но трапеза началась с упрека супруги:

– Ты на свои опыты всю соль в доме извел! Из-за тебя борщ получился недосолённым. Сейчас же беги в магазин...

Никуда бежать Андрею, конечно, не хотелось, и он быстро нашел компромиссное решение проблемы. Полагая, что взамен старой матрицы он легко изготовит новую, «ученик алхимика» достал пробирку, с которой уже полдня был неразлучен, и высыпал ее содержимое в кастрюльку с первым блюдом.

– Вот тебе и соль, – сказал он жене, – а после работы я принесу новую.

Сели за стол. Посыпанный укропом и заправленный сметанкой, борщ был, как всегда, хорош. Натали умела и любила готовить украинскую кухню, в чём ей охотно помогала хозяйка квартиры.

– Это Лариса Владимировна наготовила к нашему обеду украинских пампушек, – говорила Наталья, размешивая в борще сметану.

– Балует она нас, – заметил довольный Андрей, – ведь только вчера угощала паштетом из печени трески.

– Кулинария – ее хобби, – улыбнулась Наталья.

Однако, едва супруги отведали по две-три ложки этого прекрасного борща, на них напал приступ беспричинного смеха...

– Немедленно перестань смеяться! – Наталья еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в полный голос. – Ты что... смешинку... проглотил? – и тут же – волна безудержного веселья накатила на неё.

– Да, – давась от смеха, ответил Андрей. – В-вот-т так-кую... – и развёл руки в стороны.

– Слушай... я сейчас подавлюсь... не смей меня....

Так «от души», весело и заразительно они прежде никогда не смеялись! Хохотали до слез, икоты и колик в животе, но остановиться не могли... Через минуту такого

необузданного веселья, Андрею стало понятно, что в этом есть что-то неестественное и подозрительное. Он вспомнил, как сегодня днем смеялся в больнице, и все понял – это действие нового медикамента, который зарядился энергией, выделенной им же самим при прослушивании анекдотов и баек. Нужно было срочно что-то предпринять...

– Выпей водички! – припомнив историю с племянником Димкой, почти простонал он, задыхаясь от смеха, и протянул жене стакан, предварительно отхлебнув из него сам.

Наталья тоже сделала несколько глотков, но ни она, ни Андрей смеяться меньше не стали.

«Скверная история, - подумал Андрей, - так и в психушку можно угодить...»

Но судьба в очередной раз показала ему выход из сложной ситуации: совершенно случайно он сделал глоток крепко заваренного чая, заранее приготовленного заботливой супругой... и все проявления бурной радости тут же прошли. Предложил жене глоток чая и, после того, как она пригубила из чашки, с удовлетворением отметил, что антидот подействовал.

– Уф-ф, полегчало... – Наталья вытерла лицо полотенцем. – Что нашло на нас, не пойму... Точно, борщ какой-то волшебный...

«Мне бы раньше вспомнить фразу Учителя о том, что: "чайный лист является универсальными противоядием", – думал Андрей, продолжая отпаивать свою обессиленную от смеха жену крепким чаем. – Впредь нужно экспериментировать предельно осторожно: ведь это был всего лишь полуфабрикат, а какова же будет сила препарата после нескольких разведений и потенцирования?»

Вторую пробирку с «матрицей» Орлову удалось «зарядить» у постели больного эпилепсией во время судорожного припадка. Это случилось в тот же день, но уже в конце рабочего времени. По пути домой, Андрей зашёл в магазин, где купил соли, хлеба и колбасы. Попросил нарезать «Любительскую», сложил покупки в пакет. В голове уже созрел очередной план, который реализовать оказалось довольно легко. Подходя к своему дому, он заметил сидящую возле забора бродячую собачонку. Остановился, полез за колбасой. Собачка радостно завиляла хвостом и без опаски подошла, поняв, что встретила доброго человека, решившего угостить её чем-то вкусным. Достав пробирку с приготовленным по всем правилам «фактором», Андрей посыпал кусочек колбасы «волшебным снадобьем» и бросил его дворняжке. С едва заметной улыбкой он наблюдал, как та набросилась на угощение. Затем с откровенно торжествующей усмешкой, он следил, как меняется ситуация: едва собака справилась с едой и подняла голову в надежде «перехватить» ещё кусочек, так тут же у бедной дворняги начались страшные конвульсии...

Отвратительную сцену с отравлением собаки могла видеть пожилая женщина на втором этаже соседнего дома, развешивающая бельё на своем балконе, но Андрей решил, что она была слишком увлечена своим занятием. А сам почувствовал внутри себя огромную силу. И понял, что сумел достичь чего-то значительного...

На другой день Андрей Орлов, воодушевлённый положительными результатами и готовый к новым достижениям, продолжил свои опыты. Перелистывая книгу старого Алхимика, Андрей заинтересовался упоминанием Учителя о янтаре, как еще одном адсорбенте энергии. Превратить крошки янтара, хранящиеся в доме, как память о посещении Балтийска, в пахнущую смолой пыль, было делом несложным. Через час с небольшим в его руках уже было несколько пробирок с новой матрицей. Эффективность нового адсорбента он

решил испытать весьма оригинальным способом. Потенцированную янтарную пыль Андрей положил под подушку своей законной жене, во время их... любовной игры. Да-да, в голове удачливого испытателя созрел новый план. При этом во время интимных отношений он старался проявить всю свою изобретательность, чтобы матрица вобрала в себя целый шквал любовных эмоций, чтобы она была готова светиться янтарным огнём любовной страсти!

Вечером следующего дня, будучи на дежурстве, он, без зазрения совести, подсыпал это средство в кофе симпатичной, но кажущейся такой неприступной анестезистке Танечке, неосознанное влечение к которой испытывал уже больше года. «Ничего страшного в этом нет, – решил про себя Андрей. – Не получится, значит, опыт не удался. Следовательно, матрица годится только для... поглощения «определённых» энергий. А если все «сработает», то тут, пожалуй, передо мной откроются безграничные возможности...» И результат не замедлил сказаться! После первых глотков кофе, васильковый взор девушки затуманился, она задышала прерывисто и часто. Тыльной стороной ладони она прикоснулась к своему лбу, как бы определяя, нет ли у нее жара, потом ее пальцы скользнули по волосам вниз и... расстегнули верхнюю пуговку полупрозрачной блузки. Наконец, резко встав с дивана, Танечка выключила свет в ординаторской и, призывно улыбаясь, сняла перед Орловым свой халатик... Пронзительные зрачки звезд с интересом наблюдали эту сцену в оконный проем кабинета...

Настал новый день. Будничный Калининград звенел трамваями, гудел потоками машин и ослепительно улыбался многочисленным пешеходам, старающимся выбрать участок тротуара «потенистей».

Наташа ушла провести своих «старичков», взяв с собой объёмную сумку, и пожелав мужу хорошенько отдохнуть «подальше от своей бесчувственной книги».

– Отличный эффект! – бесстрастно отметил про себя Андрей, проводив жену и вспомнив некоторые моменты своего «весёленького» дежурства. – Такого бурного секса у меня, пожалуй, прежде никогда не было! Вот если бы все вокруг так же меня обожали и ублажали... Впрочем, я могу попробовать создать «фактор уважения и послушания», чтобы заставить окружающих подчиниться моей воле. Но как с его помощью точно и тонко, а главное - незаметно воздействовать сразу на большое количество людей? Тут нужен какой-то иной, принципиально новый путь доставки энергии к моим подопытным. Не стану же я каждого встречного угощать чашечкой кофе? Ведь когда-нибудь они догадаются...

Да, опять он погрузился в свои мечты, неугомными таракашками закопошились в его голове нескромные фантазии... Появилась новая цель и потребовались пути для её достижения... Машинально поставив сковородку на горящую конфорку, чтобы подогреть нехитрый завтрак, Андрей вдруг почувствовал, что решение новой задачи находится где-то совсем рядышком, и вскоре он его найдет... Случилось это несколькими днями позже. История, откровенно говоря, произошла пренеприятнейшая. А кому понравится встреча на тёмной пустынной улице с обнаглевшими пьяными отморозками?

Нередко, когда человек витает где-то в облаках, он не замечает того, что творится у него прямо под окнами. А происходят там иногда не совсем приятные события. В тот поздний вечер Андрей вышел в магазин, работающий круглосуточно. Это только водку в нём по ночам не продавали. Но молодому врачу она не требовалась. Назавтра они с Натальей хотели съездить к морю, ведь погода стояла на удивление хорошая. Машина ещё находилась в ремонте, поэтому решили ехать на автобусе до Зеленоградска. И, как это часто случается, кое-каких необходимых продуктов дома не оказалось. Видя, что у жены от этого портится

настроение, Андрей решил прогуляться до магазина и обратно. «Не расстраивайся, зайка, сейчас я сгоняю в наше «сельпо», чтобы завтра не тратить время на магазины». При этом он машинально сунул в карман пробирку с только что изготовленным янтарным порошком – матрицей. А напротив «сельпо», возле автобусной остановки дежурили несколько подвыпивших парней... Даже не дежурили, а, скорее, охотились.

Заходя в магазин, Андрей, конечно, обратил внимание на поджидающих кого-то юнцов, но не придал этому должного значения. Возможно, парни «догоняются до кондиции» пивком. Такие колоритные представители местного населения встречаются в каждом дворе. А если они попытаются к нему пристать, то он – молод и достаточно силён, чтобы постоять за себя... Вот только, при входе в магазин дверь скрипнула как-то нехорошо, мерзко и жутко, аж мурашки по коже пробежали.

Выйдя через несколько минут с покупками, Орлов с облегчением отметил, что парней у остановки уже нет. Перешёл проезжую часть... вот тут-то они и вышли из темноты. Их было трое. Один, с ножом в руке, преградил Андрею дорогу, а двое других встали по бокам.

Так часто бывает: годами ходишь по известному до мелочей маршруту, и днями, и вечерами.. – и ничего не происходит... а тут вдруг попался... Что было делать? Парни не так уж и пьяны, зато агрессия и злоба льётся прямо через край. Передний, нахально ослабившись, приставил к животу Андрея нож... Естественно, молодой врач сильно испугался, хотя и старался не показывать свой страх этим подонкам. Уже потом, когда он расстался со всей наличностью, а грабители скрылись, Андрей почувствовал, как выше темени его захлестнула жгучее чувство обиды, затем, как выкипающее через край кастрюльки молоко, душу стала переполнять неудержимая ярость.

– Отомстить! – шипел он, стиснув зубы и, сжав кулаки. – Отомстить этим и всем остальным примитивным одноклеточным дебилам! Я объявляю вам беспощадную войну! Я стану вашим судьей и палачом! На карачках будете предо мной ползать! Мне доставит огромную радость вид ваших предсмертных мук!

Отчего-то ему казалось, что он сможет осуществить свои угрозы.

Немного успокоившись, Андрей нащупал в своем кармане матрицу и в его памяти всплыл совет психолога Дейла Карнеги: «Если судьба подложила тебе лимон – сделай из него лимонад!». Он решил получить из данного образца «фактор страха» и с этими мыслями поспешил домой.

К задуманному он вернулся вечером следующего дня. Наученный прежним опытом, Андрей начал свою работу с таким сильнодействующим средством, позаботившись о соблюдении «техники безопасности». На всякий случай, он поставил рядом с собой чашку крепкого свежесваренного чая. И - не напрасно! Случилось так, что когда «фактор страха» был почти готов, одна из пробирок упала на газовую плиту и разбилась. Часть янтарного порошка высыпалось на включенную горелку и... то ли пар, то ли дым с ароматом соснового леса заполнил всю кухню... Несмотря на довольно приятный хвойный запах, Андрей тотчас почувствовал тревогу и сильное беспокойство, его сердце учащенно забилось, а на лбу выступили капельки холодного пота. Дальнейшего развития симптомов Орлов дожидаться не стал и быстро сделал глоток чая из приготовленной загодя чашки. Антидот подействовал почти мгновенно, и Андрей вздохнул с облегчением...

– Отпустило... Надо открыть окно и проветрить кухню...

И тут он увидел, как неистово бьется о прутья клетки его волнистый попугайчик. На пол летело не только просо из кормушки, но и сломанные перья из крыльев. Через несколько секунд Кеша упал на дно своей клетки и затих.

– Вот это, да! Умер от страха! – сделал заключение доктор Орлов.

Он не успел, как следует прийти в себя от пережитого, когда случилось ещё более странное событие. Из-под кухонного шкафчика, прислонённого плотно к стене, совершенно неожиданно выскочили две серые крысы, и на глазах у Андрея завязался жестокий поединок. Разъяренные твари, не обращая никакого внимания на находящегося здесь же человека, бросались друг на друга, кусались, брызгая кровью и визжа! Андрей со страхом и омерзением смотрел на эту жуткую картину, боясь сдвинуться с места. Наконец, одна из поединщиц сдохла с перегрызённым горлом, вторая тоже вскоре скончалась от полученных ран, так и не сумев доползти до укрытия ...

– О, боже... – пробормотал молодой человек, не в силах сделать ни малейшего движения.

Позже, преодолев отвращение, он навёл порядок на кухне, отметив про себя, что надо бы отодвинуть шкафчик в сторону и осмотреть половицы...

– Странно, – озадаченно думал Андрей, протирая пол, – очень странно: я не увидел у них и намека на страх, а только злость и стремление во что бы то ни стало убить своего врага. Ведь ни одна из крыс не сдалась и не уступила, пока обе не погибли...

Дело, видимо, в том, – уже позже понял он, – что минувшей ночью мое желание отомстить и уничтожить обидчиков оказалось намного сильнее первоначального испуга! Впоследствии, мне это может очень пригодиться... как и то, что мои медикаменты прекрасно действуют даже будучи распыленными в виде аэрозолей... Теперь я смогу импровизировать до бесконечности.

Он присел на табурет и закурил. Тяжёлый выдался день. Бедный Кешка... две мерзкие крысы, бр-р-р... Но и результаты есть. Даже весьма неплохие. Тут его взгляд упал на сидящую возле хлебницы муху. И она, и её подруги, видимо не испытали подобного шока, не стали безумно кружить по квартире и устраивать воздушные сражения друг с другом. Впрочем, тут нечему удивляться, понял Андрей: у насекомых, в отличие от животных, отсутствуют эмоции...

Глава 14. Решение принято

Ясные осенние деньки иногда прорывались сквозь череду ненастья. Дождь то с остервенением хлестал по черепичным крышам и капотам автомобилей, по обезлюдевшим аллеям и зонтам прохожих, то – тоскливо тянул свою нудную, бесконечную песню, омывая прозрачными слезами окна домов и спускаясь по водостокам с крыш на грешную землю. Ветер срывал с деревьев мокрое золото и швырял его под ноги людям, показывая свою власть, богатство и великодушие. Но время от времени небо все же пыталось ласково улыбнуться калининградцам, демонстрируя им свою бездонную синеву, и городские пичуги приветствовали солнышко не по сезону радостно и беззаботно.

Октябрь. Клиника. Дежурство. Ближе к полуночи жар у больной усилился. Она дышала тяжело и часто. Глаза были полузакрыты... Молодое тело все еще не желало мириться с приближением смерти и надсадным кашлем пыталось исторгнуть из себя тяжелую болезнь... Силы покидали больную, и запас жизненной энергии таял с каждым часом. Женщина устала бороться, она была уже почти побеждена...

Острый лейкоз – недуг очень коварный, он весьма серьезный противник, как для больного, так и для врача. Позади был месяц ожесточенной борьбы с болезнью... И вот, когда всем уже стало казаться, что схватка выиграна, измотанный и ослабленный опасным недугом иммунитет «пропустил», не справился с самой банальной инфекцией, вызывающей у здорового человека лишь легкий насморк... Но эта инфекция у тяжело больной пациентки за считанные часы переломила ход сражения и теперь стремительно перерастала в грозный сепсис...

Самые печальные мысли рождаются у постели безнадежных больных. Молодой ординатор Андрей Орлов сделал все, что мог, и даже несколько больше, например, вчера он лично сдал кровь для своей пациентки, но её состояние по-прежнему оставалось критическим... Неправда, что хороший врач никогда не сдаётся, действует хладнокровно и решительно, всегда находит правильный выход из сложной ситуации и непременно побеждает болезнь. Так бывает только в кино. На самом же деле врач – обычный человек, и у него тоже бывают периоды сомнений, отчаянья и бессилия. И слезы случаются... Особенно, когда уже ничем не можешь помочь.

Он помнил, какой добрый свет исходил из её ясных, веселых глаз... совсем еще недавно. Теперь же они были пусты и безразличны, глядели мимо суесящихся медиков, и казалось, уже видели надвигающийся ледяной мрак...

Надо признать, что ещё два дня назад Ольгу планировали выписать домой. Врачам стало ясно, что дни ее сочтены и, по самым оптимистическим прогнозам, жить ей оставалось максимум две-три недели. Однако больную убедили в том, что достигнута стойкая ремиссия и в интенсивной терапии надлежит сделать паузу. Выписку из отделения приурочили к ее маленькому юбилею, который она должна была отмечать завтра. Подумать только – двадцать пять лет...

Ольга так мечтала вернуться домой к маме и трехлетней дочурке... Она часто повторяла: «Дома и стены лечат!» – при этом задумчиво улыбалась уголками усталых глаз и краешками бледных губ, видимо, действительно веря своим словам...

Так больно было за всем этим наблюдать! Как бы Андрей хотел отдать умирающей хотя бы частичку своих молодых сил! К сожалению, современная наука на это не способна...

И тогда Андрей решился на отчаянный поступок. Ему было известно, что в сейфе начальника отделения хранилось несколько флаконов новейшего и фантастически дорогого антибиотика аморбидила. Этот препарат был закуплен на средства от платных услуг и являлся неприкосновенным запасом на случай поступления в клинику кого-нибудь из VIP-персон. Где начальник прятал ключи от сейфа, Андрею тоже было известно...

Многое приходится видеть за годы своей практики медицинскому работнику. Конечно, это и счастье в глазах спасенного человека, благодарность его родных и уважение окружающих. Но непременно бывают в его работе боль и слезы, грязь и смерть. Всегда за спиной у врача, как говорится, есть своё кладбище, и никуда от этого не деться. Лечебный процесс полон тревог и трагических неожиданностей, поэтому и напоминает игру в шахматы, когда всего лишь один неверный ход приводит к проигрышу всей баталии. Андрею же теперь он казался минным полем, ступив на которое обязательно взорвешься, вопрос лишь во времени... Квалификация и опыт, конечно, имеют большое значение, но не решающее. Случай – вот что чаще всего сводит на «нет» все усилия медиков.

Медицина – наука очень консервативная, стремящаяся частокором инструкций отгородиться от любой неожиданности. Но нередко врач сталкивается с ситуациями, выходящими за рамки общепризнанных, «обкатанных» схем и понятий, упирается в «стену»

ограниченных возможностей науки или неверных представлений о природе заболеваний. Но он не может позволить себе такую роскошь, как свободу мысли и действия, потому что ценой ошибки обычно бывает человеческая жизнь...

Препарат был введен Ольге внутривенно. Но, видимо, решение Андрея оказалось запоздалым... Под утро температура тела больной внезапно снизилась. Это могло произойти по одной из двух причин: или в течении болезни наступил коренной перелом к выздоровлению, так называемый «кризис», либо энергетические запасы пациентки настолько истощились, что ее организм, устав бороться с недугом, умирает... О приближающемся фатальном исходе свидетельствовала резкая бледность и мраморная окраска кожных покровов, одышка, падение артериального давления и нитевидный пульс. Причина была очевидна – развивался инфекционно-токсический шок - отравление, возникшее от выброса в кровь запредельной дозы токсинов, образовавшихся при распаде колоссального числа бактерий...

Чаще всего люди рождаются и умирают ночью. Со времен земских врачей существует примета, согласно которой тяжелобольной, «дотянув» до утра, имеет неплохие шансы дожить и до следующего вечера... Однако в четверть восьмого, когда застенчивое и румяное после сна солнышко уже заглядывало в окно палаты, сердце Ольги перестало биться...

– Вы, батенька, кретин! – орал на Андрея Сан Саныч, второпях надевая халат наизнанку. – Не было никаких показаний для назначения данной больной этого препарата. Вы похитили дорогостоящее лекарство, чтобы с его помощью спровоцировать тяжёлое осложнение и собственными руками убить молодую женщину!

– Я сделал все возможное для ее спасения... – отрешенно бормотал Андрей. Он словно смотрел фильм ужасов с собственным участием.

– Убирайтесь с глаз моих! – продолжал кричать заведующий отделением. – Но завтра... Завтра мы встретимся с вами на врачебной комиссии, где досконально разберемся в том, что же это было на самом деле: нелепая ошибка или преступление, совершенное по глупости и халатности! Вот, к чему привело ваше увлечение частной практикой! Кстати, приготовьте деньги, чтобы компенсировать нашему учреждению стоимость аморбидила, а также моральный вред родственникам погубленной вами пациентки!

– За что мне все это! – скрипел зубами Андрей. – Есть ли справедливость в этом мире?

Он сидел на обшарпанной скамейке в больничном сквере наедине со своими невеселыми мыслями, которые казались ему сейчас тяжелыми и тягучими, словно густо упаренная патока. Дежурство его давно закончилось, но домой идти не хотелось... Да разве у него есть дом? Съёмная квартирка в старом немецком особняке, выцветшие безвкусные обои, скрипучие полы, мыши и тараканы... Хорошо, хоть с хозяйкой более-менее повезло... А какие радужные надежды питали они с супругой Наташей, когда брали грабительский кредит и подписывали договор о долевом участии в строительстве нового дома... Однако всех дольщиков вскоре бессовестно обманули. Уже через пару месяцев «фирма-однодневка» бесследно исчезла вместе со всем своим персоналом. А вместо обещанного роскошного здания на огороженном пустыре так и остался стоять заполняемый дождями огромный котлован... Он напоминал Андрею чью-то хищную ненасытную пасть...

Своего жилья у молодой семьи никогда не было, а теперь хоть и предвиделось, но довольно смутно... Оставалось надеяться на то, что вот-вот скончается кто-то из стариков,

завещавших квартиру Орловым. Но они с Наташей делают всё, чтобы это случилось как можно позже.

Их старый «Опель» так и остался в автосервисе. У Андрея не хватало денег, чтобы выкупить машину после ремонта. Его частная практика последнее время приносила едва ощутимый доход. Он об этом пока не говорил Наташе. Боялся. Боялся, что она скажет: «Ты неудачник, Андрей, ты не мужик! Я из-за тебя бросила работу, ухаживаю, как нянька и уборщица за дряхлыми пенсионерами в надежде, что кто-то из них вскоре сдохнет! И всё это из-за твоих фантазий! У тебя ничего не получается в жизни, ты строишь какие-то планы, витаешь в облаках, а на деле – полный ноль!»

Он медленно поднялся, отряхнулся и побрёл прочь с территории клиники.

Город приготовился к очередному нашествию дождей. Андрей вспомнил, что оставил зонт в ординаторской. «Да и чёрт с ним!» – подумал он, с тоской глядя себе под ноги.

«Всё меньше становится в городе старинной брусчатки, все больше потрескавшегося, в дырах и рытвинах от нескончаемых «ямочных» ремонтов грязно-серого асфальта...» – отметил он, сворачивая к драмтеатру.

Какие-то «шутники» вновь покрасили красной краской «мужское достоинство» бронзовых быков... А памятник Шиллеру, который, к слову, никогда не жил в Кенигсберге, понуро уставился на проезжающие иномарки... Андрей достал сигарету и задумался... Закурил и развернувшись, побрёл к площади Победы. Старые, корявые деревья роняли ржавые листья на заплыванные тротуары. Окурки, бумажки и пустые пивные бутылки в изобилии валялись вокруг переполненных урн на автобусных остановках. А на месте вот этого рычащего и глотающего горожан монстра-супермаркета прежде был тихий сквер, окруженный зарослями душистой сирени...

Кажется, что Центральный рынок, как липкая квашня, расплзся и заполонил полгорода. Слащаво заывают покупателей к своим лоткам полупьяные торгаши с бессовестными глазами и противными наглыми рожами... У Собора просто не протолкнуться из-за нищих. Молодых и... непонятного возраста, женщин и мужчин... вернее – «ни мужчин - ни женщин». В грязной и рваной одежде, опухшие от беспробудных пьянок бездельники, со следами «асфальтовой» болезни, фиолетовыми фингалами и гнойниками, которые они выставляют напоказ спешащим прохожим...

Странный старик с благородными чертами лица и длинными седыми волосами что-то неслышно бормочет, закрыв глаза и прислонившись спиной к обшарпанному забору. Он то ли просит подаяния, то ли молится... Лицо! Где Андрей мог видеть его лицо? Через минуту сознание прояснилось... Вспомнил! Во сне и у себя дома – в старом немецком зеркале! Там он видел точно такой лик! Андрей мгновенно обернулся... Но старик куда-то исчез. Вот чертовщина... померещится же такое! Ох уж эти нервы...

Дома Андрей, едва раздевшись, рухнул на диван. Обедать не хотелось. Наташа исправно «несла службу», она находилась у кого-то из подопечных старичков. Взглянул на старинный фолиант... Если бы у него сегодня была заряженная матрица! Если б знать, сколько ее нужно ввести в кровь... То, что необходима была внутривенная инъекция, он не сомневался... Вот с количеством вводимой «энергии» сложнее, тут нельзя ошибаться...

Что ж, сегодня он не сумел пробудить «энергию жизни»... С глубоким сожалением Андрей подумал о том, что с «энергией смерти» ему везёт больше...

Он взял в руки несколько последних номеров «Калининградской правды»...

«На мировых биржах паника: нефть стала стоить меньше \$60 за баррель...»

«Внешний долг страны стал выше золотовалютных резервов... Банк России тратит миллиарды долларов, пытаясь удержать на плаву слабеющую российскую валюту, частные и корпоративные инвесторы продолжают долларовое бегство. Отток капитала из России по итогам текущего года может превысить 250 млрд. долларов. Об этом сообщил министр экономического развития ...»

«В результате очередного витка кризиса социальная ситуация в России не просто накалилась, а готова взорваться... Страна находится на пороге очередной революции...»

«Скачок» доллара нарушил ипотечные планы многих тысяч россиян: в разы вырос ежемесячный платёж у тех, кто брал кредиты в американской валюте...»

«Сколько будет стоить рубль к концу года? Как низко ему еще предстоит «упасть»?..»

«С взяточничеством и коррупцией на российском рынке в прошлом году столкнулось 55% респондентов...»

Газеты полетели на пол. Мысли, грустные мысли опять мерзкими скользкими змеями подползли к его сердцу и свернулись в тёмные шипящие клубки... Но сжатые зубы были замком, на который он запер ищущее выхода внутреннее напряжение. Долги... Да, оставалось только одно – вновь залезать в долги. Андрей подумал о том, что сам он ходит на работу в стареньком замшевом пальто, купленном еще до первой волны кризиса, а жена уже третью осень донашивает одни и те же демисезонные сапожки...

– Почему так много честных и трудолюбивых людей живет в нищете, а пройдохи и мошенники процветают? Случайность это или закономерность? Правило или исключение? – бормотал Андрей, глядя в потолок. – Что такое удача? Почему она к одному приходит, а от другого отворачивается? Как она выбирает человека, по каким признакам и за какие заслуги? Можно ли ее удержать, если она однажды посетит и меня? – размышлял он.

По карнизу застучали первые капли дождя.

«Это же немыслимо, неправильно, несправедливо! Почему, дожив почти до тридцати лет, я не имею ни дома, ни дачи, ни хорошей машины, а только одни проблемы и разочарования? Ведь я же не глуп, старателен, любознателен, и всегда хотел быть полезен людям. Но они – эти самые «люди», не могут или не хотят понять моих стремлений и оценить мои достоинства, хотя я, возможно, лучше большинства из них...

Да, я жажду признания, любви и уважения, мечтаю о достатке и достойной жизни... Но, в отличие от других, я готов работать для достижения этой цели день и ночь, до седьмого пота, не покладая рук, не жалея себя! Не жалея никого... Только вижу, что это абсолютно никому не нужно и не интересно. А я не могу больше ждать. Мое терпение лопнуло! Я устал верить обещаниям, мне противно чувствовать себя неудачником и изгоем. Это унижает и озлобляет меня. За что вы так со мной? Еще совсем недавно я всех вас любил, теперь же – презираю и ненавижу! Вы – волки! Вы все – огромная хищная стая и оттого ваши подлые повадки называются «законом»!

Но я гордый, я – зверь-одиночка и не собираюсь жить по вашим правилам! Мне по силам самому выследить и поймать добычу... Но только тогда не ждите, что я с вами стану делиться! Не скулите, не войте, не скальтесь: теперь каждый – сам за себя. Я докажу вам свою правоту! Пусть даже это станет схваткой, которую никогда не выиграть... Но я попробую!»

Он поднялся с дивана и подошёл к окну. Спящее где-то внутри, в самом сердце чувство собственного достоинства вдруг всколыхнулось, призывая к действию. Мозг тут же ответил напряжённой работой. Глаза Андрея перестали видеть серый законный пейзаж,

перед его взором стали разворачиваться совсем другие картины, похожие на живые логические конструкции, варианты предполагаемых действий. Возникшее желание яростно сопротивляться сложившимся обстоятельствам, стало обретать понятную форму. Постепенно ему стало ясно, как действовать и к какой конкретной цели стремиться.

Решение, которое ещё недавно могло показаться безумным, было принято.

Глава 15. Выход из тени

Прошло несколько дней. Андрей продолжал работать в клинике, хотя Сан Саныч попытался создать вокруг него атмосферу недоверия и даже враждебности. Врачебная комиссия должна была состояться на следующей неделе, и заведованием предвкушал полный разгром молодого врача в ходе разбирательства его «преступной халатности и непрофессионального подхода к выполнению своих обязанностей».

– Извольте до дня проведения комиссии возместить стоимость дорогого препарата, – сухо напомнил Сан Саныч, – иначе дело может принять уголовный характер. Сумма серьёзная, почти 500 евро, хотя для вас, при таком увлечении частной практикой, вполне подъёмная.

– Успокойтесь, – ответил Андрей, – и следите, чтобы не оторвались пуговицы на вашем халате... – а, заметив недоумённый взгляд, пояснил: – Они умоляют, чтобы ваш живот стал чуточку меньше! – С этими словами Орлов покинул кабинет заведующего отделением и начал обход своих палат.

Как только он принял решение «стать зверем», к нему пришло странное ощущение. Прежде всего – прилив сил и душевный покой, отсутствие каких-либо сомнений и, вообще, некий эмоциональный «холод». Долой слёзы и всякую мягкотелость! Только трезвый расчёт, логическое мышление и личная польза! Обратного пути нет.

Между тем, по микрорайону уже всю гуляла добрая славушка о замечательном молодом докторе, исцеляющем практически от всех болезней. И, как это часто бывает, правда в народных рассказах очень тесно переплеталась с вымыслом. Хочешь - не хочешь, а клиентура у Андрея не иссякала. Хотя, забота о старушках, с их бесконечными, порой необоснованными жалобами на головокружения, шум в ушах или ломоту в суставах, - симптомами, обусловленными, как правило, лишь преклонным возрастом, - стала досаждала Андрею. Он попросту начал отделяться от назойливых просительниц простыми советами: «не ешьте на ночь», «больше бывайте на свежем воздухе», «заведите себе котенка» или рекомендовал принимать самые обычные таблетки. «То, как дается лекарство, не менее важно, чем само лекарство», - помнил Андрей слова своих наставников и... отправлял великовозрастных пациенток в аптеку, обязательно напутствуя их словами: «Вам непременно станет легче от этого средства!»

Как ни странно, его рекомендации и назначения почти всем помогали, именно этим и хвастались друг перед дружкой пенсионерки, называя доктора и «умным», и «добрым», и «талантливым». Но в голове у Орлова зрели другие планы...

Андрей и не подозревал, как непросто будет зарядить янтарную матрицу настоящему смертельно опасной энергией. Непредвиденные обстоятельства, ненужные свидетели и иные досадные мелочи постоянно мешали осуществлению его замысла. Как будто кто-то держал его за руки и внушал: «не делай того, о чем пожалеешь!»

Закончив обход больных, он направился в ординаторскую, на ходу вытаскивая из кармана халата авторучку. Внезапно Орлов обратил внимание на одинокого старика, сидевшего в коридоре на стуле. Первой его мыслью было: «Странно, на пациента он совсем не похож, поскольку одет в какой-то темный балахон, но и посетителей к больным ещё не пускают... Кто же это такой?» Широкие кисти рук пожилого человека, все в синеватых прожилках, покоились на рукоятке массивной янтарной трости, набалдашник которой обвивала золотая змея. Голова с прядями седых волос была опущена, словно старик что-то с интересом рассматривал на полу или же попросту дремал. С другого конца длинного коридора Андрей заметил спешащую к нему медсестру Свету. Он с любопытством повернулся к старику.

– Позвольте узнать... – Старик быстро поднялся... Орлов увидел его лицо и запнулся на полуслове... Тот самый старик, то самое лицо! Тот же строгий взгляд!

– Андрей Валерьевич, – совсем рядом послышался голос Светы. – Больного привезли. Очень тяжёлый случай! Сан Саныч послал за вами ...

– Хорошо, Света, – ответил молодой врач и кивнул медсестре. Обернувшись же к старику... Андрей даже не удивился его исчезновению... «Опять чертовщина! Ничего, скоро я привыкну к тебе, и мы станем добрыми друзьями», – подумал Орлов и поспешил в приемный покой.

Удача на этот раз «улыбнулась» Андрею. В клинику доставили больного с тяжелейшей формой инфаркта миокарда. Соблюдая все меры предосторожности, Орлов приготовил «смертельную» матрицу. Янтарный порошок постоянно лежал у него в столе в ординаторской. Его нужно было только достать и, аккуратно, не торопясь, вдумчиво и осторожно «насытить» флюидами погибающего человека...

Уже дома Андрей занялся приготовлением пробного образца своего «оружия возмездия». Это была... внешне ничем не примечательная, пачка сигарет «KENT». Достав из пачки сигареты, а осталось всего четыре штуки, он разложил их на столе. Затем, с помощью пинцета вытащил из кончика каждой сигареты часть табака и перемешал его с янтарным порошком, заряженным смертельными флюидами. «Mortem – заряд», как решил Андрей, должен находиться в самом начале сигареты. Чтобы с первой затяжкой «энергия смерти» проникала в лёгкие. Опять же, желательно, чтобы янтарь выгорал сразу, а не оставался внутри. Сделав своё дело, он аккуратно вернул роковую начинку на прежнее место. На всё ушло около получаса.

– Наташ, какое сегодня число?

– С утра было двадцать первое. Ты, вижу, совсем заработался, раз в числах путаешься? Сейчас ужин будет готов...

– Как там наши пациенты, зайка?

– Да что с ними случится? Это я скоро упаду где-нибудь на Ленинском с высунутым языком ...

– А ты сильно удивишься, если к 30-му октября все они покинут этот мир?

– Сильно?.. Ты это о чём, Андрей?

– Ну, ты больше огорчишься или обрадуешься, узнав, что их уже... нет?

– Ну, сначала, конечно, огорчусь... Прекрати, Андрей, этим не шутят!

Орлов сложил сигареты в пачку, сунул ее в карман, и пришёл на кухню.

– Ах, какой запах! Слушай, откуда ты знаешь, что я люблю котлеты? – деланно удивляясь, спросил он.

– Догадалась! – улыбнулась Наталья. – Я очень сообразительна.

Он обнял её за плечи.

– Намаялась, милая? Ничего, совсем немного осталось...

– Ты что, Андрей? К чему такие намёки? – она повернулась к нему лицом и взглянула в глаза. – Ты что-то задумал?

– Нет-нет, ничего... Предчувствие у меня нехорошее...

– Иди ты... сам знаешь – куда, со своим предчувствием! Мне аж нехорошо стало...

– Ладно, зайнка... Я на улицу, покурю.

– Сейчас котлеты будут готовы...

– Я на пять минут.

Ещё возвращаясь с работы, он заметил сидящего на автобусной остановке бомжа. Очень уж они полюбили остановки, эти дети трущоб... Вот к одной такой и направился Андрей, поскольку ему не терпелось испытать своё «оружие».

Уже заметно стемнело. Ветер гнал по небу рваные тучи. Стало довольно прохладно. На обшарпанной лавочке сидел, не обращая внимания на стоящих неподалёку людей, грязный тип в зимней, замызганной куртке. Был он чумаз, лохмат, лицо опухло от бесконечных пьянок и похмелок. Но выглядел далеко не старым. Ему бы жить, работать да растить детей ...

– Курить будешь? – без обиняков спросил его Андрей и протянул открытую пачку сигарет.

– Давай! – обрадовано пробубнил опустившийся мужичок и удивленно вытаращил на подателя курева мутные глаза. Потом черными от грязи пальцами выудил «заряженную» сигарету и сразу же воткнул её себе в рот. Андрей чиркнул зажигалкой.

– А теперь вали отсюда. Видишь, люди сторонятся тебя. – Сам Орлов сделал вид, что ждёт автобуса. На деле же – зорко следил за каждым движением бомжа. Бомж кивнул нечесаной головой, что-то промычал и встал, освобождая лавочку, на которую желающих сесть почему-то не нашлось, и медленно отправился восвояси... Андрей занялся изучением расписания, взглянул на часы... С той стороны, куда удалился бродяга, послышался глухой кашель... затем хрип... В этот момент подошёл автобус.

Проводив взглядом отъезжающий автобус, Андрей не спеша побрёл за бомжем. Тот, по всей видимости, направился в сторону улицы Куйбышева. Не пройдя и полусотни шагов, Орлов увидел, что бродяга неподвижно лежит на краю асфальта, боком «въехав» в придорожные кусты. Одна рука была вытянута вперёд, вторая так и осталась в кармане...

– Что и требовалось доказать... – удовлетворенно констатировал молодой врач.

Вернувшись домой, Андрей с удовольствием втянул ноздрями аппетитный мясной дух. Наташа гремела тарелками, накрывая на стол. Взглянув на свою спутницу жизни, Андрей почувствовал необыкновенную нежность к ней. Всё-таки, не все чувства оказались «замороженными», со своей «волчицей» «зверь» мог быть очень даже милым.

– Что-то ты долго курил, – взглянув на мужа, озабочено произнесла Наталья.

– А я не курил. Я думал... – Андрей сел за стол. – Я вообще, наверное, скоро брошу курить...

– Это правильно, – заметила жена.

– А Петрович наш как? Я рекомендовал ему реже залезать в сигаретную пачку...

– Какое там! Люди его возраста, с такими привычками так просто не расстаются... Потягивает, конечно, но при мне, последнее время, стесняется.

– Завтра вечером я проведу наших старичков... – вздохнул Андрей. Его негромкая фраза была лишена всяких эмоций... Но только... такой бесцветный и внутренне напряженный голос мужа, порой пугал супругу больше, чем откровенный гневный крик...

Вторую сигарету Андрей подложил в пачку своему начальнику Сан Санычу. Этому способствовала дурная привычка шефа - оставлять свое курево, где попало. В последнее время отношения у Орлова с заведующим сильно не ладилась. Началось это год назад, когда кто-то доложил Сан Санычу о том, что его подчинённый в нерабочее время занимается частной практикой. Вот тут всё и началось: из излишне требовательного, начальник превратился в чрезмерно придирчивого. То истории болезней, заполненные Орловым, раскритикует, то оперативностью его работы недоволен, то лечебные назначения поднимет на смех... Масла в огонь подлил тот неприятный случай, связанный со смертью пациентки, когда Андрей всеми силами старался помочь больной, да только безуспешно...

А позавчера на пятиминутке Сан Саныч при всех заявил:

– Нам с вами, Андрей Валерьевич, не по пути! Вы совершенно не интересуетесь новыми методами диагностики и лечения. Полный застой взглядов и атрофия клинического мышления. Вас нельзя и близко подпускать к больным людям!

И все это было сказано в лицо Андрею! А ведь сам-то Сан Саныч был всего на пять лет старше своего подчиненного, и никакими особыми талантами не выделялся! Андрей бы с легкостью мог заменить его в этой должности. А почему бы не попробовать?

Пачка сигарет была почти полной, и Орлов запихнул свое «изделие» во второй ряд, к ее задней стеночке.

– Хочу, чтобы не сейчас сработало, а потом... дома. Так меня никто не сможет заподозрить... – злорадствовал он. – Надеюсь, шеф никого не угостит этой сигаретой... Было бы несправедливо, если вместо него на тот свет отправится порядочный человек...

Эта осень принесла Андрею Орлову первые результаты его экспериментов с *adsorbentis vitae* (55). Ветеран труда Валентин Петрович Боркин, именуемый соседями и знакомыми не иначе как «Петрович», умер у себя в квартире от обширного инфаркта миокарда... А заведующий отделением больницы скорой медицинской помощи Александр Александрович Пастухов скорострительно скончался по дороге домой. Ехал он в своей машине, сам был за рулём... но... внезапно «прихватило» сердце... Хорошо, что никто больше не пострадал, а ведь могла сложиться опаснейшая ситуация на дороге...

Орлов всё чаще использовал в своей практике так горячо любимые его бабушками методы народной медицины и нехитрые травяные сборы. Молодой врач запрещал своим разуверившимся в традиционной медицине пациентам употреблять чай и всевозможные пряности, а некоторым даже выдал персональные солонки, за что люди «попроще» окрестили его «травником» и «целителем», а иные, поинтеллигентнее – называли «фитотерапевтом» и «гомеопатом». Взвесив все «за» и «против», Андрей выбрал для себя пять-шесть одиноких стариков, на которых и переключил все свое внимание.

– Вот молодец! Не бросает одиноких людей на произвол судьбы, – вспоминали о нем в очередях за покупками и на кухнях. – Дай бог ему здоровья!

Для своих «подопечных» Андрей готовил уже особые – «фирменные» снадобья, и видимо преуспел в этом, потому что, менее чем через месяц, он привез ещё к двум бабушкам нотариуса, и счастливые старушки, находясь в «ясном уме и твердой памяти» завещали свое жильё и остальные пожитки «дорогому дохтуру».

Сначала такое их решение не вызвало ни у кого особой тревоги и настороженности, а было воспринято с пониманием и даже одобрением большинством жильцов микрорайона. Однако прошло совсем немного времени, и пожилые люди стали скоропостижно умирать при довольно загадочных обстоятельствах...

– Слыхали, Вера Даниловна из двадцатой квартиры вчера скончалась, – делились новостью соседи, – врач со «скорой» сказал: «похоже на тромб...» А ведь еще днём она во дворе гуляла и ни на что не жаловалась. Вот ведь, как в жизни то бывает...

Расстроенный молодой врач взял расходы на погребение и поминки престарелой женщины на себя... Всё это было понятно и логично, однако...

Еще через неделю в соседнем дворе прощались с очередной бабушкой. И вот тогда кто-то из местных скептиков брякнул:

– А не ваш ли доктор их уморил? Что-то подозрительно часто он к ним в последние дни захаживал...

Кто-то счёл это подозрение весьма резонным, и письмо в городскую прокуратуру не заставило себя долго ждать.

Глава 16. Какова причина смерти?

– Напрасно обыватели считают нашу профессию унылой и рутинной, – увлечённо говорил судмедэксперт, военный пенсионер Борисов при каждом удобном случае, – неправда! Она – захватывающе интересная и, несомненно, творческая: как никакая другая, пробуждает любознательность, располагает к размышлениям и состоит из постоянных открытий.

Седоватого, но стройного, как юношу, Виктора Анатольевича Борисова в бюро уважали, если не сказать больше. Как говорится: «выслуга лет, помноженная на жизненный опыт». За его плечами были: учеба в Военно-медицинской Академии, четверть века переездов по гарнизонам и служба на боевых кораблях, завершившаяся в должности ведущего специалиста Главного госпиталя Балтийского флота. И вот теперь, после ухода на заслуженную пенсию, кропотливая работа судебно-медицинским экспертом и заведование отделом экспертизы трупов.

Сам Виктор Анатольевич был родом из Калининграда. На улицах бывшей столицы Восточной Пруссии прошло его детство, отсюда он начал свой офицерский путь. Много городов повидал земляк Канта, скитаясь по бескрайним просторам великой страны, и в каждом старался найти свою «изюминку». Всякий город имеет своё неповторимое лицо и душу, – считал Виктор Анатольевич. При этом, лица бывают разные: серые-усталые-невзрачные и яркие-весёлые-красивые. Души городов тоже разнятся: одни шумные и суетливые, жизнь в них бежит в быстром, изнуряющем темпе, другие же – тихие и спокойные, быт которых плавно течёт в тягуче-провинциальном русле... Бывало, попав в тот или иной город, любознательный офицер с удовольствием предвкушал интереснейшее «исследование»: «Покажи-ка, дружище-город, мне своё лицо, раскрой душу!»

Но лучшего города, чем родной Калининград, он так и не встретил. Этот град был многолик, симпатичен, с широко распахнутой морской душой. Поэтому Виктор Анатольевич, окончив службу, вернулся в родные края и остановился здесь навсегда, «бросил якорь», – как он сам любил говорить. Он был рад видеть свой город обновлённым,

заботливо хранящим творения давным-давно живших здесь людей, и гордым своей долгой и интересной историей.

Попав в сугубо «гражданский» коллектив, Виктор Анатольевич старался лишний раз напомнить сотрудникам, что он – офицер, хоть и «в запасе»; отличался военной выправкой и пунктуальностью, страстью к порядку и дисциплине. При этом не кичился своей флотской закалкой, старался не «перегибать» палку и не скатываться до тех нелепых и смешных поступков, которые в простонародье именуется «солдафонством». Его главный жизненный принцип звучал по-военному строго и лаконично: «Не согласен – возражай! Возражаешь – предлагай! Предлагаешь – исполняй! А исполнил – отвечай!». Но иногда в «бравом служаке» «просypался» совсем другой человек – тихий, добрый и очень тактичный. Когда он находился в таком состоянии, с ним можно было запросто поговорить «по душам», попросить о чём угодно или просто пошутить-посмеяться. Многие находили его интересным собеседником и очень эрудированным человеком. Неудивительно, что всегда подтянутый, энергичный и остроумный Виктор Анатольевич был локомотивом коллектива и душой любой компании, за что очень нравился женщинам. Даже взбалмошная и немного ветреная фельдшер-лаборант Ирочка однажды с придыханием сказала в его адрес:

– Да он же совсем еще не стар, он – просто «суперстар»!

Признаться, она была втайне влюблена в своего шефа. Но всеми силами старалась это скрывать.

Едва Борисова назначили на должность заведующего отделом, сразу же начались нововведения. «Все знают, что цветы следует поливать два раза в неделю (это о комнатных растениях, украшавших подоконники и пол кабинетов). Но, как видите, они подвяли, следовательно, постоянного ухода за ними нет» - как-то заметил Виктор Анатольевич. Он распечатал на принтере небольшие бирки, на которых витиеватым шрифтом было написано: «Цветок любит воду! Поливать во вторник и пятницу. Ответственный – тов. Гаврилова». «Вы согласны, Ирина Григорьевна?». Ирочка смущалась, краснела и кивала очаровательной головкой. Видимо, с того самого момента она и влюбилась в своего начальника. «Тот, кому не нравится сие нововведение, может бирки сорвать, я не обижусь. Но растения страдать не должны. Цветок, он... как женщина... Требуется постоянного внимания и заботы». С тех пор на каждом горшке красовалась бирка, нисколько не портя его внешнего вида, а цветы поливались строго «по расписанию».

«Виктор Анатольевич, – как-то спросил его Артём Десюкевич, прозектор, – а почему вы так любите слово «товарищ»? Ведь в нашем обществе уже давно принято обращение «господин»? «Вы ставите меня своим вопросом в тупик, коллега, – отвечал Борисов. – Знаете, Артём, в молодые годы, мы, будучи лейтенантами или капитанами, с удовольствием называли себя «господами офицерами». Причём, не всегда в шутку. Была какая-то тоска в советские времена, по старым русским офицерским традициям... по сияющему лакированному роялю, по свечам, даже по дуэлям... По бокалу хорошего шампанского... А сейчас, когда и те времена уже ушли в прошлое, мне почему-то особенно дорого обращение «товарищ»... Но если вас это задевает, я с большим удовольствием, готов величать вас «господин»... «Нет, что вы, – смеялся Артём. – Меня тоже «господа» немного раздражают...»

– Наша главная задача – обоснованно и исчерпывающе ответить на вопрос: «Какова причина смерти?» – наставлял своих коллег Виктор Анатольевич в ходе одного из совещаний их небольшого коллектива. – Врач, исследуя труп, как правило, приходит к

одному из двух выводов: первый – смерть человека наступила от внешнего фактора, то есть она насильственная; или второй – смерть ненасильственная и наступила от болезни или старости. Первый вариант вывода крайне важен для своевременного начала активного расследования и раскрытия преступления.

Если у умершего при жизни было диагностировано, например, заболевание сердечно-сосудистой системы, которое могло привести к быстрой смерти, то врач на основании записей в амбулаторной карте больного может выписать свидетельство о смерти, что позволяет произвести захоронение и без вскрытия трупа. А вот внезапная, необъяснимая или похожая на криминальную смерть всегда попадает в поле зрения правоохранительных органов и, конечно же, нас с вами. Если умерший не наблюдался врачами, и его кончина наступила скоропостижно, то причину смерти следует устанавливать обязательно по результатам вскрытия, причем судебно-медицинского.

При неожиданной смерти и ее причина может оказаться столь же неожиданной... – подзадоривал наставник своих подчиненных. – Всем вам прекрасно известно, что существует множество специальных лабораторных методов, которые могут давать весьма ценную дополнительную информацию. Однако эффективность этих исследований во многом зависит от задачи, которую поставил перед специалистами лаборатории эксперт, проводивший вскрытие. Это я подвожу вас к тому, что главный наш инструмент – не нож или микроскоп, а – голова. А то ведь некоторые из вас думают, что она лишь для того, чтобы кушать круассаны и носить модные шляпки. – Виктор Анатольевич улыбнулся и весьма выразительно поглядел на гистолога Зою.

– Совсем недавно, - продолжал Борисов, – в одном из домов Ленинградского района за короткий период времени скоропостижно скончались сразу две старушки. У них не было обнаружено ни телесных повреждений, ни следов борьбы или ограбления в их квартирах. Казалось бы: что тут особенного? Ведь пожилые люди, как известно, умирают намного чаще молодых. Однако участковому оперуполномоченному показалось странным, что при жизни почившие бабушки никакими серьезными болезнями не страдали и жалоб на ухудшение состояния своего здоровья не предъявляли. Как говорится, им бы жить да радоваться, только, не смотря на это, они все же умерли...

Перед нами поставили обычную в таких ситуациях задачу: определить причину их смерти... В сущности, самое рядовое и привычное задание, но...

Вот здесь мы и столкнулись с рядом обстоятельств, делающих этот случай необычным и даже загадочным. Во-первых, все без исключения жизненно важные органы исследуемых не имели выраженных патологических изменений, способных повлечь внезапный фатальный исход. То есть, смерть была, а болезни - как бы нет.

– Но ведь и на насильственную смерть также ничто не указывает? Почему же вы усомнились в том, что она была естественной? – задал вопрос Десюкевич. – К тому же, следственные органы тоже не обнаружили ничего криминального? – Артём был хорошим работником и уважал Борисова, поэтому свой вопрос задал, чтобы возбудить дополнительный интерес у присутствующих на совещании коллег, да и с тем, чтобы просто высказаться. Так, в разговорах и беседах, он считал, рабочее время проходит быстрее.

– Меня удивило и насторожило обилие и странное сочетание «малых» признаков: чрезвычайно скудное кровенаполнение и начальная стадия атрофии, бледность и дряблость большинства внутренних органов, при отсутствии признаков общей кровопотери или анемии, спазма или тромбоза... Создавалось впечатление, что этим смертям предшествовало быстрое или даже мгновенное снижение жизненного тонуса и молниеносно

прогрессирующее истощение всех важнейших функций организма. И судя по всему, жизненные силы покинули их поразительно быстро, так стремительно, что они даже не успели вызвать «скорую помощь»... Естественно, я предположил, что покойные могли: либо сами случайно отравиться, или быть кем-то преднамеренно отравлены... Однако, в изъятom биологическом материале: крови, моче, образцах внутренних органов и их содержимом не найдено даже следов никаких известных нам ядов. Я не знал, что и думать. Такое в моей практике случилось впервые. И коль все догадки остались без подтверждения, оставалось только признать, что интуиция меня подвела...

А недавно мне стало известно, что умерших пенсионерок регулярно посещал на дому некий проживающий по соседству врач, и по его совету все они придерживались какой-то довольно сомнительной диеты... И еще нам сообщили об одном, крайне важном обстоятельстве: оказывается, что эти пожилые женщины незадолго до смерти завещали все своё имущество любимому доктору.

– Ах, вот в чём дело... – присвистнул Артём.

– *Cui prodest? Cui bono?* – «Ищите, кому это выгодно»... – процитировала римское право умница Зоинька. – У нас тоже недавно старушка скончалась... в нашем подъезде обитала... Пока жила, никому была не нужна, а как умерла, так сразу откуда ни возьмись, куча родственников приехала... За наследством.

Наступила пауза. Виктор Анатольевич посмотрел в окно. Сквозь густую листву разглядеть, что творится во дворе, не представлялось возможным. Борисов наморщил лоб, видимо, выстраивая поток мыслей, как в песне Высоцкого – «рядами и колоннами», и продолжил:

– В результате всестороннего анализа этих сведений, а также с учетом данных полученных при вскрытии трупов, результатов дополнительных и лабораторных исследований, я все же пришел к выводу: смерть наступила в результате отравления неизвестным ядом, предположительно общетоксического действия! Благодаря моему заключению, возбуждено уголовное дело по факту смерти двух человек, а странным врачом уже занимается следователь. Кстати, у нас с ним запланирована встреча после работы. Такая, неофициальная... Похоже, прокуратура этим делом заниматься не хочет... В общем, – он взглянул на часы, – поскольку рабочее время заканчивается, наш «симпозиум» прекращаем... Проверьте свои рабочие места и оставьте после себя порядок...

В последние годы в Калининграде появилось много списанных автобусов из Германии. Отчасти это решило транспортную проблему города. Куда хочешь, довезут тебя мощные и комфортабельные «старички-мань», следуя строго по расписанию. Троллейбусы, к слову, заметно «пасуют» перед ними. Но калининградский трамвай остаётся популярным и любимым видом транспорта для многих горожан. Виктор Анатольевич помнил, каким были трамваи его детства, звенящие, покачивающиеся и гроыхающие, и как на смену им пришли новенькие чешские «Татры». Он позволял себе с удовольствием прокатиться по городу на трамвае, хотя у него имелась старенькая «Ауди». Но, путешествуя на машине, нужен глаз да глаз за дорогой, а в общественном транспорте можно передохнуть и спокойно любоваться красотами родного города. Тем более, если едешь по эстакадному мосту, соединяющему берега Преголи. Глядя по сторонам, то есть, на запад и восток, можно ощутить простор и ширь Калининграда, а также всю его неповторимость. Именно здесь можно увидеть древний Кафедральный собор, Рыбную деревню и спорт-комплекс «Юность», Дворец культуры моряков (бывшее здание Кёнигсбергской биржи) и уходящие вдаль многоэтажки

Московского проспекта, а еще – трудяги-корабли, ставшие на «пенсии» музейными экспонатами... Старый Кенигсберг и новый Калининград повсюду стоят в обнимку друг с другом...

Работник Следственного комитета при прокуратуре Калининградской области был немногословен. Тёмные глаза, густые, коротко стриженные усы. Узел его галстука был ослаблен, а пиджак покоился на спинке стула. Выглядел он усталым и гораздо старше своих сорока с небольшим лет.

– Увы, мы не видим достаточных оснований для дальнейшего ведения уголовного дела, уважаемый Виктор Анатольевич. В общем, этот вопрос не обсуждается, но я всё же решил поговорить с вами, чтобы оценить вашу позицию, поскольку по телефону такие разговоры вести нецелесообразно. Мне нужны убедительные доводы судмедэкспертизы, веские доказательства... словом, вы меня понимаете. Что же касается врача, вызвавшего у вас подозрение, – следователь усмехнулся, – то никаких улик, доказывающих его виновность, у нас нет. Он трудится в клинике скорой помощи. Грубых замечаний по работе не имеет. В свободное от работы время практикует. Отзывы – замечательные...

– К сожалению, – ответил Борисов, – случаи смертей, которые объяснить естественными причинами не представляется возможным, а их насильственный характер доказать практически не реально, в последнее время у нас совсем не редкость. Не так давно я вскрывал тела двух совершенно разных людей, но умерших в течение одних суток и при схожих обстоятельствах. Вы знаете, о ком я говорю... Первого подобрали вблизи автобусной остановки недалеко от больницы «скорой помощи», второй скончался в собственной машине, но оказался врачом из этой клиники.

– Да, конечно, – следователь включил вентилятор и достал сигарету. – Будете курить?

– Нет, спасибо, – отказался Борисов и продолжил, – ...и, хотя один был бездомным пьяницей, а другой – заведующим отделением, умерли они практически одинаково. При внешней картине классического острого инфаркта миокарда, на вскрытии – абсолютно здоровое сердце и совершенно неповрежденные венечные артерии. Иными словами, это не могло быть острым инфарктом. Но чем же тогда? Со стороны других органов и систем у них также не выявлено серьезных проблем, если не считать «испытую» печень опустившегося бомжа.

– Ну и что? – спросил следователь, щёлкнул зажигалкой и затянулся сигаретным дымом. – Впрочем, продолжайте, извините, что перебил. – И внимательно взглянул в глаза судмедэксперта, как бы мысленно вопрошая: «И чем ты хочешь меня удивить?».

– Вот тут-то и есть любопытная «зацепочка»: непосредственно перед смертью они курили сигареты одной и той же марки – «KENT», – при этих словах собеседник машинально взглянул на свою сигарету, и, похоже, сразу успокоился: «Winston». – Возникает законный вопрос: где алкаш мог взять дорогую сигарету? Возможно, подобрал с земли или ему ее кто-то дал... А почему обеспеченный человек, у которого в кармане лежала пачка «Marlboro», также курил единственную, неизвестно откуда взявшуюся сигарету «KENT»? Скорее всего – угостили или как-то иначе подсунули... И самое любопытное: что это за сигареты, кто и с какой целью угощал ими покойных?

– Откуда вам известно про сигареты «KENT»?

– Я беседовал с оперативниками. Они изложили факт наличия сигарет этой марки в протоколах.

– Проводили экспертизу данных сигарет?

– Экспертиза ничего не дала. Если и был какой-то посторонний материал, то он сгорел, даже следов не сохранилось... Но, определённо, что-то там было... Яд или другой наполнитель, сыгравший роковую роль для курящего... Вскрытие умерших, как я уже докладывал, тоже не принесло никаких зацепок...

Мимо собеседников пронеслась стайка ребятишек на роликах. Следователь молчал. Однако по его лицу стало заметно, что он заинтересовался...

«Мы подумаем»... – эта фраза, произнесённая следователем, когда он прощался с Виктором Анатольевичем, назойливо вертелась в голове последнего. «Мы часто повторяем одни и те же фразы, – размышлял Борисов, выходя из здания прокуратуры, – однако, чем дольше это делаем, тем меньшее впечатление они производят... Бросаем их «на ветер», употребляем «не к месту», потом забираем «обратно»... Такая вот нелепица. Это – как хорошо заученная и порядком надоевшая театральная роль: немислимо красивые слова любви, так же, как и страшные слова проклятий, просто входят в сценарий нашей жизни. Они «подумают»...»

Обратно по эстакадному мосту он шёл пешком. Где-то на его середине остановился и огляделся. В зеркальную гладь Преголи смотрелись вековые каштаны и липы... Вспоминая былые трансатлантические походы, по-стариковски дремали у причала суда – экспонаты Музея Мирового океана. Прогулочный катерок катал веселых и беззаботных туристов, похожих издали на пригоршню разноцветных конфет, насыпанных в праздничную вазочку, вдоль отстроенной в стиле довоенного Кёнигсберга Рыбной деревни, протянувшейся от Медового до Высокого моста. На набережной Петра Великого в безмолвной молитве о благополучии янтарного края, простер руки к небу восьмиметровый монумент святителя Николая Чудотворца.

Но вот неторопливо и гулко пробили старинные часы на готической башне Кёнигсбергского Кафедрального собора. И от этих тягучих, мудрых звуков на душе у Виктора Анатольевича сделалось легче...

Следующий день оказался на удивление спокойным. Накопившиеся дела были быстро переделаны, новых проблем не возникло. «Вот оно, самое подходящее время для очередного совещания, – подумал Борисов. – Несомненно, что в таких диспутах есть огромная польза, и я не случайно их затеял. Правильно говорится, что в спорах рождается истина. Мнения коллег еще больше укрепили мою уверенность в том, что все эти случаи – со старушками и курильщиками «Кента», ничто иное, как убийства, искусно замаскированные под острую сердечную патологию. К сожалению, в прокуратуре не разделяют моей точки зрения и, скорее всего, скоро дело будет закрыто, ввиду отсутствия состава преступления. Я, конечно же, не следователь, но считаю, что мне просто необходимо побывать на месте предполагаемого преступления и досконально разобраться: что же ели и пили жертвы. Возможно, удастся взять образцы проб, потолковать со свидетелями и, наконец, встретиться с «легендарным» доктором...»

И он решил заняться этим делом всерьёз. Когда? Да сегодня же! После работы, конечно. «Мы подумаем...» – вспомнилась ему фраза нерадивого следователя. – Нет, ребята, теперь думать буду я.

Глава 17. Охотник и зверь

Душный день сменила долгожданная вечерняя прохлада.

Виктор Анатольевич вышел из трамвая на остановке «Площадь Победы». Вот он, центр Калининграда. Ему сразу вспомнились майские и ноябрьские демонстрации, на которых колонны горожан, «вооружённые» флагами, транспарантами и портретами вождей, со всех концов города стекалась сюда, к памятнику Ленину и серым трибунам, на которых стояла партийная «верхушка» и принимала «благодарность от народа». Здесь также проводились и военные парады: войска калининградского гарнизона проходили, чеканя шаг, по немецкой брусчатке, подогревая тем самым в душах зрителей чувство гордости за свою армию и страну.

Трамваи прежде расходились отсюда по четырём маршрутам (56): одни сворачивали на Ленинский проспект и двигались через эстакадный мост в Балтийский район, другие следовали мимо Калининградского государственного технического университета и Военно-морского училища им. Ф.Ф. Ушакова по Советскому проспекту, третий путь лежал к штабу Балтийского флота и областному драмтеатру, зоопарку, стадиону «Балтика», а четвёртый – к Верхнему озеру, Музею Янтаря (прежде - башне «Дона») и Росгартенским воротам, через которые в 1716 году выехал обоз, с которым отправилась в Россию Янтарная комната.

Уже в наши дни площадь Победы была реконструирована. Она превратилась в уютный уголок, излюбленное место туристических экскурсий и отдыха местных жителей, где можно было посидеть в одиночестве или в компании друзей, полюбоваться музыкальными фонтанами, спокойно поговорить, словом, провести некоторое время в своё удовольствие, как в любом другом городе центральной Европы.

Здесь, неподалёку от Северного вокзала (57), у Пассажа, Виктор Анатольевич должен был встретиться с людьми из городского УВД. Спасибо бывшему однокласснику, который в своё время окончил калининградскую Школу милиции, долго служил в органах, и теперь, с высоты своего кабинета, мог оказать реальную помощь школьному товарищу. Они долгое время поддерживали отношения, в основном, созваниваясь и интересуясь, как идут дела друг у друга; потом звонки стали более редкими. И вот, некоторое время назад, когда Борисов навсегда вернулся в родной город, он восстановил все связи с прежними приятелями. Ибо, среди старых друзей «бывших» не бывает. Юрий Алексеевич сам изъявил желание встретиться с Виктором Анатольевичем, и обещал появиться ровно в девять вечера.

На центральной площади что-то успокаивающее шептали людям искрящиеся струи фонтанов, подсвеченные разноцветными фонарями. Косые лучи заходящего солнца золотили кресты собора Христа Спасителя. Рядом, словно обнявшись, прильнули друг к другу купола храма святых Петра и Февроньи, покровителей семейного счастья, любви и верности, чьи изящные своды выглядят изнутри как соединенные обручальные кольца – символ вечности брачных уз...

– Виктор!

– Юра, привет!

Старые друзья обнялись.

– Вот познакомься, это – Сергей Владимирович, он как раз занимался интересующим тебя делом, – представил Юрий атлетически сложенного молодого человека. Широкий лоб, короткая стрижка и серые внимательные глаза.

– Можно просто – Сергей, – скромно, но с достоинством произнёс молодцеватый сыщик.

Они присели возле фонтана, и Борисов сразу приступил к делу.

– Я постараюсь не отнимать много времени, Сергей. Меня интересуют подробности смерти гражданина Боркина Валентина Петровича, проживавшего по улице Лилии Иванихиной, дом 11... смерти, последовавшей 30 октября прошлого года.

– Я навел необходимые справки. Дело, собственно, не заводилось, потому что для этого не было оснований. Поэтому, я просто озвучу вам некоторые данные, которые мы получили, в результате предварительного расследования. Вот, – он достал записную книжку из внутреннего кармана пиджака. – Престарелый бездетный вдовец Боркин проживал в благоустроенной двухкомнатной квартире... Запомнилось это дело лишь тем, что оно подняло шум среди «чёрных» риэлтеров. Знаете, есть такая криминальная структура, которая охотится за квартирами одиноких стариков... У них на этот счёт имеется целая картотека. Так вот, они знали, что Боркин совсем плох и надеялись, что он вот-вот отправится к праотцам, поэтому и начали подбивать к нему клинья... Но тут появляется молодой симпатичный врач, как описали его соседи, и здоровье пенсионера почти сразу пошло на поправку. Соседи говорили, что старик словно обрёл вторую молодость. Стал живым, общительным... и по их словам, он души не чаял в своём докторе. В конце концов, дед решил завещать ему свою квартиру. При этом было одно условие, чтобы жена врача приходила к нему домой и помогала по хозяйству. Стала кем-то вроде сиделки... Впрочем, это – известная практика. Женщина добросовестно приходила, готовила еду, бегала по магазинам, стирала, делала уборку. Тут бы Боркину жить да жить, а он возьми и умри...

– А можно поподробнее о месте прест... происшествия? – попросил Виктор Анатольевич после недолгой паузы.

Сергей понимающе кивнул.

– Картина, в целом, ничем не примечательная. Смерть наступила поздним вечером. Старик решил покурить перед сном. А в квартире он этого себе не позволял. И в подъезде тоже. Вообще, он дымил только на балконе, в любую погоду... В тот вечер он тоже накинул на себя халат, взял в руки пепельницу, зажёл сигарету и вышел на балкон... – Сергей словно наблюдал эту сцену наяву, – ...сделал несколько затяжек, почувствовал себя плохо и, затушив сигарету, решил вернуться в квартиру, чтобы прилечь. Но не дошел... Упал, едва шагнул в комнату. Пепельница, окурочок – всё на пол, точнее, на ковёр... Если бы не затушил сигарету, мог бы произойти пожар. Утром пришла сиделка – жена врача, стала звонить в дверь, потом по телефону... Подняла шум, вызвала соседей, участкового. Когда вскрыли дверь...

Борисов насторожился. Напрягся. Он стал похож на охотничью собаку, почуявшую дичь и сделавшую «стойку».

– Окурочок... уцелел? – с некоторой дрожью в голосе спросил он.

– Да, конечно... Меня вот что удивило...

– Что именно?

– У старика полно было сигарет «Прима». Видимо, пристрастился к ним ещё с давних времён... А в момент смерти курил почему-то импортную, как его... – наморщил лоб сыщик.

– «KENT»?

– Да, именно... Я тогда ещё подумал: вредно менять свои привычки...

– Это вы к чему?

– Ну, коль привык к «Приме», так и кури её. А тут решил побаловать себя «Кентом»... Вот и случилось: инфаркт и скоропостижная смерть...

– А не осталось ли чего-нибудь из... скажем, грязной посуды, вдруг к нему вечером приходил кто-то, и они пили чай... Или какие-нибудь другие следы от посещения чужого человека?

– Старик был на удивление чистоплотен и аккуратен. Если к нему и приходил кто-нибудь, то никаких следов его присутствия Боркин не оставил. Все чашки чисто вымыты, ни одной крошки на столе. Соседи тоже утверждают, что ничего подозрительного не видели и не слышали.

– Дальше что?

– А что дальше, Виктор, – вмешался в разговор Юрий Алексеевич. – Сам знаешь, если криминала нет, уголовное дело не заводится. А какой тут криминал? Старик скончался от инфаркта миокарда, и то сказать, почти восемьдесят лет прожил! Да еще дымил, как паровоз! Сейчас сорокалетние мужики погибаются... Вот... В настоящее время, лечивший его врач вступил в собственность квартирой. И хорошо, что он, а не эти чёртовы риэлтеры... Что тебя насторожило? Уж не думаешь ли ты, что тут дело нечисто?

– Думаю? Нет, теперь я абсолютно уверен.

– Поясни, пожалуйста.

– Видите ли, ребята... Это уже третья сигарета марки «KENT», которая появилась неизвестно откуда и принесла с собой смерть – внезапную гибель от инфаркта миокарда. Сигарета, которой не могло... не должно было быть... – Борисов поднялся. – Ах, какая нехорошая история...

– Мы помогли тебе, Виктор? Может, нужно ещё что-нибудь?

– Спасибо, друзья. Помощь, возможно, понадобится... Но, пока я сам...

Этим летом Андрей отпустил небольшую «чеховскую» бородку, но зачем, толком не мог объяснить даже самому себе. Или это было желанием походить на кумира своей студенческой юности, или – неосознанной потребностью замаскироваться и тем самым укрыться, спрятаться от наседавших на него житейских проблем. А проблем хватало – он и Наталья стали собственниками сразу нескольких квартир. Эта неожиданная удача возбудила нездоровый интерес как среди «мирного» населения, так и в правоохранительных органах. Пришлось немало объясняться, отписываться, отнекиваться, одновременно понимая, что окружающие тебе не верят, но бессильны что-либо предпринять. Андрей был со всеми ровен: тактичен, вежлив, скромнен, в меру улыбчив, всем своим видом давая понять, что он не способен даже на маленькую хитрость. Ему не верили – он разводил руками: ну, не верьте, мне самому в это трудно поверить, а что поделать?.. Так случилось... Для себя же решил одно: первую схватку он выиграл. Теперь нужно переждать бурю и... снова атаковать. Цели уже были выбраны.

Единственное, что его сильно тревожило, так это – отношение ко всему происшедшему Натальи. В первые дни она была шокирована известиями о смертях своих подопечных стариков.

– Андрей! Я себе места не нахожу! Мне всё время кажется, что тут не обошлось без нашего участия... Ради бога, скажи мне, что они умерли без твоей помощи!

– Наташа, ты понимаешь, что старые люди, к тому же, больные, часто умирают... Особенно сейчас, когда поздняя осень, мало света, витаминов, дожди, депрессия... Еще этот экономический кризис... Каждый человек смертен. Вон, посмотри, сколько молодёжи

умирает... А тут – старички... Так уж случилось ... И в чём моя вина? Я лечил их по всем правилам, и никто мне никаких претензий предъявить не смеет... Моя совесть чиста. И ты тоже успокойся.

– Нет, я помню твои слова: «...если они до конца месяца умрут...». Ты это предвидел? Или сам... им помог?

– Кое-что предвидел... Бывают ситуации, когда врачи бессильны. Здесь то же самое... Я поддерживал их как мог, только бывают случаи, когда организм настолько изношен, что восстановлению, увы, не подлежит... Оставь, зайка, мне самому неуютно... Кругом столько смертей, вон шеф наш тоже... скончался... Тридцать пять лет всего мужику было...

И Наталья умолкала. Подходила, обнимала мужа за плечи, шептала:

– Извини, дорогой, мне просто как-то не по себе...

Орлов продал все квартиры, оставив себе только «двушку». Впрочем, с переселением пока не спешил. Сначала предстояло сделать хороший ремонт. Евроремонт. На вырученные деньги он также приобрёл почти новую «Мазду», придел жену и обновил свой гардероб. Купил кое-какую аппаратуру для медицинских исследований. И, разумеется, для проведения очередных акций... Теперь он пробовал применять в качестве «оружия» не только сигареты, но и различные кремы, гели и мази, в состав которых добавлял «матрицу смерти». Требовалось довести использование своего оружия до совершенства: оно должно было безотказно срабатывать после однократного применения и действовать через открытые участки тела. По-видимому, именно это и искали Майбах с Пильцем. В их времена лекарства ещё не вводили внутривенно, а вот смазать зельем участок кожи, через который открыт «доступ к душе»... это уже по-ихнему, «по-средневековому»...

Испытания он проводил всё по тому же принципу: выбирал пьяненьких, бомжеватых людей, неспешно подходил к выбранному «клиенту», иногда заговаривал, угощал сигаретой или давал 50-рублёвку, затем просто выдавливал порцию крема ему на лицо и говорил: «Вытри морду». Стараясь не привлекать ничьего внимания, быстро отходил, скрываясь за торговыми палатками или в людской толпе. Находясь на отдалении, внимательно следил за «подопытным». Видя, как тот размазывает по лицу полученный «подарок», осматривает и обнюхивает руки, Андрей иногда морщился, а порой широко улыбался. В зависимости от результата. Чаще приходилось улыбаться: в течение минуты тело «клиента» вдруг начинало изгибаться и биться в конвульсиях. Мастерство «зверя-одиночки» заметно возросло. «Что и требовалось доказать...» – эта фраза стала самой ходовой в лексиконе Орлова...

«Хорошо бы «зарядить» водопроводную воду, – иногда думалось ему... – Нет, пожалуй, для этого еще не пришло время...»

Борисов шёл на очередную встречу. На сей раз, его путь лежал в сторону Центрального парка. Был погожий воскресный день, он не опаздывал и поэтому мог не торопиться. Вот она – прекрасная возможность спокойно прогуляться по любимому Калининграду.

Как заставить себя идти не спеша, не бежать, как обычно, меряя шагами асфальтовые дорожки? За многие годы у него сложилась привычка ходить быстро, двигаться энергично, обгоняя неторопливых прохожих, чувствуя себя бодрым, здоровым и энергичным мужчиной. Вот и сейчас, хоть впереди ещё достаточно времени, Виктор Анатольевич в приличном темпе пересёк улицу Театральную и только после этого решил «сбавить ход». Всегда приятно оглядеться по сторонам, ощутить себя не торопливым и бестолковым командировочным, спешащим по коммерческим делам, а коренным горожанином, который

неспешно осматривает полюбившиеся ещё с детства места, подмечает, что изменилось за последнее время, и наслаждается ответными прикосновениями городской ауры к собственной душе.

Прогуливаться по Калининграду нужно уметь... Здесь всегда были, да и теперь остаются свои особенности, придающие ему неповторимую прелесть. В отличие от многих других городов, главные калининградские достопримечательности находятся у нас не в центре, а в глубине кварталов. Очаровательные европейские дворики бывшей восточно-прусской столицы сохранились после варварских бомбардировок и последующего штурма лишь на тихих окраинах города. Вон в тени каштанов отдыхают от летнего зноя знаменитые бронзовые «Борющиеся зубры», именуемые в народе попросту «быками». От них рукой подать до памятника Фридриху Шиллеру – знаменитому немецкому драматургу и поэту-гуманисту. Более сотни лет стоит он в небольшом, но уютном сквере, напротив калининградского Областного Драматического театра.

– Давненько я не посещал сие заведение, – подумалось Борису. – Осенью начнутся «Балтийские сезоны», обязательно загляну. С кем-нибудь...

Драмтеатр соседствует с калининградским зоопарком, расположенном на территории бывшего Кёнигсбергского зоопарка, основанного Г. Клаассом и считавшемся одним из лучших в Европе. До войны в зоопарке постоянно действовали рестораны и кафе, заведение минеральных вод, теннисные корты, ипподром, гимнастический зал, читальня, этнографический музей под открытым небом. Духовой оркестр постоянно играл легкую музыку, а по понедельникам тут исполняли симфонические произведения. Прежде, в этом царстве зверей посетители могли покататься на слоне или подняться в небо на воздушном шаре... Именно здесь была проведена первая Немецкая Восточная ярмарка.

В советские времена калининградский зоопарк тоже стал одним из лучших в стране! Теперь трудно поверить, что после штурма города в апреле 1945 года здесь чудом уцелели только орел, барсук, лань и раненый в брюхо бегемот по кличке Ганс.

Борисов вспомнил своё детство, как он с парой друзей проходил в зоопарк без билета. Им ничего не стоило пролезть сквозь прутья высокого забора. Для мальчишек – это плёвое дело. Сразу оказываешься за клетками с обезьянами. Главное, чтобы никто из obsługi не заметил... Проезжая мимо зоопарка на трамвае, Виктор Анатольевич, будучи ребёнком, да и став взрослым, всегда старался увидеть медвежонка, вылезшего поиграть на суковатую корягу, торчащую из бетонного колодца, который располагался неподалеку от входа в зоопарк, и полюбоваться на забавного звереныша во время остановки трамвая, что всегда доставляло истинное удовольствие...

Ещё пять минут ходьбы по древней брусчатке, а каждый шаг дарил новые воспоминания, и Борисов уже в Центральном парке. Прежде он назывался парком имени королевы Луизы (58) - Луизенвалль. Здесь расположена кирха памяти этой, пожалуй, самой почитаемой женщины в Восточной Пруссии, о красоте которой слагались легенды. Теперь в кирхе - кукольный театр.

Ах, парк! Он вспомнил, как часто бывал здесь в детстве... Сначала его приводила сюда мама. Для малышей тут раздолье – много каруселей и аттракционов, есть даже мини-бассейн. В парке находится концертная площадка под открытым небом - Певческое поле, где проводятся развлекательные мероприятия для посетителей всех возрастов, а также международный джазовый фестиваль «Дон Ченто Джаз». У входа на Певческое поле устало присел с гитарой в руках бронзовый Владимир Высоцкий, последний публичный концерт которого проходил именно в Калининграде.

А вот изображение барона Мюнхгаузена – самый веселый памятник в городе. Это – стальная плита, в которой вырезан силуэт летящего на ядре барона. На постаменте с одной стороны выбита надпись «Кенигсберг», а с другой – «Калининград», дабы подчеркнуть историческую связь немецкого города с русским. Памятник давно облюбовали для своих фотосессий молодожены, да и остальные горожане очень любят забраться на ядро и изобразить полет знаменитого обманщика. Скульптура стала подарком на 750-летие Калининграда от немецкого города Боденведена – родины барона. Известно, что реальный прототип барона Мюнхгаузена – Карл Иероним Фридрих барон фон Мюнхгаузен дважды посещал Кенигсберг: по дороге в Санкт-Петербург и обратно...

Здесь, «возле Мюнхгаузена», Борисов встретился с другим представителем УВД, майором Сидоренко, человеком средних лет, довольно упитанным, застегнутым на все пуговицы и всем своим видом показывающим, что он чрезвычайно занят. Видно, только просьба влиятельного человека заставила его придти сюда. Неподалёку с обиженным видом стояла нарядная женщина, похоже, его супруга, с двумя полненькими детьми, и наблюдала за мужем и его собеседником. Дети уплетали мороженое и с интересом разглядывали проходящих мимо людей. Было шумно, слышался громкий смех, со стороны аттракционов звучала бодрая музыка.

Поговорив с майором ровно пять минут, Виктор Анатольевич пополнил свою «базу данных», или, скорее всего, «доказательную базу». Дело становилось более ясным и более страшным. В итоге, складывалась довольно интересная картина... Пейзаж, нет, скорее – натюрморт. Четверо одиноких стариков. У всех четырех – один и тот же лечащий врач: молодой, грамотный, просто «умничка». Четыре завещанных врачу квартиры... Четыре внезапные смерти... И кто теперь осмелится заявить, что всё это – случайность?

Андрей Орлов всерьёз задумался над тем, что необходимо сделать, чтобы его «оружие» действовало дистанционно, подобно снайперской винтовке. Конечно, смазанная кремом или бесцветным гелем дверная ручка, это тоже хорошо, но... таким способом весьма затруднительно нанести удар, находясь вне поля зрения противника... И еще одна нерешенная проблема – сама матрица... Это ведь - осязаемая улика, а не какая-то там чистая энергия, которую невозможно уловить.

Но как донести «энергию смерти» до цели? Световую энергию, например, переносят элементарные частицы... Можно ли к квантам света добавить небольшую... дополнительную составляющую? Если на пути лучика света поместить мешочек с заряженной матрицей?... Нет, он будет преградой для световых волн... А если использовать электромагнитное поле? Допустим, высокочастотный сигнал, который используется для передачи информации? Сможет ли электромагнитная волна служить носителем для доставки энергии совсем иного свойства? Вряд ли... Хотя, можно провести опыты... С другой стороны, рассеивание энергии может оказаться таково, что легко и самому оказаться в зоне действия собственного оружия! Нет, с этим торопиться не следует... Лучше почитать, что там, в книге ещё интересного, вдруг, найдётся решение? Или хотя бы подсказка...

Андрей заметил, что с каждым разом снимать книгу с полки становится всё проблематичней: она явно «набирала» вес. В последнее время фолиант стало трудно удержать в руках. Скоро, видимо, придётся просить супругу доставать книгу... На жену, кажется, это воздействие не распространяется. «Мистика», – подумал Орлов. Но не придал

этому большого значения. Зверь не должен пугаться непонятного. Для зверя настоящий враг – это вполне осязаемое существо: противник с клыками и когтями.

Но факт остаётся фактом. За последние месяцы вес книги увеличился раз в десять. Поэтому Орлов стал оставлять её то на подоконнике, то прямо на столе, не утруждая себя водружением фолианта на книжную полку. Смущало не только это. Открытая книга стала издавать ужасный смрад. Такой, что находиться вблизи и читать её становилось практически невозможно. Андрей стал подумывать о приобретении респиратора, хотя понимал, что этот подозрительный запах – тоже не вещественного происхождения. Ведь у него нет источника. Просто не существует в природе... Он – потусторонний, как ни странно это звучит. Наталья его не чувствует. А он, Андрей, даже весьма.... Влажная тряпочка, впрочем, немного помогает...

Наталья за последнее время немного успокоилась. Она старалась не думать о том, что внезапно свалившиеся на их голову «даровые» квартиры – результат преступлений её мужа. Ну, какой же он преступник? Он – врач. Он помогает страждущим людям. И они стараются отплатить ему добром, а именно: он становится наследником их имущества - квартир. Она тоже ему в этом помогала, разве и она теперь преступница? Нет, конечно. Тут и рассуждать нечего. Старики умерли сами, в противном случае, Андрея давно бы упрятали за решётку. Да он и не способен на такое... Хотя, в последнее время муж здорово изменился. Конечно, масса работы, столько хлопот... Тут ещё она со своими подозрениями... Наоборот, радоваться надо, помогать мужу. Хоть в чём-то... Следить за ремонтом, бегать по магазинам, готовить еду... И жёстко обрывать все разговоры по поводу его якобы «нечистой руки». А такие бывают, она слышала... Однажды хозяйка попыталась сказать что-то подобное, но Наталья быстро поставила её на место:

– Как вам не стыдно, Лариса Владимировна! Ведь Андрей и вам сколько раз помогал! И что же, вам не стало легче? Когда кому-то плохо, он на пузе готов приползти: мол, помоги, доктор. А как выздоровеет, сразу рот разевает, разные сплетни становятся для него слаще любимого сериала! Люди ужасно неблагодарны, любого готовы обвинить просто так, лишь бы хоть что-то ляпнуть!..

– Да я что, Наташенька, балакают люди чёрт знает шо...

– Плюньте в лицо тому, кто такое говорит!

Хозяйка обещала плюнуть и уходила восвояси, а Наталья постепенно успокаивалась.

Но однажды произошло событие, которое перевернуло всё с ног на голову... Или, наоборот, поставило всё на свои места. Это уж, с какой стороны посмотреть... Ночью приснилось Наталье что-то жуткое, проснулась она вся в слезах. Немного полежала, отходя ото сна, отдышалась и решила принять успокоительное. Встала, обнаружила, что Андрея в постели нет. Наверное, на кухне сидит, книжку свою читает, решила она. Тем более что на кухне горел свет. Надела тапочки, пошла туда. Но, проходя мимо туалета, услышала за дверью тихий голос мужа. Тот с кем-то говорил по телефону...

– ...Да-да, вспомните, что случилось с вашим шефом, любезный! – в словах Андрея сквозила какая-то незнакомая, чужая интонация, – ...подумайте и сделаете правильные выводы. Правильные...

Она невольно прислушалась, затаив дыхание...

– ...могу сказать вам по секрету: это я отправил их на тот свет, как это ни печально. Они мне отказали. Да, и пришлось применить против них свой метод... Ха-ха-ха!..

Наталье стало трудно дышать... Нет, это не её Андрей... Это – кто-то чужой забрался в их дом и приторно-слащавым голосом со звериной ухмылкой на лице (так ей тогда показалось) беседует с кем-то по телефону. И такой странный разговор, определённо, доставляет ему удовольствие.

– ...но дело в том, что против меня ни у кого нет никаких доказательств. Нет, и не будет! Это значит, что я могу действовать безнаказанно. Только не пытайтесь мне помешать, иначе ваши дочери умрут от непонятной болезни. Что вы скажете, если болезнь подкосит вашу старшую? Впрочем, лучше начнём с младшенькой...

У Натальи подкосились ноги, и она тихо сползла по стене на пол...

– ...даже если я сам приду в милицию и признаюсь в содеянном, мне не поверят. Ибо я должен буду предоставить доказательства. А где они? Так что давайте лучше дружить. Ведь вы и ваши близкие давно под прицелом и в любой момент можете умереть... Как это – за что? Вы, батенька, продаёте государственные земли жирным московским упырям! Земли заповедника, Куршскую косу! Да, да! А я и мои друзья привыкли там рыбачить. Сейчас к заливу подъехать невозможно, земли кто-то оккупировал. Колючка висит, коттеджи строятся... Вам кто это позволил? Нет, господь с вами, я не запугиваю... Я вас предупреждаю...

Глава 18. Белые начинают и...

Чем больше Виктор Анатольевич занимался делом подозрительного доктора, тем сильнее становилась его уверенность в том, что врач ухитрился отправить на тот свет всех стариков, которые неосмотрительно завещали ему своё жильё. Остальные его пациенты таким же удивительным образом воскрешались к дальнейшей жизни. Казалось бы, очень серьёзные заболевания (Борисов досконально изучал документацию клиентов частного доктора) «пасовали» перед мастерством Андрея Орлова – так звали злосчастного врача. «... Просто демон какой-то, - думал Виктор Анатольевич. – Действительно, демон! Он шутя «расправляется» с циррозом печени, излечивает больного, на которого уже махнули рукой врачи в серьёзных лечебных учреждениях, но так же легко убивает стариков, чтобы завладеть их квартирами. Вот они, выписки из историй болезни! Они не врут... Вот, больной Павлов Сергей Геннадьевич... Пожилой... У него страшный диагноз – рак поджелудочной железы! По всем медицинским канонам, смерть должна была наступить ещё год назад... Но... Орлов вылечил его! Без хирургического вмешательства!.. Какими лекарствами он воздействовал на организм Павлова, – неизвестно. По словам самого старика, его лечили настоями из трав и мазями... Потрясающе! Но... не понятно...»

Личность Андрея Орлова всё больше интриговала военного пенсионера. Что тот – убийца, не вызывало никаких сомнений. Но доказательств его вины не было. А то, что Орлов – выдающийся врач, тому было масса свидетельств... Для многих смертельно больных людей Орлов оказался последней надеждой, настоящим спасителем. Удивительно...

– О чём задумались, Виктор Анатольевич? – Ирочка вошла в кабинет, держа наполненный кувшин для поливки цветов.

Ответить Борисов не успел. Помешал телефон.

– Виктор, интересные новости для тебя, – Юрий Алексеевич звонил из своего «высокого» кабинета. – Только присядь на стул, иначе упадёшь!

– Сижу, Юра...

– Мы проверили банковские счета твоего «клиента». Того самого доктора, любителя заграничных сигарет... Вот, что достойно внимания: он пополнил один счёт, продав три квартиры, но у него в наличии и второй банковский счёт... Вот на него есть свежие поступления. Причём, весьма серьёзные. Из фирмы «Янтарный берег» на его второй счёт перечислено пять миллионов рублей... Любопытно?

– Весьма. И что дальше?

– А дальше самое интересное. Недели две до этого, скончались несколько человек из окружения бывшего директора фирмы, некоего господина Фельдмана. Странные смерти настолько потрясли бизнесмена, что он угодил в психушку...

– Странные?

– Да, очень неожиданные... Даже слов подобрать не могу. Молодые люди: зять Фельдмана и его племянник... При этом, сам бизнесмен твердит, что их кто-то убивает, вымогая у него крупную сумму денег... И мы склонны ему верить. В настоящее время исполняющий обязанности директора фирмы, который перечислил эту сумму, отказался давать какие либо пояснения, хотя мы настаивали... В общем, всё сводится к тому, что наш «клиент» без дела не сидит... Если хочешь, можешь ознакомиться с результатами вскрытия умерших... Никаких ядов или иных лекарственных веществ. Загадка на загадке... Необъяснимым образом возникшая болезнь и скоростигшая смерть...

– Как всё это похоже... – вырвалось у Виктора Анатольевича.

– И это ещё не всё. Есть и третий счёт. Тоже недавно открыт. И тоже на пять «лимонов». Деньги поступили от одного ЗАО, название не имеет значения, но ты чувствуешь размах?

– После старушек наш «маньяк» принялся за вороватых бизнесменов...

– Именно. А как у тебя идут дела?

– Да как... Есть уверенность, нет доказательств. Пока нет...

– Да? Ну, ладно. Ищи. Мы тоже поработаем... – на этом разговор был закончен.

– «Эх, Андрюша... Нам ли быть в печали...» – медленно произнёс Виктор Анатольевич, рассеяно глядя в окно.

В таком состоянии Ирочка ещё никогда не видела шефа, поэтому, закончив полив цветов, быстро выпорхнула из кабинета.

Ближе к вечеру Борисов почувствовал, что ему невольно сидеть на рабочем месте. Едва дождавшись окончания рабочего дня, он отправился на прогулку... В сторону улицы Невского... С неё он свернул на Братскую улицу, повернул направо. Здесь, среди старых домов немецкой и отечественной постройки, было заметно тише и спокойнее. Запах зелени и цветов смешивался со свежестью воды. Чувствовалась близость Верхнего пруда... На скамеечке у подъезда дома, указанного в материалах следствия, сидели две пенсионерки и о чём-то неторопливо беседовали.

– Здравствуйте, бабушки, – обратился к ним Виктор Анатольевич. – Скажите, вы в этом доме проживаете?

– В этом, голубчик, в этом. А вы не иначе кого-то разыскиваете?

– Я врач судебно-медицинской лаборатории и хотел бы поговорить с людьми, которые хорошо знали недавно умерших в этом доме двух пожилых женщин.

– А-а-а, это вы, наверное, о Даниловне и Семеновне? Мы соседствовали с ними много лет. Жалко их, хорошие были женщины...

– Вот и отлично. Расскажите мне, пожалуйста, чем болели ваши знакомые.

– Да как чем?.. Все мы боеем... И они тоже болели... – начала одна.

– В том-то и дело, – перебила другая, – что последнее время они чувствовали себя хорошо. А тут такая беда... Обе померли прямо на кухне: одна за тарелкой супа, а другая со стаканом воды в руке... Не иначе, как сердце подвело. Жалко их...

– А в поликлинику они часто обращались?

– Да почти не обращались, все домашними средствами обходились. Тут у нас поблизости свой «старушечий» Айболит проживает – Андрей Валерьевич, – заулыбались бабушки, – вот он всех нас и исцеляет... У кого, например, давление поднимется, голова разболится или поясница, мы к нему сразу бежим.

– Да что вы говорите, – сделал удивлённое лицо Виктор Анатольевич, – и чем же он вас лечит?

– Известно чем: разными травами и пилюлями своими. Еще он большой знаток всевозможных диет, даже целебную соль для некоторых собственноручно приготавливает, засыпает в специальные баночки и учит, как ей надо пользоваться. Очень хороший и обходительный врач, не глядите, что молодой.

– А для вас он тоже такую соль готовил?

– Нет, как сказал Андрей Валерьевич, мне она без надобности, а вот Даниловна и Семеновна хвалились...

– А я однажды видела, как он собачку бездомную лечил... – вступила в разговор третья бабулька, проходившая мимо, и посчитавшая необходимым вступить в беседу.

– Как все это интересно, – подыграл и ей Виктор Анатольевич, – расскажите мне про этот случай.

– Так он ее сначала чем-то вкусеньким накормил, – бойко начала старушка, -- а когда она повалилась на траву и начала биться в судорогах, то быстро ее осмотрел, пощупал, погладил и все, как рукой сняло – собачка стала снова здоровой и больше никогда не болела. Да вон же она бегаёт...

Почувствовав, что он привлекает слишком много внимания, Борисов поспешил закончить разговор.

– Спасибо вам, уважаемые бабушки. А не скажете напоследок, где живет ваш знаменитый доктор?

– Отчего не сказать: вон в том желтом немецком доме, на первом этаже, дверь направо, квартира № 2...

Усыпанный окурками подъезд, скрипучая деревянная лестница и старенькая, обитая дерматином дверь. На звонок выглянул молодой парень, быть может, немного полноватый, с густой тёмной шевелюрой и небольшой бородкой. Был он одет в лёгкий спортивный костюм. Добродушная улыбка и острый, пронизывающий взгляд...

– Я хотел бы поговорить с Андреем Валерьевичем...

– Входите, – молодой человек распахнул дверь шире и пропустил Виктора Анатольевича в тесную прихожую.

– Проходите на кухню, а то в комнате отдыхает моя жена – сказал он без тени смущения или беспокойства. – У вас, наверное, приболел кто-то из близких? – Видимо, Орлов принял его за родственника одного из своих пациентов. – Сами вы выглядите вполне здоровым...

– Да, я вполне здоров, и не по поводу больных родственников. Позвольте представиться, я – сотрудник судебно-медицинской лаборатории и хотел бы задать вам

несколько вопросов... – молодой человек многозначительно улыбнулся, понимающе кивнул и жестом пригласил гостя садиться.

Виктор Анатольевич присел на предложенный табурет и продолжил:

– Мне поручено сделать заключение по факту смерти двух пожилых женщин, которые жили по соседству с вами и не так давно внезапно умерли. Вы были с ними знакомы?

– Вот оно что... – молодой человек о чём-то задумался, и после непродолжительной паузы поинтересовался: – Хотелось бы для начала взглянуть на ваши документы...

После того, как Борисов предъявил ему своё удостоверение, он продолжил:

– Ну вот... Вы – Борисов Виктор Анатольевич, а я – Андрей Валерьевич Орлов. Приятно познакомиться, – последовала явно не соответствующая щекотливой ситуации лучезарная улыбка. – Конечно, я прекрасно знал этих старушек и даже помогал им, чем мог, – Орлов отвечал уверенно и выглядел спокойным. Он положил ногу на ногу и откинулся спиной на стенку холодильника, словно показывая, что времени впереди достаточно, и никаких неприятных неожиданностей в данном разговоре для него не предполагается.

– А как вы считаете, что послужило причиной их смерти?

– Странно, что этот вопрос мне задает медицинский эксперт, у которого, наверняка, на руках есть протокол паталого-анатомического вскрытия, – непонятно чему вновь улыбнулся Андрей. – Я думаю: от сердечного приступа, что в их возрасте совершенно не удивительно.

Он, видимо, не первый раз отвечал на подобный вопрос и поэтому откровенно скучал.

– Раз уж вы сегодня меня посетили, то позвольте узнать и вашу версию случившегося... – молодой врач посмотрел в глаза собеседнику смело и даже с некоторым вызовом. – Я так расцениваю ваш визит к себе домой – вы засомневались в заключении медицинской экспертизы и подозреваете, что эти женщины были мною, попросту говоря, умерщвлены... – Он снова непринужденно улыбнулся, стараясь продемонстрировать свою открытость и искренность, а заодно – уверенность в абсурдности такого обвинения.

– Увы, дорогой Андрей, извините за фамильярность... Да, расследование вашего дела зашло в тупик... Но я, после долгих размышлений, всё-таки пришёл к выводу, что заболевания сердца тут ни при чем, и у меня есть основания, для того чтобы считать вас причастным к их смерти.

– Вот как? Вы меня удивляете, коллега! – Орлов рассмеялся. – Впрочем, раз вы пришли ко мне домой, значит, у вас имеется достаточно оснований для такого вывода... Вот что, давайте выйдем на улицу. Я не хочу, чтобы жена случайно услышала ваши нелепые обвинения, рассуждения и доводы. За последнее время она и так испытала достаточно горя. А в нашем дворе тихо и спокойно. Там нам никто не помешает провести беседу... Заметьте, я не попросил вас выти вон, хотя имею на это достаточно оснований. Просто, я хочу послушать точку зрения опытного человека, хорошо знающего своё дело...

Борисов согласился, и они вышли на улицу. «Действительно, в квартире несколько душновато...» – отметил про себя Виктор Анатольевич.

– Можно подумать, что Вы нашли следы яда, которым их отравили? – ухмыльнулся Орлов.

– А с чего вы взяли, будто мы решили, что женщины отравлены?

– А что же тогда? Единственное, что вам могло придти в голову – это отравление. Телесных повреждений, слава богу, обнаружено не было, остаётся одно – яд. И что же вы нашли, цианид, мышьяк, цикуту или нечто более экзотическое?

– Прекратите паясничать! А то у меня создается впечатление, что вы чрезмерно нервничаете.

— А как мне не волноваться? Вы знаете, скольким людям я уже объяснял свою непричастность к этим смертям? Я устал! Я сам, наверное, скоро сдохну от перенапряжения! Оставьте меня в покое, наконец! Послушайте, – он немного умерил свой пыл. – Вы же медик, вы – профессионал. Зачем вам эти выдумки? Чего вы добиваетесь?

Врач-эксперт молчал. Видимо, он ждал, когда его соперник выговорится и придёт в себя. Или собирался с силами для решающего удара.

– Вы, Андрей, замечательный врач, – наконец, промолвил Борисов. – Я был потрясён, честное слово, просто ошеломлён тем, насколько великолепны были ваши результаты в лечении пожилых людей... И с удовольствием бы поучился у вас... Уж извините, но я скрупулезно исследовал вашу работу...

– Вот видите, вы сейчас сами признали, что я честно лечил людей...

– Но это не относится к тем случаям, где речь идёт о ваших наследодателях... надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю....

– Я не понимаю, в чём вы пытаетесь меня обвинить? Лечение я проводил успешно, это вы сами только что подтвердили... Но бывают случаи, когда оно бессильно, не мне вам объяснять.. То, что умершие оказались собственниками, завещавшими мне своё жильё, – чистое совпадение. Случайность, понимаете? Бывает же, что кто-то выигрывает в лотерею... Какие у вас доказательства? Или вы мне их назовете, или я буду вынужден распрощаться с вами...

Для себя Виктор Анатольевич отметил, что Орлов как бы «свернулся в клубок»: его ладони никогда не были открытыми – «берущими» или «дающими»; движения пальцев, скорее всего, что-то отбрасывали от себя, но тотчас возвращались в положение сжатых кулаков. Локти он все время прижимал к телу, или слегка отставлял в стороны – так обычно держит их человек в толпе, когда не хочет, чтобы его затолкали...

– Позвольте повториться, Андрей... вы – очень способный врач...

– Я это уже слышал. Вы, кажется, даже собирались у меня учиться?

Борисов сделал вид, что не заметил насмешки в голосе оппонента.

– Вы замечательным образом вырываете человека из лап смерти, дарите ему жизнь и здоровье...

– Так-так, это уже лучше...

– Я был бы готов низко поклониться вам, если бы ваша деятельность только лечением и ограничивалась... Но вы таким же непостижимым образом ухитряетесь внедрить в организм человека страшную болезнь...

– Какую? Страшную?... Может, вы желаете, чтобы я признался в колдовстве? Скажите, а вам никто не жаловался, будто я готовлю приворотное зелье и навожу порчу?

– Вот именно, что порчу. Только в виде болезни... Причём, почти мгновенно убивающей человека...

– Тогда вам надо обратиться в инквизицию. Вам дать адрес? Самая страшная инквизиция – испанская. Правда, вы опоздали лет на пятьсот...

Теперь взгляд Орлова менялся быстро и причудливо: в нем попеременно просматривались то тревога, то беспечность, а иногда даже нахальство, периодически он буквально прилипал к зрачкам собеседника, словно пожирая его, или становился нарочито расслабленным и как бы засыпающим. Вот в глазах промелькнула какая-то посторонняя

мысль, и на мгновение внимание рассеялось... вот они засветились от удачной шутки или похвалы, но тут же потухли, когда за ней последовало обвинение...

Где-то залаяли собаки. Борисов отметил, что начало темнеть.

– Вы знаете, я был готов к такой реакции с вашей стороны, – продолжал он. – Мне она понятна. Да, у меня нет абсолютно никаких доказательств, но я не теряю надежды их найти. Мне, возможно, и не следовало приходить сюда, но... очень уж хотелось повидать вас. Я надеялся найти необходимые доказательства в вас самих...

– Вот как? Извините, я сбегая домой за сигаретами. Чертовски интересно с вами беседовать... Убеждения есть, а доказательств нет... Но без доказательств, увы и ах... – и Орлов скрылся в подъезде.

Вернулся он через пару минут. В одной руке была пачка сигарет, в другой – какой-то прибор. Щёлк! Вспыхнула лампочка-сигнализатор...

– Это я на всякий случай, – пояснил Орлов. – Всего лишь определитель всяких «жучков» и диктофонов...

– Вы думаете, я записываю наш разговор... или транслирую?

– Всё может быть. Возможно, я скажу что-то не то, о чём потом буду сожалеть... Прицепиться можно к любой фразе, а вам палец в рот не клади... Ну вот, вы «чисты». Поздравляю вас. Курить будете? Я сам уже было бросил, но ваши коллеги из полиции не дают...

– «Кентом» балуетесь?

– Угадали.

– Не угадал, а знаю. От ваших сигарет, между прочим, у людей инфаркты случаются... Поэтому я воздержусь.

В вечернем воздухе повисло тягостное молчание, во время которого Орлов сделал несколько нервных затяжек.

– Скажите, а чем вам помешал бедный бомж на автобусной остановке? – нанёс очередной удар Виктор Анатольевич. И тут же понял, что попал в цель! Орлов хорошо оборонялся от пустых подозрений, справедливо считая их «комариными укусами», но точно выверенный, «поставленный» удар «держать» не умел.

– Снимаю шляпу перед вашей пронизательностью... – впервые по-настоящему удивился и испугался Андрей. – Это был всего лишь побочный продукт моих опытов...

– Я так и понял. А заведующий отделением из клиники, где вы работаете? – развивал наступление Борисов. – Возможно, вы метили на его место?

– Нет, там у меня имелись иные веские причины, только вам о них знать не обязательно, – глаза молодого собеседника мгновенно изменились, они как бы погасли, ушли от общения, лишь формально оставаясь в контакте со взглядом партнера... стали жесткими, непроницаемыми. Да, восстановить видимость прежнего непринужденного общения теперь будет трудно...

– Ну, с Петровичем понятно... – продолжал Борисов. При слове «Петрович» Орлов вздрогнул. – Сигареты были совсем не простые... Вам удалось синтезировать материал, который убивает, но не оставляет никаких следов в организме... Как вы его назвали? Это ваше личное изобретение?

– Больше я вам ничего не скажу, уважаемый... И то, что вы сегодня узнали, останется только между нами. Нет следов – нет доказательств – нет преступления...

– Логично... А как же совесть?

– Совесть? Да, это я отправил на тот свет пару-тройку одиноких стариков! – вдруг «взорвался» Андрей. – Как говорится, восстановил социальную справедливость: они прожили в свое удовольствие, теперь моя очередь жить по-человечески!

– А как вам удалось напугать известных бизнесменов, депутатов калининградской областной думы?

– На каждого этого упыря можно найти тонны компромата! Они уничтожают наш край, наш народ, нашу страну! Разве вы не видите? Я же – «санитар» этого прогнившего общества! Да, со стариками я, возможно, виноват. Мне нужно было просто вылезти из ямы... А теперь я работаю ассенизатором! И не вам меня судить!

Да, я создал свой способ умерщвления людей! Однако моё средство воздействия на отдельные человеческие особи не является ядом в прямом понимании этого слова. Это совершенно иная субстанция, она колоссально сильна и неуловима, её невозможно выявить никакими лабораторными и химическими методами! Доказательств моей вины у вас нет, и никогда не будет! А о нашем разговоре вы никому не расскажете, потому что теперь от этого зависит ваша жизнь, а также жизнь ваших близких. Если вы не примете мои условия, то все ваши родные умрут от тяжелой и скоротечной болезни!

Угроза прозвучала настолько явственно, что, казалось, она материализовалась во вполне осязаемую вещь... Например, в свисающую через забор крючковатую ветку яблони...

– Как бы оно ни было, но свидетелей ни по одному эпизоду нет, зато есть мое «железное» алиби, – через пару мгновений продолжил Андрей. – Надеюсь, вы поняли, что со мной лучше не воевать. Я научился воздействовать на людей дистанционно, и теперь расплата может прийти к вам, например, из водопроводного крана, телефонной трубки или экрана телевизора. Поэтому вы подтвердите всё написанное в вашем заключении, а именно: все эти внезапные смерти были обусловлены естественными причинами, и мы оба навсегда забудем о нашей беседе.

– Я вас понял.

– Вот и отлично, – немного успокоился Андрей. – Признайте ваше поражение и... разойдёмся по-приятельски... Мне почему-то не хочется с вами ссориться...

– Вы меня не поняли, Андрей... Я, видите ли, до сих пор остаюсь в душе военным человеком... А русские офицеры так легко не сдаются! – сказано это было просто и буднично, без всякого пафоса, но чувствовалась, что за данной фразой таится неуловимая, но реальная сила.

– Вы умный человек. И я уважаю достойных противников... Мне вас будет искренне жаль, Виктор Анатольевич.

Эпилог

Эпизод первый

Лариса Владимировна Семенчук с утра собралась на рынок. После того, как с её жилплощади съехали Орловы, она жила, понемногу приводя её в порядок и подыскивая новых квартирантов. Андрей и Наташа закончили ремонт в своей «двушке» и переехали туда два месяца назад, отметив это событие широким и весёлым застольем. «И слава богу, – думала пожилая женщина, – пусть у молодых будет свой дом. Заслужили...».

Выходя из подъезда, она едва не столкнулась лоб в лоб с человеком в полицейской форме.

– Здравствуй, Миша, – узнала она «своего» участкового. – Ты не ко мне ли?

– К вам, Лариса Владимировна. Я и эти господа, – он кивнул на выходящих из машины, что остановилась неподалёку, людей – женщину средних лет и пожилого, пожалуй, даже очень старого мужчину в черном костюме, держащего трость, янтарный набалдашник которой был обвит золотой змеей. Именно эта удивительная трость привлекала особое внимание, а сам держащий её старик был как-то мало примечателен.

– А вы по какому делу? – опешила старушка.

– Не волнуйтесь. Эта дама – представитель районной администрации, а господин – прямиком из Германии. Он разыскивает свою фамильную реликвию – старинную медицинскую книгу, которая затерялась в Кёнигсберге во время войны. У него на руках есть все необходимые бумаги, которые подтверждают этот факт. По различным сведениям и слухам, которыми полнится наш район, мы установили, что эта книга, возможно, находится у вас. Что вы на это скажете?

– Да, – немного успокоилась Лариса Владимировна. – Есть у меня какая-то книга. Ребятишки нашли где-то в развалинах. Если это – та самая книга, которую разыскивает господин немец, я с радостью её отдам...

– Вот и хорошо. Передача книги будет оформлена, как и полагается, по закону, а за её возвращение вам будет выплачено вознаграждение. Но сначала хотелось бы посмотреть на неё. Вы не могли бы вынести книгу сюда, к нам?

– Конечно, сейчас принесу, – старушка, казалось, даже обрадовалась такому повороту событий.

Увидев старинный фолиант, старик немец заметно оживился. Он что-то быстро залопотал по-немецки, но из его слов хранительница древней реликвии поняла только «Я, я...» Книгу раскрыли. Дрожащей от волнения (или старости?) рукой старик перевернул несколько пожелтевших листов, и его глаза заблестели от слёз.

– Это она, – произнесла дама из администрации.

– Да, он её узнал. Что ж, сейчас оформим передачу книги... – участковый, похоже, тоже был доволен. – Спасибо вам, Лариса Владимировна, за то, что сохранили эту ценную вещь.

– Я как чувствовала, что она очень дорогая, эта книга... А какова сумма вознаграждения, Миша?

– Вы, конечно, удивитесь, но... Десять тысяч евро! Деньги получите прямо сейчас, после того, как подпишете документы... Смотрите, как жадно старик ухватился за книгу... Видимо, действительно, фамильная реликвия...

Когда все формальности были соблюдены, и Лариса Владимировна стала обладательницей означенной суммы, гости начали собираться восвояси. Дама из администрации уселась в машину и оттуда посматривала на старика. Тот же, прижимая к груди тяжёлый фолиант, подошёл к раскрасневшейся от радости бывшей хозяйке, чтобы еще раз ее поблагодарить. По-русски он совсем не говорил. Переводил, с грехом пополам, участковый уполномоченный.

– Он благодарен вам за сохранность книги, – сказал Михаил, – и приглашает вас к нему в гости, в Германию...

Старик кивал головой, подтверждая истинность перевода. При этом длинные седые пряди на его голове смешно качались, спадая на щёки и крючковатый нос. Напоследок,

немец полез в свой карман, вынул оттуда что-то блестящее и вложил это в ладонь Ларисе Владимировне.

– Боже ж ты мой, – воскликнула та, – никак, золотая монета!

– Да, – подтвердил участковый. – И довольно старинная. Повезло вам, Лариса Владимировна. Любой нумизмат у вас её с руками оторвёт. Смотрите, не продешевите! – и засмеялся.

– Так що ж вы, хлопцы? Уже уезжаете? Зашли бы в хату, по чарочке выпили, раз такое дело...

Но машина, взревев мощным двигателем, уже тронулась, увозя в неизвестность бесценную книгу и её счастливого обладателя.

Эпизод второй

– Виктор Анатольевич, позвольте у вас в кабинете цветы полить... – развивающиеся полы белого халата девушки напоминали крылья ангела.

– Так вчера же поливали, Ирина... Какая вы сегодня нарядная! Как сверкают ваши глазки, какая милая улыбка... Это весна так на вас действует? – Борисов не скрывал своего восхищения красотой женщины.

– Да? Поливала? – деланно спохватилась Ирочка, – И как я могла забыть?..

– Ну, излагайте своё дело, – улыбнулся Виктор Анатольевич. – Похоже, вас привело ко мне что-то не совсем обычное? Понадобилось уйти пораньше с работы?

– Нет, что вы...

– Неужели хотите убежать прямо сейчас?

– Нет, Виктор Анатольевич... просто... мне хотелось поговорить с вами...

– О чем, по какому вопросу? – удивился Борисов.

– По душам...

– И это в самом начале рабочего дня? – Он хотел казаться строгим, но, видя, как изменилось личико фельдшера-лаборанта, тотчас сменил тон: – Что с вами, Ирочка? Отчего такая срочность? Присядьте, и не смотрите так грустно... Жизнь прекрасна, поверьте... ну, улыбнитесь же!

– Я давно хотела с вами поговорить. А этой ночью почувствовала, что должна это сделать немедленно... Вы уж извините меня, дуру...

– Так... не плакать! – он отворил дверь и громко сказал в коридор: – Зоя, Артём! Я занят, прошу меня не беспокоить... минут десять! – и обернулся к Ире: – Ну, давайте поговорим..

Она села на стул, а он склонился над ней, как доктор над пациенткой. И Ирина, проникшись к нему доверием, почувствовав его доброту и участие, тихо произнесла:

– Вот вы, Виктор Анатольевич... Человек в самом расцвете сил... Везде-то поездили, много чего повидали... А есть ли у вас семья?

Тот, видимо, был готов к тому, что разговор может коснуться этой темы, поэтому не удивился.

– Конечно, Ирочка. У меня есть семья... то есть была. Закончил я службу в Питере, а потом, так сложилось, что мы с женой развелись. Дочь взрослая, давно замужем. У неё своя

жизнь, у моей бывшей супруги – своя... А я решил переехать к себе на родину, и жить своею...

– А почему вы вновь не женитесь?

– Вот это вопрос... Им вы меня буквально к стенке поставили, – отшучивался Борисов. – Но при желании можно ответить и на него, – перефразировал он слова из известного фильма. – Такие дела не решаются в одночасье, Ира. Согласен, у меня не так уж много времени, но и торопиться тут не следует... Да и кто захочет связать свою жизнь с таким старым червяком, как я, и работающего, к тому же, с трупами?

– Да много кто! – не соглашалась девушка. – Я, например... – и, не давая возможности шефу что либо возразить, скороговоркой продолжила: – Это не сиюминутное решение... я давно к нему шла. С первого дня, как вы появились в нашем коллективе...

Виктор Анатольевич выпрямился, подошёл к столу. Сел на стул. Затем вскочил с него, сделал пару шагов в сторону окна. Потом вернулся, снова сел, взял в руки газету...

– Ну, что вы молчите? – Ира достала платок и начала вытирать глаза. – Скажите, что я дура... Ведь правда: я – дура?... – она всхлипнула.

Виктор Анатольевич поднялся, подошёл к ней, нежно положил ладони ей на плечи. Ира замерла. Шеф медленно наклонился и чмокнул её прямо в розовое ушко.

– Спасибо тебе, Ира...

Она вопросительно взглянула на него.

– Я и сам бы предложил тебе нечто подобное... – с заметным волнением произнёс Борисов. – Но стеснялся... Возраст, всё-таки... Мне далеко за пятьдесят, мне внуков пора нянчить, а не в женихов играть... А ты молодая женщина, тебе ещё и тридцати нет...

– Скоро стукнет, – улыбнулась Ира. – Вы знаете, у Акунина в одном романе есть китайская формула по поводу предпочтительного возраста мужа и жены? Так вот, жена должна быть вдвое моложе мужа плюс семь лет...

– В таком случае... – некогда бравый вояка казался сейчас себе растерянным мальчиком, – мы, похоже, пришли к соглашению...

– Да?... – и она, встав со стула, прильнула к Виктору Анатольевичу всем телом. – Только пусть пока это будет нашей тайной...

– Конечно, – он бережно обнял её. – Мы ещё всё обсудим... Сегодня же... После работы. Я приглашаю тебя в кафе. Сегодня прекрасная погода, летние заведения уже открылись... Мы посидим и спокойно поговорим...

– Да, а в субботу поедem к морю?

– Обязательно... Но купаться не будем, вода ещё холодная... – они улыбнулись друг другу.

– Как это всё совпадает с моей жизненной формулой, – задумчиво произнёс Борисов, держа в объятиях счастливую Ирочку. – Как всё точно...

– О чём ты?

– О смысле жизни...

– Да? И в чём же он?

– А ты разве не знаешь? В любви... Не было бы любви... к женщине, к своей земле, к своим родным, к людям, живущим рядом и на расстоянии, то не было бы и самой жизни... Человек рождается на свет для того, чтобы любить. А от любви уже рождается всё остальное – города и деревни, мосты и дворцы, стихи и музыка... И сами люди, конечно... Если бы люди приходили в этот мир только с любовью, в жизни наступила бы полная гармония...

– Как мне с тобой хорошо! – прошептала Ирочка...

– Ну, всё... – Борисов выпустил из объятий девушку. – Пора заниматься делами. Ирина, позови, пожалуйста, наших коллег на утреннее совещание.... Нет, тайну мы пока будем хранить, а поговорим на иные темы. Ох, голова закружилась...

Через несколько минут он сказал собравшимся:

– Я хочу вам объявить, чем закончилось дело о странных смертях, вызвавшее в нашем коллективе некоторые сомнения и разногласия... – Виктор Анатольевич достал газету. – В «Калининградской правде» появилась интересная статья о некоем докторе, который производил с виду безобидные лекарства и мази, обладающие потрясающим по силе эффектом – их применение вызывало острую сердечно-сосудистую патологию... Причём, у абсолютно здоровых людей... Чаще всего их прием заканчивался для пациентов трагически... Очень трудно было найти доказательства, чтобы построить обвинение...

– И всё-таки они нашлись?

– Конечно, Артём, причём, не без нашей скромной помощи...

– Это тот самый врач, который убивал старух из-за квартир? – вспомнила Зоя.

– Тот самый.

– И сколько ему дали?

– Боюсь, нисколько. Его признали невменяемым. Этот человек страдал паранойей с бредом преследования, по причине чего был помещен в соответствующую клинику на принудительное лечение. Вот, тут написано, что даже в зале суда он якобы видел какого-то призрака и кричал ему: «Ты сначала похитил мою книгу, Майбах, а теперь пришёл за мной!» Пишут ещё, что он бросался на окружающих и кричал что-то по-немецки и на латыни...

– Притворялся, верно...

– Врачебная комиссия пришла к заключению, что обвиняемый действительно психически болен... Впрочем, тех, кто совершает подобные преступления, нормальными и здоровыми людьми никак не назовёшь... Поэтому, друзья мои, - закончил свою краткую речь Виктор Анатольевич, – будем относиться к своему делу так же серьёзно и с полной ответственностью, как и прежде. Помните: враг не спит! Кто знает, на какие ухищрения еще могут пойти такие вот «умельцы» ради собственной наживы... А сейчас – всем работать!

Тут он почувствовал, что улыбается. Ему сделалось неловко, всё-таки, рабочее совещание, а не пересказ анекдотов.

Ему в ответ улыбалась счастливая Ирочка.

КОНЕЦ

Примечание:

Авторы не настаивают на достоверности всех описанных ими исторических событий.

СНОСКИ:

1 – Кенигсбергское кислое вино в шутку называли «вином трех людей»: первый должен был держать того, кто пьет, то есть, второго, а третий - вливать кислятину пьющему в рот.

2 – Альбрехт родился 17 мая 1490 года в Ансбахе. Его отцом был Фридрих I Гогенцоллерн, маркграф Бранденбург-Ансбаха. В 1511 году рыцари Тевтонского ордена избрали Альбрехта своим великим магистром. Он стремился избавить Орден от вассальной зависимости – подчинения польскому королю Сигизмунду I, который был его дядей. В декабре 1519 года началась война Тевтонского ордена с Польшей. Альбрехт

обращался за помощью к Германии, но император Карл V отказал ему. В феврале 1517 года в Москву прибыл первый посланник Ордена Дитрих Шонберг, который вёл активные переговоры с представителями великого князя Василия III. Они увенчались заключением первого международного договора между Россией и Тевтонским орденом. Некоторые авторы считают, что в память об этом союзе самый большой зал замка Кёнигсберг получил название Московского зала (Зала московитов). 8 апреля 1525 года был подписан Краковский мир, по которому Пруссия, будучи прежде орденом церковным государством, была преобразована в герцогство (стала светским — «секулярным», — государством), подвластным Польше и наследственным в семействе Альбрехта. 10 апреля на городской площади Кракова Альбрехт прилюдно принёс присягу королю Польши как герцог Пруссии.

Забываясь о просвещении подданных в лютеранском духе и, невзирая на расходы, герцог приглашал в страну образованных людей. Альбрехт основал в своей стране школы, гимназию и, наконец, в 1544 году университет в Кёнигсберге (*Collegium Albertinum*), даже напечатал на свои личные средства учебники.

3 – Мосты между двумя рукавами Прегеля были разводными и назывались так же, как и ворота в крепостных стенах, к которым подходили. Над двумя из них – самым старым (1286 год) Кремер-брюке (Лавочный) и самым красивым (1322 год) Грюне-брюке (Зеленый) ныне вознесся километровый эстакадный мост. От Кёттель-брюке – Потрохового моста, который был построен в 1337 году, перестроен в 1886-м и располагался в районе нынешней Старо-Прегольской набережной, теперь не осталось и следа, как и от Шмиде-брюке (Кузнечный), возведенного в 1397 году рядом с Лавочным и соединяющем Альдштат с Кнайпхофом. Почти сто лет длился спор между подданными этих городов о строительстве Хольц-брюке (Деревянный мост), поскольку альдштатцы хотели проложить свой путь через реку, минуя остров Кнайпхоф. Мост был построен в 1404 году, перестроен в 1904-м и теперь соединяет Московский проспект и остров Октябрьский. Шестой мост – Хойе-брюке (Высокий) был сооружен в 1520 году за пределами древнего города, в 1882 году - перестроен, в 1945-м – восстановлен и теперь соединяет остров Октябрьский с улицами Дзержинского и Багратиона. И, наконец, Хоник-брюке (1542 год) – Медовый мост сегодня соединяет остров Канта с островом Октябрьским и используется для экскурсий в Кафедральный собор. Пока никому ещё не удалось решить задачу кёнигсбергского математика Л.Эйлера о семи мостах через Прегель, по которым нельзя пройти, не ступив хотя бы на один из них дважды.

4 – Остзее (*Ostsee* – нем.) – Балтийское море.

5 – Жители Альдштата и Кнайпхофа в старые времена часто враждовали друг с другом, дело доходило даже до вооруженных столкновений. Альдштатцы называли жителей Кнайпхофа япперами. В 1455 году, после очередной войны, шутники-горожане пристроили к часам на башне ратуши Альдштатда омерзительную рожу, которая каждый час при бое курантов показывала язык Кнайпхофу. В те времена, высунутый язык был весьма неприличным жестом. Стоит ли сомневаться в том, что эту конструкцию назвали «яппером»? Башня имела достаточную высоту, чтобы яппер был виден издалека, и кнайпхофцы были далеко не в восторге, видя эту карикатуру на себя. Но альдштатцы пошли ещё дальше. В 1528 году, при реконструкции ратуши, была сооружена вторая такая же башня с «яппером». Теперь, отбивая часы, «бородатые морды» показывали языки Кнайпхофу по очереди.

6 – Коллегия – общежитие для студентов.

7 – Вагант – в средневековой Европе – бродячий музыкант, певец и артист.

8 – Симон Дах – (нем. *Simon Dach*; 29 июля 1605, Мемель — 15 апреля 1659, Кёнигсберг) — поэт, прежде всего, известен как автор слов к песне «Анхен из Тарау», до сих пор популярной в Германии, Австрии и Швейцарии. С 1619 года Дах жил в Кёнигсберге, где он обучался в соборной школе. С 1626 года Дах — студент кёнигсбергского университета, где изучал теологию, греческую и латинскую поэзию. После окончания университета Дах стал домашним учителем, а в 1636 году стал работать учителем в соборной школе, в которой сам ранее и учился. В 1639 году в роли профессора поэтики Дах вернулся в Кёнигсбергский университет, а в 1656 году был избран его ректором.

9 – Валентин Тило (1607-1662) - поэт, профессор Кенигсбергского университета. Родители В. Тило (младшего) умерли в 1620 году во время эпидемии оспы. Закончив Кенигсбергский университет, с 1634 года и до самой смерти Тило был профессором риторики университета. За свою жизнь он написал большое количество церковных песен и псалмов, многие из которых поются до сих пор, а также несколько книг по риторике, многократно переиздававшихся впоследствии.

10 – Верно поставленный диагноз, правильное лечение (*лат.*).

11 – Чума – страшная болезнь, прозванная во времена Средневековья «Великим мором» или «Чёрной смертью», опустошала Европу, сея панику в сердцах людей.

12 – В 1621 году случилось сильное наводнение, затопившее Кнайпхоф. Вода полностью покрыла остров.

13 – смелым судьба помогает (*лат.*).

14 – Главная причина (*лат.*).

15 – Гиппократ (греч. Ἱπποκράτης, лат. *Hippocrates*) (около 460 года до н. э., остров Кос — между 377 и 356 годами до н. э.) — знаменитый древнегреческий врач. Вошёл в историю как «отец медицины».

Гиппократ является исторической личностью. Упоминания о «великом враче-асклеиаде» встречаются в произведениях его современников — Платона и Аристотеля. Собранные в т. н. «Гиппократовский корпус» 60 медицинских трактатов (из которых современные исследователи приписывают Гиппократу от 8 до 18) оказали значительное влияние на развитие медицины — как науки, так и специальности.

С именем Гиппократа связано представление о высоком моральном облике и этике поведения врача. Клятва Гиппократа содержит основополагающие принципы, которыми должен руководствоваться врач в своей практической деятельности.

16 – Эрасистрат (Ἐρασίστρατος, 304 до н. э., Кея — 250 до н. э., Самос) — греческий врач. Некоторое время находился при дворе Селевка Никатора в Антиохии. Потом жил на острове Самосе. Эрасистрат считается основателем особой медицинской школы, называвшейся по его имени. Эрасистрат предполагал в теле два противоположных элемента: жизненный дух и кровь. Главной причиной болезни Эрасистрат считал излишества в пище и несварения её, что засоряет сосуды, вследствие чего возникают воспаления, язвы и другие заболевания.

17 – Териак – средневековое заблуждение, мнимое универсальное противоядие (количество ингредиентов которого доходило до 74), должное излечивать все без исключения отравления. Позднее териаку было приписано свойство всеильного профилактического средства, дающего своему владельцу долгую здоровую жизнь.

18 – Учись слушать (*лат.*).

19 – Парацельс – настоящее имя Филипп Аврелий Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм), (родился 21 сентября 1493 г. в г. Айнзидельн, кантон Швиц, умер 24 сентября 1541 г. в Зальцбурге) — знаменитый алхимик, врач и оккультист.

20 – Гален (греч. Γαληνός; 129 или 131 — около 200 или около 210) — античный медик. Создал около 400 трудов по философии, медицине и фармакологии, из которых до нас дошло около сотни. Вскрывал тела убитых животных и гладиаторов. Описал около 300 мышц человека. Доказал, что не сердце, а головной и спинной мозг являются «средоточием движения, чувствительности и душевной деятельности». Доказал, что по артериям движется кровь, а не «пневма», как считалось ранее. Создал первую в истории физиологии теорию кровообращения (он считал, что артериальная и венозная кровь — жидкости суть разные, и роль первая «разносит движение, тепло и жизнь», то вторая призвана «питать органы»).

Гален положил начало фармакологии. До сих пор «галеновыми препаратами» называют настойки и мази, приготовленные определенными способами. Он систематизировал представления античной медицины в виде единого учения, являвшегося теоретической основой медицины вплоть до окончания средневековья.

21 – Асклеиады — члены семейств, ведущих свой род от древнегреческого бога медицины Асклепия или Эскулапа. Занимались лечением больных в посвящённых Асклепию святилищах — асклепионах. Первоначально лечение состояло из религиозных обрядов. К ним можно отнести сон в святилище, посредством которого больной мог получить исцеление от самих богов. Жрецы толковали сновидения, в зависимости от которых и назначали лечение. Наиболее известными в древней Греции являлись асклеиады из Коса, Книда и Эпидавра. К косским асклеиадам принадлежит Гиппократ.

22 – Противоположное лечи противоположным (*лат.*).

23 – Подобное лечи подобным (*лат.*).

24 – Аристотель Стагирский, один из величайших философов античной Греции, родился в 384 г. до н. э. в Стагире, греческой колонии во Фракии, недалеко от Афона.

25 – Цельс, Авл Корнелий (Aulus Cornelius Celsus) (первая половина 1 в. н.э.), римский ученый-энциклопедист, автор сочинения Искусства (Artes), охватывавшего сельскохозяйственные науки, медицину, военное дело, риторику, философию и юриспруденцию. Медицинский раздел «О врачебном деле» (De re medica) в 8 книгах – единственная сохранившаяся часть сочинения.

26 – Один из величайших мыслителей прошлого (полное имя Абу-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал – Бируни, 973 — 1048 г.г.). Жил в древнем государстве Хорезм. Большое место в своей научной деятельности Бируни уделял ботанике и медицине. В работах, посвящённых этой проблематике, он близко приближается к

теории естественного отбора Ч. Дарвина. Он также дал описание многих видов лечебных растений и рецептуру их применения при различных болезнях.

27 – Авиценна (Абу Али ибн Сина) принадлежит к числу величайших ученых Средней Азии. Философ и медик, естествоиспытатель и математик, поэт и литературовед, его имя стоит рядом с бессмертными именами великих мыслителей человечества.

28 – Королевский пруд.

29 – Настойка лекарственного вещества на спирте или эфире.

30 – Энергия смерти (*лат.*).

31 – Ничто не дается без труда (*лат.*).

32 – Удивительно красивые ворота между Кнайпхофом и Зеленым мостом, которые были снесены в 1864 году.

33 – Речь идет об открытом неповиновении кенигсбержцев новому правителю герцогства. Немецкие историки, особенно Ф. Гаузе, отмечают особое упорство кенигсбергского бюргерства и городского дворянства в противостоянии курфюрсту.

Оба сословия Кенигсберга выдвинули своих предводителей. От бюргерства им стал Иероним Рот. Долгое время он являлся представителем партии общин в ратуше и пользовался авторитетом. Рот не признавал Оливский мир, закрепивший права курфюрста на владение Пруссией, и обратился за помощью к Польше.

Все решилось, когда курфюрст с войсками в октябре 1662 г. сам появился в Кенигсберге. До открытого выступления не дошло, Рот был арестован и до самой смерти в 1678 г. оставался под стражей.

34. Берлинский локоть – (аналог русского аршина) 67 см.

35 – Впервые устье Прегеля углублялось в 1540 году. Вторичное углубление до 4-х метров произведено в 1681-1683 годах. В конце 19-го века приступили к строительству морского канала длиной 34,5 километра, глубиной до 6,5 метров, затем длина канала продлилась до 42 километров. В 1930 году произведена очередная модернизация канала: его глубина достигла 8 метров, ширина - 70 метров.

36 – Братство мыслителей (*лат.*).

37 Времена меняются (*лат.*).

38 – Иезуиты открыли в Кёнигсберге госпиталь в 1650 году.

39 – Книги тоже имеют свою судьбу (*лат.*).

40 – «Пылающее сердце» - эмблема ордена иезуитов.

41 – Полиция в Кёнигсберге появилась в 1639 г.

42 – Голубая башня, одна из главных тюрем Кёнигсберга была построена в 1378 году. Располагалась в Кнайпхофе.

43 – «Каролина» - свод общегерманских уголовных законов; составлен в 1532 г. при Карле V (отсюда название). Отличался особой жестокостью мер наказания. Действовал до конца XVIII в.

44 – В кенигсбергских ресторанах подавали солёных ворон, пойманных на Куршской косе. Блюдо считались деликатесом. «Крайбиттер» - это профессия людей, заготавливающих ворон впрок. Их ловили силками и засаливали в бочках, как селедку.

45 – Живи и здравствуй (*лат.*)

46 - Скелеты домов, оставшиеся со времён войны начали разбирать, расчищать и застраивать только в 60–70-е годы. Вместе с разбитыми домами под бульдозер попадали и немецкие кладбища, а надгробными плитами, взятыми оттуда, мостили дороги...

Отдельного разговора достоин Королевский замок. Он сильно пострадал во время боев и бомбежек, но все равно выглядел величественно и даже загадочно. От него остались только толстые стены, а среди завалов из груд кирпича, битого стекла и покорёженного металла чернели большие воронки, и зияли, маня ребятню, провалы и уходящие глубоко под землю ходы, галереи, казематы... Замок хранил очень много тайн. Ходили слухи, что из него к знаменитым кенигсбергским фортам (а также затопленным фашистами заводам, госпиталям, складам и нефтебазам) тянулись широкие подземные дороги, что в его хранилищах спрятана Янтарная комната и другие сокровища, будто бы он имеет таинственные раздвигающиеся стены, ловушки и иные жуткие секреты... Не удивительно, что все это прусское «убожество» предназначили к сносу. В 1949 году на месте замка было решено соорудить Дворец Советов, который не достроен и по сей день... В этой связи было также решено очистить и облагородить примыкающий к будущей «пирамиде Хеопса» калининградского чиновничества Королевский пруд (в то время именуемый горожанами не иначе как «Тухлое озеро»).

Наконец, Калининград обрёл своё, ни с чем не сравнимое лицо. Город-сад, с прекрасной рекой, прудами и озёрами, аллеями из каштанов, лип, буков и рябин стал областным центром Янтарного края с собственной интересной историей. Уже в наше время стали строить здания, придающие городу особый шарм:

поскольку их стали возводить в стиле, напоминающем довоенную немецкую готику. В современном Калининграде всё ярственнее проглядывает старое, строгое лицо немецкого Кёнигсберга. И это радует горожан. Такой вот счастливый случай: благодаря заботе и стараниям юного города, вернулся к жизни и другой – старый Кёнигсберг.

47 - В честь космонавтов, юность которых прошла в Калининграде – А.Леонова, В.Пацаева, В.Романенко и А.Викторенко – названы улицы и установлен монумент «Покорителям космоса» на проспекте Мира.

48 – Обозначение в рецепте, как больной должен принимать данное лекарство. Название лекарства обычно пишется по-латыни, а сигнатура - на родном, в данном случае, немецком языке.

49 – Гомеопатия – метод, основным принципом которого является лечение «подобного подобным». Если традиционная медицина назначает лекарства «против» проявлений болезни, то гомеопатия – «по» симптомам.

50 – Изопатия - метод лечения болезней собственными «извержениями» человеческого организма. Терапевтическим принципом этого учения является не «подобное подобным», а «одинаковое одинаковым». Против чесотки назначался внутрь чесоточный соскоб, против ленточных глистов применялось полученное из этих же паразитов вещество, против чахотки назначалась мокрота чахоточных и т.д.

51 – Христиан Фридрих Самуэль Ганеман (нем. *Christian Friedrich Samuel Hahnemann*; 1755 —1843) — официальный основоположник гомеопатии. Однако, основы гомеопатии использовал еще Гиппократ (V в. до н.э.). В своих работах он писал о трех принципах терапии: подобия; тождества; противоположности. По его мнению, болезнь можно сравнить с деревом: корни его - ее причины, а крона - следствие. Древнегреческий врач был убежден, что излечить болезнь возможно, только действуя в двух направлениях: лечить корни, исходя из принципа подобия, а крону - из принципа противоположного (принцип аллопатии). Асклепад Вифинский (I в. до н.э.), основатель методической школы и медицинской системы, первым в медицине сказал: «Лучшее лекарство от лихорадки - сама лихорадка». Принцип подобия использовал и Парацельс (XVI в.) Применяя лечебные средства, он делал свой выбор, основываясь на сигнатурах - указаниях со стороны лекарства, а болезни он иногда называл именем того лекарства, которое имело свойство вызывать такую же болезнь, В этом отношении он до известной степени был предтечей Ганемана.

52 – Введение термина «изопатия» связывают с именем ветеринара Вильгельма Люкса (*Wilhelm Lux* - 1796-1849), который предложил его в 1833 г. после многочисленных попыток лечения животных гомеопатическим методом. На основе собственных наблюдений Люкс пришел к заключению, что любое инфекционное заболевание содержит в самом себе средство, которым оно может быть излечено. Он отметил, что техникой разведения и динамизации инфицирующего продукта (бактерии, вирусы, зараженные секреты или пораженные органы) могут оказывать терапевтический эффект на текущее инфекционное заболевание.

53 – Сила мысли (*лат.*).

54 – Осторожно! Прочь с дороги! (*нем.*).

55 – Поглотитель жизни (*лат.*).

56 - Трамвай появился в Кенигсберге еще в конце XIX века и был первым во всей Германии. До сих пор, следуя традициям, рельсовая колея в городе значительно уже, чем в материковой России.

57 - От Северного Вокзала отходят поезда к двум самым известным морским курортам области – Светлогорску (бывшему Раушену) и Зеленоградску (бывшему Кранцу). До войны больше славился именно Кранц, поскольку оттуда начинается Куршкая коса (Куриш Нерунг) – главный природный памятник Восточной Пруссии. Эти курорты всегда привлекали как самих немцев, так и иностранных путешественников красотой и чистотой улочек, романтическим обаянием немецких барышень, обязательностью и честностью обывателей, сентиментальностью детей, стабильностью и порядком.

58 – Луиза Августа Вильгельмина Амалия (нем. *Luise Auguste Wilhelmine Amalie*; 10 марта 1776, Ганновер — 19 июля 1810, замок Хоэнцириц) — принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга Фридриха Вильгельма III и королева-консорт Пруссии, бабушка российского императора Александра II.

Её дочь, принцесса Шарлота, вышла замуж за Николая I и стала российской императрицей Александрой Федоровной.

КНИГА 2. БЕССМЕРТНАЯ ПАРТИЯ*

**Бессмертная партия* – шахматная партия, сыгранная 21 июня 1851 года в Лондоне между Адольфом Андерсеном (белые) и Лионелем Кизерицким (чёрные). Примечательна большим количеством серьёзнейших жертв, которые принесли белые для достижения победы. Одна из самых знаменитых партий за всю историю шахмат, была единодушно признана высшим образцом романтических шахмат — течения, господствовавшего в середине XIX века.

ЧАСТЬ 1. «Гамбит четырёх ладей»

Размышления шахматной фигуры – 1

Отчего же не начинают?

Два войска застыли на шахматном поле, на чёрно-белых пятнах торжества и печали, рассудка и безумия, жизни и смерти...

Вот она, чёрная армия. Пока ещё целая и невредимая – все пешки и фигуры на своих местах, выматривают нас, своего противника. Каждый из них мечтает дожить до конца битвы и не узреть позор своего короля! Увы! Я вам этого обещать не могу...

Я – ферзь! Самая важная фигура в шахматном войске. Иногда меня называют «королевой». Наверное, оттого что я стою рядом с королём. Но нет, я не супруга монарха, а его верный помощник и охранник. Могучий и беспощадный!

Возможно, на этом поле прольётся и моя кровь... Те, кто двигают нами, фигурами, видимо, полагают, что шахматы – это просто игра. Мы же сражаемся и умираем по-

настоящему, и вновь возрождаемся на чёрно-белых клетках только перед очередным сражением. Наша жизнь – шахматная баталия! Иногда - бездарно-короткая, иногда – длительная и тяжёлая... Иногда – бесславная, но чаще – блистательная!

Что ж, я готов погибнуть ради победы.

Итак, пока затишье.

Пешки бесстрастно смотрят перед собой. Они обычно начинают боевые действия, но к концу сражения их почти не остаётся на поле... Пешки должны освободить место для выхода основных фигур и, взламывая оборону противника, лишают его свободы манёвра! И – давить!

А мы, подвижные и дальнобойные фигуры – обязаны наносить удары! Лишить вражеского короля защиты! Пленить его и поставить на колени!

Сам король – не боец. Он – наиболее слабое звено в нашей боевой цепи. Но он – наш монарх... Поэтому мы его и защищаем.

Конечно, пешки – малоценные воины. Ими часто жертвуют, чтобы обеспечить некоторое тактическое превосходство. Но! Пешка, прошедшая через все семь чёрно-белых полей, побывавшая в семи кругах настоящего ада и выжившая при этом, может превратиться в любую фигуру, включая и ферзя! Иногда мне кажется, что я был когда-то такой же упорной и везучей пешкой, которая сумела достичь своей цели...

Я не нервничаю, просто мне не терпится в бой! Что же так долго раздумывают?

Понятно, дебют – самая важная часть партии. Как начнёшь битву – так её и закончишь! А начать можно по-разному. Конечно, шахматное сражение – это и наука, и искусство... Но ещё это – злость, ненависть и... отчаяние!

А ещё это радость, когда удаётся сокрушить своего врага!

И величайшее счастье – поставить на колени поверженного вражеского короля!

Вот оно! Королевская пешка рванулась вперёд на два поля. Тут же навстречу ей двинулась чёрная! Сражение началось!

Открывайте скорее мне проход, уж я повеселюсь!..

Глава 1. «30-я, вам вызов!»

– Ты, Серёга, главное, не трусь. Не суетись и не показывай никому, что ты – новичок, - успокаивал своего молодого фельдшера, врач скорой помощи Кирилл Ильин. Его напарник был студентом пятого курса медфака калининградского университета. Высокорослый и плотный увалень, Сергей Бурханов, «без пяти минут» врач, проходил практику в бригаде у Кирилла. В их «экипаже» была и ещё одна фельдшер - Людмила Синицына, миловидная дама предпенсионного возраста. Она считалась опытным специалистом и, дожидаясь своей очереди в «учебном процессе», смотрела на практиканта почти по-матерински.

– Не забывай, – наставлял своего помощника Кирилл, – что для внезапно заболевшего человека ты не просто врач, ты – настоящий спаситель, почти мессия. Иногда люди попадают в такие ситуации, что только от тебя зависит: жить им или умереть. Вот и веди себя соответствующим образом: разговаривай тихо и вежливо, распространяй вокруг себя ауру спокойствия и доброжелательности. Парень ты грамотный, а если что, я всегда рядом, помогу.

– Не тушуйся, – добавила Людмила. – Бери инициативу в свои руки. А то люди смотрят – молодой, неопытный и сразу чувствуют недоверие... Вот у нас раньше старичок работал, ну, вылитый Айболит...

Разговор происходил на подстанции «скорой помощи» Ленинградского района. Все трое сидели на стульях в комнате отдыха и ожидали своего вызова. Их бригада имела красивый и звучный номер – «тридцать» и прекрасную репутацию у коллег. Оставалось только услышать заветное: «Тридцатая, получите вызов!», взять у диспетчера карту с адресом и сбежать с крыльца к своей машине, за рулём которой сидел Петрович, их водитель из числа подрабатывающих пенсионеров.

Сама подстанция представляла собой незатейливое двухэтажное здание довоенной постройки. Возле него располагалась стоянка для санитарного автотранспорта. Территорию подстанции окружал невысокий забор, вдоль которого росли рябины и калины, ближе к осени наливающиеся дразняще-яркой краснотой, и это чудесным образом действовало на весь дежурный персонал, снимая с него усталость и накопившееся раздражение.

10.00, недавно закончилась «пересменка»: «свежие» бригады уже ожидают вызова, а из «старых» остались только педиатры. Впрочем, только что сменили и их.

– Ничего, втянешься, – тихо произнёс Кирилл.

Он взглянул в сторону своего коллеги, врача из кардиологической бригады, который, стоя у стены, изучал висевшие на стенде графики дежурств и объявления недельной давности. – Вон, видишь, доктор Пиллюлькин изучает документацию? – Ильин усмехнулся. – На самом деле его фамилия Пелюгин, и тоже – Сергей. Но мы все называем его Пиллюлькиным... Бывают же такие совпадения...

Оба негромко рассмеялись.

– Правда, Кирилл, – спохватилась Людмила. – Рассказал бы нашему фельдшеру что-нибудь забавное из жизни «скорой помощи»...

– А что, случаются и весёлые моменты? – недоверчиво осведомился Бурханов.

– Сколько угодно, – ответил Кирилл. – Практически каждый день. Ты у девушек из Центральной диспетчерской, при случае, спроси – они тебе такого порасскажут...

Вот, например, в полпервого ночи на «03» раздаётся звонок: «Миленькие, помогите ради Бога: я, кажется, умираю!» – причитает пожилая женщина. «Что случилось, бабушка?» – уточняет диспетчер. «Вот проснулась, померила давление, а оно – 0 на 30! Срочно приезжайте!» «Успокойтесь, бабуля, – это вы на табло электронных часов смотрите»...

Кроме «тридцатой» в комнате отдыха находилось с десятков сотрудников: большинство из них сидели за журнальными столиками, чем-то похожими на школьные парты. Кто-то просматривал газету, кто-то листал журнал, а кто-то уходил в виртуальный мир через собственный мобильник-андроид... Некоторые с увлечением разгадывали кроссворды, а другие в очередной раз проверяли содержимое своих укладок. Дамы периодически заглядывали в зеркальца и тут же устраняли замеченные в своём отражении недостатки. Несколько человек стояли у дверей, ловя свежесть сентябрьского утра. Впрочем, эту прелесть они усиленно гнали от себя сигаретным дымом. Разговаривали негромко, чутко реагируя на голос из динамика, вещающий о поступлении новых вызовов.

– Видишь, вон там, у входа стоит доктор с бородкой? – Кирилл кивнул головой в сторону двери. – Его зовут Валерий Васильевич. Он мой хороший приятель, тоже – кардиолог. Так вот, он однажды рассказал поучительную историю... Итак, слушай, может, в жизни пригодится. Приехали они как-то на вызов: осмотрели больного, поставили диагноз и, как могли, полечили, потом созвонились с диспетчером, ответственным врачом... Короче,

больного нужно было везти в стационар. Но сначала его предстояло вынести из квартиры... а весил он полтора центнера, никак не меньше... Позвали они своего водителя. Тот приходит, пытаются тащить втроем – дохлый номер... Как в сказке про репку: «Зовут они внучку...». А в действительности, кого позвать? Время – 2.45, глухая ночь... Ну, делать нечего, стал Васильевич звонить соседям. Из-за одной двери его откровенно и незатейливо посылают матом, за другой – вообще никто не отзывается. Из третьей квартиры выглядывает дамочка лет сорока и заявляет, что у мужа радикулит, и нам он не помощник.

– Вот это попали, – усмехнулся Сергей. – И что же они придумали?

– Ну, раз другого выбора нет, решили вызвать поисково-спасательный отряд МЧС. В 3.10 подъехали к ним спасатели, и вытащили они того мужика, всемером, еле-еле...

– Да, дядечка хорошо питался... – улыбнулся фельдшер.

– У нас тоже разные случаи бывали, – вздохнула Людмила. – Сам понимаешь, пациенты, они совсем не ангелочки... Когда же это было?.. – Она нахмурила лоб. – Ах да, – три недели назад... Вызов очень тревожный – «плохо, умирает». Вот, примчались мы по указанному адресу, бежим по лестнице на седьмой этаж... лифт, как обычно, не работает, а навстречу нам идёт бабулька. «Вы в тридцать восьмую квартиру?» – спрашивает. «Да, – отвечаем, – а вы кто?». «Я, – говорит, – соседка из тридцать седьмой. Не спешите, миленькие. Ваш больной ушел за водкой!» – фельдшер рассмеялась, Кирилл тоже хмыкнул, вспоминая недавнюю поездку. Широко улыбался и Сергей.

– Но это еще не всё, – продолжала Людмила. – Суем, значит, в дверь записку и спускаемся вниз. У подъезда на лавочке сидит наш «умирающий» вместе с таким же дружком и пьют пиво... «Ребята, вы ко мне приезжали? В тридцать восьмую?». Отвечаем, что – да. А Кирилл Андреевич сразу интересуется: «Что вас беспокоит в настоящее время?» А тому-то что? Говорит, мол, всё нормально и «скорая» ему теперь не нужна. Он, мол, уже сам «поправился» ...

– Если ты думаешь, что мы стали в ответ возмущаться или угрожать, то это – напрасно, – продолжил Кирилл. – Записали его паспортные данные и взяли подпись об отказе от осмотра. На том и расстались.

– Двадцать седьмая, вам – вызов! – рявкнул динамик. – Пролетарская 82, квартира б...

– Света, Надя, едем, – обратилась к стоящим у окна девушкам высокая женщина.

– Дамский экипаж, – шепотом произнёс Сергей. – А доктор-то, словно «Железная Леди»...

– Да, – задумчиво глядя вслед бригаде, ответил Кирилл, – у нас таких – большинство.

Возле открытой двери, со стороны улицы, радуясь почти летнему утру и добрым, постоянно подкармливающим их людям, играли котята. Сотрудники «скорой» не могли сдержать улыбок, наблюдая за ними. Кое-кто с интересом присматривался к их возне, рассчитывая взять себе одного из этих малышей. А солнце, воспользовавшись моментом, ворвалось через незашторенное окно и выплеснуло на блестящий пол лужицы ослепительного света.

– Интересно, долго ли нам еще сидеть? – заёрзал от нетерпения Сергей.

– «Кто понял жизнь – тот не спешит!» Сейчас время короткого затишья. А самая горячая пора наступит где-то после семи вечера, – ответил Кирилл. – Вот тогда случается настоящая запарка...

Он вспомнил и другие случаи из своей практики, когда вызовы следуют непрерывно и персонал даже не успевает перевести дух между поездками. Но, к сожалению, далеко не все вызовы бригад бывают обоснованными. Очень обидно, когда приходится впустую тратить

время и нервы. И пора бы уже привыкнуть к эгоизму некоторых горожан, но нет... Существует такой закон: врачи не имеют права отказать пациенту в помощи, а люди этим пользуются, считая «скорую» бесплатными «извозчиками», обязанными незамедлительно «прилетать» на каждый их чих... Часто доходит просто до абсурда:

- Алло, срочно пришлите педиатров: у моего ребенка в пупочке пятнышко!
- Доктор, у меня газы с очень неприятным запахом... Может это – сальмонеллез?
- Неделю голова чешется. Можно мне ее помыть?
- Вот нашел в аптечке пилюли... Посмотрите: что это?
- У меня обнаружили слепую кишку! К какому специалисту лучше обратиться?

Нередко бывает так: чем «страшнее» повод к вызову, тем ничтожнее на деле сама проблема. Люди часто действуют по принципу: придумаешь жалобу посерьезнее – быстрее приедут... А в это время, по-настоящему тяжелые больные ждут, ждут и ждут... За примером далеко ходить не надо. Получили как-то раз Кирилл сотоварищи вызов, звучащий довольно тревожно: «женщина 80 лет, аритмия, задыхается», но врача вызывает самостоятельно. Примчались. Больная – бабушка, а это – особая каста, у которой на момент приезда бригады... жалоб не оказалось. То есть, вообще! Ничего больную не беспокоит, полный набор таблеток наличествует в аккуратной коробочке на кухонном столе, а вызвала она «спецов» с целью «снять электрокардиограмму». Сняли, проверили: пленка – идеальная, возрастная норма с поправкой на гипертоническую болезнь. От госпитализации бабушка категорически отказалась. Пришлось передать актив (1) в поликлинику и доложить старшему врачу смены. Пусть её наблюдает участковый врач и втолковывает ей, когда следует вызывать «скорую помощь».

На свободную стену кто-то повесил картины. Ещё два дня назад их здесь не было. А сейчас висят, украшают комнату, делают её уютнее. Кирилл поднялся и подошёл поближе. Рука явно не профессионала... Но, незатейливый пейзаж, изображённый на полотне, чем-то определённо манил... Лес, река, поле в цветах...

- Кто-то из наших рисует? – приблизился к Ильину Сергей.
- Да, и я даже догадываюсь: кто именно. Помнишь, Людмила рассказывала о старичке - Айболите? Так вот, он недавно вышел на пенсию, а поскольку давно увлекается рисованием, то подарил нам несколько своих работ. Нравится?

Бурханов пожал плечами.

– Я мало смыслю в живописи. Но, красиво, ничего не скажешь. Вот бы сейчас, в такую славную погоду пообщаться с природой... – он указал на изображение лесистого берега реки, – «накрыть там поляну», шашлычки организовать!

– Ну, если хочешь, то после дежурства можем съездить, – ответил Кирилл. – Я знаю места за городом, которые мало чем отличаются от данного пейзажа. Хотя ты, как я понимаю, предпочитаешь натюрморты.

– Решено, – улыбнулся фельдшер. – Заодно отметим моё первое дежурство! Надеюсь, оно будет удачным, кого-нибудь мы непременно спасём и ждать себя заставим недолго... Кстати, а как тут со временем доезда? В смысле, успевают ли бригады к больным? Не будут ли нам «взрывать» мозг, мол, сколько вас можно ждать?..

– Интересный вопрос, – усмехнулся Кирилл. – Действительно, людей больше всего возмущают наши задержки. Но никто не желает знать, почему так происходит. А я бы ответил: во-первых, время имеет особенность течь по-разному: часто для тех, кто ждет помощи, минута кажется часом. Во-вторых, дорожные «пробки» и свинское поведение иных водителей, которые ни за что не пропустят вперед себя машину, спешащую на вызов даже со

спецсигналами. А крыльев у нас нет. Норматив «доезда» до пациента – двадцать мин и мы, как правило, в эти рамки укладываемся...

Много лет назад, учёные мужи подсчитали, что для нормальной работы «службы «03» необходима одна бригада на десять тысяч населения. В действительности, на «линии» бригад гораздо меньше: кадров не хватает, да и экономить фонд заработной платы приходится... Приплюсуем к «официальному» населению нелегалов, бомжей, приезжих торговцев на рынках, различных отдыхающих, туристов и находящихся в городе «транзитом». Каждый из них тоже может заболеть или получить травму. А теперь возьмём калькулятор и подсчитаем: во сколько же раз нужно увеличить количество бригад, чтобы «скорая» успевала помочь всем... Я как-то попробовал это сделать, и у меня получилось – в полтора раза! Вот так и создаются предпосылки для задержек.

...Кирилл многое мог бы рассказать о калининградской «скорой», в которой проработал пятнадцать лет. Обычное дело, когда при наличии 35 бригад, в течение часа поступает 45 вызовов – все бригады заняты и посылают некого... Но такого, чтобы «скорая» сидела и пила чай – не бывает в принципе! Случается, что бригады катаются сутки «без заезда», перерыв на обед – всего тридцать минут. Обед, как правило, дают в районе 15 – 16 часов, если его вообще разрешают! А ужин – после полуночи... Обычно бригаду «снимают с «заправки», как только приходит вызов первой категории срочности.

Кстати, новичку, нужно рассказать о категориях срочности... Самый заурядный вызов - перевозка больного из одной больницы в другую, для фельдшерской бригады. Это – самая низкая срочность. А к первой категории относятся: дорожно-транспортные происшествия, взрывы и пожары, падения с высоты, отравления, ножевые и огнестрельные ранения, «посинел, умирает», все вызовы на улицу и в общественные места, причем независимо от повода. Туда нужно мчаться со всей скоростью, на которую только способны наши «реанимобили», с сиреной и проблесковыми маячками. Вторая категория – это большинство вызовов на квартиры: «плохо с сердцем», «задыхается», «аритмия». И так далее – по убывающей. «Детские» вызова, причем любые – вне конкуренции! Как показывает статистика, они составляют примерно четверть от общего количества обращений, а вызова «первой категории» - примерно половину из всех, поступивших на станцию.

«Вшивые бомжи, пьяницы и наркоманы, хулиганы и сумасшедшие – наш основной контингент, а подвалы и притоны, грязь, кровь и зловонные испражнения – наша привычная среда»... Так подумал Ильин, но не стал «загружать» студента фактами о тяжёлом труде работника «скорой помощи», чтобы у того раньше времени не пропало желание трудиться на данной стезе.

«Пусть все произойдёт само собой – в ходе дежурства... – думал он. – Мы видим жизнь не с лощёной стороны, а с ее изнанки... Не каждый готов у нас работать... Зато, слава Боткину, здесь сразу же становится видно: какой ты человек»...

– Многие не знают о работе «скорой помощи» вообще ничего, или же имеют о нашей профессии весьма смутное представление, – добавил он вслух. – А насчёт того, чтобы отметить первое дежурство, это – дельная мысль! Только обсудим этот вопрос попозже. – Он посмотрел на часы. – Время идёт, а нас ещё не дёргают... Чувствую, не к добру это...

Но не прошло и минуты, как из диспетчерской сообщили:

– «Тридцатая», вам вызов: Соммера - 62, квартира 2. Боли в сердце...

– Вперёд, ребята, – скомандовал Кирилл.

Размышления шахматной фигуры – 2

Вот они, две королевские пешки, встали друг против друга, как поединщики. Ухмыляются, хвалятся силёнкой, задирают друг друга... Ну, посмотрим, которая из них падёт первой...

Теперь наш ход. Обычно на поле с правого фланга выскакивает всадник на боевом коне. Очень любопытная персона, скажу я вам: единственный воин, который может перепрыгивать через свои и чужие фигуры. В ближнем бою ему нет цены... И ещё. Есть один неприятный момент - вражеский всадник может угрожать мне, оставаясь при этом вне зоны моей досягаемости...

Но конь стоит на месте... Пока стоит... Ржёт от нетерпения, бьёт копытом и лязгает зубами. Хороший боец: он готов к активным действиям... Видно, неплохо его кормят на королевской конюшне...

Но что это? Рядом с королевской пешкой оказывается вторая наша! Скакнула она со стороны слона! Точнее, со стороны офицера, сидящего на боевом слоне. Пешка попадает под удар вражеской (2)! Та угрожающе нахмурилась и занесла над головой неприятеля свой топор...

Это начало мне знакомо! Это – самое драматичное начало! Наше войско добровольно вскрывает королевский фланг, приковывая к нему внимание противника и выманивая силы чёрных! Ах, как это прекрасно!

С одной стороны, делая фактически беззащитным короля, мы сами себе копаем яму. Вражеские фигуры тотчас устремятся к казалось бы лёгкой добыче! Но тут начинается самое главное – грамотно защищаясь, мы начинаем готовить удар на короля вражеского! Ох, как это интересно! И как это опасно!

Малейшая оплошность грозит бедой, но, действуя безошибочно и дерзко, мы обязательно победим!

Глава 2. «Миленькие, помогите ради бога...»

Вам попадалась на глаза машина «скорой помощи», подъезжающая к дому? Конечно, увидеть её – дело обычное, но при этом всегда возникает тяжёлое чувство: ведь кому-то сейчас очень плохо. Ловишь себя на мысли: слава богу, что не в мою семью приехала противошоковая бригада... Вздохнёшь, и пойдёшь своей дорогой, невольно размышляя о том, что никто из нас не застрахован от несчастья. Ведь болезнь, лёгкая она или тяжёлая – крайне нежелательный гость в любом доме...

Калининград шелестел желтеющей листвой каштанов и лип, подгонял потоки рычащих машин и провожал отеческим взглядом спешащих по своим делам пешеходов. А люди радовались затяжному бабьему лету: кафе настойчиво зазывали посетителей, на площадях и в парках, не смолкая, звучала лёгкая музыка, а стадион «Балтика», проводив одних гостей после футбольного матча, готовился к встрече других.

Бригады «скорой помощи» выполняли свою привычную работу.

День выдался самый обычный. Не было ни «лавины» вызовов, ни «душераздирающих» сцен, ни каких-нибудь чрезвычайных происшествий. Нормальный напряжённый день. Начинаящий фельдшер в бригаде Ильина, попав в квартиру, где его ожидал больной, поначалу немного смутился, суетился и путался, не мог найти себе место,

невпопад задавал вопросы. Затем успокоился, неторопливо измерил давление, снял ЭКГ. Диагноз поставил быстро и верно, как отметил про себя Кирилл. А потом новичок начал «входить во вкус». На втором «вызове» он действовал ещё более уверенно и вёл себя уже как заправский доктор. Мужчину преклонного возраста беспокоили сильные головные боли, а артериальное давление было довольно высоким. «Гипертонический криз» - констатировал Сергей. В таких случаях пациента следует госпитализировать, однако тот наотрез отказался ехать в стационар. Отказ был оформлен, как полагается, и заверен подписью больного.

На третьем вызове Бурханов уже чувствовал себя в своей «тарелке» – грамотно собирал анамнез, делал необходимые записи, быстро и умело пользовался медицинскими приборами. Кирилл с Людмилой изредка обменивались многозначительными взглядами и кивали головами, мол, «наш человек».

По всему выходило, что из Сергея будет толк.

– Ну вот, – сказал молодому коллеге Ильин, – мы съездили на десяток вызовов и теперь ты можешь быть уверенным: сегодня мы кого-то точно спасли!

Они сидели в столовой и обедали. Бурханов, улыбаясь, уплетал харчо, и было видно, что аппетит он «нагулял» превосходный. Кроме них здесь находилось несколько человек из свободных бригад. Гремела посуда, двигались стулья, звучала музыка «Ретро – FM».

Столовая располагалась на втором этаже здания подстанции. Еду сюда привозили из ближайшего комбината питания, разогревали, раскладывали по тарелкам и кормили дежурный персонал. Блюда, в основном, были из концентратов – супы из пакетов, сухое картофельное пюре, разбавленное кипятком, зато всевозможные салаты и закуски, сосиски и куриные окорочка выглядели весьма аппетитно и пользовались большой популярностью у обедающих. На стенах помещения висели пейзажи и натюрморты уже известного нам «художника от медицины», а именно - доктора Айболита. За окнами посерело: солнце, всласть нагулявшись за день по небосводу и, видимо, решив вздремнуть, отгородилось от земного мира пушистыми облаками.

– Действовал ты хорошо, – продолжал Кирилл, – вот только «домашние» больные – это работа для сонных и ленивых участковых терапевтов, а у нас есть и специфический контингент...

– Кто же это такие? – отодвинул от себя пустую тарелку из-под «первого» Сергей.

– Это – пострадавшие на пожарах и авариях, во время других несчастных случаев. Сам понимаешь, иногда нам приходится видеть довольно страшные картины: «море крови и горы костей», как это ни пошлово звучит... Практически всегда необходимо действовать решительно, быстро и грамотно... Не отвлекаясь на кровь и крики-стоны потерпевших... И как ты, Сергей, поведёшь себя в подобных ситуациях, это ещё вопрос... – Кирилл пристально взглянул на собеседника. Тот опустил вилку, положил её на край тарелки.

– Постараюсь не подвести, – ответил он. – Хотя, честно говоря, я не очень-то люблю такие картины...

– Ничего-ничего, – успокоил его Ильин. – И к этому тоже привыкнешь...

Он машинально орудовал вилкой, а перед его взором медленно проплывали эпизоды, случившиеся в разные годы работы на «скорой», видения, от которых, как ни старайся, но избавиться невозможно...

Вот случай, происшедший в позапрошлом году. На одном из молокозаводов рабочий сорвался с высоких строительных лесов и упал точно в котел с кипящим соевым раствором, получив при этом ожоги 2-3 степени ста процентов поверхности тела, а в заключение – он еще и захлебнулся. Кириллу удалось его «раздышать» и доставить в стационар живым...

Ильин вздохнул и принялся за чай с лимоном.

...Прошлой осенью в порту взорвалось колесо гигантского крана. Одному из рабочих отрубил оба бедра. Кровь хлестала из ран двумя пульсирующими фонтанами... Через 30 секунд его тело было полностью обескровлено. Конечно, данный пострадавший умер ещё до приезда «скорой помощи». Рассказывать о том, что на месте происшествия увидел Кирилл и его сотрудники, не хотелось...

Людмила уже пообедала. Она заказала себе салатик и второе блюдо: быстро покончив с едой, приветливо кивнула коллегам и помчалась в комнату отдыха – прихорашиваться.

Еще одна история вспомнилась Кириллу. Однажды ночью загорелось двухэтажное складское помещение на окраине города. В нём, как оказалось, работали и проживали сто рабочих из Китая! Днем они клеили кеды, а на ночь хозяин производства запирали их на амбарный замок. От включенных самодельных электроприборов произошло возгорание и поскольку на окнах первого этажа были железные решетки, вся эта «диаспора» стала выпрыгивать со второго этажа. Вполне закономерно, что многие иностранцы получили серьезные травмы. Любопытно, что по официальным данным миграционной службы: границу Калининградской области не пересекал ни один гражданин Поднебесной...

Пообедав, Ильин и Бурханов выходили из столовой и в дверях едва не столкнулись с доктором, которого Кирилл «окрестил» Валерием Васильевичем.

– Ты что такой весёлый, коллега? – задал ему вопрос Ильин.

– Я всегда весел, когда ощущаю близость обеда, – ответил врач. – А вообще, есть повод улыбнуться. Только что был вызов: дядька пил пиво в летнем кафе и умудрился проглотить осу.

– Живую?

– Как есть – живую: она изжалила ему весь пищевод!.. Вы тут подумайте, смеяться вам или плакать, а я поспешу, пока мне не «зарубили» заправку. Время – оно же, как всегда, неумолимо...

Шутник убежал, а Кирилл попытался развить начатую коллегой тему:

– Был такой период... Мне неоднократно приходилось выводить из запоя одного пациента ... Сначала он дебоширит, потом болеет и страдает... Ты спросишь, что в этом удивительного? Так я отвечу: старцу почти сто лет! Невольно усомнишься: действительно ли водка укорачивает жизнь?

В его душе что-то неприятно шевельнулось: пьянство – очень болезненная тема. Сколько же горя оно несёт людям – это просто непостижимо!

– Загадочный русский характер... – размышлял Ильин. – Загореться интересной идеей и с энтузиазмом начать новое дело, но на полпути его бросить – это наша национальная черта. Но чтобы сделать что-нибудь основательно, на века, тщательно продумав каждую мелочь, у нас частенько не хватает терпения и мудрости. Спешим, батенька... Неделями и месяцами самоотверженно работать в авральном режиме; без воды, еды, на жутком морозе, можем, пожалуй, только мы – русские. Или, не раздумывая, броситься на помощь ближнему, на встречу любому лиху – в самое пекло, ледяную прорубь, на амбразуру, со своей святой правдой в груди – всегда пожалуйста. Как не восхищаться нашим народом? Однако, лень и пьянство, эти два главных порока, – тоже наша отличительная особенность. Беспробудно кутить, когда нам плохо, крепко отмечать все радостные события, когда и без того хорошо, но чтобы стало "еще лучше", и «заливать за воротник» просто так – от скуки, принято только у нас...

Жизнь не настолько длинна, чтобы тратить ее на подобные глупости. Но уходят с каждым выпитым стаканом из нашей жизни щедрость, бескорыстие и благородство души. Скольких великих открытий, каких потрясающих шедевров лишился мир по причине этого зла! Как много замечательных людей не дожило до своего прощения, сколько их скатилось по наклонной плоскости прямо в чистилище...

– Тридцатая, на выезд! – раздалось в динамике. – Ленинский проспект - 22, квартира 9. Ребёнок 12 лет, потерял сознание...

– Ох, хорошо, что успели пообедать, – пробормотал Кирилл. А мысли его уже были заняты предстоящим больным. У него самого было двое детей – сын и дочь. И детские вызовы он воспринимал особенно остро.

– Едем! – И снова – туда, где боль, отчаяние, слёзы, настороженное ожидание и воскресающая надежда...

Пятьдесят процентов успеха в работе «скорой» зависит от водителя. От того, как хорошо он знает город, как быстро доведёт бригаду до нужного адреса. Петрович был коренным калининградцем, с огромным опытом работы. Все улицы и переулки города он знал, как свои пять пальцев. Официально должность его называлась «водитель-санитар», а это значит, что в обязанности входила и переноска носилок. Нередко случается, что некоторые «водители-санитары» таскать носилки напрочь отказываются, и ничего с ними не поделаешь. Но Петрович считал, что шестьдесят два года – это ещё «вполне творческий рабочий возраст» и никогда не отлынивал от своих обязанностей, чем снискал себе особое уважение медицинского персонала.

Дверь квартиры открыла молодая женщина, лет тридцати. Смытая горем и слезами красота, дрожащие руки, срывающийся голос.

– Где ребенок? – спросил Кирилл, но ответа не дождался. Точнее, ответ был, но из-за всхлипываний и стонов было трудно что-либо разобрать.

Медики через тесный коридор, увешанный всепогодной одеждой и заставленный грязной обувью, прошли в небольшую комнату. Бурханов обратил внимание на паутину, свисающую с потолка... Худенький и бледный мальчуган лежал на диване, укрытый одеялом. Глаза его были закрыты. «Да жив ли он?» – мелькнула мысль у фельдшера-практиканта. Ребёнок был в коме.

– Когда это случилось? – спросил Ильин у матери ребенка.

– Не знаю. Его таким нашли соседи в подвале нашего дома и минут двадцать назад принесли сюда.

Ильин, склонился над мальчиком, пощупал пульс, приподнял веки, осмотрел руки на локтевых сгибах. В его действиях не было ни суеты, ни растерянности.

– Миша... Мишенька... – причитала мать. – Скажите, что с ним?..

– Людмила, налоксон (3) в вену и немедленная госпитализация! – распорядился Кирилл. – Мамочка... извините, как вас по имени-отчеству?

– Зовите – просто Надежда,... – еле слышно произнесла женщина. – Скажите, что с сыном? Он не умрёт? – и вновь рыдания...

– Так вот, Надежда, – ответил Кирилл. – Мы возьмем его в токсикологическое отделение. Вы поедете с нами. – Он вынул из-за пазухи портативную радиостанцию и вышел в коридор.

– Не теряйте надежды, Надежда, – произнёс Сергей и изобразил улыбку, которая, по его мнению, должна была хоть немного ободрить потерянную мать.

– Раз мы приехали, всё будет в порядке, – попыталась успокоить безутешную женщину Людмила, делая инъекцию.

– Так, – Кирилл вернулся в комнату, сунул рацию в карман. – Выносим больного в машину.

– Я за носилками? – встрепенулся было Сергей, но Ильин остановил его жестом.

– Дорога каждая секунда, – произнёс он. – Мальчика я понесу сам. А вы, Надежда, быстро одевайтесь и выходите во двор. – Людмила, приготовьте успокоительное для матери!

Его интонации, жесты и уверенные движения, как позже вспоминал Сергей Бурханов, явно свидетельствовали о том, что армия в лице Ильина потеряла выдающегося полководца.

Закутанное в одеяло тельце было быстро перенесено в машину. На улице уже моросил мелкий дождик, но на него никто не обратил внимания. Людмила села рядом с водителем, Кирилл с Сергеем заняли места в салоне, мать мальчика всхлипывала рядом.

– Я не ошибусь, если сделаю предположение... – тихо спросил Кирилла Сергей...

– Передозировка, – коротко ответил тот. – Судя по следу на локтевом сгибе, вкололи какую-то гадость... Увы, коллега, дети тоже употребляют наркотики. В частности, героин...

– Наркотик? – еле слышно переспросила мать.

– Думаю, что да. Вы только успокойтесь. Я уже предупредил приемное отделение, сейчас доставим мальчика в больницу, там все уже наготове... Думаю, всё будет хорошо.

– Боже мой, – простонала мать, – что же Миша, ты со мной делаешь, Мишенька-а-а...

Часом позже, «сдав» больного в стационар и вернувшись на подстанцию, Кирилл, нервно закуривая, поведал Сергею:

– Да, Серёжа, даже среди пятиклассников нередки случаи передозировки героином... И без алкоголя не обходится дело... В прошлом месяце я лично двоих таких же недорослей доставил... Оба в состоянии алкогольной комы...

Хочешь - не хочешь, но придётся привыкнуть и к этому. Такова реальность.

Они стояли у двери и наблюдали, как возвращаются с работы горожане. Улицы вновь наполнились шумом и суетой.

– Не устал, фельдшер? – улыбнулся Ильин. – Сейчас начнётся самое интересное. Народ направляется домой, а по пути заходит в рюмочные и винные магазины...

– Со мной все нормально, – отозвался Сергей. – Я знал, на что иду...

– Да нет, – ещё шире улыбнулся Ильин. – Ты пока не знаешь... В «скорой» фельдшер – это... это основа и краеугольный камень всей её деятельности. Да-да, не ухмыляйся...

Тебе, наверное, известно, что в крупных городах фельдшера работают исключительно на «линии», в стационар их принимают только на должность медсестёр. Любой уважающий себя «выездной», вкусивший самостоятельной работы, ни за что не согласится мыть полы, таскать судна и выполнять приказы надутых больничных придурков с высшим образованием. Ведь знает он, зачастую, больше их...

Так вот, молодые фельдшера, окончив училище, приходят на «скорую»... Романтика ночных дорог, маяков и сирен – всё это быстро исчезает. Остается самая тяжелая в медицине, грязная и мало оплачиваемая работа. Хлебнув лиха, многие увольняются... Остаются лишь фанаты нашей профессии.

Они немного помолчали, прислушиваясь к доносящимся из динамика указаниям.

– Вот ты скоро станешь врачом, – продолжал Кирилл. – Про фельдшеров все понятно: им просто некуда идти и негде работать, кроме как у нас. Но в таком случае, почему на «скорую» идут врачи? Неужели все они дураки или неудачники? – он смотрел на собеседника хитро и весело. – Вряд ли кто в вашем университете сможет ответить на этот

вопрос. А я отвечаю: «Нет! Тысячу раз, нет!» Врач-скорпомощник – профессия уникальная. Он, в отличие от стационарных и поликлинических коллег, должен разбираться абсолютно во всем... – Кирилл запнулся, прислушиваясь: из-за дверей донеслось, что диспетчерская принимает доклад тридцать пятой бригады. – Работа такая... Приехав на вызов, видишь человека первый раз в жизни, ничего о нём не знаешь. И за десять-пятнадцать минут нужно поставить правильный диагноз, выбрать единственно верную тактику лечения. И попробуй ошибись... А в больнице как? «Клиницистам» проще: увидел непонятную «закорючку» на ЭКГ – назначил консультацию кардиолога, пожаловался больной, что руки-ноги «немеют» – пригласил невропатолога, покашливает больной – отправил на рентген грудной клетки... Есть еще лаборатория, УЗИ, профессора-академики, к которым можно обратиться за советом, умные книжки под рукой... И всё это в уютной обстановке, в теплой ординаторской, попивая чаек или коньячок, никакого «аврала»... Повесил «уши» на шею, одел накрахмаленный халатик и очки в золотой оправе, пузо «отключил», «пальцы загнул» и сиди, подмигивай сестричкам... Жизнь удалась! Даже в отделении реанимации больные не «тяжелеют» мгновенно. Хоть полчаса на раздумье, но они есть! Врач «скорой» – всегда один, в лучшем случае, на пару со своим фельдшером. В любой обстановке и в любое время... все оснащение – «глаз-палец-ухо» – ставь диагноз и лечи, если ума хватит...

– Да, я понимаю... «Скорая» – это как на фронте – передовая линия, а не глубокий тыл...

– Вот и я про то же. Не знаю, как у тебя сложится, возможно, тебе придётся сделать трудный выбор, но запомни: врач «скорой помощи» – это настоящий Врач... С большой буквы... – Вообще-то, – продолжал Кирилл, – самые разные доктора есть на «скорой». Вот только дураков нет, не работают они долго – не выдерживают. Многие врачи, с кем мне, например, приходилось сталкиваться в стационаре, и одних суток не продержались бы «на линии»... А народ наш больничных докторов уважает: они такие чистенькие, важные все, умные... Зато «скорую» свою обыватели ненавидят: не лечат они, а помощь оказывают, «едут долго», «деньги вымогают», «не знают ни хрена»... Только настоящая медицина – она на «линии», а не в накрахмаленном халатике и золотых очках... Ты извини, Серёга, я тебя, наверное, утомил?

– Да нет, наоборот» Я сегодня услышал то, что мне никто до сих пор не говорил...

– Тридцатая, на выезд!..

Услышав адрес, Кирилл усмехнулся и сказал:

– Люда, это наш старичок заскучал...

– А, тот самый? – многозначительно протянула фельдшер.

– Ну да, по адресу: Сергеева - 45, квартира 18. И жалобы прежние. Поговорить ему не с кем... но съездить надо. Мы там долго не задержимся.

– Старый знакомый, Кирилл? – осведомился улыбчивый Валерий Васильевич.

– Жить без меня не может! – и уже, подходя к машине: – Вот, коллега, типичный случай непрофильного вызова! А всё потому, что наши поликлиники отвратительно работают... Петрович, – на Сергеева!

– Сей момент, Андреич!

Водитель запустил мотор, а Ильин пояснил Сергею:

– Большинство больных, вызывающих «03», на самом деле в «скорой помощи» не нуждаются. Это – хронические больные, в основном пожилого и старческого возраста. К сожалению, большинство людей не понимает, что «скорая» не лечит. Мы лишь оказываем экстренную помощь при угрожающих жизни состояниях и доставляем больного в стационар!

Мы не делаем долговременных назначений, не выписываем рецептов и больничных листов...

– Но поликлиника со своей работой не справляется... – понимающе заметил Бурханов.

– Да, только это – не их вина, а их беда – у них и своих проблем хватает. А в результате – поток вызовов обрушивается на «03». Вот и приходится расхлёбывать...

До указанного адреса ехать пять-семь минут. В течение этого времени Кирилл задумался о том, что... эх, нелегко всё же быть стариком. С возрастом у человека возникают так называемые «болезни образа жизни» – старческие недуги. А это – хвори пожизненные и неизлечимые. Единственный способ помочь пациенту – регулярный прием препаратов, назначенных участковым терапевтом. Но большинство больных не желают обращаться в поликлинику. Во-первых, там очереди, во-вторых, бесплатных льготных рецептов выписывают мало, а лекарства за деньги – стоят дорого. В-третьих, наши люди в большинстве своем ленивы, а забота о собственном здоровье – это тяжёлый труд! И, в-четвёртых, многие пожилые люди не выполняют назначений участкового врача, не принимают своевременно назначенные препараты, и в результате получают опасные для жизни осложнения, что приводит к вызову бригады «03». Большинство стариков страдает расстройствами интеллекта, связанными с возрастом, и просто не понимают смысла этих назначений и тяжести своего состояния.

«Да, – думал Кирилл, – одинокие старики, к сожалению – это наш «крест». Телефон у изголовья, в поликлинику идти нет сил или желания, дозваниваться до «вызова на дом» – тоже. Проще набрать «03», авось чего-нибудь уколут и «полегчает»... И мы ездим сутками по городу, кормим бабушек их же таблетками, в сотый раз разясняем им, как принимать пилюли и капли... И всё – бесполезно. Вызывают одни и те же. По несколько раз в день. Старческая энцефалопатия – неизлечима, а отказать в помощи мы никому не можем, что бы ни ввали про нас обыватели и брехливые журналисты»...

Серая девятиэтажка, расположенная неподалёку от Нижнего пруда. Лифт поднял бригаду на пятый этаж. Дверь им открыл лысоватый дедушка в майке и спортивных трусах.

– Ну, здравствуйте, уважаемый Пётр Петрович, – приветливо произнёс Ильин.

Размышления шахматной фигуры – 3

Как славно развиваются события! Вражеская конница бросилась в атаку! Копыта стучат, доспехи звенят! К всаднику подтягивается чёрный боевой слон!

А всё началось с гибели нашей пешки. Она пала, сражённая ударом вражеского топора! И чёрная пешка, повергнув нашу, издала громкий победный клич. Точнее, не клич, а омерзительный рёв. Стоит она крайне неудачно, чертовски мешая выдвигению наших фигур. Одно успокаивает – жить ей осталось совсем недолго.

Таков наш план. Не первый раз боевые действия начинаются именно так...

Глава 3. Реликт из городских трущоб

Кириллу Ильину на днях должно исполниться сорок лет. Не сказать, чтобы он был готов к этому событию. Не проникся ещё, не осознал. Вроде бы, всё шло своим чередом:

бесконечные, но приятные домашние заботы, напряжённая, подчас сумасшедшая работа... И вот, как-то незаметно подкатило – сорок!

Мужчины по-разному воспринимают такой юбилей. Многие впадают в панику, именуемую «кризисом среднего возраста»: «Что делать? Мне уже «сороковник», а я почти ничего не достиг в этой жизни! Я всего лишь жалкий клерк, человек на побегушках... Мои сверстники – давно успешные люди! А кто я?..»

Иные грустят: как всё легко и просто было в молодости, и как же осложняется жизнь в пору приближающейся старости... Действительно, в юности все выглядело иначе: тогда нам нечего было терять: мы не имели ни денег, ни опыта, ни сильных привязанностей и семейных обязанностей... Каждый чувствовал себя истинным хозяином жизни и собственной судьбы! Меняй ее течение по своему усмотрению хоть каждый день, хоть каждый час...

Некоторые мужчины в данном «переходном» возрасте начинают философствовать и подводить итоги: что же мне удалось сделать, и чего я буду добиваться в последующие годы... Но есть люди, которые не задумываются над всем этим. «Сорок? Да ради бога! Хорошо, что не семьдесят!»

А ещё существует поверье, неизвестно откуда взявшееся, будто бы мужчинам нельзя отмечать своё сорокалетие. А если сильно хочется, то только «чуть-чуть», и то – не дома. Лучше – вдалеке, втихаря и за семью замками... Словом, у русского мужика только один факт того, что ему вот-вот стукнет сорок, является достаточным поводом, чтобы вызвать лёгкий мандраж.

Вера, жена Кирилла, целуя его на прощание, когда тот убежал на дежурство, сказала просто:

– Подумать только, через неделю тебе сорок... Поздравляю, ты уже большой мальчик, – затем погладила непокорный вихор надо лбом мужа и поцеловала ещё разок.

Ильин не дотягивал до «статуса» высокорослого мужчины. Но, при своем «среднем» росте обладал крепким телосложением. Был он широкоплеч, гибок, быстр в движениях и «скор на подъем». Создавалось впечатление, что он – спортсмен: гимнаст или, скажем, борец. Ну, не в данный момент, конечно, а в прошлом. Во всяком случае, усмирить хулигана ему всегда удавалось без труда. Впрочем, умение держать себя достойно в различных критических ситуациях попросту избавляло его от подобных инцидентов. До свадьбы, а женился он относительно поздно – в тридцать лет, слыл Кирилл Ильин любителем холостяцких пирушек, гулякой и ветреным парнем. Но познакомился однажды со скромной и симпатичной выпускницей университета Верочкой... влюбился в неё без памяти и решил окончательно и бесповоротно покончить с прошлой бесшабашной жизнью.

После женитьбы Кирилл преобразился. С рождением дочки Леночки, он стал совершенно другим человеком – внимательным и заботливым папашей. Малышка никогда не плакала в его руках. А уж когда появился сын Игорь, Ильина стало вовсе не узнать: он умудрялся отдавать семье все свое свободное время, с удовольствием возился с детьми, стирал ползунки и варил каши; во всем поддерживал, безумно любил и боготворил свою избранницу. Кирилл постарался стать для неё настоящим фортом, могучей крепостной стеной, за которой ощущалось спокойствие и уверенность. В крепких объятиях мужа Вера была самой счастливой женщиной на свете, о чём с улыбкой частенько говорила мужу. А ему доставляло удовольствие прогуливаться по городу, держа под руку супругу и ведя за ручку маленького сына (дочку обычно вела мама). При этом, ощущая себя главой своего

маленького «племени», он зорко оглядывал окружающее пространство, готовый миготом предотвратить любую опасность для близких ему людей.

Была ли у него мечта стать врачом, или это решение пришло неожиданно, он, пожалуй, и сам бы не смог ответить. Но, после окончания Смоленской медицинской Академии, началась его трудовая деятельность в Калининграде. Жили Ильины в двухкомнатной квартире, совсем недавно доставшейся им по наследству от внезапно умершего брата жены – Александра. Квартира располагалась в девятиэтажном доме на улице Горького. Откровенно говоря, наследство пришлось «ко времени»: потому что их Леночка к тому времени уже была серьезно больна, а снимать жильё, когда в семье есть больной ребёнок, почти нереально. Дочь Ильиных около года назад переболела ангиной и получила осложнение на почки. В результате – почечная недостаточность, требующая тщательного ухода, длительного и дорогостоящего лечения...

– Мы обязательно справимся с этой бедой, доченька, – ласково успокаивал Леночку отец. – Твой папа – добрый-предобрый доктор и он обязательно поможет своей дочурке выздороветь... Знай, что я на всё пойду ради этого...

Иногда, когда Леночке становилось лучше, всей семье казалось, что дело, наконец-то пошло на поправку. Однако болезнь обострялась вновь и вновь... И всё-таки Кирилл с Верой верили в достижения современной медицины и старались не отчаиваться.

Широкое скуластое лицо, внимательные, немного прищуренные глаза, слегка вьющиеся, начавшие сесть на висках волосы – вот некоторые штрихи к портрету врача «скорой помощи» Кирилла Ильина. Он не выносил одежды ярких цветов, не носил ничего облегающего и слишком заметного – одевался скромно, но со вкусом. Своё сорокалетие Кирилл собирался отметить на лоне природы, если, конечно, позволит капризная калининградская погода. Для путешествий у Ильиных был подержанный «Опель», привезённый три года назад из Германии отцом Веры.

До дня рождения оставалась целая неделя. Ещё есть время на подготовку к «мероприятию» и приглашение предполагаемых гостей из числа коллег-медиков...

К Петру Петровичу Муратову Ильин, как врач «скорой помощи», навещался уже в пятый раз. При этом пожилой человек отнюдь не производил впечатления выжившего из ума старца, неспособного заботиться о собственном здоровье. Тут дело было в чём-то другом... Первый раз Кирилл приехал к нему домой (а повод к вызову звучал так: «боли в сердце, высокое давление»), оказал необходимую помощь, после чего старику, как показалось, стало лучше. От предложения поехать в больницу тот отказался. «Я уж перебыюсь как-нибудь на своих таблетках...» – бубнил дед, явно опасаясь докторов. Кирилл посоветовал ему сходить в поликлинику, чтобы его осмотрели кардиолог с невропатологом и назначили соответствующее лечение. Пенсионер обещал заглянуть, «как только полегчает», но так и не пошёл. С периодичностью два раза в неделю он названивал на «03» и жаловался то на слабость, из-за которой едва мог встать с постели, то на сильные головные боли, то на судороги в ногах... Вскоре Пётр Петрович и его адрес стали очень «популярны» в «узких медицинских кругах». Так уж получилось, что чаще других к старику приезжал именно Кирилл. Отношения между ними становились всё доверительнее. Но за время их общения, у врача начало складываться впечатление, что пенсионер Муратов просто «валяет ваньку», что он придумал для себя своеобразную «забаву», в которой врачи играют главную, но незавидную роль. А иногда Ильину казалось, что старик что-то скрывает...

– Здравствуйте, Кирилл, – дребезжащим старческим голосом ответил Муратов. – Вы не один, с вами молодой коллега? Не соблаговолите ли мне его представить? – однако, не дожидаясь ответа, повернулся и засеменил вглубь комнаты, держась рукой за стену – к старенькому продавленному дивану. – Я прошу прощения, мне тяжело и стоять, и сидеть. С вашего позволения, я прилягу...

Кирилл с Сергеем проследовали за стариком.

Во многих квартирах побывал Ильин за годы своей работы на «скорой». Каждая из них обладала своим, неповторимым запахом. По этому, едва уловимому запаху, или по некой царящей в ней атмосфере, врач безошибочно мог определить: много ли в квартире жильцов, есть ли среди них дети, старики или инвалиды, содержатся ли животные, насколько тёплые отношения среди членов семьи, а также множество других мелочей. Они, хоть и не имеют определяющего значения для работы медика, но всё же проникают в сознание входящего сюда человека и оседают в нём.

Эта квартира тоже обладала своей аурой. Ощущалась в ней, по мнению Кирилла, что-то плохо объяснимое, тревожное, инородное... Какая-то неправильность... кривизна, что ли... Словно лишний мазок на картине, нарочито аляповатый, ненужный, но заметный, вызывающий...

Обстановка жилища не вызывала особого интереса. Обычное убежище пожилого, одинокого человека: вечно разложенный диван возле одной стены, старая, советских времен мебель, состоящая из шкафа, серванта, книжных полок и ящиков для белья – с другой... Допотопный цветной телевизор, втиснутый в углубление «стенки», хрустальная ваза, нелепо стоящая рядом с ним... Балконная дверь, давно не мытое, полупрозрачное окно. Сентябрьские мухи, ошалело бьющиеся в стекло... На подоконнике несколько горшков с цветами, страдающими от жажды... В глубине комнаты, напротив окна располагалось кресло, покрытое потёртым пледом. У кресла разместилось трюмо, тоже старинной работы. А может, ещё немецкое... Посреди комнаты на толстых, слоновых ножках, стоял кряжистый стол... Стакан в подстаканнике, пепельница с окурками, рядом - раскрытая пачка дешевых сигарет и россыпь упаковок с различными таблетками... Электрический самовар, тоже почтенного возраста...

«Может, такое тягостное впечатление создаётся оттого, что здесь всё такое ветхое, включая самого хозяина?» – подумал Ильин.

Пятый раз он здесь. И все пять раз одни и те же ощущения. Придвинув стул к дивану, Кирилл присел.

– Это наш новый фельдшер. Зовут его Сергей. Он пока еще – студент университета, но в следующем году получит диплом врача...

Сергей кивнул. Он без особого удовольствия, даже немного брезгливо смотрел на почти лысую голову, обрамлённую редкими седыми волосками, на морщинистое лицо и шею, на трясущиеся старческие руки с синими прожилками на кистях.

– А это – наш Пётр Петрович Муратов, – продолжал Ильин. – Гражданин, которому недавно исполнилось ровно девяносто лет. Но он упорно не желает лечиться... Дайте-ка, уважаемый, мне руку, я исследую ваш пульс...

Старик, протягивая руку, с интересом разглядывал Бурханова.

– Вы будете врачом, юноша... Это – достойное призвание...

– Не отвлекайтесь, Петр Петрович. Сейчас измерим вам давление... Скажите, когда начались боли?

– После полудня... Терпел, сколько мог...

– Таблетки принимали?

- Вчера... Сегодня ещё нет...

– 190 на 120... Нехорошее давление... Ну, решайте, Петр Петрович. Если не поедете сегодня в стационар, то завтра опять будете звонить на «03», а у нас и так очень много работы...

– Пётр Петрович, вы не волнуйтесь, – добавил Сергей. – В больнице вас полностью обследуют, поставят капельницы, очистят кровь от шлаков, добавят в неё полезные минералы и витамины... Дней через десять вас выпишут, и вы будете совсем другим человеком! Сразу почувствуете, насколько стало легче. Решайтесь...

Старик, улыбаясь, смотрел на медиков и молчал. Кирилл уложил тонометр в чехол.

– Сейчас сделаем укольчик, и вам станет легче. Только, Петр Петрович, я всё же настаиваю на том, что вам следует подлечиться в стационаре...

– Спасибо, друзья мои...

– Пётр Петрович, подумайте! Вам там будет очень хорошо: и питание, и лечение, и уход. А мы ещё на вашем столетнем юбилее погуляем! – Сергей изобразил жизнерадостную улыбку.

– На столетнем юбилее? – прищурился старик. – Это - забавно...

По всему выходило, что и на сей раз он никуда не поедет. Ильин достал шприц, сам набрал лекарство. Муратов с довольной улыбкой наблюдал за его действиями. Врач чувствовал, как в нём поднимается волна возмущения. Ему вдруг захотелось сказать вредному деду что-то обидное... Но он сдержался.

Сделав укол, Ильин швырнул использованный шприц в пластиковый контейнер и поднялся. Что бы такое сказать Муратову... чем бы его пронять, чем усостыдить? Ведь не исключено, что через пару дней, на следующем дежурстве Кирилла, тот снова вызовет бригаду. И именно ему, Ильину, опять придётся мчаться сюда, для того чтобы ублажать неговорчивого пациента и испытывать все эти загадочные ощущения...

Бледное, тщедушное, старческое тело... Майка едва прикрывает многочисленные шрамы, видать дед лихо повоевал в своё время...

– Пётр Петрович, – Сергей достал бланк и авторучку. – Будьте любезны, если вы не хотите ехать с нами, подпишите свой отказ... Кстати, а где ваши очки?

Действительно, пожилые люди без очков не обходятся, а некоторых имеют их даже по три пары: одни для чтения, другие для просмотра телепередач, третьи – для прогулок.

Ильин огляделся. Вон, на кресле стопка газет, а на столе лежит раскрытая книга... Но где же очки? И ещё явственней почувствовал нелогичности происходящего, некую дисгармонию... Как будто на чистой ровной скатерти, постеленной на гладкий стол, без причины появилось грязное пятно или дыра... Чертовщина... Наваждение...

– А у меня, милоч, очков нет... Раньше действительно были... Но потом оказались без надобности... Зрение как-то само восстановилось ... – Старик, взяв бумагу и ручку, приготовился писать...

– Вы, верно, шутите... – опешил Сергей.

– Возможно, дорогие мои, возможно.... Стоматолог тоже удивляется тому, что я до сих пор грызу орехи, – и старец широко улыбнулся, продемонстрировав два ряда крепких белоснежных зубов. Затем, тяжело сопя, начал выводить на бланке ровные, красивые буквы.

Медики удивленно переглянулись.

Внезапно Кирилла осенило: старик! Именно от него распространялась по квартире эта деформированная, полная тревоги и «неправильности» аура! Здесь всё было «так»: и стенка, и стол, и кресло, и люстра, и даже окурки в пепельнице... Только сам старик – «не так»...

– Как вы теперь себя чувствуете? – задал вопрос Кирилл. – Вам легче?

– Конечно. Спасибо, доктор, – ухмыльнулся пенсионер. – Мне гораздо лучше!

– Тогда мы пойдём, – Кирилл взял листок с отказом и сложил его вдвое. – Нам нелегко оставлять вас в таком состоянии, уважаемый Пётр Петрович... Но мы вынуждены, поскольку вы сами не желаете бороться за своё здоровье...

Они вышли в коридор. Сергей открыл замок и отворил входную дверь.

– Счастливо оставаться, Петр Петрович, – попрощался он с престарелым хозяином квартиры.

Бурханов пошел вызывать лифт, а Ильин замешкался у двери. Его мозг сверлила назойливая мысль: «Что-то в старце не так... Но, что? Что?..»

– Кирилл, постойте! – вдруг раздался голос из глубины комнаты.

– Что случилось? – врач вернулся к больному.

Муратов сидел на диване, двумя руками теребя уголок одеяла. Ноги он опустил в тапочки. Отстраненный взгляд старика был устремлён мимо Кирилла, куда-то в район убогого кресла.

– Вы, наверное, подумали, что меня легче стукнуть по башке табуретом, да и успокоиться на этом?

Ильину было непонятно: пытается ли собеседник пошутить или просто констатирует печальный факт.

– Ну, вы же всё сами прекрасно понимаете, Пётр Петрович. Надо ехать в больницу. Зачем упрячиться, вы же здравомыслящий человек, а не выживший из ума маразматик!..

– Подождите, Кирилл. Я сейчас вам всё объясню... Я просто искал человека... Врача... Я искал... И нашёл... Кирилл, прошу вас... Я больше полувека не обращался к врачам. А теперь мне очень нужно...

– То, что вам нужно, я целый час безуспешно пытался до вас донести...

– Нет, не то... Так сразу мне вам не объяснить... Я прошу... выполните одну мою просьбу...

– Какую, Пётр Петрович?

– Мне необходимо вам многое рассказать. Как врачу и как человеку... Нанесите мне частный визит, иначе я пропаду...

Кирилл молчал.

– Как говаривал Наполеон... «Я не верю в медицину, но я верю в своего врача»... Вы можете мне помочь... Нет, дело не в давлении и сердцебиении, я скоро вам всё объясню... Кроме вас, мне некому довериться... – Муратов умоляюще смотрел на Ильина, и было опять в его взгляде... что-то очень необычное... И, видимо, эта очередная неправильность заставила Кирилла ответить:

– Хорошо. Я приду.

– Тогда жду вас завтра вечером. Я всё вам объясню... Только пообещайте, что придёте, а не бросите старика в беде...

– Договорились, – вздохнул Ильин и взглянул на часы. – До завтра...

У машины его ожидали Сергей и Петрович, протирающий тряпкой зеркало заднего вида.

– Ну, что там наш старичок? Я уж подумал, что он согласился... Или носилки всё же нужны?

– Нет, не решился, – Ильин достал сигарету. – Давайте, ребята, перекурим, и на базу....

Размышления шахматной фигуры – 4

Становится интересно! Наш конь находится под ударом, но его защищает пешка. Он, конечно, не сдвинется с места. Он может пасть под напором слона, но и тот неизбежно погибнет, сражённый маленьким бойцом. Всадник на коне чувствует опасность, но от страха не дрожит: знает, что в случае гибели он будет отомщён. И даже если он падёт, то непременно с верой в нашу победу! Гораздо хуже погибать, когда видишь, что сражение проиграно и всё твои усилия были напрасны...

В помощь одинокой королевской пешке выдвигается вторая, с моей стороны, открывая выход для стоящего рядом слона. Слон мотает массивной головой, нетерпеливо размахивает хоботом. Офицер, сидящий на его широкой спине, издаёт громкие победные крики. Ему, наверное, кажется, что именно он пленит вражеского короля... Ну, что ж... Посмотрим-посмотрим...

Глава 4. Аптекарь с Кёнигштрассе

Утро в районной поликлинике, 08.30.

К участковому врачу выстроилась очередь: человек двадцать. В основном, это – люди пенсионного возраста. Большинство из них – женщины.

Бабульки сидят и обсуждают свои проблемы: кто-то пришел выписать рецепт, кто-то – померить давление... От их голосов в помещении царит гул, иногда нарушаемый хлопками закрывающихся дверей. Тема одна – неважное самочувствие. Минут через двадцать после начала приёма, участковый терапевт покидает свой кабинет и куда-то уходит... Еще через четверть часа слышится такой разговор:

– Марья Петровна, чего сидим? Пошли лучше домой, «скорую» вызовем...

– Зачем тебе «скорая»?

– Ну, приедут, хоть давление померят, может, и уколут чего...

– И я пойду, вызову, – вдруг откликается соседка.

– И я – тоже.

Половина очереди встает со стульев и начинает движение к выходу...

Кирилл после дежурства проспал до обеда, поднялся, принял душ и поставил на плиту кастрюлю. Скоро из школы придут дети, их надо накормить. Из-за входной двери доносятся чьи-то голоса. Видимо, соседи опять затеяли спор по поводу постоянно выкручиваемых в подъезде лампочек. «Выйти к ним, тоже поругаться?» – усмехнулся про себя Кирилл. Вместо этого он нагнулся и поднял с пола кошку, решившую проверить, кому это понадобилось греметь кастрюлями в таком интересном месте. Увидев хозяина, она подошла и, в беззвучном приветствии, потёрлась о его ногу. В результате, была взята на руки и посажена на плечо. Эту домашнюю питомицу звали Ксюшей, а появилась она в квартире Ильиных в начале лета. Тогда Кирилл заметил возле подстанции маленького котёнка, который

внимательно и как-то слишком рассудительно смотрел на него своими желтоватыми глазами. «Если после дежурства встречу тебя здесь вновь, то возьму к себе», – решил тогда Ильин.

Он включил чайник и, пока тот нагревался, прошёл в детскую комнату. Сын и дочка были в школе. Незаправленные постели, брошенная где попало одежда почему-то вызвали у Кирилла лишь лёгкую улыбку. «Пора приучать к порядку...» – по-отечески строго подумал он, но тут же остыл... «До порядка ли теперь? Спасти бы ребёнка... Леночке всё тяжелее посещать школу, того и гляди, придётся поместить её в больницу...»

Вздыхнув, Ильин опустил Ксюшку на дочкину софу. Кошка, обнюхав простыню и подушку, совершила прогулку на другой край постели и, коротко мяукнув, грациозно прыгнула на пол. Взгляд Кирилла остановился на детских игрушках. В этом вопросе его малышам никогда не было отказа. Поэтому на водопроводной трубе у подоконника скопились плюшевые мишки, зайки и котики, ожидающие маленькую хозяйку из школы. Возле стены на подушке спал тигрёнок – самый любимый Леночкин зверек.

Сын Игорь тоже любил игрушки, но не так самозабвенно, как его сестрица. А ещё детям очень нравилось, когда на ночь им рассказывали сказки. И мама, и папа по очереди приходили в детскую комнату и в течение минут десяти придумывали какую-нибудь интересную историю, обычно с продолжением. Сам Кирилл умело сочинял приключения доброго доктора Айболита в современном городе, где ему необходимо было спасти и детей, и зверей, и даже разобраться со злобными компьютерными вирусами.

Ещё раз тяжело вздохнув, Ильин подобрал валяющийся детский носочек, повесил его на спинку стула и вернулся на кухню. Кошка неотлучно следовала за ним, справедливо полагая, что хозяин, наконец, догадается хоть чем-то угостить пушистую домоседку.

– Какие у меня на сегодня планы? – подумал Кирилл, наливая себе кофе. – Надо бы сходить в домоуправление, решить вопрос по поводу счётчиков воды... Но это – не срочно... В магазин? Только жена, уходя на работу, таких указаний не давала. Нужно проверить, насколько полон холодильник...

Но что-то надо было сделать непременно сегодня... Он распахнул форточку, вдохнул свежего осеннего воздуха, прислушался к звукам со двора... «Чёрт возьми, сегодня же надо заглянуть к Муратову! Раз обещал, значит, никуда не деться... Пешком или на машине?..»

А загадочный старик ждал. И даже готовился к встрече: вскипятил в своем самоваре воду, заварил чай, достал мёд и пряники.

– Как ваше самочувствие, Пётр Петрович? – первым делом осведомился Ильин.

У деда заискрился взгляд:

– Немного лучше, Кирилл, спасибо вам. Да только я не по поводу здоровья... То есть, конечно, дело касается здоровья, но не в том смысле...

– Загадками говорите, – заметил Ильин, усаживаясь за стол. – Ну, я вас слушаю...

– Угощайтесь, – предложил дед.

Сегодня он действительно выглядел лучше, свежее и бодрее, но чувствовалось, что это давалось ему с трудом.

– Я начну рассказывать, а вы пейте чаек и постарайтесь не перебивать... Я должен вас предупредить, что этот разговор может затянуться, но то, что вы сейчас услышите, обещайте принять всерьёз...

– Даю слово, Петр Петрович, что выслушаю вас внимательно и серьёзно.

– Спасибо... Итак, с чего начать? Конечно, с начала, – Муратов улыбнулся.

Руки он сложил на коленях и на минуту задумался, словно взвешивая, стоит ли раскрывать почти незнакомому человеку некую важную тайну... Наконец, решился. Его взгляд затуманился: было похоже, что старик отправился в дальний и непростой путь по тропинкам своей памяти...

– Как сейчас помню, – начал он... – шел апрель 1945 года... Вы, конечно, знаете, что 9-го числа была подписана капитуляция Кёнигсберга (4). Город-крепость пал... Вслед за частями 11-й армии в город перебазировался и наш госпиталь (5). Я тогда служил в нём санитаром. Хотя и не был бравым молодцом, но мужские руки – дело нужное, когда находишься при раненых... Что представлял собой тогда наш город, вы, наверное, тоже слышали... Это было страшное зрелище: сгоревшие и разрушенные здания, неубранные трупы, разбитая боевая техника. На главных улицах – железобетонные противотанковые заграждения, окопы и траншеи, огневые точки с круговым обзором и обстрелом...

Муратов мысленно унёсся в те времена. Перед его взором опять возникли выпотрошенные здания, из стен которых, словно требуха, вываливались мебель, скатерти, шторы. Ноздри ощутили горький запах пожарищ и смрад смерти...

– Многие дома буквально утопали в чёрном дыму. А в подвалах прятались мирные жители и вооруженные гитлеровцы. Света и воды, естественно, не было... Зато периодически возобновлялась стрельба. Например, здание знаменитого Кёнигсбергского университета всё еще находилось в руках фашистов, которые не подчинились приказу о капитуляции. Там засел батальон «СС» и остатки других частей вермахта и полиции, которых наши артиллеристы и огнемётчики понуждали сложить оружие. Они недолго продержались... Когда наши захватили здание, в его подвалах обнаружили запасы продовольствия: бочки с вином, соки, мясные консервы, хлеб, изготовленный еще в 1939 году. И, конечно, медикаменты, которые мы тут же использовали по назначению...

Наш окружной госпиталь развернулся в районе нынешней улицы Красной, в уцелевших зданиях, подвалах и палатках. Раненых бойцов было очень много. Кроме того, к нам постоянно доставляли изувеченных немецких детишек, женщин и стариков.

Старик сделал паузу, отхлебнул чай.

– Военный комендант, – продолжал он, видя, что Кирилл слушает его с явным интересом, – был другом начальника госпиталя и выписал для наших служб спецпропуска. Наши проныры-снабженцы быстро освоили все прилегающие районы города и лихо пополняли запасы продовольствия, медикаментов и иного санитарного имущества... Мне тоже, в качестве переводчика и грузчика, частенько приходилось колесить на полutorке в составе команды таких «добытчиков-трофейщиков» по разрушенному городу...

Извините, Кирилл, я не очень вас утомляю своим рассказом? Я начал про Кёнигсберг, а о себе не сказал ни слова ... Сам я из приволжских немцев, в детстве родители научили меня немецкому языку, а впоследствии я неоднократно имел возможность совершенствовать свои знания... Но об этом – как-нибудь потом. Самое главное случилось именно тогда, в далёком сорок пятом...

– Ничего, Петр Петрович, я затем и пришёл к вам, чтобы выслушать. Интересно изучать историю своего края по рассказам живого свидетеля... Продолжайте, прошу вас.

– Хорошо... Очень полезными оказывались порой такие поездки. К примеру, как-то раз мы решили осмотреть очередной объект – Кафедральный собор. В те времена он произвел на нас гнетущее впечатление: крыши на нем не было, стены зияли дырами, пробитыми снарядами. Картины и гобелены отваливались вместе со штукатуркой. На полу были разбросаны рукописные книги в толстых переплетах. Однако в высоких и сухих

подвалах на стеллажах мы обнаружили коробки с медицинскими препаратами и шприцами. Я доложил об этом начальнику команды, и все имущество было отправлено в наш госпиталь.

От вокзала до центральной площади города – Адольф-Гитлер-плац не было ни одного целого дома: вокруг стояли лишь обгоревшие скелеты зданий по две-три стены и возвышались руины Королевского замка. По дорогам было почти невозможно ехать: горы битого кирпича и стекла. Полностью был разрушен и мост на железнодорожном вокзале, а поезда первое время прибывали на товарную станцию, где из сборных щитов был оборудован пассажирский сарайчик.

Старик опять сделал паузу.

– А не закурить ли нам, Кирилл? – вдруг предложил он. – Я страсть как люблю иногда затянуться сигареткой, особенно, вспоминая былое...

Кирилл не позволял себе курить в доме. Ни в подъезде, ни боже упаси, в квартире. Там, где дети, считал он, табачному дыму не место. А если будешь покуривать на лестничной клетке, то, глядишь, позволишь себе это занятие и на балконе, и в туалете, а затем место курения переместится и на кухню... Нет, лучше выкурить перед домом сигаретку и забыть про табак до следующего выхода на улицу. Но тут дед сам предлагает... Они затянулись дешёвыми сигаретами Муратова, и Кирилл спросил:

– Но ведь сохранились же где-то и целые дома? Как они выглядели? Сложилось ли у вас впечатление о том, каким был Кёнигсберг до войны?

– Конечно, такие здания сразу привлекали к себе наше внимание. Очень интересно было побывать, например, в женском монастыре Святой Екатерины, который располагался на улице Оберхаберберг... Старые названия никак не стираются из моей памяти... сейчас это улица Богдана Хмельницкого. Монастырь представлял собой почти ровный квадрат, состоящий из нескольких зданий, посреди которых находилась высокая и красивая кирха. Теперь это - Концертный зал филармонии. В годы войны у немцев здесь размещался свой военный госпиталь. Мы рассчитывали найти там запасы медикаментов, спирта и перевязочных средств. Ведь даже самые обычные бинты нам приходилось в ту пору помногу раз перестирывать. И действительно, в одном из зданий монастыря на первом этаже находилась аптека, в которой мы реквизировали для своих нужд много медицинского имущества...

– Вот я и дошел до эпизода, на котором хочу остановиться подробнее, – сказал Петр Петрович и отхлебнул остывающий чай из своей любимой чашки. – Однажды на Кёнигштрассе, сегодня – это улица Фрунзе, нас остановили бойцы одного из штурмовых батальонов и сказали, что дальше ехать опасно, поскольку только что закончена зачистка квартала от вооруженных гитлеровцев и саперы еще не успели его полностью разминировать. Узнав, что мы представители медицинской службы, они попросили нас доставить в госпиталь нескольких раненых товарищей, а с ними пожилого немца, у которого были забинтованы голова и грудь. Мы, конечно же, согласились.

Когда машина тронулась, немец, до этого лежавший без чувств, пришел в сознание: стал громко стонать и о чем-то довольно эмоционально просить окружающих. Поскольку из всех нас только я знал немецкий, то и успокоить старика поручили мне...

Полуторка ползла по разбитым улицам Кёнигсберга, с трудом преодолевая участки дороги, засыпанные кирпичом. Четверо раненых бойцов разместились в кузове. Среди них не было «тяжёлых», наибольшие опасения вызывал только старый бюргер, которого «чёрт принес» в район Трагхайма, к полуразрушенному дому, откуда наши бойцы с боем

«выкуривали» засевших в нём фрицев. Усталые солдаты с безучастным видом поглядывали на бедолагу, и лишь раненый в руку молодой лейтенант произнёс:

– Кто-нибудь понимает по-немецки? Что он говорит?

– Я могу перевести, – ответил Муратов.

– Спроси, дед, что ему нужно. Может быть, он хочет сообщить что-то важное?

Пожилый санитар подсел поближе к немцу.

– Вы ранены, – сказал он, без труда переходя на «дойче шпрахе». – Сейчас мы едем в госпиталь, где вам окажут помощь.

Услышав родную речь, раненый оживился и быстро-быстро заговорил:

– Меня зовут Карл Майбах, я – владелец аптеки на Кёнигштрассе. В неё прошлой ночью попал снаряд. Все мои близкие погибли, а меня, лежащего без памяти, извлекли из-под обломков русские солдаты... – старик покривился от боли. – Вы тоже русский солдат... Я потерял много крови и чувствую, что мои часы сочтены... Поэтому, не откажите мне в последней просьбе... – Машину хорошенько тряхнуло на ухабе и немец потерял сознание. Санитар похлопал его ладонью по щеке и тот снова открыл глаза. – ...В подвале дома есть лаборатория, – с трудом прошептал он пересохшими губами, – там стоит шкаф, в котором хранится наше фамильное средство – эликсир... – старик замялся, было видно, что он не готов говорить об этом с первым встречным, но, видимо, у него не было иного выбора, и он продолжил:

– Я чувствую, что вы – добрый человек, поэтому умоляю: принесите мне это... лекарство, а сами можете взять всё, что только захотите: я не бедный человек – там есть дорогая мебель, одежда, посуда, золотые украшения и столовое серебро, даже несколько картин великих мастеров... Заберите всё это себе, только дайте мне взамен бутылку с эликсиром... Шкаф откроете ключом, он у меня в кармане... Пожалуйста, поспешите! Найти мой дом очень просто – квартал называется «Кёниг сек» (6), а над входом в дом большая надпись: «Кройц-Аптека»... – сказав эти слова, он вновь потерял сознание.

– Что старику надо? – спросил лейтенант. – Он хочет быть похоронен в фамильном склепе?

Бойцы ухмыльнулись, а Муратов ответил:

– Этот старик – аптекарь. Он желает передать свои медикаменты нашему госпиталю.

– Что ж, хоть какая-то польза! Дайте закурить, хлопцы...

– Позвольте, Петр Петрович! Вы обмолвились, что в то время вас уже называли «дедом»? Я не ошибся?

– Да, называли. Но об этом позже... Мне действительно тогда было немало лет. Мой сын уже воевал... Пожалуйста, не перебивайте меня. Сейчас всё поймёте...

Эта история, Кирилл, определенно пахивала какой-то тайной. Я, конечно, был староват для подобных загадок и приключений, но с другой стороны... немец посулил мне чуть ли не сказочные сокровища... Войне скоро конец и с чем же я, солдат-победитель, вернусь домой? С пустым котелком, в просаленной телогрейке и сапогах, «просящих каши»?.. Вот и задумался я тогда о земном... О возвращении домой и своей послевоенной жизни... Неужели мы, одолев такого сильного врага и претерпев столько лишений, не заслужили награды? Конечно, заслужили!

– Очень плохо нашему старцу, просит, чтобы его вылечили, – передал Муратов сотрудникам госпиталя рассказ немца. – А еще он сказал, что тут неподалеку в его аптеке есть большой запас медикаментов и другого добра.

К этому времени раненых разместили в приёмно-сортировочных палатках.

– Завтра поедете, – сказал заместитель начальника госпиталя, майор Потапов. – Скоро комендантский час, а завтра утром надо обязательно туда заглянуть ... Кочергин! – позвал он старшину, начальника группы снабжения, – Завтра возмёшь Муратова, ещё пару человек и – в аптеку за медикаментами! Как раз и сапёры закончат свою работу. Авось ещё не все барахло растащат. Хоть бы дождя не было... – задумчиво продолжил он, глядя в низкое мрачное небо. – Надоел уже...

Старшина Кочергин, грузный мужчина пятидесяти лет, отправился давать соответствующие распоряжения. Ему нравились такие поездки. А особенно – ценные трофеи, которые нет-нет, да и оказывались у него в вещмешке. Тогда он ещё не знал, что в самом начале войны эшелон, на котором следовала в эвакуацию его семья, был полностью уничтожен немецкой авиацией...

Утро 16 апреля выдалось прохладным, но солнечным. На безлистных пока ветвях старых лип посвистывали шустрые синицы. Проходя мимо хирургического отделения, Муратов спросил у знакомой сестрички:

– Настенька, как там наши вчерашние раненые?

– Нормально, Петрович! Все живы.

– Ах, ты ж моя умница! Да за таким-то уходом!.. – он громко рассмеялся. – А старый немец?

– Он очень слаб и температура всю ночь была высокой, наверное, заражение крови начинается...

В кармане Муратова лежал старинной работы ключ, который он при свидетелях изъясил у старого немца. Кочергин хотел было отобрать его у санитаря, но тот – ни в какую:

– Мне передано, у меня и будет храниться! – впрочем, старшина особо не настаивал.

Возле медицинского склада уже стояла потрёпанная полуторка, а водитель Володька из Смоленска с аппетитом хлебал в кабине что-то вкусное из своего котелка. Дверь кабины была открыта, Володькина нога в грязном сапоге болталась на весу. Рядом стоял старшина Кочергин с автоматом на плече и распахивал что-то по карманам гимнастёрки.

– Полюбуйтесь на этого любителя пожрать, – беззлобно бубнил старшина, – когда наворачивает харч, то у него аж уши в трубочку закручиваются! Заканчивай трапезничать, нам ехать пора!

Муратов забрался в кузов и устроился на пустом ящике. Вскоре подошёл другой санитар, молодой парень - Коля Гончаров. Его собирались демобилизовать по ранению, но он сам напросился остаться в армии до полной победы, пусть даже санитаром в госпитале. Николай был родом из-под Тулы, воспитанник детдома. Ему ужасно нравилась медсестра Настя.

А тут появился и майор Потапов. Был он чисто выбрит, сапоги блестели на утреннем солнышке. Он опирался на трость – после ранения осталась хромота.

– Товарищ майор! – бодро доложил Кочергин. – Группа снабжения готова выехать в немецкую аптеку для пополнения запасов медикаментов!

– Осторожнее там, старшина, – разрешил отъезд Потапов.

Похоже, и майор тоже имел интерес к городским квартирам и подвалам, но сам был лишён возможности проводить там «ревизии». Впрочем, старшина явно делился кое-чем из добытых им «сокровищ» с комендантом.

Где-то на южной окраине города гроыхнуло...

– Интересно, – сказал Кирилл, когда возникла новая пауза в разговоре. – В таких вот поездках и поисках наверняка можно было раздобыть что-то весьма ценное...

– Конечно, – отозвался Муратов. – И находили, и докладывали командованию, и, конечно... кое-что присваивали... Многие уже чувствовали конец войны и не хотели возвращаться домой нищими победителями. Хотя, до Победы был еще почти месяц и в любой момент нас могли убить... Впрочем, в госпитале было куда безопаснее, чем на передовой...

Полчаса полуторка из окружного госпиталя петляла по узким улочкам поверженного Кенигсберга. Не первый разрушенный город и не последний... Но, глядя на окружающие развалины, поневоле делалось жутковато... словно клыки в распахнутой пасти торчат печные трубы и закопченные остовы зданий. Горы битого кирпича от рухнувших стен возвышаются от здания к зданию, перегораживая улицы. По этой причине было трудно ориентироваться и еще сложнее двигаться вперед.

Всего несколько дней назад здесь ещё шли бои и рвались снаряды. Почти каждое здание немцы превращали в неприступную крепость... Вот через эти окна, двери и проломы в стенах, предварительно забрасывая их гранатами, врвалась в дома наша славная пехота и уничтожала врага. А сегодня сквозь зияющие глазницы окон проглядывало голубое весеннее небо, и стояла гнетущая тишина, как на погосте...

А вот, наконец, и Кёнигштрассе. Выглядит она, по сравнению с другими улицами, довольно неплохо: много уцелевших зданий и вполне проходима дорога. Машина подъехали к четырехэтажному красавцу-дому, над одним из пяти подъездов которого имелась надпись «Kreuz-Apotheke». Несмотря на то, что большинство оконных стекол было разбито, а на стенах виднелись следы от пуль, вышедшие из машины люди невольно залюбовались тем, как богато было декорировано это здание. На его украшенном изящными цветочными рельефами фасаде и фронтонах размещался лепной орнамент в виде солнца, соседствующего с помпезными геральдическими щитами. Вероятно, «Королевский угол» был одним из самых красивейших архитектурных ансамблей Кёнигсберга, во всяком случае, в данном районе соперничать с ним в этом ничто не могло...

– Кирилл, вам знакомо это место на улице Фрунзе (7)? – с печалью в голосе спросил Петр Петрович. – Сейчас от аптеки осталась лишь фасадная стена. Печальное зрелище... Самое обидное, что аптека довольно успешно пережила и англо-американскую бомбардировку, и штурм города. Неудивительно, что сразу после войны это здание превратили в жилой фонд. Вплоть до середины восьмидесятых «Кройц-Аптека» держалась молодцом, а потом начала резко сдавать. Говорят, роковую роль сыграла её близость к трамвайной линии. Видимо, проезжающие вагоны создавали вибрацию и расшатывали стены. А в восьмидесятых здание признали аварийным и жильцов расселили. Долгое время оно оставалось сиротой. Только некоторые предприимчивые граждане, использовали его как каменоломню. Чуть ли не каждый день они приходили на руины и что-то выковыривали и отдирали... А на реставрацию денег так и не нашли... Но я все же думаю, что «Кройц-

Аптеку» восстановят. Не сегодня – так завтра. Она действительно того заслуживает. Ведь когда-то это здание было украшением города...

Только я, кажется, немного отвлекся...

– Наверное, у нашего аптекаря деньжат было, как у дурака махорки... – присвистнул Володька. – Идёмте скорее, пороемся в его сундуках!

– Давай-ка без дурасти! – прикрикнул на него старшина. – Ты остаёшься в машине. Мы не какие-нибудь мародёры, а представители советской власти! И о личной безопасности тоже не забывайте: всем проверить оружие и держать его наготове!

Трое подошли к высоченной деревянной двери и подергали за массивную медную ручку, сработанную в виде льва, держащего зубами кольцо. Закрыто...

– Ничего, – не смутился старшина, – попробуем через окно.

Он направился к витрине, заколоченной какими-то щитами, и, покряхтев, оторвал две нижние доски. Убедившись в том, что никакого стекла за ними нет, Кочергин перешел на шепот:

– Полезайте-ка, хлопцы, за мной...

Внутри царил полумрак, и старшина включил трофейный фонарик.

В глаза бросился страшный беспорядок: опрокинутые столы и стулья, разбросанные листы бумаги, осколки стекла и фарфора. Тяжёлый, спёртый воздух... Данное помещение оказалось проходным: через красивый арочный проём солдаты вышли в следующее – прямоугольной формы зал, вдоль стен которого стояли высокие (до потолка) однотипные шкафы с выдвижными ящиками. На каждом из ящичков висели таблички с надписями на немецком и латинском языках.

– Вот она какая - «Кройц-Аптека»! – с восхищением воскликнул Муратов. – Не то, что у нас в посёлке... На верхних этажах дома, видимо, находятся жилые помещения, а где же вход в лабораторию?

Они разбрелись в разные стороны, чтобы как следует осмотреться и приступить к поискам медикаментов. Муратов обошел несколько смежных комнат, но ничего похожего на спуск в подвал не обнаружил. «У старого немца не было никакого резона меня обманывать: перед смертью не лгут... – рассуждал он, – значит, мы ищем не там или не так».

В это время Кочергин деловито осматривал содержимое шкафов, вытряхивал его на пол, а некоторые коробки выставлял в проход, готовя их, таким образом, к погрузке в машину. Запертые створки шкафов он безжалостно разбивал прикладом автомата. Николай громыхал в другом конце помещения. Он пытался открыть массивный шкаф...

Муратов вдруг поймал себя на мысли, что хоть все трое, оказавшиеся здесь люди, выполняют одну работу, одно задание, но каждый увлечён чем-то своим. Старшина хозяйничает, словно в собственном дворе. Коробки с медикаментами для него – дело второстепенное. Тем более что результат уже есть – не впустую съездили! Но он уверен, что здесь, в этих шкафах хранится нечто не менее ценное, что может сгодиться лично ему.

Коля, тот не алчен. Им движет, скорее, любопытство. Единственное, что его могло бы сейчас несказанно обрадовать, так это блестящая побрякушка или колечко, которое он смог бы подарить Настеньке. Самим же Муратовым руководила мысль о необходимости исполнить, возможно, последнее желание старого аптекаря. К тому же, чувствовалась во всём этом некая тайна... Эликсир? Ну, отыщет он этот эликсир, глядишь, под руку подвернётся нечто более стоящее... И всё же, ему чудилось, что здесь его ожидает прикосновение к чему-то необычному... Старинные ключи, шкатулки... Всё это живо

напомнили ему прочитанные в детстве книги о путешественниках, кладоискателях и необычных открытиях отрешённых от мира учёных...

Вдруг раздался голос Гончарова:

– Смотрите: за этим шкафом какая-то дверь!

Действительно: среди аптечных шкафов с лекарствами – один служил в качестве потайного входа в просторный подвал. Дверь поддавалась под ударами солдатских сапог и вскоре Муратов со старшиной уже спускались вниз по крутой лестнице.

Лучи фонарей вырвали из темноты множество коробок с дорогой посудой, тюков мануфактуры, а также сложенных вдоль стен ящиков с другим имуществом. Видимо, хозяин дома всё самое ценное спрятал здесь.

Под сводчатым потолком подвала в свете фонарей висела старинная керосиновая лампа, которая тут же была зажжена. В дальнем от входа углу стоял двустворчатый лакированный шкаф, сделанный, видимо, из какой-то ценной породы древесины и украшенный позолоченным вензелем «I.M.». «Похоже, тот самый» – решил Муратов и, вставив старинный ключ в замочную скважину, дважды его повернул... Дверцы со скрипом открылись. Внутри на пяти широких полках стояло множество коробочек и пакетов, книг в потертых кожаных переплетах с плохо различимыми названиями и ряды разнокалиберных склянок самой причудливой формы. На одной из полок лежали куски каких-то минералов и плоские баночки со странным содержимым. Взяв в руки один такой сосуд, санитар увидел, что в нем находятся сушеные лягушки, в другом были какие-то насекомые.

– М-да... – выдохнул стоящий рядом Кочергин, – как в краеведческом музее...

Он держал в руках бутылку с прозрачной жидкостью, в которой покоилась свитая кольцами крупная змея.

На самой верхней полке находились другие, более габаритные предметы, завернутые в плотную серую бумагу. Муратов потянулся за одним таким свертком, разорвал упаковку и застыл в изумлении. Его взору предстала удивительной красоты шахматная доска, выложенная мозаикой из разнотонного янтаря. Рядом в бархатном мешочке хранились искусно выполненные в стиле средневековых рыцарей шахматные фигуры.

– Возьмёшь себе? – отрывисто дыша, спросил старшина, кивнув на доску.

– Пожалуй. Этот подарок обещал мне старый аптекарь, – санитар спрятал свою находку в вещмешок. – Осталось принести ему то, о чём он меня просил...

А Кочергин уже разворачивал следующий предмет. Вскоре в его руках оказалась изысканная трость с большим янтарным набалдашником, который изящно обвивала золотая змейка.

– Ну, что там у вас? – сверху раздался нетерпеливый голос Николая – Я тут подтаскиваю коробки к окну. Вам моя помощь нужна?

– Здесь ничего интересного нет. Готовь медикаменты к погрузке. Мы сейчас поднимемся... – крикнул ему старшина.

А вот, видимо, то, что Муратов и искал! В кожаном футляре, который он открыл, нажав на крохотную кнопочку, находилась небольшая четырехгранная бутылочка из темного стекла с позолоченной крышечкой и надписью: «Elixir Vitae». Старшина через его плечо бросил взгляд на находку. Промолчал и тотчас увлёкся другим футляром, в котором, как оказалось, хранился старинный серебряный брегет. Удовлетворённо хмыкнув, Кочергин сунул его в карман.

Пора было закругляться. В шкафу оставалось много других предметов, особенно книг, но таких громоздких и увесистых, что не было ни малейшего желания брать их с собой.

– Ну, всё, Петрович, поднимаемся наверх и начинаем грузить! Всё добро разом никак не вывезти, сообщим начальству, пусть оно и разбираются.

Уходя, Муратов почти машинально сунул за пазуху небольшой рукописный томик, на корешке которого просматривалась надпись: «Johann Meibach, 1727».

– Зачем тебе? – удивился Кочергин? – На курево?

Муратов не смог объяснить: рука как-то сама, произвольно, его взяла...

– Когда мы, погрузив лекарства в машину, отправились в обратный путь... – Пётр Петрович вынул из пачки очередную сигарету, – я бросил, так сказать, прощальный взгляд на аптеку... – Он сделал длительную паузу. Молчал минуты две. Кирилл не осмеливался его перебивать. – Я был уверен, что мне не показалось... Мы перетащили коробки через окно, вылезли сами... Дверь по-прежнему была заперта, мы не смогли её открыть и изнутри... И вот, едва грузовик отъехал от аптеки на несколько десятков метров, я отчётливо увидел, как дверь открылась! Мало того, из аптеки вышел человек! Кто он, откуда? У меня от удивления отвисла челюсть... Мы были готовы поклясться, что кроме нас в аптеке никого не было!

– Что за человек? – Ильин тоже потянулся за сигаретой.

– Не знаю... Он посмотрел нам вслед и вернулся обратно. Дверь закрылась, а мы отъезжали всё дальше... Но я его отчётливо видел, это вне всяких сомнений! Был он одет как-то странно... Впрочем, в то время никто за модой не следил, каждый старался напялить на себя что покрепче, да потеплее... Наливайте чаю, Кирилл. Я уже заканчиваю свой рассказ...

Ильин наполнил чашку кипятком, плеснул заварку. Размешал ложку мёда. В окно ударили капли вечернего дождя. Старик, после глубокой затыжки, продолжил:

– Короче, Кирилл, вернулись мы в госпиталь. Я первым делом отправился навестить немца-аптекаря, но фельдшер мне объявил, что старик час назад умер...

Расстроенный я вернулся в подвал, где мы ночевали последние несколько дней. Моих товарищей не было: они, видимо, отправились на кухню за обедом. На душе у меня стало совсем скверно. В ней поселилось довольно неприятное чувство, словно я кого-то обманул или даже обокрал... Ведь каждый прекрасно знает, что не всегда был честен и порядочен, помнит, когда струсил и кому солгал, но... прячет от других и гонит от себя эти неприятные мыслишки. Отвратительное состояние, когда твоя собственная совесть вдруг начинает напоминать пластилин – изменчивую и ненадёжную субстанцию, так часто подводящую своего хозяина «под монастырь»...

Вот с такими невесёлыми думами я и решил выпить «за помин души» бедного немецкого аптекаря. В связи с этим вспомнил об эликсире, который так и не доставил его хозяину: ведь наверняка же он приготовлен на спирту. Вынул из кармана красивую бутылочку, вытащил плотно притертую пробку и понюхал: содержимое пахло довольно приятно – душистыми травами, ароматными плодами, вишневыми косточками...

После этого я осторожно попробовал эликсир «на язычок»: вкусно! Густой и крепкий состав оставил во рту сладковато-терпкое послевкусие. Тогда я взболтнул бутылочку, сделал большой глоток и спрятал ее в вещмешок. Затем на какое-то время вовсе о ней забыл – закрутился...

В «Кройц-Аптеку» на следующий день меня, как я ни просился, не взяли. Туда поехали молодые и сильные парни из «команды выздоравливающих». Ну, и пусть – мне не жалко...

А теперь, Кирилл, самое главное...

Вскоре я заметил, что со мной стали происходить странные вещи...

Как известно, мужчины на войне в зеркало смотрятся крайне редко. А тут как-то совершенно случайно увидел я свое отражение – и сам себя не узнал: на моей лысой голове стали пробиваться волосы, а морщины на лице отчего-то разгладились. Представьте себе, у меня даже на носу были морщинки! А тут смотрю: как будто бы это я, но только лет пятнадцать назад!

Вам, врачу, конечно же, известно, что такое пародонтоз – это когда вы ложитесь спать... и зубы ваши тоже укладываются на бочок, – усмехнулся Пётр Петрович, – потом наступает день, когда они безболезненно вынимаются пальцами... Я страдал пародонтозом долгое время, а тут вдруг у меня стали расти новые зубы! На месте выпавших еще до войны... Потом начали постепенно рассасываться старые шрамы, что были еще с Германской и Гражданской, заметно прибавилось силёнок и, наконец, как бы это вам объяснить... меня потянуло на баб! – Он громко расхохотался, но смех почти сразу перешёл в такой же громкий и затяжной кашель. – После всего этого, – продолжал старик, откашлявшись, – я стал употреблять эликсир регулярно: отпивал из бутылочки маленький глоточек и добавлял в нее столько же спирта или водки, однако, не смотря на постоянные разведения, омолаживающий и оздоровительный эффект снадобья сохранялся все эти годы.

Война вскоре закончилась. Меня демобилизовали одним из первых и я отправился домой, в Саратов... Там-то и узнал, что моя жена, невестка и внучата погибли при бомбежке еще в 1942-м, а сын на фронте пропал без вести. Вдоволь погоревав, я решил вернуться сюда, в Кёнигсберг, уже один-одинёшенек...

Время шло, и однажды я надумал повторно жениться на женщине много моложе себя. И тогда я зарегистрировал брак по документам своего сына, в одночасье «помолодев» на целых тридцать девять лет. Это ему, моему сынку, было бы сейчас девяносто. Особых сложностей с этим не возникло: во-первых, явное портретное сходство, а во-вторых, сын тоже был Петром Петровичем...

Так и прожил я более шестидесяти лет. Работал мастером в рыбном порту, потом завхозом в школе. Вторая моя жена умерла десять лет назад, детишек мы с ней не нажили, я остался один. И всё было бы неплохо. Я вёл довольно активный образ жизни: любил покопаться на даче, участвовал в шахматных турнирах, много читал, ходил на все театральные премьеры... Но полгода назад случайно разбилась моя заветная бутылочка с эликсиром, из которой я черпал свою жизненную энергию, после чего я стал стремительно дряхлеть и постоянно болеть...

А теперь я скажу главное, для чего и затеял весь этот разговор...

Кирилл!.. Дорогой доктор, мне крайне необходима ваша помощь! У меня нет медицинского образования, но я и так вижу, что в этой старинной книжечке собраны рецепты каких-то древних лекарственных средств. Прошу вас: найдите среди них состав того эликсира, который я принимал на протяжении всех этих лет, и попытайтесь его воссоздать. Иначе я вскоре погибну... А жизнь чертовски интересная штука! В качестве награды за труды, я дарю вам вот эти необыкновенные шахматы, – Пётр Петрович поднялся из-за стола, подошёл к комоду и достал из ящика янтарную доску. – Это – самое ценное, что у меня есть!

Ильин с безучастным видом сидел за столом, держа пальцами ушко чашки.

– Я понимаю, – вновь горячо заговорил дед, – что во всё это трудно поверить! Я предвидел, что непросто будет убедить в моей правдивости любого человека... Но я готов предъявить вам любые доказательства!..

Кирилл с видимым интересом смотрел на старика, не решаясь, впрочем, что-либо произнести в ответ. Он машинально взял в руки протянутую Муратовым шахматную доску, отметив изысканность и несомненную красоту её изготовления... Весь вид доктора свидетельствовал о его крайней растерянности. Открыто сказать старику, что он не верит в столь чудодейственный бальзам, он не мог, боясь обидеть Муратова и довести его, чего уж греха таить, до инфаркта. Но и делать вид, что он безоговорочно принимает все услышанное, тоже было выше его сил.

– Вы не верите мне, – прошептал убитый горем старик...

– Что вы, Пётр Петрович, – наконец, словно очнулся ото сна Кирилл. – Я вам этого не говорил... Для начала успокойтесь... и дайте вашу руку...

– Скажите... – начал Муратов, но Ильин жестом руки остановил его.

– Давайте поговорим об этом позже... Действительно, мне нелегко поверить в ваш рассказ, и вы сами это понимаете. Нет, ваш рассказ о службе в госпитале вполне правдоподобен... Но волшебный эликсир! Вы знаете, сколько фантастических рассказов придумано людьми на эту тему?..

– Я готов доказать, – упавшим голосом произнёс старик...

– Хорошо-хорошо... Ведь я же не сказал вам «нет»... Дайте мне немного времени, чтобы осмыслить услышанное... Сделать кое-какие выводы. – Он поднялся из-за стола. – Спасибо за чаёк, Петр Петрович... Я обязательно позвоню вам, как только приму решение.

Размышления шахматной фигуры – 5

Нет, так дело не пойдёт!

Странная у нас расстановка фигур получилась.... Прежде такого не было! Почему наши всадники не взаимодействуют, а сражаются сами по себе? Зачем выдвинулась вперёд пешка с левого фланга, когда ясно, что надо усиливать защиту на королевском фланге, не давать вражеским фигурам маневрировать и прицеливаться!..

Что же происходит?

Не помню я такого начала!

Гляньте-ка, чёрный ферзь высунул свою голову из-за частокола пешек! Видимо, он собирается выйти на ту позицию, откуда начнёт непосредственно атаку! Самую главную и самую мощную! Выдержим ли мы её? Хватит ли у нас сил?

Слишком жалко и как-то «дыряво» выглядит наша оборона...

А может, это такая хитрость?..

Глава 5. «А ну-ка, шашки подвысь...»

Из отчёта старшего врача смены:

«В прошедшие сутки на территории города работало 35 бригад.

За смену поступило 620 вызовов, из них 15 – безрезультатных, 10 – повторных.

Госпитализировано 145 человек, из них – 50 детей.

За сутки констатировано 9 смертей больных пожилого возраста, имеющих хронические декомпенсированные заболевания. Пациент М., 40 лет, умер во время управления автомобилем на Большой окружной дороге. Предположительно, тромбоэмболия

легочной артерии. Он следовал вместе с женой и двумя детьми, дошкольного возраста. Его жене чудом удалось удержать автомобиль на дороге и затормозить. Бригады выезжали на 7 ДТП, 2 пожара, 3 падения с высоты, 2 ножевых ранения. Семья из 3-х человек отравилась продуктами горения бытового газа.

«Доезды» во всех случаях своевременные, необходимая помощь оказана в полном объеме в соответствии со стандартами.

Трудовая дисциплина не нарушалась, жалоб не поступало...»

Обычный день...

Кирилл находился под впечатлениями беседы с «загадочным» дедом. Это и понятно, событие из ряда вон... Не каждый день судьба преподносит в качестве развлекательного действия сюжет об омолаживающем эликсире, рецепт которого изложен в старой немецкой книге... Остаётся только подобрать компоненты, соединить их и стать всемогущим целителем... «Странно, что дед не прибавил себе лет этак... двести – сомневался Ильин. – Так-то получается, что ему почти сто тридцать...»

Жена Вера, едва муж пришёл домой, сразу накинулась с расспросами. Что там и как, куда ездил, почему такой ошарашенный вид? Он возьми да и выложи ей всё, как есть.

– Ну и что? – развеселилась жена. – Найди этот рецепт. Мне он очень пригодится, не хочу стареть... А ты – как хочешь! – и звонко рассмеялась. Затем вдруг стала серьёзной: – А как ты думаешь, поможет ли он нашей Леночке?..

Кирилл обнял жену, прижал её к себе и, не сразу, но ответил:

– Был бы я уверен, что всё это правда, то не медлил бы ни секунды...

– Ты же не думаешь, что старик сумасшедший?

– В том то и дело, что нет... Может быть, хитрец или фантазёр? Тоже не похоже...

– А если он говорил правду?

– Хорошо бы...

Всю ночь и половину наступившего дня Кирилл провёл в раздумьях. Муратов обещал предъявить любое доказательство его правдивости... Но какое? Спросить у него выписку из метрической книги, заверенную нотариусом? Смешно... Пожалуй, единственное доказательство его правоты – это сам эликсир! Если изготовить лекарство согласно древнему рецепту, то можно проверить его на деле. С другой стороны, возьмёшься создавать это снадобье, значит, ты уже поверил Муратову...

Ближе к вечеру, Ильин позвонил старику.

– Пётр Петрович, я бы хотел с вами увидеться... Нет, просто побеседовать... Как ваше самочувствие? Позволит ли оно принять гостя? Хорошо, я через полчаса буду...

И опять та же обстановка, в точности воспроизводящая вчерашний день. Разве что выглядел старик хуже. Ильин измерил ему давление, сделал укол.

– Что-то не нравиться вы мне сегодня, Пётр Петрович. Ну, посидите, попейте чайку, сейчас всё нормализуется. Главное, не волнуйтесь...

– Но ведь вы еще не приняли никакого решения, – промолвил старик. – А я не могу больше ждать...

– Успокойтесь, Пётр Петрович, я склонен вам доверять, и не считаю вас фантазёром...

– Правда? – в глазах Муратова блеснула надежда.

– Да. Но прежде мне хотелось бы у вас кое-что уточнить...

– Спрашивайте, – оживился старик, – о чём угодно! Наливайте чай, кладите мёд... Я – весь внимание...

Сражался Чапаев смело и умно. Своих ребят никогда зря под пули не посылал, а старался решать боевые задачи с наименьшими потерями. И главное, ему это всегда удавалось! Можно было подумать, везуч, чёрт, но дело не в этом... Он обладал цепкой памятью, а когда глядел на карту, чудилось, что он видит и рельеф местности, и постройки, и каждую тропинку, как воочию!..

Дед отхлебнул чаю и расплылся в довольной улыбке.

– А однажды Василий даже вывел Белгорайский полк из окружения и спас всех нас. Ты хотел знать, так слушай... Когда немцы взяли крепость Перемышль, полк оказался в окружении. Враги сумели непрерывным артиллерийским огнем отрезать наши позиции от основных частей. Надо было срочно куда-то передислоцироваться... Вот Василий Иванович пришел в штаб и попросил: «Отправьте меня в разведку. Не могу я сидеть без дела и дожидаться смерти». Его, конечно, отправили. А через пару дней он вернулся и доложил командиру: «Знаю способ, как вывести бойцов из окружения! Скоро у немцев большой религиозный праздник, во время которого они никогда не воюют, и поэтому не будут обращать на нас внимания целых три дня. Напьются, поди... А что, хоть и немцы, а всё же люди... Вот тогда мы и выберемся к своим».

Наш командир был удивлён, но этот план поддержал. И в первую же ночь того праздника мы все бесшумно покинули свои позиции. И только на третий день неприятель обнаружил наше отсутствие, да только полк уже соединился с другими частями и дал германцам бой! – дед взмахнул рукой, словно держал в ней шашку.

Кирилл с любопытством слушал. Старик рассказывал с таким чувством, словно всё это было только вчера...

– За спасение полка Василий Иванович был награжден Святым Георгием.

Потом, уже в 1916 году был Луцкий прорыв... позже его прозвали Брусиловским наступлением, и ряд других победных операций, вслед за которыми последовали тяжёлые поражения нашей армии... За два года боев я вырос до старшего унтер-офицера, а Василий Иванович дослужился до подпрапорщика и стал помощником командира нашей роты. Я прекрасно помню, как он водил нас в штыковые атаки, организовывал круговую оборону, и даже, будучи раненым, никогда не уходил из боя... Еще он искренне верил в Бога...

Старик опять о чем-то задумался... Было видно, что он испытывал смешанные и противоречивые чувства. Было похоже, будто в его теле... то играет молодой задор, то берет верх старческая дряхлость, а все переживаемые события отражаются на лице, заставляя его вспыхивать румянцем или бледнеть, словно от нестерпимой боли...

– А вы тоже имели награды? – поинтересовался Кирилл.

– Конечно! – вновь оживился Петр Петрович, – Да только почти сто лет не имею возможности никому о них рассказать. За храбрость, проявленную в одном из боёв, я получил солдатский крест и георгиевскую медаль за то, что добыл «языка»...

– Ну, а дальше-то что было? – не скрывал своего нетерпения Ильин.

– Дальше?.. Потом наши дорожки с Чапаевым разошлись... Он подался к большевикам, а я остался верен присяге и оказался в армии Колчака...

В следующий раз судьба свела нас через два года, в том, последнем для него бою...

– Это, когда раненый Чапай утонул в реке Урал?

– Молодой человек, – остановил Кирилла Муратов. – Не верьте советской пропаганде и не пересказывайте мне её глупые сказки! Всё происходило совсем не так, как в фильме братьев Васильевых. Чапаев в тот день не погиб. Если желаете, я могу вам рассказать, что произошло на самом деле...

– Конечно, хочу! – Ильин тоже закурил.

– В августе 1919 года я командовал взводом во 2-м добровольческом конном полку подполковника Познякова, сформированном в основном из зажиточных крестьян Саратовской губернии. Это был период, когда части Уральской бело-казачьей армии генерала Толстова, отступали под натиском красных... Было очень тяжело, Кирилл. Нас косил тиф, не хватало офицеров, войско испытывало катастрофическую нехватку вооружения, обмундирования, боеприпасов и продовольствия. Отрезанным от Колчака и Деникина, нам приходилось почти все необходимое для продолжения войны добывать в бою. В это время большевики уже оттеснили нас за станицу Сахарную, за которой начинались песчаные низовья Урала, где кормить лошадей было нечем. Еще немного – и армия лишилась бы коней, своей главной силы... – Муратов опять смолк, видимо, воспоминания давались ему не так уж легко. – Тогда командование решило создать отряд из лучших бойцов, который должен был тайно проникнуть глубоко в тыл красных войск и атаковать уездный город Лбищенск, где в то время находился штаб 25-й дивизии... Вы же знаете: ей командовал Василий Иванович... а также склады вооружения. В состав отряда вошли казаки 1-й дивизии 1-го Уральского корпуса полковника Бородина и наш полк. А общая численность... – он задумался, – около 1200 сабель при девяти пулеметах и двух орудиях.

31 августа с наступлением сумерек мы выступили из поселка... название точно помню – Калёный. Вышли в степь. Для соблюдения скрытности о кострах, горячей пище и курении нам пришлось забыть. Задача перед нами стояла почти невыполнимая: Лбищенск был твёрдым орешком. Он охранялся четырехтысячным отрядом красных при большом количестве пулеметов, а днём его район патрулировали аэропланы. Кроме того, до него надо было пройти незамеченными сто пятьдесят вёрст по голой степи. Первой же ночью наша группа выдвинулась как можно дальше в степь, чтобы красные не заметили наш маневр. Потом мы вошли в Кушумскую низину, – Муратов пальцем «проводил» линии по столу, словно рисуя карту. – Поход был очень изнурительный... Однажды... да, это случилось 1 сентября... Отряд, прячась от красных аэропланов, забрался в болото, в самые камыши, и простоял там весь день на солнцепеке. Лошадей мы тоже загнали в камыши, тачанки и пушки забросали ветками и охапками травы, а сами легли рядом. С наступлением ночи ускоренным маршем удалились от опасного места. На третий день пути ближе к вечеру отряд подошел к цели. Мы укрылись в глубокой ложбине неподалёку от Лбищенска и сразу же выслали во все стороны разъезды для разведки и захвата «языков». Вскоре казаки захватили у красных обоз, на допросе один из пленных согласился указать дом, в котором располагался Чепаяев. Комдива было решено взять живым, для чего выделили особый взвод, который должен был стремительно прорваться к штаб-квартире и схватить Чапая «тёпленьким». За его голову полагалось огромное вознаграждение, которое, правда, так никто и не получил...

Перед атакой полковник Сладков нам строго наказал не увлекаться сбором трофеев и не разбредаться, а также объяснил важность ликвидации злейшего врага уральского казачества – Чепаяева, который на этот раз уж никак не должен был уйти от справедливого возмездия! Утром 5 сентября, едва начало светать, мы двинулись вперёд. Наши разведчики без шума сняли караулы красных, заняли окраины и мы вошли в город. Нужно отметить, что Лбищенск был хорошо знаком ребятам из первого казачьего полка, многие из которых были уроженцами этого города. Кроме того, у наших казаков была налажена связь со

станичниками. Благодаря их поддержке, в некоторых избах заранее были устроены засады, а в двух или трёх установлены пулемёты.

Началась «зачистка» Лбищенска. В окна домов, откуда по нам открывался огонь, летели гранаты, но большинство красных, застигнутых врасплох, сдались без сопротивления. В одном доме были захвачены сразу шесть полковых комиссаров. Выглядели они страшно напуганными: были бледными, руки тряслись, а у одного даже челюсть дрожала...

Дед снова закурил. Кирилл его не перебивал. Когда Муратов стряхивал пепел в стеклянную пепельницу, рука у него тоже слегка тряслась. Тут-то Ильин и поймал себя на мысли: «старик не врёт!»

– Наши отряды, охватив станицу с трех сторон, а с четвертой находилась река... – опять «чертятся» линии на поверхности стола, – продвигались к её центру. Среди красных началась паника, многие выскакивали через окна на улицу в одном нижнем белье и метались, не понимая, куда же им бежать. Те, кто успел схватить оружие, беспорядочно стреляли в разные стороны, но от этого страдали сами же красноармейцы... Да, дорогой доктор, это была настоящая резня! Ни стрельба из окопов по цепям противника, ни штыковая атака, а планомерное уничтожение деморализованных, сходящих с ума от страха людей! Через полчаса этого «боя», у многих из нас гимнастёрки были насквозь пропитаны чужой кровью... Пленных, Кирилл, было настолько много, что сначала мои ребята их расстреливали и рубили шашками, опасаясь оставлять у себя в тылу, но позже стали сгонять в одну толпу.

Взвод, выделенный для поимки Чапаева, прорвался к его штаб-квартире. Пленный красноармеец нас не обманул. Однако командир взвода... подхорунжий Белоножкин допустил ошибку: не оцепив дом, он повел своих ребят сразу в его двор...

Старик опять сделал долгую паузу. Ему было трудно говорить.

– В фильме про Чапаева, Кирилл, ничего этого нет... Да и нигде нет... Только вот оно, у меня перед глазами... Вижу, как в кино... – он сжал кулаки, потом зажмурился. – ...В это время около штаба происходило следующее: казаки увидели заседланного коня, которого кто-то держал за повод, просунутый в закрытую дверь. На приказ Белоножкина бросить оружие и выходить с поднятыми руками, ответа не последовало. Раздались выстрелы, испуганный конь шарахнулся и выволлок из-за двери державшего его красноармейца. Все бросились к нему, думая, что это и есть Чапай. Воспользовавшись этим, второй человек выскочил из дома и побежал к воротам. Вот это и был комдив. Белоножкин выстрелил и ранил его в руку. В начавшейся неразберихе, пока почти весь взвод был занят красноармейцем, Василию Ивановичу удалось выбежать за ворота. А в доме, кроме двух молоденьких машинисток, никого больше не нашли...

Муратов достал из кармана платок и вытер лицо.

– Вам опять плохо?

– Нет-нет, – отмахнулся старик. – Я снова, как будто там... Жар от огня, дым, звон стёкол... выстрелы и крики... Много криков, Кирилл... Вы готовы слушать дальше? Так вот... Я, конечно, всех подробностей боя видеть не мог, но вот что мне рассказывал сотник Новиков. Когда красноармейцы в панике устремились к реке Урал, на их пути встал Чапаев. Он остался верен себе и, видимо, нашел нужные слова, чтобы сплотить вокруг себя около сотни бойцов с пулемётами, и повести их в контратаку на спецвзвод Белоножкина. Казаки пулемётов не имели и поэтому были вынуждены отступить. – Муратов внезапно ударил кулаком по столу, попал по краю пепельницы. Та перевернулась, высыпав содержимое на стол. – Ах, незадача!.. – И продолжил, смахнув мусор в подставленное Кириллом ведро: -

Выбив наших из штаба, красные засели за его стенами и начали отстреливаться. Жестоким огнем они не давали нам продвигаться в центр Лбищенска и даже пару раз контратаковали. Тогда казаки хорунжего Сафарова решились на геройский, но безрассудный поступок: они выскочили на тачанке к штабу на расстояние полусотни шагов, пытаясь подавить его сопротивление пулемётным огнем. Однако все, кто в ней сидел, были убиты... Тут ребята подкатили наши пушки... Участь штаба была решена: после орудийного обстрела красные дрогнули. Видимо, в этом бою Чапаев был вторично ранен в голову, отчего и потерял сознание...

Как мне рассказывали, к брошенной тачанке кинулся урядник Юткин, который, будучи ранен в грудь навывлет, стрелял до тех пор, пока красные не бежали. После этого сопротивление красных было сломлено окончательно. Красноармейцы бросились бежать к Уралу, на ходу сбрасывали одежду и сапоги. Вся река, насколько хватало глаз, покрылась плывущими людьми: сотни голов и взмахивающих рук. Тут-то и началась потеха – наши казаки выкатили пулемёты. Из плывущих мало кто уцелел: свинцовые струи резали воду, – дед широко взмахнул рукой, – и там, где они проходили, навеки исчезали под водой люди. Урал, как говорится, окрасился кровью... Вот так это было, Кирилл...

– Как вы всё так точно запомнили? – воскликнул Ильин. – Звания, фамилии... Да за это время любой бы забыл, хоть что-то...

– Эликсир, доктор, э-лик-сир.... – Муратов вышел из-за стола и подошёл к окну. Открыл форточку шире. Посмотрел на темнеющий двор...

– Помню ещё нашего «орденоносца»... Красных мы выбили, я уже перевёл дух, а тут гляжу: мимо скачет казак Миновсков, а его грудь украшают пять орденов Красного Знамени. «В чапаевском штабе достал, – кричит. – Там их несколько коробок, видать, своим раздать не успели. Ребята брали, кто сколько хотел... и я взял. А что? В честном бою заработал. Жди тут, когда тебя наградят – вот я сам себя и наградил!»

Трофеи, взятые в Лбищенске, были огромными: амуниция и продовольствие на 2 дивизии, радиостанция, пулеметы, киноаппараты, автомобили и даже аэропланы. Но были и другие трофеи. Среди пленных оказалось много машинисток и связисток. Вот тогда-то казачки и отвели душу... К полудню стрельба стихла. Наши потери составили десятка два убитых и около сотни раненых.

А у красных, не считая погибших в воде и на другом берегу реки, только на улицах Лбищенска мы насчитали полторы тысячи убитых, а девятьсот бойцов было взято в плен. Тех, кто пытался спрятаться, тут же выдавали местные жители. Тогда же в какой-то бане под полом нашли бесчувственного Чапаева и начальника его штаба Новикова, тяжело раненного в ногу. Отступая, красные собирались переправить их на другой берег реки, да не успели. В тот же день Василия Ивановича начали допрашивать...

– Вот оно как... Интересно, зачем было нужно обманывать всех красивой гибелью? – удивился Кирилл.

Петр Петрович криво усмехнулся:

– Такой герой, как Чапаев, и умереть должен был храбрецом. Нельзя же было показать, что он погубил дивизию и сам полусонным попал в плен. Как-то некрасиво. Для этого, кстати, выдумали и не существовавший броневики, который он якобы забросал гранатами из штаба. Только если бы в нашем отряде были броневики, то рейд был бы сразу раскрыт, так как шум двигателей в ночной тишине слышен в степи на десяток вёрст...

В книге Фурманова и в кинофильме, о котором вы мне говорили, сплошное враньё! Я-то знаю, что ни в одном из своих боёв Чапаев не скакал «вперед на лихом коне», прежде

всего потому, что его дивизия была стрелковой. Не мог он лихо махать шашкой и по другой причине: потому что его правая рука была прострелена еще во время Первой мировой. Тогда же он получил и серьёзное ранение в бедро, из-за которого на коней садиться вообще избегал. Чапаев предпочитал лошадям автомобили, и именно техника была его настоящей слабостью. И это обстоятельство нас потом здорово выручило...

– А как вы поступили с пленными чапаевцами?

Петр Петрович искоса и зло глянул на Кирилла, опустил голову и кашлянул в кулак. По всему выходило, что этот вопрос для него весьма неприятен. Немного помолчав, он все же заговорил:

– Война между нами шла жестокая и непримиримая. Уральское казачество тогда находилось в тяжелейшем положении: большая часть его территории была захвачена и разорена красными. К тому же специальная инструкция совнаркома гласила, что все, оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта 1919 г. объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению. Так что: или ты, или – тебя...

Гражданская война, Кирилл, это очень тяжёлое время... На войне и немца трудно убить, все ведь люди... А тем более, если свой, русский... Но кем тогда были для нас красные? Мы знали одно: жида-большевики хотят погубить Русь руками русских же людей. А красные – это их главная сила, это – их орудие! И мы должны были их сломить!

А пленные... Наши казаки расстреливали их партиями человек по сто. А когда подготовленные для тел ямы были завалены до верху, казаки сожгли в сарае еще около трёхсот красноармейцев... Я вижу, вам неприятно это слышать... Только и для меня это было уже слишком: я сам не могу терпеть зверства...

И вот, что ещё... Я, Кирилл, решил Чапаева спасти.

Муратов снова сел за стол. Кирилл внимательно наблюдал за его состоянием. Выглядел дед немного лучше, чем в самом начале их разговора. Воспоминания, пусть даже самые тяжелые, несколько оживили его.

– Не знаю, поймете ли вы меня... Но на каждой войне есть герои и подлецы... А кроме того, на любой войне есть люди, семьи и даже целые народы, которые просто засосало в общий круговорот насилия. Они не нападают и не обороняются, они воюют не за правду и не за идею – они просто стараются выжить... Так вот, в отличие от казаков и кулаков, мне нечего было защищать или отвоевывать, как и не за что было мстить красным. Я не имел ни земли, ни скота, ни иного богатства. Я ничего не имел... В тот момент я вдруг понял, что ужасно устал от войны...

– Уходим, братцы, – команда прозвучала, как доброе напутствие.

Остаться на ночь в Лбищенске было нельзя. Покончив с красными, отряд должен был срочно возвращаться к своим. Уже во второй половине дня, когда ещё полыхали некоторые дома, были слышны стоны раненых, а воздух оставался пропитанным пороховым дымом и запахом живой крови, имущество, захваченное у красных, вместе со штабными сундуками, было погружено на подводы и под конвоем готовилось отправиться в сторону Гурьева к атаману Толстову.

– Подпоручик, – обратился к Муратову Сладков, – вы со своим взводом будете сопровождать обоз. С вами будет хорунжий Рыбкин со своими казачками. Атаману передадите рапорт, – он протянул офицеру толстый конверт, – лично. Пойдёте тем же маршрутом. Мы выступаем следом за вами, примерно через полтора часа, как только разберёмся с ранеными.

– По ко-о-ням! – зычно прогорланил Рыбкин. – Не растягиваться!

Муратов объехал весь обоз, пересчитал телеги, присоединился к Рыбкину и дал команду трогаться. Вскоре Лбищенск остался позади. А впереди лежала пропитанная зноем степь. Но обратный путь обещал быть невпример легче, нежели скрытный поход в логово врага.

– Жаркий был денёк, – хорунжий вплотную подъехал к Муратову. – Не хотите ли освежиться, подпоручик? – и протянул ему флягу.

Тот отвинтил пробку и сделал хороший глоток, после чего поперхнулся.

– Никак коньяк! Где вы его раздобыли, Рыбкин?

– Комиссары одолжили, – он широко улыбнулся. – Вы не волнуйтесь, Пётр Петрович. Мои ребята в порядке, пьяных нет и не будет. Но, после успешной операции... сами понимаете... Я – в голове обоза! – хорунжий поправил бинокль, съехавший на бок, принял возвращённую флягу, прищепил жеребца и поскакал вперёд.

К концу дня заметно посвежело. Муратов придержал коня, пропуская движущиеся телеги и сопровождающих их всадников. Обоз, хочешь – не хочешь, а растянулся на добрые полверсты... В одной из телег на соломе лежал раненый Чапаев. Он был в перепачканной кровью нижней рубахе, галифе и без сапог. Левая рука выше локтя неумело перемотана каким-то тряпьем. Из-под повязки на голове в разные стороны торчали темные волосы.

Муратов приблизился к пленному и осторожно окликнул его:

– Ну, здравствуй, Василий!

– Мутным взором Чапаев взглянул на офицера, но, видимо, сразу не признал.

– Что нужно? – угрюмо буркнул он.

– Я – Пётр Муратов... Вспомни-ка наш 326-й Белгородский...

Раненый посмотрел, прищурился глазами. И вдруг, словно судорога прошла по его бледному лицу:

– Здравствуй, Петро, – осклабился Чапаев, – какая приятная встреча! Ты, что ли, теперь меня кончать будешь, дружище? Да, нынче у вас праздник, самого Чапаева пленили, – и заскрипел зубами. – Скольких ребят положили, – простонал красный командир, – ...ладно бы в бою, а то... вон Новикова на моих глазах во время допроса зарубили, гады!

– Так и вы нас прежде не жалели, Вася, – ответил Муратов. – Только сегодня судьба переменялась... и еще не один раз перевернётся, а мы всё будем друг друга уничтожать...

– Короче, Кирилл, я дал ему понять, что мне эта война надоела до чёртиков, до отупения, до полного изнеможения... И что надо заканчивать эту бессмысленную бойню... Солдаты изредка бросали в нашу сторону взгляды. Слышать-то, они нас не могли, думали, что ведём мы непримиримый классовый спор...

– Боже мой, – растерянно пробормотал Ильин. – Кто бы мог подумать, что я узнаю такие подробности о судьбе Чапаева... Рассказывайте, Пётр Петрович!

– Как ни зол и расстроен был Чапай, – продолжал старик, – но со мной он в тот раз согласился. Короче говоря, сговорились мы с ним ночью бежать. Он решил пробираться в Самару к Фрунзе, а я – домой...

Помните, я рассказывал о любви Василия Ивановича к технике. Так вот, с нашим обозом следовал роскошный чапаевский автомобиль – «Форд». Это чудо американской промышленности развивало немыслимую по тем временам скорость – почти 50 вёрст в час! И было переоборудовано на манер тачанки: в нем пулемет «Максим» выглядывал сквозь отверстие в заднем стекле.

На привале, с наступлением темноты, я отослал от «Форда» часового, сказав, что буду в нём спать, а сам пошел за Василием Ивановичем. Слаб он был, конечно, очень, да только взял себя в руки, закусил губу и сел за руль, поскольку я управлять такой машиной не умел... Мы поехали, держа курс на Самару. Погони за нами никакой не было. Возможно, мои волгари подумали, что их командир просто решил прокатиться. А то даже не знаю, как бы я стрелял в своих ребят...

На рассвете в автомобиле закончился бензин, и мы пошли пешком. Ночевали и кормились в казачьих хуторах. Потом у Чапаева начался тиф. Я оставил его на попечение вдовой солдатки, а сам вернулся на родину...

– Не может быть, – прошептал Кирилл.

– Что?

– Н-нет, ничего, продолжайте, Пётр Петрович!

– Больше я Василия Ивановича никогда не видел. Он мог бы сдержать своё слово и вернуться к Фрунзе, но что бы его ждало в этом случае? Легендарный начдив погубил личный состав, а сам удрал от белых – это бы позорным пятном легло на всю «рабоче-крестьянскую». К тому времени, уже был слух о его гибели в водах Урала... Я уверен, что Чапаева втихомолку расстреляли бы и приукрасили его гибель новыми «подробностями» о том, как героически он оборонял штаб, находясь в окружении тысяч врагов, прикрывая отход своих людей к реке... Но, скорее всего, он передумал возвращаться к своим...

– Почему вы так решили? – спросил Кирилл, у которого от всего услышанного голова пошла кругом.

– А вот почему... – старик нагнулся к комоду, из которого вчера доставал удивительную шахматную доску, покопался в нём некоторое время, и извлёк сложенный вчетверо пожелтевший бумажный лист. – Конверт, к сожалению, не сохранился... Обратите внимание, Кирилл, на дату. 1932 год. И, конечно, на текст...

– «Здравствуй, брат мой, Петро, – начал читать Ильин. – Долгое время искал я твои следы, теперь пишу с благодарностью...» Кто пишет?

– Ты, читай, читай...

– «...ты был прав...», дальше неразборчиво... «Я остановился в Томске... У меня семья... Милости прошу ко мне... Вспомним наш Белгорайский... А нужна будет помощь, только дай знать. Я добро помню...»

– Подпись посмотри.

– «Андрей Фролов». В скобках – «В. Ч.»

– Теперь понял, от кого письмо? – дед едва сдерживался, чтобы не расхохотаться.

– Неужели от Чапаева? – еле слышно произнёс потрясённый Ильин.

Рассуждения шахматной фигуры – 6

Положение наше пока трудно назвать отчаянным, но оно заметно осложнилось. Вражеский слон сразил нашего коня, но и сам пал от удара пешки... Это плохо. Целостность королевского фланга нарушена... Впрочем, мы на это шли сознательно...

Так было задумано. Теперь у врага не может быть иного плана, как задавить нас здесь же и пленить нашего венецносца с наименьшими потерями...

Вот только король наш слишком уж спокоен...

Глава 6. Юбилейные события

*Выписка из приказа главного врача городской станции скорой медицинской помощи:
«За добросовестный и безупречный труд, преданность профессии, вклад в развитие здравоохранения города Калининграда и в связи с сорокалетним Юбилеем, объявить благодарность и наградить почетной грамотой Ильина Кирилла Андреевича...»*

«Вам, юные граждане, и вам, поседевшие в трудах ветераны!

Если вы безмерно устали от городской суеты, одурели от бешеного ритма современной жизни, истосковались по тишине и покою, шелесту волн и чистому воздуху, срочно бросайте все дела и поезжайте на Куршскую косу! Немедленно! Вот вам рецепт и чудесное лекарство от доктора Ильина Кирилла Андреевича. Именно здесь, слившись с природой в единое целое, вы сможете позабыть обо всех напастях и бытовых проблемах, ощутить истинную душевную гармонию, получить запас бодрости, ликвидировать бреши в здоровье. А промедление, ссылка на неотложные дела, якобы требующие срочного решения, непременно приведут вас, и молодых, и, тем более, пожилых, на больничную койку...» – Примерно так рассуждал Кирилл, сидя в водительском кресле собственного «Опеля» и зорко поглядывая на извилистую дорогу. Его путь пролегал по Зеленоградской трассе к излюбленному их семьёй месту отдыха – на Куршскую косу.

Если вы взглянете на карту нашей области, то увидите тоненькую веточку-стебелёк, поднимающуюся вверх через голубую морскую гладь, от Калининградского полуострова к литовской Клайпеде. Эта «ниточка» имеет длину почти сто километров. Почему Куршская коса? От слова «курши». Кто такие курши? Это – древние племена, населявшие здешние места задолго до колонизации Пруссии немцами.

У косы есть и иное имя. Согласно древней легенде, когда-то здесь жила добрая великанша по имени Неринга. Однажды, сжалившись над рыбаками, на которых обрушилась ярость бога моря, она решила дать людям защиту от безжалостных волн и с помощью своего передника создала длинную песчаную насыпь. В честь своей спасительницы благодарные рыбаки много веков называли косу Нерингой... И вот уже тысячу лет эта спасительная преграда отделяет беспокойные воды Балтийского моря от тихой глади мелководного залива.

Было солнечное сентябрьское утро, день сорокалетия Ильина. Следом за Кириллом на трех легковых автомобилях следовали его гости – коллеги по работе. В их числе – практикант Серёга Бурханов и фельдшер Людмила, ехавшие вместе с Сергеем Пелюгиным, которого, как известно, коллеги величали «доктор Пилюлькин», Валерий Васильевич с супругой и «доктором Айболитом», а также другие «скорпомощники», свободные от дежурств и домашних дел.

Машины мчались сквозь тоннель из сомкнутых над автострадой ветвей вековых лип, мимо аккуратных, немецкой постройки, кирпичных домиков с черепичными крышами. Солнечный водопад низвергался на леса, поля, луга... День обещал быть воистину праздничным. Однако Ильина терзала смутная тревога: что-то сегодня должно было случиться... а хорошее или плохое – он никак не мог понять...

Тонкие паутинки серебрились на придорожных кустах шиповника и боярышника... Бодрил и щекотал ноздри запах молодой осени, в букете которого ощущался аромат желтеющей листвы и поздних яблок, висящих в садах. «С годами меня все труднее удивить, но легче растрогать. Неужели это – приближение старости?...» – размышлял Кирилл о своем юбилее. «Но как тут не растрогаться, глядя на всю эту красоту?»

Рядом с ним любовалась осенними пейзажами жена Вера, изредка выражая своё восхищение вслух. Дети на заднем сидении с увлечением считали гнезда аистов, свитые на придорожных столбах и деревьях. Когда в их «коллекции» накопилось уже двенадцать штук, вереница машин подъехала к заставе... Оплатив проезд в Национальный природный парк, все устремились дальше - к поселку Лесное.

– Странно, но почему-то на Куршской косе всегда хорошая погода, – вслух подумал Кирилл. – Когда в Калининграде всю лютует дождь, здесь чаще всего светит солнышко.

Куршская коса – поистине уникальный уголок природы. Узкой полосой разделяет она солёные воды Балтики и пресноводный Куршский залив. Только здесь так близко соседствуют песчаные пустыни и луга, покрытые мхом и лишайниками, сырые ольшаники и сухие сосновые боры, широколиственный лес и тайга, песчаные пляжи, протянувшиеся на десятки километров, морские и озерные берега, рыбацкие поселки и научные станции.

Здесь воздух так насыщен фитонцидами и эфирными маслами целебной сосны, что с непривычки может закружиться голова. Исстари коса считалась местом проведения королевских охот на лосей и благородных оленей. В сосновых лесах и сейчас можно встретить лосей и кабанов, а с августа по сентябрь сюда слетаются сотни тысяч мигрирующих птиц, значительная часть которых делают здесь остановку для отдыха и кормежки.

Куршская коса знаменита еще и тем, что на её территории произрастает один из самых необычных и изумительных лесов на планете, который носит название Танцующий лес. Его сосновые стволы загадочным образом приняли самые невообразимые позы – от изогнутых и скрученных в кольца до стелющихся по земле и сплетенных между собой. Всему причиной – морские ветра и песчаная почва.

Машины свернули с шоссе и чередой въехали во двор уютного кафе. Его хозяйка, гостеприимная Ольга, жизнерадостная и суетливая женщина, вышла на встречу юбиляру и его друзьям. Кирилл, выбираясь из машины, заметил: всё уже было готово к приезду посетителей. Оставив автомобили на парковке, компания отправилась в сторону длинного и широкого стола, который уютно расположился под островерхим навесом среди высокоствольных красавиц-сосен, в обрамлении кустов черемухи и жарновца. Два мангала с запасом отличных березовых дров пока томились от безделья, искоса поглядывая на прибывших людей.

Поздоровались с улыбающейся Ольгой, горожане выгрузили запасы провизии и приступили к подготовке праздничного обеда: женщины принялись сервировать стол и «стругать» салаты, а мужчины - разводить огонь и нанизывать мясо на шампуры.

Игорек и Леночка в зарослях ежевики и малины отыскивали целебные ягоды.

Веселый смех, шутки, суета. Настроение у всех приподнятое. Слегка озабочен один Бурханов: он впервые на косе и ему не терпится сходить к морю.

– В этом месте, – сказал ему Кирилл, подкладывая дрова в огонь, – самый узкий участок Куршской косы – всего четыре сотни метров. Захочешь погулять у моря – ступай направо, надумаешь порыбачить в пресноводном заливе – тебе налево...

– Все бы вам, мужикам, ходить «налево», – подтрунила над мужем Вера.

– Зато женщины, попав на необитаемый остров, обычно умирают не от голода или жажды, – тут же парировал Кирилл, – а оттого, что им не с кем поболтать и некого «пилить»...

– Абрек, – послышался голос хозяйки. – Иди, поприветствуй гостей...

В предвкушении лакомых подачек, весь сияя от радости и повиливая хвостом, появился крупный и добродушный пёс. Он славится тем, что мог выпросить у отдыхающих всё, что угодно: просто вставал на задние лапы, опускал свои передние вам на плечи, а затем долго и пристально смотрел в глаза. Но если его начинали бранить или стыдить, он поджимал переднюю лапку и начинает забавно хромать, изображая больную и несчастную собаку...

– Иди сюда, псина, – подозвал Абрека доктор Пилюлькин.

– Ой, – вскрикнула Людмила и тут же расхохоталась: – Ногу отдалил, кобель!

Тем временем Валерий Васильевич, знаток и любитель всевозможных баек и историй, «вытащил» на свет божий очередной шедевр.

– Друзья мои, как известно, еще Великий Гиппократ говорил своим ученикам о том, что настоящий врач должен быть хорошим актером. Возможно, он тоже попадал в истории, подобные той, о которой я хочу рассказать.

– Ой, как интересно, – оживились женщины и поспешили занять места поближе к известному шутнику и рассказчику.

– Однажды вечером на «скорую помощь» поступил вызов от мужа, внезапно вернувшегося из командировки и обнаружившего свою молодую жену в спальне в полусознательном состоянии: она корчилась от страшных судорог и колик, плакала и стонала, кусала губы и закатывала глаза. Испуганный мужчина, не раздумывая, набрал «03»...

– Из командировки? Понятно...

– Незамедлительно прибывший врач, – продолжал Валерий Васильевич после короткой, но многозначительной реплики Кирилла, – тщательно осмотрел несчастную женщину, но не нашёл у нее абсолютно никаких болезней. И в тот момент, когда он уже собирался поделиться своими сомнениями, «больная», внезапно очнувшись, попросила пить, и любящий супруг галопом убежал на кухню. В считанные секунды лицо пациентки приняло нормальное выражение, а рука, скользнув под подушку, достала оттуда и сунула в ладонь доктора сторублевую бумажку. «Умоляю, помогите мне вывести из этой комнаты одного человека!» – прошептала она. Тут вошел муж, и стоны возобновились с новой силой...

Дружный смех на некоторое время прервал изложение истории.

– Как бы вы поступили на месте врача? – Валерий Васильевич сделал лицо очень серьезным. – Наш же коллега, не желая становиться свидетелем жуткой семейной драмы, драки или резни, сказал, обращаясь к мужу: «Это – почечная колика. Быстрее идите в ванну, опустите в неё свою руку и наберите воду такой температуры, чтобы ее едва терпела ваша кожа»... Когда муж умчался в ванну, из шкафа вышел молодой человек приятной наружности, вручил доктору сто рублей и, застегиваясь на ходу, выскочил из квартиры. Женщина облегченно вздохнула и откинулась на подушки: «Спасибо!» Наконец, появился забрызганный муж. «Я сделал вашей супруге инъекцию, – сказал ему врач. – Ей уже лучше, но пусть она еще четверть часа погрееется в ванной». «Я вам так благодарен! – стал трясти ему руку обрадованный супруг. – Вы спасли мою жену!»... И, светясь от счастья, положил в

карман врача сотенную банкноту. «Скажите, доктор, а это может повториться?» «Кто знает, кто знает... – протянул доктор. – Вызывайте, если что».

И ушел... А через несколько месяцев они повстречались случайно на улице и разговорились. Муж рассказал, что у супруги было еще несколько приступов, и на семейном совете они решили отправить ее будущим летом в санаторий...

– Надо взять на заметку! – смеялись дамы.

– Откуда история, Васильевич? Сам придумал? Непохоже...

– Из личного опыта. Я вам и не такое расскажу... Только попозже.

Вскоре раздалась команда занимать места за столом и приступать непосредственно к празднованию. Были тосты, подарки, множество тёплых и искренних пожеланий. Не забыли отметить все без исключения ценные качества юбиляра, несколько раз в заздравных речах упоминались его «талант», «самоотверженность», «доброта» и «исключительный профессионализм».

– А помнишь, как однажды среди ночи ты умчался на вызов в разных ботинках? – хохотал Пилюлькин.

Гости нахваливали шашлык, вино, салаты и экзотические бутерброды, которые умела делать Вера. Восхищались природой.

– Схожу, погляжу, как тут насчет грибов, – видя, что гости довольны, заняты разговорами друг с другом, и уже спели пару песен, проговорил Кирилл. – Есть тут у меня заветный березняк...

На самом деле, на душе у него по-прежнему было беспокойно и хотелось хоть полчаса побыть одному. Он немного устал от всей этой праздничной кутерьмы «с песнями и танцами, медведями и цыганами», как любит говорить коллега – доктор Пилюлькин... Юбиляру не препятствовали.

– Не заблудись там, – крикнула вдогонку жена.

«Лучшее из того, что мне когда-либо приходилось слышать, это – тишина, – размышлял Кирилл, шагая по лесу. – Она – спутник покоя, отдыха и глубоких раздумий. Тишина появилась в Природе прежде всего и, как заботливая мать, вынянчила каждый звук, став первоосновой для добрых слов, хороших стихов и самых прекрасных мелодий... А вот ругань, крики, бранные слова и остальной шум порождает не тишина, а хаос и пустота... Вакуум в человеческих головах...

Если бы была моя воля, – думал Кирилл, раздвигая руками нарядные ветви берёз, – то я на каждом углу повесил бы таблички: «ЛЮДИ, БЕРЕГИТЕ ТИШИНУ!» и за нарушение данного правила строго наказывал. Именно с этого следует начинать охрану окружающей нас среды.

Но, возможно, я не совсем точно выразился. Ведь абсолютная, «мертвая» тишина – это, конечно же, пытка. На пение птиц, шелест листы, шепот дождя, журчание ручья и потрескивание костра мои запреты не должны распространяться. Такую – живую, «природную» тишину не смейте осквернять! Но, к великому сожалению, люди изо всех сил стараются нарушить это золотое правило... Рев машин, вой сирен и грохот выстрелов – губят нашу жизнь... Они – хуже любого другого мусора. Накапливаясь, этот сор вытесняет из душ и сердец главное – гармонию и вселенскую мудрость, убивает желание и способность остановиться и задуматься, оглянуться и простить...»

Неожиданно в просветах между деревьями показалось море... Сегодня оно было на удивление спокойным. Волны как-то тихо и даже опасливо подкрадывались к влажным

валунам, лежащим у воды. Кирилл присел на поваленный бурей ствол. Для кого-то море – это всего лишь огромная лохань соленой воды, а для Кирилла оно было – стихией! Живым и мудрым организмом...

Три дня назад состоялся их разговор с Петром Петровичем, в ходе которого Кирилл отмёл все сомнения начёт чудодейственного эликсира. Но осталось чувство какой-то... опять же «нереальности», «неправильности»... Муратов вручил ему и древнюю немецкую тетрадь, и янтарные шахматы... Отказать старику Ильин не смог. Впрочем, и обнадёживать не стал. Пока он разберётся в этих записях, пока найдёт нужные компоненты для эликсира... это ведь не сделаешь в одночасье.

– Так что же нам известно о долголетию и эликсире жизни? – вслух произнес он, словно советуясь с морем. – То, что над его созданием алхимики бились многие века и, как кажется, безрезультатно... Хотя, нет! Появлялись, время от времени, загадочные личности, которым якобы удавалось войти в двери бессмертия...

Море внимало его рассуждениям и старалось не перебивать.

Кирилл вспомнил, что иногда в мир приходили персоны, оставившие после себя удивительный след в истории и веками не стихающие споры... Одним из таких таинственных особ был философ пифагорейской школы Аполлоний Тианский, древнегреческий философ и маг, целитель, провидец и путешественник. Современники приписывали ему многие чудеса, но неоспоримым фактом считается то, что в столетнем возрасте старец выглядел бодрым и вполне дееспособным. В течение ряда веков считалось, что Аполлоний, сумев приготовить эликсир бессмертия, продолжает находиться среди людей.

В XII веке жил философ и алхимик, называвший себя Артефиусом, который оставил после себя два интересных труда, полных загадок и недомолвок — трактат о философском камне и сочинение о путях продления жизни. Многие тогдашние учёные мужи полагали, что под именем Артефиуса скрывался Аполлоний Тианский.

Немало было тех, кто искал средства продлить жизнь или вообще сделать её бесконечной. Некоторым это почти удавалось. Такой неординарной фигурой был Алессандро Калиостро. Кроме загадки своего происхождения и неизвестного источника огромного богатства граф Калиостро обладал волнующей тайной: говорили, что он открыл секрет приготовления жизненного эликсира. В Санкт-Петербурге его появление произвело фурор. А история несостоявшейся дуэли с придворным врачом Робертсом добавила новый блеск его имени. Раздраженный попытками Робертса очернить его в глазах двора, Калиостро предложил ему оригинальный поединок – «на ядах». Оба соперника должны были выпить яд, приготовленный другим, и потом принимать любое противоядие. Граф настаивал, но перепуганный лекарь отказался наотрез: слишком упорные слухи о том, что Калиостро владеет секретом эликсира бессмертия, ходили по столице. Неизвестно, сколько бы прожил граф Калиостро, продолжая свои алхимические опыты, если бы не был заточен в замке Сан-Лео. Хоть и уверяли некоторые скептики, что он был обычным шарлатаном, другие же на полном серьёзе сомневались, человек ли он?

Другая загадка – граф Сен-Жермен. Он появился в Париже, не имея не только прошлого, но даже какой-либо правдоподобной его истории. Впрочем, о себе он предпочитал вообще не говорить, лишь иногда – то ли нарочно, то ли случайно, проговаривался о своих беседах с Платоном или Сенекой или кем-то из апостолов. Разумеется, ему не слишком верили, но... Пожилые аристократки в лучших домах узнавали в Сен-Жермене человека, посещавшего полвека тому назад салоны их бабушек... Причем

престарелые матроны клялись, что граф нисколько не переменялся за это время. Он был прекрасным оратором, трудолюбивым и образованным, любил роскошь, но откуда появился и при каких загадочных обстоятельствах исчез, до сих пор остаётся загадкой.

Вместе с этим, Кириллу было достоверно известно о двух людях, которые умерли уже в двадцатом веке, прожив очень долгую жизнь. Это – китаец, который, согласно официальным документам, скончался в 1936 году в возрасте... 246 лет, и индеец, умерший в 1956 году в возрасте 186 лет...

Современная наука тоже занимается проблемой бессмертия. В одном медицинском журнале Ильин видел статью, в которой утверждалось, что человеческая клетка имеет строго определенный срок жизни – пятьдесят делений. Разница лишь в том, насколько быстро происходит этот процесс. У кого-то он занимает шестьдесят лет, а у кого-то – сто с лишним. Но после этого клетка обязательно погибает, а все попытки ученых увеличить число делений оказались безрезультатными. Тогда экспериментаторы избрали другой путь – омолаживание клеток. Некоторым учёным удалось достичь положительного эффекта, но эликсира никто пока не нашёл. Хотя, были любопытные результаты опытов на мышах...

Кирилл поднялся и отряхнул брюки. «Пора уже возвращаться к гостям», – решил он и неспешно отправился назад.

По пути Ильин остановился у сухого пня, от корня которого тянулись в свету несколько молодых побегов. Глядя на их отчаянную борьбу с превратностями судьбы, у него родилась параллель. «Вот как, например, в природе? – задумался он. – Если росток не встречает никаких преград, то он с легкостью устремляется вверх – к теплу и свету. Растёт-то быстро, но цветов и плодов у него, как правило, мало. А если у побега «прищепить» верхушку, то это стимулирует развитие боковых ветвей. Растение как бы начинает «метаться» вправо и влево, отчего и крона гуще, и плодов становится на порядок больше.

Так же и в человеческой жизни. Когда ничто не мешает нам двигаться к цели, то мы достигаем ее быстро: без хлопот и мучений, раздумий и сомнений. А вот препятствия понуждают душу «расти» в разных направлениях: пробовать, дерзать, совершать добрые или роковые поступки...

Пётр Петрович – старик, конечно, весьма интересный: он сумел меня удивить и поразить, растрогать и вызвать зависть, опечалить и обрадовать одновременно. Но стоит ли идти у него на поводу и потакать его прихотям? Конечно, я понимаю: он прожил долгую и трудную жизнь, потерял на трех войнах здоровье и близких, а теперь в самом конце своего пути боится смерти, что вполне естественно. Человеку всегда кажется, что срок отпущенной ему жизни слишком короток. Только нужно реально смотреть на вещи: в природе не может быть бессмертия, его нам дарят только наши дети...

А с другой стороны, почему бы нет? В конце концов, пусть речь идёт не об эликсире бессмертия, а о некоем лечебном средстве, весьма благотворно воздействующем на организм человека. Пожалуй, так будет правильнее. Возможно, именно здесь что-то и можно найти...»

Убаюканный своими «правильными» мыслями, Ильин не сразу понял, что кричит ему жена:

– Кирилл, скорее к нам! Леночке плохо!

ЧАСТЬ 2. «Албанская партия»

Размышления шахматной фигуры -7

Ферзь противника уже здесь! Он осмелился угрожать нашему самодержцу! Король отошёл на безопасное поле. Чёрный монстр злобно ухмыльнулся и тоже отодвинулся. Но недалеко.

Всё это уже когда-то происходило... С трудом, но вспоминаю...

Да, было дело! Припоминаю одно сражение, начавшееся так же, как и сегодняшнее! Тогда мы, можно сказать, оставили «на съедение» собственного короля! Вражеский ферзь славно поохотился в наших угодьях, ещё чуть-чуть, и битва закончилась бы нашим полным разгромом! Но ферзь был без поддержки, мы сумели его «запереть» на левом фланге, и, когда он опомнился, было уже поздно! Наши лёгкие фигуры атаковали вражеского монарха и заставили его сдаться!

Правда, следует вспомнить, что тогда вместе с другими фигурами был отдан в жертву и я (8)...

Глава 7. Тайна кёнигсбергского профессора

Беда пришла в дом Ильиных.

Не сказать, что совсем неожиданно – состояние Леночки неуклонно ухудшалось, методы амбулаторного лечения уже не помогали. Но Кирилл и Вера продолжали верить, что все обойдётся... Наступит момент и болезнь будет побеждена, не сразу, конечно, но молодой организм с ней справится... И вот, оно – несчастье. То ли чёрной тенью просочилась оно через половицы, то ли ледяным ветром ворвалось в раскрытую форточку, но надолго и основательно поселилось лихо в семье Ильиных...

Много горьких дум передумали несчастные родители, много слёз пролила Вера. Да разве слезами делу поможешь? Сейчас бедный ребёнок лежит в больнице. Девочке через день проводят гемодиализ. Кирилл прекрасно знал об этом методе очищения крови с помощью особых фильтров... Говорят, один человек продержался таким образом целых пятнадцать лет! Но чаще люди умирали уже через два-три года...

– Неужели это всё, на что способна современная медицина?.. Существуют ли другие способы помочь ребёнку, пусть даже находящиеся за гранью официальной медицинской науки?

Так думал Кирилл во время своих дежурств, лишь только у него выдавалась свободная минутка и мозги освобождались от очередной сиюминутной проблемы...

«Господи, – молил он бессонными ночами, – помоги ей, ты же всемогущ! Ты не можешь не помочь! Что мне сделать для этого? Какую жертву принести?»

И вот однажды, где-то в глубине его сознания голубой холодной искрой сверкнула мысль, словно ответ на все мучавшие вопросы: «А ты?.. Ты сам? Всё ли сделал для спасения дочери?»

Решение пришло неожиданно, хотя вызревало уже целую неделю: он сможет помочь дочери только в том случае, если сумеет изготовить чудодейственное средство старика Муратова! «Кто сказал, что Пётр Петрович врёт? Лично я ему верю! Эликсир действительно существовал! Следовательно, нужно восстановить старинный рецепт и найти необходимые

для его приготовления компоненты! Причем немедленно! Прочь сомнения и глупые страхи! Если и осталась реальная возможность что-либо сделать для спасения дочери, так это – возродить эликсир! Только тогда я не буду винить себя в том, что не воспользовался последним, пусть даже таким призрачным шансом!»

Вернувшись после очередного дежурства, Кирилл, не раздеваясь, прошёл в комнату, достал из шкафа тетрадь и шахматы, переданные ему Муратовым, сунул всё это в портфель и направился к двери. Но так просто пройти мимо Ксюшки ему не удалось. Кошка вертелась под ногами, «просилась» на руки, и весь её вид показывал, что она хочет «сказать» ему что-то важное. Кирилл поднял тёплое пушистое тельце и прижал к лицу.

– Ну, что, Ксюха, поможем твоей хозяйке? – обратился он к трёхцветной красавице. Та – заглянула ему в глаза и заурчала, давая понять, что нисколько не сомневается в успехе данного начинания...

Старик был плох. Открыв дверь, он вяло поприветствовал Кирилла. Держаться на ногах ему удавалось с большим трудом, поэтому, впустив доктора, он сразу поковылял в комнату и прилёг на диван.

– Пётр Петрович, – сразу приступил к делу Кирилл. – Давайте-ка, я вас сначала осмотрю, а потом мне надо будет поговорить с вами об эликсире.

– Да? – дед оживился, уселся на диване и стянул с плеча тёплую байковую рубашку, обнажая руку. – Вы всё же заинтересовались этим снадобьем? А я-то уж подумал, что вы посчитали мой рассказ бреднями старого маразматика...

Ильин достал тонометр.

– Как сказать, как сказать... А вдруг это действительно шанс? Для вас и других людей... Давление опять скачет... Сейчас я вам сделаю инъекцию, а вы лежите и подумайте о чём-нибудь приятном.

– Раз вы всерьёз взялись за эликсир, значит, приятные мысли меня обязательно посетят, – старик скривил лицо в улыбке. Она – эта гримаса, показалась Кириллу довольно вымученной, однако в глазах ветерана вновь появились озорные огоньки, как это бывало во времена его «прогулок» по тропинкам памяти. Кирилл сделал укол, убрал шприц и вату. Затем, обратив внимание на недостаток в комнате света, подошёл к окну и одернул штору. Комната наполнилась солнцем.

– Погодка-то какая, Пётр Петрович! А вы лежите в полутьме...

Старик зажмурился от солнечных лучей, брызнувших на его лицо.

– Хотите чайку, Кирилл?

– С удовольствием! Вы лежите, Пётр Петрович. Я сам всё приготовлю...

Через некоторое время они опять сидели за столом. Старику явно стало лучше. В его глазах вновь стали поблескивать хитринки, казалось, что он что-то затевает.

– Я принёс ваши шахматы, Петр Петрович... Я не могу принять их в подарок, слишком уж это ценная вещь. Тем более что эликсир пока не готов... – Кирилл бережно достал шахматную доску, мешочек с фигурами и старую немецкую тетрадь. – У меня к вам просьба: поскольку вы хорошо знаете немецкий язык, а я, напротив, очень далёк от этого, не могли бы вы перевести для меня некоторые выдержки из этой тетради?

Старик нахмурился.

– Вы, верно, забыли, Кирилл, или неправильно меня поняли? Шахматы – это подарок, а не плата за услугу. Бросьте вашу щепетильность, они – ваши, – Муратов прикоснулся сморщенной ладонью к поверхности доски. – А с записями я вам, несомненно, помогу.

Хорошо, что вы взялись за это дело... Наверное, вас что-то подтолкнуло? – он взглянул в упор на доктора. – Я же вижу, вы немного не в себе... Дайте-ка сюда тетрадь...

Он некоторое время, подслеповато щурясь, смотрел на исписанные страницы, иногда перелистывал их, затем закрыл обложку и произнёс:

– Увы, без очков я не могу ничего разобрать ...

Потрясённый Кирилл молчал.

– Старение идёт ускоренными темпами, – продолжал старик. – Боюсь, я не дотяну до того дня, когда эликсир будет готов... Но, если судьба подарит мне хотя бы месяц, – он грустно усмехнулся, – то тогда – не всё потеряно...

Ильин начал подыскивать слова для ободрения, но старик сделал жест рукой, призывая его к молчанию.

– Но вы зря думаете, что я не читал её прежде... – продолжал Муратов. – Читал, и не единожды. То, что написано по-немецки, я вам могу пересказать с достаточной точностью... Самое же главное написано на латыни... – он потянулся за сухариками, которые по его просьбе Кирилл выложил в стеклянную вазу. – Но, думаю, в первую очередь вам будет интересно узнать, что таят в себе записи на немецком языке...

– Разумеется, Петр Петрович. Если вам не трудно говорить...

– Отчего же? Расскажу... Дело в том, что речь идёт о наследии великого немецкого врача, профессора Кёнигсбергского университета Иоганна Майбаха... Так уж повелось, что в семье рыбака все потомки становятся рыбаками, в семействе повара – все работают на кухне... Возможно, отец Иоганна тоже был доктором, но я этого не утверждаю... А вот все его потомки так или иначе связаны с медициной. Это - и врачи, и фармацевты, и аптекари... Так вот, хоть история средневековья не сохранила для нас сведений о самом этом замечательном учёном, но в некоторых источниках он упоминается как создатель довольно необычного метода лечения...

– Интересно...

– Да, конечно. Я не знаю всех медицинских тонкостей, но современники, описывающие то, как он лечил людей, отмечают прежде всего снадобья, которые тот использовал... Снадобья были простые, но эффект от них получался необыкновенный... И никто не мог понять, каким же образом Майбах излечивал безнадежных больных простыми мазями или настойками, не содержащих никаких мудреных компонентов... Ходили слухи о колдовстве, ведь в те времена это было ещё в моде...

– А в какой период истории протекала его деятельность? – спросил Кирилл.

– Рубеж XVII - XVIII веков. В России – это эпоха Петра Великого... Так вот, из всех сведений о докторе Майбахе весьма примечательны те, в которых говорится о том, что он научился насыщать свои снадобья некоей «жизненной силой»... Оттого, наверное, и эффект получался столь значительный... Но для того, чтобы эту силу найти... словом, это сопряжено со многими опасностями. Сам Майбах утверждал, что его учение открывает людям очень большие возможности. И тот, кто пойдёт по неправильному пути, может натворить массу бед... Поэтому он держал свои рецепты в секрете, не доверяя их ни ученикам, ни собственным сыновьям...

– И что же, теперь этот метод навсегда утерян?

– Кто знает? Здесь сказано, что Иоганн Майбах незадолго до смерти написал единственную книгу-исповедь, автобиографического содержания, в которой он якобы приоткрыл пелену тайны... и дал некую подсказку, благодаря которой мыслящий человек сумеет разгадать его секрет...

Муратов потянулся было за сигаретой, но Кирилл покачал головой:

– Лучше воздержитесь, Пётр Петрович, вам сейчас необходим свежий воздух.

– Да, да, – согласился Муратов и продолжил: – И сей эликсир, возвращающий силу и здоровье, – его изобретение... Вот, кажется, здесь... – старик раскрыл тетрадь, перелистал несколько страниц, – его рукой составлен рецепт. Но, уже на латыни...

Кирилл взял в руки тетрадь и впился глазами в ровные строчки, написанные чётким, красивым почерком. Некоторые слова были подчёркнуты прямыми линиями, поэтому рецепт можно было легко отличить от прочего текста.

– Сумеете разобраться? – с надеждой спросил Муратов.

– Думаю, что смогу. Но нужно время...

– Вот и отлично!

– Тогда я, с вашего позволения, отправляюсь заниматься рецептом, – Кирилл поднялся из-за стола. – Принимайте таблетки и звоните мне в случае каких-либо изменений в состоянии здоровья!

– Шахматы не забудьте, – проговорил старик. – Вдруг они вам помогут? Натолкнут на дельную мысль?

– Не мешало бы, – ответил Кирилл, выходя в коридор. Тетрадь он бережно положил в портфель.

Муратов вышел следом за ним, держа в руках драгоценную шахматную доску и мешочек с янтарными фигурами.

– А что, не сыграть ли нам прощальную партию? – с грустью погладив дрожащей рукой ее разноцветные квадратики, произнёс старик. – Вы какими фигурами предпочитаете сражаться: белыми или чёрными?

Два свободных от дежурств дня Кирилл посвятил переводу рецепта с латинского языка. Ему это удалось без особого труда. Но каков же результат?

Согласно предписанию немецкого эскулапа, для создания эликсира здоровья и долголетия требовалось сделать спиртовую настойку из сложного сбора трав и минералов, но, как понял Кирилл, её изготовление – это не самое главное. Основное, по его мнению, таилось в загадочной фразе: «Раствори в этой настойке матрицу...» Какую матрицу? – не понял Ильин и стал лихорадочно искать в тексте какие-либо уточнения. Единственное упоминание о загадочной матрице он вскоре обнаружил в тетради, только и оно не добавило ясности.

«...Я усовершенствовал териак (9) своего Учителя, профессора Пильца, – резюмировал Иоганн Майбах, – описанный мной в первой части моей «Исповеди», заменив в нём всего лишь один компонент: вместо ладана я использовал янтарную матрицу, заряженную над чревом первородящей женщины. И это изменило все! Полученный эликсир способен излечивать одышку, лихорадку, бесплодие и болезни сердца... Он помогает расти детям, укрепляет и обновляет стариков, раненых и истощенных людей. Принимаемый надлежащим образом, эликсир дает острый ум и твердую память, обеспечивает ровное горение пищеварительного огня, разжигает пламя чувств и возвращает силы телу, даруя человеку здоровье, молодость и долголетие, а, возможно, даже вечную жизнь...»

– Необходимо найти описание состава териака, способов его изготовления и применения, – решил Кирилл. Но для этого следовало заглянуть в другую книгу... Что это за книга и где она находится, оставалось тайной.

– Вы назначили мне встречу, и я пришёл!

Ильин оглянулся. Прямо к нему неспешно подходил немолодой худощавый человек, одетый в серую куртку и держащий в руке чёрный дипломат.

– Приветствую вас, Кирилл Андреевич! – едва заметная улыбка играла на его губах.

– Здравствуйте, Виктор Анатольевич, – протянул руку Ильин, с любопытством оглядывая собеседника. Он хоть и ждал его, но тот появился неожиданно и словно ниоткуда, как будто вышел из невидимого укрытия.

Широко улыбаясь, Виктор Анатольевич ответил крепким рукопожатием.

– Вы как-то очень уж сумбурно сформулировали свою просьбу, и я, признаться, не совсем понял её смысл, – сказал он Кириллу. – Но уловил, что у вас ко мне довольно важное дело. Давайте посидим и поговорим за столиком вот в этом кафе.

Дело происходило в Центральном парке Калининграда. Был будний день, время перевалило за полдень, небо грозило освежить нагретый воздух очередной порцией осеннего дождя, поэтому народу в парке прогуливалось немного. Атракционы скучали от безделья, сквозь силуэт Мюнхгаузена проглядывала позолоченная листва деревьев. Лишь кафе зазывали посетителей волшебными запахами, перемешанными с осеней свежестью.

Они заказали себе кофе и присели на деревянную скамью. Кирилл как-то сразу почувствовал симпатию к своему визави. Тот был по-деловому собран, внимателен и вполне доброжелателен. Поставив на пол свой дипломат, он с интересом принялся наблюдать за редкими прохожими.

Ильин стал излагать своё дело.

– Меня интересуют подробности гибели Александра Пастухова, случившейся два года назад. Как мне стало известно от приятеля, который служит в органах внутренних дел, – доверительно поведал Кирилл, – вы тогда здорово помогли следствию...

– А что конкретно вы хотели бы узнать? – оживился Виктор Анатольевич.

– Мне необходимо уточнить некоторые обстоятельства насильственной смерти моего шурина: кто и как совершил это преступление?

– Вот оно что! Значит, погибший был вашим шурином...

– Да, он – родной брат моей жены.

– Неужели вы решили отомстить убийце? Только, по-моему, он своё уже получил...

Наступило неловкое молчание. Мужчины потягивали кофе и иногда бросали друг на друга мимолётные взгляды.

– Мне неловко вам это говорить... – наконец, начал Кирилл и вдруг запнулся на полуслове.

– Ну, что вы, дружище! – добродушно рассмеялся Виктор Анатольевич. – Говорите смело! Поверьте мне, я приму ваш рассказ со всем вниманием и непременным уважением...

– В последние дни, то есть ночи, меня преследуют кошмары... – продолжил Ильин. – Во сне ко мне является Александр, мой шурин, и призывает к возмездию! «Найди, говорит, этого мерзавца! Отомсти за меня! Защити честь семьи! И тогда я... помогу тебе». А я сам очень нуждаюсь в помощи, за любую соломинку готов ухватиться, – и он выложил практически незнакомому человеку историю с больной дочерью. – Я понимаю, – в заключение сказал он, – что всё это звучит глупо и наивно, что тот человек не скоро выйдет на свободу... но я всё-таки должен что-то сделать! А поможет это спасению моей дочки, или нет, одному Богу решать...

– Вот оно что, – после продолжительной паузы ответил Виктор Анатольевич. – Поверьте, я вас очень хорошо понимаю... Ужасная болезнь, помощи ждать практически неоткуда... а тут обещают помочь, если будет совершено мщение...

– Да, примерно так... Понимаю, что все это звучит совершенно абсурдно, но, может быть, вы мне что-то посоветуете?

– Да, – ответил Виктор Анатольевич, немного подумав. – Вам необходимо встретиться с Андреем Орловым... Это и есть убийца вашего родственника... И очень непростой человек. Я расскажу вам о нём.

Как выяснилось в ходе длительного и путаного следствия, Орлову в руки попала старинная немецкая книга. Медицинская книга, заметьте, а сам Орлов, как и мы с вами – врач. В книге рассказывалось о каком-то методе лечения, который наш доктор стал использовать в своей практике. Надо отметить, применял он его очень успешно, результаты были, порой, просто ошеломляющие... Но это – до поры до времени...

Виктор Анатольевич раскрыл свой дипломат, вынул из него ноутбук, водрузил его на стол, отодвинув чашки с кофе, включил...

– Вот, взгляните... На фото – Андрей Валерьевич Орлов собственной персоной. Тут он уже не выглядит самодовольным и преуспевающим человеком, владеющим какими-то тайными знаниями... Фото сделано в следственном изоляторе... – Кирилл с любопытством всмотрелся в унылое лицо молодого человека, но не нашёл в нём ничего примечательного... Разве что глаза... Взгляд убийцы таил в себе необычайную внутреннюю силу...

– В своё время, работая патологоанатомом, я заинтересовался рядом необычных смертей, происшедших внезапно и имеющих некоторые схожие детали... Затем я обнаружил, что несколько летальных исходов произошло среди пожилых людей, пациентов Орлова, которые завещали ему своё жильё... Всё это подтолкнуло меня... и следственные органы вплотную заняться загадочным доктором. Тут я должен отметить, что если бы он продолжал стоять на своём и от всего отпираться, нам бы так и не удалось доказать его вину... Впрочем, прямых доказательств у следствия до сих пор так и не появилось. Орлов признался в содеянном, но о том, как готовил смертельные «снадобья» для своих жертв, не рассказал. К тому же, врачи диагностировали у него серьёзное психическое заболевание... Таким образом, он сейчас пациент специализированной клиники... Вы курите?

Они закурили, заказали себе ещё кофе.

– Это дело осложнилось ещё одним обстоятельством, – после нескольких неторопливых затяжек продолжал Виктор Анатольевич. – И вы, наверное, догадываетесь...

– Как же, – ответил Кирилл. – До сих пор не раскрыта тайна его медицинских подвигов! А ту книгу, немецкого врача, её нашли или нет?

– Вы правильно поняли... Я исследовал деятельность Орлова как врача, вот, взгляните... – Виктор Анатольевич щёлкнул по клавиатуре и на экране монитора появилась таблица. – Сюда я внёс случаи, в которых Андрей Валерьевич одержал безоговорочные победы над болезнями... Те случаи, которые для нас с вами считаются безнадежными, поскольку болезни прогрессировали и просто «пожирали» человека...

– М-да, – Ильин с интересом просматривал предоставленный материал. – Рак поджелудочной железы!.. Подумать только... Рассеянный склероз! Цирроз печени! Силён!

– Я думаю, Кирилл Андреевич, – тихим, даже вкрадчивым голосом произнёс Виктор Анатольевич, – что случись Орлову лечить вашу дочь... – он сделал паузу. – Я не сомневаюсь в том, что он бы справился...

– А может быть... есть такая возможность? Хотя, конечно, нет... – упавшим голосом прошептал Кирилл. – Но книга! Она сохранилась?

– Увы... Незадолго до ареста Орлова нашёлся её хозяин. Эта книга, оказывается, принадлежала одной достаточно известной в немецких медицинских кругах фамилии... Приехал из Германии пожилой господин, оформил, как положено, все документы... – Виктор Анатольевич раздавил свой окурок в пепельнице и мельком взглянул на Кирилла, – ...и забрал книгу с собой. Данные на этого немца можно отыскать в соответствующих департаментах, у меня таких сведений нет. А вот Орлов... Многие бы хотели, чтобы он поделился своими знаниям... Я лично ходатайствовал, чтобы отношение к нему было как можно... бережнее, чтобы с ним работали толковые психологи... Но, боюсь, загубят парня в психушке, а вместе с ним – важнейшие медицинские знания...

– А вы сами видели эту книгу?

– Нет. С Орловым общался лично, это было... А книгу не видел и в руках не держал...

– Автор вам тоже не известен?

– Насчёт автора... Орлов, когда у него наступали обострения, упоминал, причём неоднократно, некоего Иоганна Майбаха... «Ты украл у меня книгу!» – кричал он. И ещё что-то про матрицы и энергию смерти....

– Как вы сказали? – вздрогнул Ильин. – Иоганн Майбах!

– Да, фамилия легко запоминается. Есть такая марка автомобиля...

– Матрица! – прошептал Кирилл. – Это – та самая книга!

Виктор Анатольевич с интересом взглянул на Ильина.

– Вы слышали о ней?

– Да. Я уверен, что в ней описан способ, как победить болезнь моей дочери! В той самой книге, которую изучал Орлов...

– Значит, вам во что бы то ни стало следует с ним повидаться,.. – Виктор Анатольевич закрыл ноутбук и спрятал его в дипломат. – Вы со мной согласны?

– Конечно, должен! Но для этого надо преодолеть некоторые препоны в лице соответствующих структур...

– Я постараюсь вам помочь, Кирилл... – сказал Виктор Анатольевич, поднимаясь со скамейки. – О, вот и дождик! Не заставил себя ждать! Короче... ваш телефон у меня есть, мой – у вас. Созвонимся. Мы врачи, поэтому будем действовать через медицинские каналы... И, несмотря ни на что, – он широко улыбнулся, – я вам гарантирую скорую встречу с вашим «кровником»!

Они вышли из парка и распрощались.

– Спасибо вам, Виктор Анатольевич! Вы мне здорово помогли! – Ильин даже покраснел от нахлынувших на него чувств. – Прошу вас, по возможности, не затягивайте решение вопроса со встречей!

– Я в отпуске, – улыбнулся тот. – А ваше дело в настоящий момент для меня – первостепенной важности. Так что, ждите звонка!

Размышления шахматной фигуры – 8

Наконец-то, пришёл и мой черёд!

Прочь, мелочь! Прячьтесь, бегите под защиту!

Я могу бить по вертикали, горизонтали и диагоналям! На самых дальних концах поля боя я найду свою жертву!

Впрочем, как бы самому не попасть под удар, ведь весь этот сброд, что имеет чёрный цвет, тоже весьма клыкаст и опасен...

Глава 8. Визит в обитель скорби

Из рапорта старшего врача смены скорой медицинской помощи:

«...Сегодня в 15.20 поступил вызов в сквер около ГТРК «Янтарь»: плохо (без сознания) мужчине 40 лет. Вызывал прохожий. Прибыв по адресу, бригада увидела лежащего без признаков жизни мужчину, которого охраняли две собаки бойцовской породы. Были срочно вызваны наряд полиции и МЧС. Когда через полтора часа животные были изолированы, выяснилось, что мужчина просто сильно пьян. Свое поведение и состояние он комментировал фразой: «Где хочу, там и лежу!»

В данном инциденте фельдшер М. получил укушенную рану левой голени...»

«...в 17.15 на Набережной Петра Великого джип, управляемый пьяным водителем, врезался в прогулочный катер, пришвартованный к причалу.

По счастливой случайности никто не пострадал...»

Кирилл собрался проведать Леночку. Вера была на работе, но чуть позже тоже собиралась подъехать. Она закончила в своё время КГУ, училась на историческом факультете, но работу по специальности не нашла, поэтому трудилась в магазине на улице Гагарина, продавая люстры.

Каждый день, утром или вечером, кто-то из родителей обязательно навещал девочку. Иногда они приходили вдвоём.

– Папа, – однажды спросила его Леночка. – А, это - правда, что я скоро умру?

Ильин словно получил тяжёлый удар под дых, от которого помутилось в глазах и перехватило дыхание. Секунду он приходил в себя, затем принялся успокаивать ребёнка:

– Да что ты такое говоришь, солнышко! Смотри сколько вокруг врачей! Они заботятся о тебе, да и твой папа – тоже врач. Вот, почистят тебе немножко кровь, и всё наладится. А папа скоро поедет и купит своей дочке самое лучшее лекарство. Леночка выпьет это лекарство, и больше никогда не будет болеть! – Ильин верил, что раздобудет волшебный эликсир. Его уверенность передалась и девочке.

– А когда ты поедешь?

– Ну... – замялся отец, – как мне позвонят и скажут, что лекарство готово, тогда и поеду. Ведь так сразу его приготовить нельзя! Туда нужно положить много разных полезных веществ, размешать их, дать им настояться...

– А каких?

– Во-первых, мёд с солнечных лужаек, который весенними и летними деньками собирали трудолюбивые пчёлки...

– А что ещё?

– Лесные ягодки, которые растут в чистых лесах. Зайки и белочки следили, чтобы ягодки быстро росли, наливались соком, были сладкими и душистыми... Чтобы Леночке из этих ягодок сделали лекарство... – он проглотил ком в горле. – А ещё – свежая родниковая водичка....

– И всё?

– Нет, ещё много разных пахучих целебных трав...

Вчера позвонил Виктор Анатольевич и сообщил, что организовал свидание с Орловым. Так на завтра назначена специальная медицинская комиссия со специфическим профилем. Вот в эту комиссию включили и Ильина... И другая приятная новость: в Черняховске, в той самой психушке, где содержится врач-преступник, оказывается, работает бывший сокурсник Кирилла, Сергей Симченко. Ильин быстро навёл справки и созвонился с давним приятелем. Тот несказанно обрадовался предстоящей встрече и обещал оказать всяческое содействие. Если всё получится, как задумано, то сегодня вечером, после посещения Леночки, Кирилл свяжется с отзывчивым патологоанатомом и уже завтра поедет в Черняховск.

Пока всё складывалось, как нельзя лучше.

«Чем драматичнее ситуация, тем больше хороших людей встречается на моем пути», – с теплом думал Кирилл.

Он взял в руки пакет с передачей для Леночки, закрыл дверь и вышел на улицу. Во дворе было хмуро, ветрено и неуютно. Моросил мелкий дождь. Боясь ненароком поскользнуться на сырой листве, прилипшей к асфальту, Ильин направился к своей машине. Она была припаркована на открытой стоянке возле дома. Днём Кирилл не ставил её на сигнализацию, боясь «посадить» аккумулятор, а просто запирали дверцы. Людей возле дома было немного, только на детской площадке вернувшиеся из школы дети затеяли веселую возню с криками, визгом и беззаботной беготнёй.

Шагов за десять до машины, Кирилл заметил, что в его «Опеле» кто-то сидит. Он остановился, как вкопанный, и присмотрелся. Действительно, на водительском кресле кто-то устраивается поудобнее и явно собирается заводить двигатель!

– Эй, дядя! – Кирилл бросился к машине, подбежал к ней за пару секунд и рванул ручку, пытаясь открыть переднюю дверь. Та не поддавалась. Ильин достал ключи, стараясь держаться как можно спокойнее... и отпер дверь. Внутри автомобиля никого не оказалось... Он огляделся. На стоянке, кроме его «Опеля» стояло ещё три машины, но они расположились чуть поодаль. Кирилл ещё раз осмотрел салон. Ну, не могло же ему почудиться?

Он обошёл машину вокруг, ещё раз внимательно огляделся... Видимо, действительно, померещилось... Он сел за руль и тут почувствовал... Совсем недавно в машине явно кто-то был! Даже оставил свой запах! Никогда так в машине не пахло, уж тут Кирилла не обманешь! К обычным, специфическим запахам его «Опеля» прибавился новый, резко отличающийся от всего, что могло пахнуть в его машине. На мужской «парфюм» не похоже, но что-то из этой области... Нечто летучее, нестойкое и, что самое неприятное, – «инородное»...

Кирилл обвёл руками вокруг себя, словно проверяя, не остался ли он, этот незванный гость в салоне, превратившись в невидимку... Пустота. Бросил пакет на кресло рядом с собой, завёл двигатель... «А может, не стоит сегодня ехать на машине?» – мелькнула в голове тревожная мысль.

От Калининграда до Черняховска почти два часа езды по комфортной федеральной трассе. Этот относительно небольшой город расположен в месте, где реки Инструч и Анграпа, сливаясь, образуют исток Преголи. Прежде город назывался Инстербургом, сейчас

по численности населения он третий в Калининградской области и именно здесь находится психиатрическая больница специального типа с интенсивным наблюдением.

Кириллу Ильину сегодня предстоит встреча с сокурсником-психиатром Серёгой Симченко и непростая беседа со своим «врагом» – Андреем Орловым.

Кирилл ехал по трассе, вспоминал былые времена и философски рассуждал: «Кто знает, где граница между нормальным поведением и психическим недугом? Ведь наша психика – ужасно деликатная область... Почему, например, мы все выключаем в машине радио, если плохо видна дорога, и снимаем солнцезащитные очки, когда не можем слышать радиоприемник...»

Его память тут же «подбросила» несколько забавных сюжетов из студенческой жизни. Так, в медицинской академии, когда им только начали читать цикл лекций по психиатрии, данная наука его очень заинтересовала. Да и не одного его, почти все студенты стали тщательно приглядываться друг к другу. По поводу наличия отклонений в психической области четверть однокурсников сразу же попала под подозрение, а в общественном транспорте стало просто страшно ездить... Однажды Кирилл пришивал к своему халату пуговицу и вдруг задумался: как лучше расположить ее дырочки – поперек или продольно? И так пробовал приложить, и смяк, а потом вдруг испугался: господи, да это же симптом душевной болезни!

Как-то раз в их аудиторию пришел солидный седовласый мужчина, представившийся доцентом кафедры. Объявил тему лекции: «Шизофрения», и стал читать. Первый час пролетел совершенно незаметно, настолько ярким и познавательным был излагаемый материал. После небольшого перерыва к студентам вышел знакомый по прежним занятиям профессор и поинтересовался: «Ну, видели теперь настоящего шизофреника?» Все просто онемели от неожиданности, а преподаватель с лукавой улыбкой продолжил: «Все, что вы сегодня услышали и записали – правильно. Этот пациент лечится у нас уже более тридцати лет и данную тему знает безукоризненно...»

– Короче, и смех, и грех... – сказал вслух Ильин.

Погода сегодня выдалась сухой, дорога была более-менее свободна, настроение тоже неплохое. Конечно, расстраивало состояние дочери, но Кирилл всё больше верил в то, что сумеет «разговорить» сумасшедшего врача, убийцу его шурина... Вчерашний инцидент с исчезнувшим «угонщиком» он просто выбросил из головы. Накануне поездки, как и в самом пути, нервную систему «накручивать» нельзя.

...Вспомнился ему и первый пациент, который был у него в академии на кафедре психиатрии. Кирилл его «за глаза» называл – «великий немой». С ним вышла забавная история... Парень призывного возраста, после получения повестки из военкомата, внезапно потерял дар речи и совершенно перестал разговаривать. По этому поводу он и попал в психиатрическую клинику с диагнозом: «истерический мутизм», где Кирилл в то время проходил практику. Целый месяц хитрец общался с персоналом на языке жестов и красивым почерком писал медсестрам веселые записочки. Только начальник отделения засомневался в наличии болезни у данного пациента. Он ежедневно вызывал его в свой кабинет и «доставал» нравоучениями на тему: «Служба в рядах Вооруженных Сил России – является почетной обязанностью и конституционным долгом каждого гражданина, даже такого недоумка, как ты!» Через месяц молодой человек не выдержал такой жесткой психологической «обработки» и послал своего доктора отборным матом к его матушке. На следующий день его отправили в часть...

А вот и высокий забор клиники, за которым расположено угрюмое здание, отдаленно напоминающее средневековый замок. Целое столетие оно являлось обычной тюрьмой, а теперь здесь лечат особо опасных преступников, признанных по уголовным делам невменяемыми ...

Ильин припарковал свой автомобиль вблизи проходной и позвонил по мобильному телефону давнишнему приятелю. Минут через десять невысокий, заметно полысевший и располневший Сергей вышел... нет, не вышел, а буквально выбежал из административного корпуса и приятели крепко обнялись. Ещё минут пять они стояли, похлопывая друг друга по плечу.

– Ох, и солидным ты стал, дружище!

– А ты не изменился, видать, время над тобой не властно!

– Вот, кабы не обстоятельства, то неизвестно, когда б и повидались!

– Да, живём, считай, рядышком, а совсем потеряли друг друга из виду! Это здорово, что у тебя в нашей обители нашлись дела!

– Да, и самое главное из них, это вспомнить, как мы на лекциях слушали через наушники забойную музыку, а штекер из гнезда нашего радиоприемника вдруг выскочил!

– Ага! Весь курс на уши встал!

– Ха-ха-ха-ха!

– А ты кого-нибудь из наших видел? Что-нибудь знаешь о Сашке Трофимове, Лёхе Зайцеве...

– ...Тебе профессор говорит: «К вашему росту, молодой человек, еще бы чуть-чуть ума...» А ты ему: «Профессор, а к вашему уму хоть бы чуточку роста!»

– Да уж, чего только не случилось!.. Надо обязательно организовать вечер воспоминаний!

– И стимулировать данный процесс хорошим коньяком! «Инстербург» (10) как раз подойдет!

– А помнишь, как ты вычислял «удельный градус-литр» и нейротоксические свойства любого ликероводочного изделия, пока мы стояли за ним в очереди?

– Да, точно, это было довольно сложное соотношение крепости напитка, содержания в нем сахара, емкости бутылки и ее цены... к сожалению, секрет формулы на сегодняшний день утрачен...

«Чем-то отдаленно похоже на мою ситуацию...» – подумал Кирилл.

Наконец, немного поостыв, приятели уладили формальности с разовым пропуском и проследовали внутрь «дома скорби».

– А верно, что профессия психиатра откладывает отпечаток на личность врача? – подшучивал Кирилл.

– Конечно, заявляю официально: нам никогда не бывает скучно, потому что мы обладаем удивительной способностью разговаривать сами с собой...

Череди дверей, открываемых только личными ключами персонала, без привычных для всех ручек, но зато оборудованных звонками и глазками... Зарешеченные тусклые окна, тесные палаты, в которых даже на ночь не выключается дежурное освещение...

– Помнишь, как на выпускном курсе нас какой-то дерматолог агитировал: ребята, выбирайте нашу специальность и вам будет обеспечена безбедная жизнь. Подумайте только: у нас никто не умирает, но никто и не выздоравливает! – вспомнил Ильин. – Что-то похожее

мне говорил о своей работе и знакомый патологоанатом, с которым я вчера встречался. А тебе профессия психиатра нравится?

– Пойми, брат: процесс зарождения и движения человеческой мысли куда интереснее процесса зарождения в его теле микробов, – отвечал Симченко.

Они прошли по длинному коридору, спустились на один этаж вниз по лестнице. Вновь двери с табличками, окрашенные в спокойные тона стены, неяркое освещение....

– Как-то мрачновато у вас... – заметил Кирилл.

– Не говори ерунды, – возмутился Сергей, – мрачно тут было, когда больница принадлежала Министерству внутренних дел, а теперь мы в ведении Министерства здравоохранения...

– И что изменилось?

– Прежде наши пациенты не были осведомлены о своих правах. Они не имели понятия об имеющихся у них психических расстройствах и применяемых методах лечения. Им не разрешалось отправлять религиозные потребности, приглашать адвоката, участвовать в выборах. А теперь – пожалуйста! Больные получили право носить личную одежду и иметь предметы первой необходимости, им предоставляются ежедневные трехчасовые прогулки. Они получают и отправляют письма, посылки, бандероли и денежные переводы, могут даже встречаться со священником, только, конечно же, все это – по согласованию с лечащим врачом и под надзором. У нас, кстати, установлен междугородний телефон-автомат. А все права и обязанности наших пациентов подробно изложены в «Правилах внутреннего распорядка для больных» и размещены на стендах во всех отделениях.

Они остановились в небольшом вестибюле. Пока Кирилл оглядывался, пытаюсь сообразить, куда его завёл Сергей, тот уже исчез за ближайшей дверью.

– Я на пару минут. Подожди здесь, – только и сказал.

Минуту Ильин рассматривал документацию, вывешенную на стене. При этом, он обратил внимание, что сотрудников в данном учреждении было немного. По крайней мере, так казалось... Вскоре появился Симченко. Он подписал какие-то бумаги и теперь пытался поместить их в прозрачный файл.

– Теперь, нам – туда! – указал Сергей в обратную сторону.

– А в чем заключается ваше «интенсивное наблюдение»? – спросил Кирилл, пытаюсь насытить свое любопытство по пути следования к месту свидания с загадочным пациентом.

– Видишь ли, в больнице применяются некоторые меры ограничения, которые призваны обеспечить безопасность самих больных и нашего персонала. В частности, у нас запрещено самостоятельное передвижение пациентов по территории клиники и выход за ее пределы без сопровождения. Не допускается уединенное пребывание больных в помещениях. Персоналу вменено в обязанность ненавязчиво осуществлять круглосуточное наблюдение за каждым больным, причем, без психологического давления, не вызывая его беспокойства и реакций протеста. Вместе с этим, наши пациенты порой бывают очень опасны, поэтому тех, кто пребывает в состоянии возбуждения, обычно помещают в наблюдательные палаты с отдельным постом санитара. В исключительных случаях к ним применяется метод физического «стеснения»... Так бывает в случаях, когда у больных существует реальная угроза причинения физического вреда самому себе или окружающим людям.

– И как это выглядит? Успокоительные рубашки или наручники?

– Чаще всего это – фиксирование к кровати с помощью широких матерчатых поясов. Такая мера назначается лечащим врачом на тот промежуток времени, пока не наступит

успокаивающее действие лекарств, но не более двух часов. Однако при необходимости она может быть и продлена...

Дело в том, что у большинства наших подопечных имеет место выраженная анозогнозия, то есть – отсутствие осознания собственной болезни и негативное отношение к назначаемому лечению. Поэтому «кормить» пациентов таблетками в ряде случаев тоже приходится насильно...

– Мне все это очень интересно, – прервал увлекшегося товарища Кирилл, – но ты же знаешь, Сергей, с какой целью я прибыл в ваше учреждение: мне необходимо побеседовать с больным Андреем Орловым. Для меня и моей дочери это – вопрос жизни и смерти. Ты позволишь? В каком он сейчас состоянии?

– Ну, хорошо. Мы стараемся максимально сохранять семейные и социальные связи наших подопечных, поэтому не препятствуем их встречам с родными и близкими. Совсем недавно Орлова посещала жена с маленьким сыном. Для тебя же я сделаю небольшое исключение... Мы длительное время боролись с его галлюцинаторно-параноидным синдромом, нам даже пришлось прибегнуть к инсулино-шоковой терапии. Но сейчас пациент вполне стабилен, только обещаю его не провоцировать, не забывай в беседе держать «дистанцию» и поменьше о себе рассказывай. Помни: если он вдруг включит тебя в свои бредовые переживания, то разыщет даже через десяток лет...

– Договорились, – ответил Ильин

– Тогда идем в комнату свиданий, Орлова сейчас туда приведут. Думаю, одного часа вам хватит. Только предупреждаю, что встреча будет проходить под наблюдением медперсонала, последнее необходимо в целях твоей безопасности: этот бывший доктор – все же серийный убийца.

Размышления шахматной фигуры – 9

Маневры... Белый конь с левого фланга переместился к центру и вынудил вражеского ферзя отойти. Наши правофланговые пешки двинулись вперед. Это хорошо! Напоминает разжимающуюся пружину!

Эти маневры должны запутать неприятеля и привести к усилению нашей позиции в центре. А оттуда последует удар по вражескому королю! Но, противник, похоже, не подозревает о наших планах. Он высматривает и выцеливает добычу...

Вот чёрный ферзь переместился левее. Он готов нанести удар по нашему флангу. Мне жаль отважных бойцов, но победы без жертв не бывает!

Ради нее ничего не жалко!

Глава 9. Узник замка «Черняховская СПб»

Центральная диспетчерская «скорой помощи», 23 часа 30 минут.

– Валерий Васильевич, – обращается фельдшер по приему вызовов к старшему врачу смены, прохаживающемуся между компьютеров и сосредоточенно о чём-то думающего. – Возьмите трубку, пожалуйста! Я не знаю, что и сказать...

– «Скорая помощь» слушает вас, – «бархатным» голосом говорит в трубку доктор.

– Я веду бой с межгалактическими пиратами! – сообщает взволнованный мужчина.
– Срочно приезжайте! Мне одному с ними не справиться!
– Держись, браток, мы идем к тебе на помощь! – и в микрофон: – Психиатрическая бригада, включайте проблесковый маяк и сирену! Готовьтесь к бою!..

К Кириллу и Сергею подошли два человека в белых халатах.

– Вот, пожалуйста, – Симченко протянул файл с бумагами первому из них, высокому мужчине с курчавой, но местами седеющей шевелюрой, державшего в руке папку жёлтого цвета. Тот водрузил на нос очки, вынул поданные документы, проверил подписи и печати.

– Всё в порядке, – и представился Кириллу: – Максимов Олег Петрович. А вы, стало быть, Ильин Кирилл Андреевич. Очень приятно. Значит вы двое и.. – кивок в сторону своего спутника, пожилого и грузного медика, – Григорий Николаевич – та самая комиссия, о которой говорится в представленном приказе... Разрешение получено. Андрей Орлов будет доставлен в комнату для свиданий через десять минут.

Кирилл испытал чувство облегчения. Оказалось, что препятствия, которые возникли на его пути, довольно легко можно преодолеть, если у тебя есть желание и хорошие друзья.

Максимов, между тем, раскрыл свою папку и зачитал следующее:

– Суд вынес определение об освобождении Орлова Андрея Валерьевича от уголовной ответственности, как совершившего общественно опасные действия в состоянии болезненного расстройства психики. И направил его на принудительное лечение в г. Черняховск в психиатрическую больницу специального типа с интенсивным наблюдением, потому что данный пациент представляет особую опасность для себя и окружающих по характеру имеющихся у него психических расстройств и совершенных деяний...

Он напомнил, что длительность принудительного лечения в психиатрическом стационаре с интенсивным наблюдением заранее судом не устанавливается, поэтому законодательством предусмотрено регулярное, не реже одного раза в шесть месяцев, переосвидетельствование психически больного врачебной комиссией. Врач добавил, что коллегиальное заключение о необходимости дальнейшего принудительного лечения или о возможности его отмены (изменения) будет направлено в суд, который и вынесет окончательное решение...

По пути в комнату свиданий Кирилл спросил у Сергея, долго ли находиться такому больному, как Орлов, в больнице и что с ним будет по окончании лечения. Тот лишь пожал плечами, а ответил за него следовавший вместе с ними Григорий Николаевич:

– Когда достигнем стойкой ремиссии, то дадим знать в судебные органы. Они пусть решают. Правда, у российских судей существует негласная установка, согласно которой длительность лечения больного в психиатрическом стационаре не должна быть намного меньше, чем срок наказания за соответствующее преступление... Не знаю, насколько это справедливо, но нередко получается так, что пациенты находятся на принудительном лечении по десять—пятнадцать лет и потом просто не могут вернуться к обычной жизни... Вот, кстати, мы и пришли...

Небольшое чистенькое помещение, узкое окошко украшенное железным «декором», минимум мебели, привинченной к полу... Кирилл вошёл внутрь, его спутники остались снаружи. Ильин подсел к столу, и даже не успел толком оглядеться, как в комнату, в сопровождении двух статных санитаров, вошел среднего роста мужчина в больничном халате, с бородкой клинышком. На вид ему было лет тридцать, на бледном, немного

одутловатом лице – глубокие скорбные морщины, в темной шевелюре сверкали седые пряди. Он устроился на краешке стула напротив Кирилла и тотчас надел на лицо «маску вежливого внимания».

Это и был Андрей Орлов. Весь его вид говорил примерно следующее: «я, так и быть, присяду и даже выслушаю, что вы мне тут скажите, только не надейтесь, что я хоть на минуту потеряю бдительность... Много свидетельствовало о его нежелании идти на контакт: опущенная голова, напряженная поза и полуоборот корпуса, в результате которого самой близкой к партнеру точкой стали локоть и плечо. Так, словно «свернувшись в клубок», Орлов оставлял обращенными к Ильину наиболее жесткие, неуязвимые части тела – те, которыми легче обороняться или нападать...

Один из санитаров, своей комплекцией напоминающий трехстворчатый шкаф, тихо возник за спиной больного, второй вышел за дверь.

– Меня зовут Кирилл Андреевич, – отрекомендовался Ильин, – я – врач, и хочу с вами побеседовать. Расскажите мне, пожалуйста, как вы себя чувствуете, беспокоит вас что-либо в данный момент?

– Здоровье в порядке – спасибо зарядке, – грустно ухмыльнулся Орлов. – Я теперь веду исключительно правильный образ жизни, даже курить недавно бросил. А беспокоит меня лишь то, что я не могу быть вместе со своей семьей. Вы же знаете: у меня растет маленький сынишка: он родился, когда я был уже здесь...

– Я вас поздравляю... – сказал Кирилл и замялся, поняв, что «ляпнул» что-то не то, – ...и сочувствую... Мне, конечно, понятно, Андрей Валерьевич, насколько тяжело для человека попасть в подобную обстановку... – попытался сгладить неловкость Ильин, – но всё же, позвольте узнать, как вы видите свою дальнейшую жизнь?

– Надеюсь, что когда-нибудь меня отсюда все же выпустят... – без особого воодушевления ответил Орлов, – и я смогу вернуться домой... Представляю, как изменится Калининград... Возможно, он уже будет именоваться Кантоградом... Вы не против такого названия? Я бы – возражал. Пусть лучше вернут прежнее название – Кёнигсберг... – довольно странная манера пациента слушать и говорить создавала впечатление какой-то отстраненности, присутствия в ситуации «наполовину»... – К тому времени, пожалуй, полностью восстановят Королевский замок, настроят подвесных автострад, на пешеходных дорожках установят эскалаторы, а в сфере обслуживания станут трудиться роботы... – равнодушно и монотонно перечислял больной, и не было понятно, говорит он искренне или издевается над Кириллом. – Может, даже метро появится... – Орлов выпрямился. – Только вот призраки... они всё равно, никуда не денутся... Они, словно назойливые мухи, будут по-прежнему приходить ко мне каждую ночь... – взволнованно закончил он.

– Какие призраки? – насторожился Ильин.

– Моего учителя – Иоганна Майбаха и тех людей... которых я отравил.

При упоминании имени старого немецкого врача Кирилл вздрогнул. Хорошо, что его собеседник не обратил на это никакого внимания. Или вовсе не заметил...

– Неужели вас мучает совесть? – не удержался от укола Кирилл, лихорадочно соображая, как ему вывести разговор в нужное русло.

– Нет, – мотнул головой Орлов, – совесть – это миф.

Мне кажется, – принялся философствовать он, – я открыл главный закон человеческого поведения – «закон личной пользы»... Смысл его прост, как трамвайный билет: человек никогда не станет делать того, что ему не выгодно... Это потом, совсем

другие люди называют наши мотивы и цели «высокими» или «низкими». А какое они имеют на это право? Кто им его дал?

– Я не могу с вами согласиться... – попытался возразить Кирилл, только Орлова было уже не остановить.

– Конечно, все наши поступки зависят от полученного воспитания и обстоятельств... Лишь одно у них общее: каждый стремится сделать так, чтобы его больше любили, уважали и ценили. Поэтому, что бы человек не говорил и не совершал, он всегда предпринимает это – для себя и своего самоутверждения. Даже накрывая грудью амбразуру! – все больше горячился он. – А все разговоры о совести – ложь и, чем чаще мы к ней прибегаем, тем труднее удержаться от новой! Взять хотя бы самые благородные наши мотивы: не прослыть «трусом», не уронить честь семьи, выручить друга... Вы спросите: в чем здесь личный «интерес»? – Да в том, что если поступишь иначе, то непременно наступит расплата: потеряешь престиж и свободу, осудят и отвернутся близкие или накажет Господь... Как меня, например...

Вот такое зловещее правило! И оно – работает! А совесть тут совсем ни при чем... просто мне очень страшно! – Орлов подался корпусом вперед и перешел на взволнованный шёпот. – Прошлой ночью профессор Майбах мне заявил, что козьё женское молоко – это продукт, созданный организмом на основе плазмы материнской крови, то и некоторые дети в итоге могут вырасти вампирами!

– А к вам это, какое имеет отношение? – не сразу понял его удивленный Ильин.

– Самое непосредственное: профессор заявил, что мой сын не такой, как все, и этот младенец собирается погубить сначала мою жену, а потом меня! – напряженная поза больного напоминала сжатую пружину. Санитар, молча наблюдающий за Орловым, сделал Кириллу, какой-то предупреждающий знак...

– Хорошо, хорошо, успокойтесь, пожалуйста, – Ильин попытался сменить тему разговора. – Скажите, а как вы проводите свое свободное время? Что читаете, о чём размышляете?

Андрей Орлов, теребя полу своего халата, пристально посмотрел на Ильина, как бы решая, стоит ли вообще продолжать данную беседу, но потом откинул рукой прядь волос со лба и, глядя куда-то поверх головы Кирилла, с глубоким вздохом произнес:

– Да... Читаю... И думаю... Мне, например, очень близко и дорого творчество Чехова, что, естественно, вызывает интерес и к личности самого автора. Часто представляю себя рядом с Антоном Павловичем. Он – в белом костюме, с пенсне и тросточкой. Я бы тоже сменил для такого случая свой нынешний «прикид», – Орлов криво улыбнулся, – на отутюженную рубашечку с тонюсеньким галстуком. Вы, наверное, думаете, что нам не о чем будет поговорить с классиком? – с вызовом спросил он. – Ошибаетесь, Кирилл Андреевич! О чём, спрашиваете, будем беседовать? Думаю, в первую очередь о медицине. Надеюсь, что смогу сообщить ему много нового и интересного, касающегося последних достижений современной науки. Обязательно поинтересуюсь у Антона Павловича о том, что волновало и заботило земских врачей сто двадцать лет назад: как проводилось освидетельствование младенцев, новобранцев, проституток. Как медицина XIX века боролась с опасными эпидемиями, обеспечивала в городах санитарию... Непременно спрошу его: «Коллега, как Вы относитесь к абортам, эвтаназии и главное: к лечению матрицей, заряженной жизненной энергией...» – монотонно перечислял Орлов. – ...Потом мы обязательно поговорим о литературе и театре. В этих беседах рассчитываю сам узнать от него много полезного...

– Пойдите, вы упомянули о заряженной матрице? – встрепетулся Ильин. – А не могли бы вы пояснить для меня её назначение?

Орлов в упор посмотрел на Кирилла и замолчал. Некоторое время что-то страшное накапливалось в глубинах его сознания, наконец, выплеснулось с криком:

– Перед тем, как войти в Преисподнюю, сначала подумайте, как станете оттуда выходить!

Кирилл понял, что надо быть поаккуратнее с вопросами. Иначе состояние Орлова может резко ухудшиться и свидание закончится. А он пока узнал только одно: безумному врачу хорошо известно о том методе лечения, который может спасти его, Кирилла, дочь. Но куда повернуть русло беседы, в какую сторону? Перед встречей с Орловым Ильин, разумеется, навёл о нём кое-какие справки. И даже где-то обрадовался, узнав, что его визави когда-то тоже увлекался рыбной ловлей. Не переключиться ли на эту область? Пусть немного успокоится...

– Андрей, – Кирилл выбрал нужный тон для доверительной беседы. – Я слышал, что вы увлекаетесь рыбалкой...

– Слышали? От кого? – глаза Орлова сверкнули недоверчиво и подозрительно. Впрочем, вскоре его взгляд изменился и Кирилл понял, что принял верное решение. – Да, я любил ездить на косу... С ночёвкой...

– Куршская коса – и моё любимое место отдыха. И рыбалку я тоже уважаю. На заливе...

– А к чему вы завели разговор о рыбе? Уж не хотите ли и меня заманить в сети? – Орлов оставался верен себе, и не давал ни малейшей возможности подобрать ключики к своему внутреннему миру.

– Я предпочитаю донки. И спиннинг... Если ловить с лодки, то на удочку... Кружки ещё можно поставить... А сетями... нет, не моё это занятие.

А завёл я этот разговор вот с какой целью: рано или поздно, ваше пребывание здесь закончится. Вы вернётесь к любимому занятию и, возможно, вновь займётесь врачебной деятельностью. У вас, насколько мне известно, были просто поразительные успехи... – «Боже мой, время идёт! Не спросить ли его напрямик?» – Многих вы вытащили, можно сказать, с того света... – «И опять не то!»

– Да, – ответил сумасшедший врач. – Я мог бы и сейчас приносить людям пользу... И с радостью бы это делал... Но, меня считают психом... Опасным преступником. И совершенно напрасно. Вон, мой сосед по койке – Юрий, свою жену и двоих детей топором зарубил, а после этого ходит и улыбается. Но я-то – не такой!

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Даже считаю, что многим вы могли бы помочь своим советом...

– От советов мало пользы... А что, неужели вам нужен мой совет? – Орлов хитро улыбнулся. Он сложил руки на столе, его пальцы стали мелко подрагивать, словно в предвкушении чего-то необычного и чрезвычайно приятного.

– Андрей, помогите мне! – Ильин подался вперёд, и его лицо почти вплотную приблизилось к лицу Орлова. Санитар напрягся и сделал шаг к столу. – Моя дочь тяжело больна. У неё острая почечная недостаточность! Сейчас она проходит курс гемодиализа, но вы же понимаете, что это не выход!..

– Я бы охотно помог вам и словом, и делом, – ответил Орлов, впервые не отведя взгляда в сторону. – Но в данный момент я весьма стеснён в действиях. А для того, чтобы

помочь вашей дочери, мало просто личной свободы. Необходимо... очень много этой свободы...

– Но я...

– Да, вы не сможете мне её предоставить. И как нам быть? – похоже, Орлов забавлялся.

– Вы можете мне помочь... Мне необходимо получить заряженную матрицу! Где её взять? Как изготовить? Если вы применяли матрицы для спасения людей, подскажите мне!..

Вот тут лицо Орлова стало меняться. В его глазах появилось недоумение, потом страх... А затем – ярость.

– Вам нужна матрица?! Вы хотите получить матрицу? Может быть, вы хотите оказаться рядом со мной? – врач-преступник едва не захлебнулся слюной. – Всё есть в старинной книге, а я вам не помощник! Ищите, и обрящете, стучите и отверзнется! Только потом не пожалейте!

– Но книга...

– Её забрал Майбах! Старый мошенник запросил за знания слишком дорогую цену! Ступайте к нему! Иоганн Майбах вам предоставит все нужные сведения!

– Но он давно умер...

– Кто вам сказал?! Не смешите меня, Кирилл Андреевич! Он жив! И ещё как жив! Он наверняка в Германии! Работает под другой фамилией! И смеётся над всем миром!

...Ввиду ухудшения состояния пациента, свидание пришлось прекратить досрочно.

Размышления шахматной фигуры – 10

Итак, чего мы добились?

Вражеский ферзь врубился в наш левый фланг, погубив пешку, и теперь угрожает ладье. Наша «башня», конечно, может отойти. Но для победы необходимо предпринять стремительные действия, пока могучий чёрный противник занят разгромом нашего редута и не может помочь своим фигурам.

Увлёкшись атакой на королевском фланге, желая заполучить быструю и бескровную победу, чёрные действовали всего двумя фигурами и не успели как следует развить свои остальные силы.

А у нас в центре баталии сформировался приличный кулак!

Пора наносить удар!

Глава 10. «Дранг нах Вестен»

Из доклада старшего врача бригады № 30 на утренней конференции:

«...В 16.07 выезжали по адресу: ул. 9 апреля... Карта вызова № 260. Ребенок в возрасте 1 года утонул в ванной. Мать рассказала, что поручила купание малыша его трехлетнему брату, который через некоторое время вошел на кухню и сказал: «Мама, что-то наш Артурчик сильно кашляет...» На что мать ответила: «Подожди немного: сейчас закончу уборку и приду...» Когда она зашла в ванную, ребенок уже не подавал признаков жизни.

В ходе реанимационных мероприятий нам удалось восстановить у малыша самостоятельное дыхание и сердечную деятельность. В состоянии комы, с давлением 80\30 он госпитализирован в ДОБ (11)...»

В обратный путь Кирилл отправился около полудня. Хоть и приглашал его Симченко «как следует отобедать», Ильин был вынужден отказаться. «Не сейчас, Серёга. Дай мне решить свою проблему, а уж потом мы отдохнём на славу и наговоримся от души...»

Думать о сумасшедшем Орлове и его сумасбродной теории «личной пользы», об отказе пролить свет на те вопросы, которые для Ильина чрезвычайно важны, не было желания. Да и чего он ожидал от невменяемого больного, прикончившего нескольких человек? Если согласиться с существованием врачей «от Бога», то Орлов – это врач «не дай Бог!» Тоже мне, философ-моралист, прячущийся от призраков собственных жертв. Да пусть они тебя сцапают в твоей камерке и придушат ночью подушкой...

«Отомсти за меня, Кирилл...» – вдруг вспомнился недавний сон, когда Ильину приснился погибший брат жены. «Нет уж, Саша, – мысленно ответил ему бывший шурин, – он и так наказан. Он терзает себя сам... Тут даже слепому видно, что выбрал себе Орлов казнь долую и мучительную...»

Но считать, что поездка вовсе не удалась, Ильин не спешил.

Трасса на Калининград была относительно свободной. Основная масса машин хлынула в областной центр ещё утром... Вот в самом городе, это да, без пробок мы, как без хлеба...

Сейчас можно спокойно обдумать сложившуюся ситуацию и сделать предварительные выводы. Итак, безрезультатной поездку назвать нельзя. Было понятно, что Орлов, активно изучал таинственную книгу и пользовался полученными из данного источника знаниями. Он научился изготавливать матрицы... Возможно, даже наполнять их какой-то «жизненной энергией», и использовать в процессе лечения... Но, где-то рядом с этими знаниями, с этими добрыми намерениями бродит и бес, злой демон, который не забывает подмешать в бочку добра увесистую ложку яда... Однажды Орлов что-то сделал не так, и – попал на крючок...

Книга теперь в Германии. У какого-то немца, который заявил, что она – их семейная реликвия... Уж не из Майбахов ли этот немец? Не потомок ли знаменитого Иоганна? А вывод делаем следующий: надо немедленно ехать в Германию и искать этого человека...

Трасса в очередной раз совершила резкий поворот.

– Ох, и хитрецы же были эти немцы, – размышлял Кирилл, – при строительстве своих дорог продумывали вот такие внезапные маневры для обмана авиации противника... Почти вплотную к асфальту шоссе стоят старые-престарые деревья, и практически на каждом километре на их ободранных стволах прибиты пожухлые венки в поминальных лентах... «Последние солдаты Вермахта»... – так называют в нашей области эти каштаны и липы...

Сзади с шумом напоззла многотонная груженная фура и пошла на обгон. «Давай, – подумал Кирилл, – газуй... А мне спешить и рисковать нельзя. Дорога влажная, а дела у меня – важные...». Фура, с развевающимися грязно-серыми обрывками брезента на бортах, ушла вперёд. Кирилл сбавил газ...

Вернувшись домой, он первым делом позвонил Виктору Анатольевичу, изложив ему результаты поездки и свои соображения.

– Весьма интересно, – ответил тот, выслушав подробный рассказ Ильина. – Я тоже сомневался в том, что Орлов всё тебе сразу расскажет... Значит, надо ехать в Германию,

загранпаспорт у тебя есть... Я попробую собрать данные об этом немце. Ты, Кирилл, жди моего звонка вечером...

Так они перешли на «ты». Ильин посчитал это добрым знаком.

Вечером Кирилл посетил дочь в больнице.

– Папа, ты когда поедешь за моим лекарством? – Леночке было плохо и от неприятной процедуры, и от одиночества с безысходностью, которые охватывали ребёнка сразу же, как только от неё уходили родители. Была она бледна и почти не улыбалась.

– Скоро, – вздохнул Кирилл, с нежностью держа в ладонях детские ручонки. – Наверное, послезавтра... Или днём позже...

– Вот и хорошо, – обрадовалась девочка. – А куда ты поедешь?

– Далеко, Леночка. В нашей стране такого лекарства нет. Поеду в Германию.

– А оно очень дорогое?

– Не думай о деньгах. Папа сказал – папа купит.

– И тогда я выздоровею?

– Обязательно, – улыбнулся отец. – А потом мы поедем на косу, к морю. Хочешь?

– Конечно, хочу.

– А что тебе ещё привезти из Германии?

Леночка задумалась.

– Главное, привези лекарство. А больше мне ничего не надо.

Подходя к дому, Кирилл обратил внимание на то, как заметно убывал световой день. Темнело теперь очень рано. Вот и сейчас, ещё нет и восьми вечера, а на город уже опускается чёрная вуаль ночи. У подъезда стоит какой-то человек. Видимо, не «местный», раз не может попасть в дом. Или просто кого-то ждёт. Кирилл открыл входную дверь и вошёл в подъезд. Мужчина двинулся следом. Кирилл не пользовался лифтом. Он жил на третьем этаже и считал, что ездить на лифте, особенно спускаться с такой высоты – недостойно для настоящего мужчины. Поэтому пошёл по ступенькам на свой этаж, слегка касаясь правой рукой перил. Человек тоже не стал дожидаться лифта и направился следом за Кириллом.

«Не очень-то приятно, – думал Ильин, – когда за спиной находится незнакомец, кого-то поджидавший у подъезда и который идёт следом за тобой словно конвоир, провожающий тебя на эшафот...»

Как ни старался Кирилл ускорить своё движение, расстояние между ними не увеличивалось. Бежать же через три ступеньки вверх он посчитал ниже своего достоинства. Зато приготовился к неожиданностям: мужик вроде нехилый, если нападёт, нужно молниеносно ответить... Последний же никаких признаков агрессии пока не проявлял. Вот и третий этаж. Ильин вышел на лестничную площадку и направился к своей двери. Незнакомец двинулся за ним. Остановившись у порога, Кирилл резко обернулся, в полной уверенности, что преследователь затеял с ним какую-то шутку... Но ни перед ним, ни поодаль никого не оказалось. Не было слышно ни шагов, ни скрипов, ни звука захлопнувшейся двери. Только полутёмное пространство лестничного пролёта. Только уходящая вниз череда ступенек... И – ни души.

Минуты две ошеломлённый Кирилл стоял возле своей квартиры, пытаясь понять, что же произошло. Куда испарился человек, который, как приклеенный, шёл за ним по пятам, находясь, буквально в двух шагах?

В смятении чувств Ильин открыл дверь и вошёл в прихожую. Сын бросился навстречу папе и недавнее наваждение, а вместе с ним и тревога, отошли на второй план.

– Скучал, сынок?

– Нет, папа, я играл в новую игру! А Лену скоро выпишут?

– Скоро, Игорёк. Вот папа съездит в Германию, привезет нужное лекарство и Лена будет здоровой!

– А что, в аптеке его нет?

– Таких лекарств нет во всей стране... Ну, ничего, достанем.

Он повесил куртку и снял обувь.

– А вот и Ксюша! – Ильин поднял просившуюся на руки кошку. Та прижалась к нему своей тёплой шерсткой и ткнула мокрым носиком Кирилла в щёку. «Ничего, – сказала она по-кошачьи, – будет и лекарство, будет и здоровье».

На душе сделалось гораздо легче. Через минуту Кирилл уже звонил Виктору Анатольевичу...

Некоторые люди сложно знакомятся, и еще труднее переходят на «ты», болезненно относятся к пристальному взгляду, панически боятся показаться смешными. Совершенно иным был Виктор Анатольевич: беседовать с ним - сущее наслаждение. Тут Ильину с собеседником просто повезло: редкое чувство понимания «с полуслова», резонанса, исключительной ненавязчивости! Когда у Кирилла возникала необходимость посоветоваться со старшим товарищем, прояснить или проверить свои еще не до конца оформившиеся и спорные мысли, он все чаще прибегал к помощи Борисова.

– Я всё разузнал, – ответил Виктор Анатольевич. – Помечай: немца зовут Вольфганг Раух. Он владелец геронтологической клиники в Гросс-Бризене. Запиши также его телефоны и адрес электронной почты... Созвонись, представься научным сотрудником... или лучше, как частное лицо... короче, придумай сам, напросись на встречу и поезжай. С Южного вокзала в Штутгарт в пятницу вечером отходит автобус-экспресс «Кёниг-Авто», тебе будет как раз по пути...

Вот, завертелось-закружилось... Отступать теперь нельзя. Ехать, значит, ехать!

В пятницу. Послезавтра.

На следующий день по ходу дежурства Кирилл оформил отпуск и пожелал Сергею Бурханову успешной самостоятельной работы.

Он списался с немцем ещё в среду вечером. Но сначала забрал супругу с работы, она обычно заканчивала в девять вечера, и обсудил с ней предстоящую поездку... Затем они с Верой составили текст сообщения на немецком языке и отправили его по Интернету прямиком в Германию. Мол, русскому врачу необходимо получить консультацию по вопросам замедления старения... Ответ пришёл уже на другой день. Был он краток и написан по-русски: «Приезжайте, буду рад увидеться и помочь Вам, чем смогу. Жду Вас в своей клинике...». Далее – адрес и телефон.

«Как всё просто» - в который раз мелькнула мысль.

В четверг ночью, в самом конце дежурства, вернувшегося с очередного вызова Кирилла, подозвал к себе Валерий Васильевич. На этот раз знаменитый шутник был серьёзен.

– Твой Муратов час назад умер...

Помолчали.

– Я вижу, что между вами что-то произошло... Он позвонил сам и очень просил, чтобы приехал именно ты. Но ты уже был на «вызове», поэтому послали меня. Обширный инфаркт...

– А на мобильник отчего-то не стал звонить...

– Ты дал ему свой номер?

– Да, я в последнее время приглядывал за ним...

– Ну вот, дед и отмучился...

– Жаль старика... Интересный был человек...

Пограничники вышли из автобуса и один из них – толстый рыжий немец с мясистым лицом и отвислыми, как у бульдога щеками, зевнул шире своей овчарки. Водитель закрыл двери и объявил:

– Товарищи, мы в Германии! – и нажал на газ.

Вообще, этот водитель, полноватый старичок, лет шестидесяти, был личностью весьма примечательной. Зато сменщик, парень лет тридцати, был его противоположностью. Если первый – шутник и весельчак, то второй был хмур и молчалив. Первый, находясь за рулём, постоянно напевал себе под нос песни, второго ничего кроме дороги не интересовало. А началось путешествие так. Когда автобус был готов к отправлению, пожилой водитель сел за руль и объявил:

– Добрый вечер, дорогие товарищи!

Пассажиры, настроившиеся на поездку, притихли. Слишком уж неожиданным и даже неуместным показалось им такое обращение.

– Добрый вечер, товарищи! – уже громче повторил водитель.

В ответ раздалось нестройное мычание, означающее, что пассажиры не разделяют такой водительский моветон, и своими возгласами выражают даже некий протест.

– Здравствуйте, товарищи, – в третий раз произнёс несносный старик и добавил: – Автобус никуда не поедет, пока пассажиры не ответят на приветствие!

Вот тогда, сквозь смех, и раздались ответные возгласы:

– Добрый вечер, товарищ водитель!

– Добрый вечер!

– Первая остановка – погранпост Мамоново! – провозгласил тот, и поездка началась...

Под утро автобус пересек границу с Германией. Польшу они проехали в темноте, когда почти все спали. Спали бы и дальше, если б не пограничный контроль. Проверка документов не заняла и десяти минут.

Кирилл тоже попытался вздремнуть, но сон не приходил. В сердце опять закралось чувство тревоги. Пытаясь как-нибудь вытеснить его, Ильин принялся рассуждать. Во-первых, что он скажет немцу? Выдавать себя за геронтолога, разумеется, глупо. Нет, он сразу перейдёт к делу: что Рауху известно о старинной немецкой книге? Нет, о докторе Иоганне Майбахе... Впрочем, есть выход! Надо показать немцу ту самую тетрадь, которую Ильину дал покойный Муратов. Глядишь, разговор и наладится... Совершенно ясно было только одно: с пустыми руками он отсюда обратно не уедет...

– Да, Пётр Петрович, смерть не обманешь...

Кирилл, как и все мальчишки, в детстве думал: скорей бы закончить школу... а немногим позже – академию... Теперь, – рассуждал Ильин, – мы начинаем считать дни до пенсии. А дальше-то что?! Финиш? Как нам научиться радоваться каждой минуте бытия,

всякому времени года, любой погоде? Он взглянул в окно и тут же отвернулся: темно, до рассвета ещё далеко. Посмотрел на часы – 3.15... Это - по-калининградскому времени...

Древние говорили: «Кто понял жизнь, тот не спешит». Но мы, – продолжал свои раздумья Кирилл, – не устаём вздыхать: «Скорей бы лето, отпуск, зарплата!» А если представить, что вдруг нам скажут: «ваши дни сочтены» и жить осталось, например, месяц или даже неделю... А ведь некоторым однажды именно так и скажут... или же они сами поймут... Что мы тогда станем делать? Спорить и скандалить – бессмысленно, бежать – некуда... Верить и надеяться на чудо? Можно, конечно, да только это редко помогает... Вот когда мы вспоминаем и жалеем о потерянном времени и упущенных возможностях! Только изменить, как правило, уже ничего не в силах...

Кирилл вздохнул. В ногах у него стояла сумка. В сумке был термос с кофе, который он и достал. Отвинтил крышку, влил в себя глоток, другой, третий...

Бессмертие... Вечная молодость... А вдруг это – реально? Необходимо воссоздать такой эликсир! Впрочем, глупо торопить события: сбывшаяся заветная мечта обычно приносит разочарования больше, чем радости. Всё удовольствие в самом процессе достижения цели. И чем труднее и опаснее путь к ней, тем интереснее жизнь человека...

Всё это так, но Леночку надо спасать. Каким же путём следует идти для достижения этой цели? Вообще, в природе существует два варианта развития событий.

Циклический ход судьбы, у которого нет ни начала, ни конца. Эти процессы запрограммированы кем-то свыше, возможно на генетическом уровне, и многие решают, что нет никакого смысла бороться с предначертанным. Все происходящее представляет бесконечное повторение поступков и ошибок, которые были всегда. Это значит, что проблема решится сама собой. Надо только вовремя увидеть подсказку и ухватиться за неё! Но что за скуотища – такая жизнь! А нерешённые, игнорируемые проблемы только накапливаются и становятся всё огромнее и болезненней.

Вторая ситуация – линейная траектория, у которой есть начало в виде мотива и конец в виде цели, намного предпочтительнее. Цель устремлена в будущее и побуждает к действию, духовному росту. Реализуя свои цели, мы достигаем того, что никогда бы не произошло по воле судьбы. При этом невзгодам и несчастьям не обязательно ставить жесткий блок. Намного мудрее от удара судьбы просто уклониться...

Ильин ещё раз глотнул обжигающий ароматный напиток. Внезапно припомнились происшедшие на днях два необъяснимых события: с появлением и исчезновением людей... «Неспроста это, – подумал он. – Или понемногу «крыша едет», либо... «одно из двух»... Логического объяснения этим чудесам у него не было...

– Вот так и становятся шизофрениками», – с тоской подумал Кирилл. – А если разобраться, мало ли ненормальных людей вокруг нас? Ходят, работают, общаются с нами... Ведь, по сути, все гении – личности с огромными странностями... А просто талантливые люди - поэты и писатели, врачи и инженеры, учёные? Ещё в академии им рассказывали, что среди этой братии полным полно... да что там мелочиться — большинство тех, по ком плачет психушка. Но все эти наваждения... Видимо, он прикоснулся к чему-то запретному, и теперь возле него тоже появился свой «ангел» или «бес», который время от времени предупреждает: смотри, парень, не ошибись...

Кирилл спрятал термос в сумку. Затем решил водрузить её наверх, привстал...

И в этот момент автобус резко тряхнуло. Раздался визг тормозов, душераздирающий скрежет металла об асфальт! Страшная сила крутанула Кирилла, он вывалился в проход и полетел на пол. Затем его потащило вперёд, в сторону водителей. По пути он больно

врезался головой в чей-то саквояж. Тут же другая сумка упала сверху ему на спину. И чьё-то грузное тело придавило ноги... Раздались крики. Пока никто ничего не понимал, но все были в ужасе! И тут случился удар, от которого оглушительно лопнуло лобовое стекло, автобус подпрыгнул, как раненый заяц, качнулся и начал переворачиваться. Люди, вещи, багаж, всё смешалось в одну кучу, которую начало трясти, крутить и давить...

Размышления шахматной фигуры – II

Я знаю: мы передвигаемся по чёрно-белым полям не по своей воле. Нами руководят высшие силы... Из иного, неведомого мира. Порой они заставляют нас делать ошибочные ходы, попадать в безвыходные ситуации, глупо умирать под вражескими ударами, подчас не принося никакой пользы своему королю...

Надеюсь, такие же силы руководят и теми, под чьей волей ходим мы... И они тоже не в силах совершать самостоятельного поступки. Все события уже кем-то predeterminedены...

Но мы-то возрождаемся каждый раз перед очередной шахматной батальей...

А они?

Глава 11. На войне как на войне

Из доклада старшего врача бригады № 30 на утренней конференции:

«В 15.20 из поселка Чкаловск госпитализирован пожилой мужчина с диагнозом: ишемический инсульт, общее переохлаждение. Накануне вечером в собственном доме пациент принимал ванну, во время которой почувствовал себя плохо: больного парализовало, и у него отнялась речь. Сын-пьяница позаботился о своем отце довольно необычно: спустил из чугунной ванны воду, накрыл больного полотенцем и отправился спать. А проснулся он только на следующий день после обеда...»

Странный старик появился ниоткуда, возник, словно «ёжик из тумана». Пристальный взор светлых глаз, длинные, седые пряди волос, блестящие, как медицинский шелк, спадали со лба... На губах играла лукавая улыбка...

– Осмотрись, дружок... – сказал он и обвёл рукой вокруг себя.

А там, за его спиной блестит на солнце залив! Вдали темнеют точки рыбацких лодок, вдоль берега – зелёные заросли осоки и камыша...

– Как я здесь оказался? – с трудом выдавил из себя Кирилл.

– Спешил, вот и оказался...

– Нет, мне не сюда... Я знаю, что не сюда...

– Успокойся, – по-отечески произнёс старик. – Присядь вот здесь, на камень... – Он взмахнул руками и развернул широкое покрывало, которое тут же было постелено на песчаный берег. Ильин с любопытством наблюдал за стариком.

– Будете показывать фокусы? – спросил Кирилл.

– И фокусы тоже... Узнаёшь?

И тут врач с изумлением обнаружил, что удивительный дед раскрывает шахматную доску. Ту самую, янтарную, подарок Муратова!

– Узнаю! Эти шахматы мне подарил один знакомый...

– Сыграем партию? – предложил седовласый фокусник.

– Да вообще-то я небольшой любитель... В детстве когда-то играл, да и то... не очень...

– Ничего. В детстве были другие мотивы, иные цели... Сыграем... Твой знакомый тоже это предлагал, и ты не отказывался... К тому же мне необходимо сказать тебе что-то очень важное. А сделать это удобнее всего за шахматной доской. Готов ли ты меня выслушать?

– Конечно... Простите, но кто вы?

– Я – просто старый профессор... А ты внимли, коль собрался разгадать мою тайну... Бесспорно, ты очень способный врач и жить тебе довелось в весьма просвещенный век, однако... Получив величайшие знания, твои современники утратили связь со своими предшественниками, забыли многие основополагающие истины. А без них наука становится шарлатанством, искусство превращается в ремесло. Это, как отсутствие крепкого фундамента, без которого любое здание может вскоре рухнуть. Прислушайся к самому себе: в твоём сердце не должно быть места гордыни, лжи, жажде наживы... Иначе всё, что сделают твои руки, будет приносить боль и страдания...

Помни: служа злу, тоже можно многого добиться, причём, довольно легко и быстро. Только всё, что обретишь на этом пути, однажды превращается в ничто. Такова цена успеха, достигнутого при помощи чёрных сил... А вот благие дела, напротив, требуют огромного терпения и самопожертвования. Нередко они обрекают человека на бедность и лишения, печаль, насмешки и презрение окружающих... но всегда переживают по времени своего творца... Не каждый готов к такой тернистой дороге, и тогда ему следует выбрать иную профессию...

Они некоторое время молчали.

– Думаю, что эти шахматы... – профессор покрутил в руках ферзя, – тоже умеют говорить. Они очень многое могут рассказать моим недругам, поэтому я заинтересован в том, чтобы они находились в добрых руках.

Старик подбросил на ладони янтарную фигурку:

– Одно из главных сокровищ Балтики – янтарь, алатырь-камень... Когда-то Тевтонский орден объявил сбор и торговлю «солнечным камнем» своей монополией и пойманному на месте «промысла» грозила смертная казнь. Во времена моей молодости существовала Янтарная присяга, а люди, принявшие её, были обязаны не воровать янтарь сами и отговаривать от сего «нечестивого занятия» всех прочих...

Кирилл очнулся и открыл глаза. То, что произошло минуту назад, он хорошо помнил. Случилась авария: автобус вынесло с трассы и бросило с пригорка на придорожные деревья. Сейчас, похоже, машина стоит на колёсах, но до этого она несколько раз перевернулась.

В его лицо упиралась подошва массивного ботика. На самом Кирилле лежало чьё-то тело. Здорово саднило грудь... Да, именно от удара в грудь он и потерял сознание...

По салону сквозил прохладный ветерок. Понятно: все стёкла выбиты. Темно... Чувствовалось, что автобус накренился на бок. Как долго он пробудет в таком неустойчивом положении? Вдруг он сейчас поползёт куда-нибудь в овраг или реку?

Некоторое время было тихо. Видимо, люди приходили в себя и пытались осознать происходящее. Ведь первое мгновение после удара боли не чувствуешь...

Затем со всех сторон раздались стоны и крики о помощи.

- Наденька! – громко звала молодая женщина. – Наденька, где ты?!
- Паша, ты жив?
- Ма-а-ама... – послышались детские всхлипывания.
- Ира, что с тобой?
- Ой, как же мне больно!
- У меня всё внутри горит...

Одни люди пытались кого-то успокоить, другие кричали от нестерпимой боли и страха. Человек, лежащий на Кирилле, не подавал признаков жизни. Ильин попробовал шевельнуть руками и ногами. С трудом ему это удалось. Однако каждый вдох и любая попытка изменить положение тела сопровождалась острой болью в правой половине грудной клетки. «Похоже, у меня сломано ребро, а то и два...» – мысленно отметил Ильин. Едва не теряя сознание от боли, он сделал попытку подняться, сдвинув в сторону лежащее на нём тело... Весь пол был завален сумками и пакетами, рухнувшими с верхних полок. Часть багажа валялась вперемежку с людьми. Кое-кто из пассажиров шевелился, другие лежали неподвижно. Рядом с Кириллом тоже кто-то тяжело дышал, пытаясь подняться на ноги. В разных концах салона вспыхнули экраны мобильных телефонов. По всему автобусу слышались стуки и шорохи, женский плач и мужская брань.

Тот, кто лежал на Кирилле, уже не дышал. В неярком свете нескольких телефонов, врач увидел, что у бедняги сломана шея.

Ильин, преодолевая боль, выпрямился, схватившись левой рукой за кресло. В лицо ударил свежий ночной ветерок. Сразу стало легче.

- Что случилось? Мы попали в аварию?
- Водители! Они убили нас!
- Сынок, очнись...
- Кому нужна медицинская помощь? – попытался перекричать этот гвалт Кирилл. – Я – врач!

Он не мог говорить громко, хотя и старался, но его все равно слышали. В ответ донеслись возгласы: «Да, нужна! Скорее ко мне! Слава богу!..»

– Граждане, я прошу всех успокоиться! Те, кто может передвигаться, выходят из автобуса через разбитые окна, — скомандовал он, — и помогают эвакуировать женщин и детей! Только, пожалуйста, очень аккуратно! Раненые остаются на местах – я сейчас всех осматрю...

- Доктор, подойдите ко мне! – раздался поблизости голос. – У меня что-то с рукой...

На ощупь протискиваясь между сиденьями, Ильин добрался до первого пострадавшего. Кто-то услужливо подсветил ему телефоном...

– Так, понятно: вывих плеча.... Успокойтесь, это – не опасно... Сейчас я зафиксирую плечо вашим брючным ремнем...

Он действовал спокойно и деловито. Началась его привычная работа.

Пострадавший вдруг застонал.

– Тихо-тихо, – успокоил его Кирилл. – Самое страшное уже позади. Старайтесь избегать резких движений... Так, кто у нас следующий?

Рядом на сидении женщина средних лет, по-видимому, с сотрясением головного мозга и резаной раной лба. Врач склонился над пострадавшей.

– Посветите сюда, – попросил Кирилл, осторожно приподымая ей веко. – Ничего серьезного... Позвольте ваш шарфик, сударыня, наложим давящую повязку...

Пассажиры, уцелевшие в этой «костедробилке» и отделавшиеся лёгкими травмами, а то и просто испугом, стали спешно покидать злополучный автобус. Но надо было собрать своё имущество. Возникла давка, слышались недовольные голоса. Кое-кто уже выбрался наружу.

– Осмотритесь там, ребята! Где мы находимся? Прочно ли стоим? Позвоните в службу спасения – «911» и попытайтесь им объяснить наше местонахождение!

Кто-то отошёл в сторону, другие совершили обход вокруг покореженного автобуса.

– Плохо дело. Оба водителя – без сознания. Один, похоже, успокоился навсегда...

– Принимайте раненых. Осторожно, не спеша...

– Автобус упёрся в дерево. Стоит прочно...

– Отлично, укладывайте раненых на траву. Постелите им что-нибудь...

– Мы – на трассу! Попробуем кого-нибудь остановить и попросить о помощи...

Двое начали подниматься вверх, на шоссе. Остальные, бросив свои сумки на землю, стали выносить раненых.

Кирилл продолжил свой обход. Вот, согнувшись в три погибели, стонет парень с тупой травмой живота... Девушка с носовым кровотечением... Станный мужчина в чёрном балахоне и диковинной широкополой шляпе утирает лицо носовым платком... «Почему я не видел его в автобусе прежде?..» – удивился Кирилл, присматриваясь к необычному пассажиру.

– Мой муж не дышит!!! – раздался вдруг истошный женский крик откуда-то с задних сидений.

Ильин, спотыкаясь о свалившуюся ручную кладь, бросился на этот голос. И действительно: молодой мужчина без сознания, дыхания нет, пульсация сонной артерии не определяется... Клиническая смерть!

– Отодвиньтесь! Помогите уложить его на пол!

Усилиями двоих человек удалось переместить пострадавшего на коврик, устилающий пол автобуса. Два вдоха – тридцать надавливаний на грудную клетку, снова - два вдоха и тридцать массажных движений... и еще... Контроль пульса... Ура, пульс есть! Да ты, парень, в рубашке родился... Фу... – выдохнул Кирилл, и только после этого вновь стал чувствовать собственную сильнейшую боль в груди, от которой у него зазвенело в ушах, и он сполз на днище автобуса...

– Э, доктор, да ты сам еде дышишь... – словно сквозь пелену тумана донеслось откуда-то из пространства...

– Кажется, у меня из руки кость торчит... – раздался голос-полусёпот слева.

– Дайте, осмотрю...

– Доктор, на-ка, хлебни коньячку... – кто-то заботливо протянул плоскую флягу, отвинтил крышку. Кирилл сделал глоток, поблагодарил. В голове немного прояснилось.

– Что тут у вас? – Да, открытый перелом... – У кого есть нож? Свитер придётся резать... Дайте и парню глотнуть коньячку, ребята...

Не прошло и часа, как приехали автомобили дорожной полиции и скорой помощи. К этому времени Кирилл, оказав помощь полутора десяткам пострадавших, сам едва стоял на ногах. Одного он вывел из состояния клинической смерти, четверым провел иммобилизацию переломов и вывихов подручными средствами, нескольких человек привёл в чувство, а двоим остановил обильное кровотечение... Ещё четверых пассажиров он оказался не в силах спасти...

Наиболее тяжёлые раненые, кто – сидя, а кто – лежа, разместились на траве неподалёку от автобуса. Чтобы они не замерзли, им подложили одежду, мягкие сумки, полотенца, словом, всё, что могло пригодиться в качестве подстилки... Над ранеными склонились немецкие медики. Появились санитары с носилками. Полиция, между тем, пыталась разобраться в причинах страшной аварии...

Ильин подошёл к пришедшему в сознание водителю, тому самому дедушке-шутнику. Он сидел на чемодане, опираясь спиной о колесо автобуса. Его допрашивал господин в полицейской форме, переводчиком служил невысокий человек в штатской одежде.

– Значит, едем мы... Только границу пресекли, и двадцати минут не прошло... Я, как раз собирался вздремнуть. За рулём – мой сменщик, Лёнька...

– Пожалуйста, вспомните все предельно точно... – просил переводчик с едва заметным акцентом.

– Дайте отдышаться, – проговорил пожилой водитель. – То, что случилось, с трудом укладывается у меня в голове...

Офицер полиции что-то произнёс.

– Судя по следу шин, вы резко вывернули руль и нажали на тормоз, – перевёл его слова господин в штатском. – Вам кто-то перебежал дорогу? Животное? Или вас кто-то «подрезал»?

– Да... – произнёс несчастный шофёр. – Перед нами появился человек... По-моему, мы сбили его!

– Вы не ошибаетесь? – спросил переводчик. – Нами не обнаружено следов ни человека, ни животного. На автобусе тоже нет никаких следов удара... Возможно, вам просто померещилось?

– Одному могло померещиться, но не двоим... Дорога была свободна... И вдруг он появился прямо перед нами! Я успел крикнуть, а Лёня – по тормозам и руль в сторону!.. – старик зашмыгал носом. – Откуда он появился, ведь шоссе было пусто!

– Das Gespenst (12) ... – пробормотал полицейский.

Тут Кирилл качнуло, и он упал бы, если б его не поддержали чьи-то руки. Вовремя подоспели немецкие коллеги. Офицер полиции сразу переключил свое внимание на Ильина.

– Wer ist das (13)?

– Das ist russisch Arzt! (14) – ответил кто-то рядом с Кириллом.

– О-о-о!... – выдохнул офицер, сделал шаг к Ильину и пожал ему руку. – Die ausgezeichnete Arbeit (15)! – Он улыбнулся Кириллу и слегка поклонился. А Ильин поморщился от боли.

– Вам самому необходимо оказать помощь, – сказал кто-то из немцев по-русски. – Пройдёмте в машину, мы сделаем вам обезболивающую инъекцию...

– Да-да, - согласился Кирилл.

В машине ему ввели анальгетик и помогли надеть куртку.

– Вы едете в гости? – у медиков тоже был свой переводчик. Видимо, сказывалась близость границы, где переводчиков, в том числе со знанием русского языка, хоть пруд пруди. А спрашивал Кирилла молоджавый фельдшер, быстро и легко манипулирующий шприцом. – Или просто на экскурсию?

– У меня деловая встреча, – ответил Кирилл. Подумал и решил, что будет нелишне добавить: – С доктором Раухом. В его клинике в Гросс-Бризене.

– О, это далеко. И вам лучше не пользоваться общественным транспортом. Если вы не возражаете, мы свяжемся с господином Раухом и что-нибудь придумаем... У вас есть номер его телефона?

Через несколько минут Кириллу объявили:

– Господин Раух будет рад видеть такого... прекрасного врача и человека долга у себя в гостях. Мы рассказали ему о вашем... профессиональном подвиге и доктор оказался весьма растроган... За вами уже вышла машина... Или вы предпочитаете вертолёт?

Из сообщения информационного агентства РИА Новости: «...Вчера около 3-х часов ночи на трассе Гданьск-Берлин потерял управление, вылетел в кювет и перевернулся экскурсионный автобус с российскими туристами из Калининграда... Четыре человека погибли, два десятка получили ранения разной степени тяжести. По предварительным данным, водитель уснул за рулём... Благодаря чёткой и слаженной работе немецких спасателей, удалось избежать большего количества жертв. Всем пострадавшим в аварии оказана необходимая медицинская помощь...»

Размышления шахматной фигуры – 12

Как спокойно шахматное поле битвы пред началом сражения, и как оно бурлит и бушует в ходе баталии! В начале это – тихие чёрно-белые квадратики, безмятежная гладь между двумя армиями. А в миттельшпиле – это уже рычащее и грохочущее столпотворение! Беспощадная резня!

Убитые покидают поле битвы, оставляя его живым...

Но, при этом... Хотя количество фигур уменьшается, но свободного места становится всё меньше!

Парадокс? Не шахматное это слово, но очень может быть...

Глава 12. Методы борьбы со старением

«Министр здравоохранения Калининградской области ответил на вопросы газеты «Вечерний трамвай» и его читателей.

– Правда ли, что с городской станции скорой помощи уволились около 90 сотрудников?

– Несколько человек оттуда действительно ушли. Но дефицит кадров есть везде, во всех медучреждениях по всей России.

Кстати, как работает наша «Скорая помощь», я испытал на себе. У меня гостил внук, ночью температура поднялась до 40, мы вызвали «скорую». Она приехала через 10 минут, ребёнку не стали делать никаких инъекций, просто дали рекомендации. Утром я отправился в аптеку, купил таблетки. И всё! Я считаю – сработали быстро и профессионально».

«Настоящие немцы – аккуратисты и педанты, – думал Кирилл. – Этим они избавляют себя от суеты, проволочек и излишней нервозности. Всё-то у них просто: сказал – исполнил... Почему же у нас всё по-другому?» Он не поверил, что вот так, сделав всего один

звонок, можно решить проблему. Но, как оказалось, ошибся: доктор Раух сразу перезвонил кому-то из водителей, возможно, находящемуся на дежурстве, и машина, выехав откуда-то из пригорода Берлина, через полчаса уже была на месте дорожно-транспортного происшествия. И все это – глубокой ночью!

Кирилл не сразу понял, что водитель, остановивший машину на обочине, опустивший стекло и выкрикнувший: «Doktor Pjin! Doktor Rauch!», зовёт именно его. Времени на улаживание различных формальностей с дорожной полицией ушло тоже совсем немного и вот, Ильин уже сидит на заднем сидении «Мерседеса», спокойный и расслабленный, и размышляет сквозь сон о несомненных достоинствах немецкой нации.

– Циезар? Гросс-Бризен? – на всякий случай переспросил он шофёра, когда усаживался в автомобиль.

– Ja-ja! Zum Doktor Rauch (16)! – с улыбкой ответил немец.

«Как всё странно складывается! Случилось несчастье с Леночкой и вскоре – столь необходимое знакомство с патологоанатомом Борисовым... Неудача с Орловым, казалось бы, должна выбить меня из колеи, ан нет, тут же удалось списаться со специалистом из Германии и даже выехать к нему на переговоры! Катастрофа в поездке, но я – жив, хоть и ранен, и еду к доктору Рауху, который, по его словам, будет рад встретить меня лично! А главное – я уверен, что найдётся эта замечательная книга и удастся создать волшебный эликсир... Ладно, пусть не волшебный, пусть не совсем эликсир... А необходимое средство, которое спасёт мою дочь!»

Иногда Кирилл погружался в дремоту, порой пробуждался и глядел на огни проплывающего справа Берлина.

– Bitte, schlafen Sie (17)! – заботливо произнёс шофёр, видя, как его пассажир борется со сном.

Кирилл его понял.

И всё-таки следует выбрать тактику поведения. Нельзя сразу брать «быка за рога», иначе Раух может превратиться из доброго и отзывчивого человека в настороженного и недоверчивого хранителя семейных тайн... В цепного пса.

Мысли русского врача вновь замелькали вокруг легенд о чудодейственном эликсире. Кириллу было известно, что предания многих народов упоминают про «эликсир бессмертия», который вкушали их божества. Во всех странах его называли по-разному. Боги древних греков употребляли дарующую им вечную жизнь амброзию, индийские боги – амриту, боги иранцев – хаома, боги Древнего Египта – воду бессмертия. До нас дошел рецепт эликсира бессмертия, составленный личным врачом папы Бонифация VIII (18): следовало измельчить и смешать золото, жемчуг, сапфиры, изумруды, рубины, топазы, белые и красные кораллы, слоновую кость, сандаловое дерево, сердце оленя, корень алоэ, мускус и амбру... «Ах, если бы все было так просто! – сквозь сон размышлял Кирилл. – Темнят что-то древние мудрецы... Да и как не темнить? Всё, что им посчастливилось создать, как и то, что не удалось, всё это должно храниться в глубочайшей тайне...»

Сон его всё-таки сморил. Но ненадолго. Ещё не начало светать, когда машина прибыла к месту назначения. Едва «Мерседес» остановился, как Кирилл тотчас пробудился. Он сразу понял, что приехал во владения доктора Рауха. Водитель вышел из машины и поздоровался с кем-то, спешащим навстречу. С правой стороны автомобиля открылась дверца, и в салон заглянула миловидная женщина лет пятидесяти:

– С прибытием, доктор Ильин, – приветливо улыбаясь, произнесла дама на чистейшем русском языке. – Вольфганг Раух будет рад вас видеть!

С большим трудом, преодолевая боль, Кирилл выбрался из машины. Тут же к нему подбежали люди, поддержали за руки.

– Спасибо, я сам, – вымученно улыбнулся Ильин.

Подошёл высокий, статный господин и что-то произнёс по-немецки, протягивая Кириллу свою крепкую руку. В его взгляде читалось беспокойство о состоянии гостя.

– Это и есть доктор Раух, – пояснила женщина. – А я – его супруга Марина. Я – русская, поэтому буду переводить вам слова мужа, а ему – ваши. – Она опять улыбнулась. – Вольфганг знает, что с вами случилось и постарается помочь... Давайте, пройдем внутрь дома, там для вас приготовлена комната. А все вопросы будем решать после отдыха. Вы не возражаете?

Кирилл взглянул на Рауха. Симпатичный господин сделал знак следовать за ним. Дружелюбная улыбка не сходила с его губ. Был он немного выше Кирилла, голова его была почти полностью лысой, разве что на висках и затылке ещё серебрились остатки волос. На вид немецкому доктору можно было дать лет 65.

Ильин осмотрелся. Машина стояла возле забора трёхэтажного особняка. Ворота были распахнуты. Над ними красовалась вывеска с названием заведения. Марина тут же пояснила:

– Это и есть клиника доктора Рауха и его штаб-квартира. Заходите, просим вас...

За забором росли стройные туи, вымощенная плиткой дорожка, по краям которой выстроились кусты роз, вела прямо к крыльцу. Вся прилегающая к зданию территория ярко освещалась фонарями.

Ближе к полудню состоялся врачебный консилиум. Состояние Кирилла пока не вызывало опасений, однако требовало серьезного лечения.

– Боюсь, мне не удастся в ближайшее время организовать вам экскурсию по моей клинике, – с сожалением произнёс доктор Раух. – Вам нужен покой, и я вам его обеспечу. Минимум нагрузок и резких движений, две недели спокойной, размеренной жизни, и вы будете в полном порядке... Подумать только, в таком состоянии... вы спасали людей...

Марина постоянно находилась при муже. Все его высказывания она немедленно переводила Кириллу. В свои пятьдесят, а, возможно, даже с небольшим симпатичным «хвостиком» лет, она производила довольно приятное впечатление, и была очень внимательна, несмотря на подчеркнuto строгий и деловой вид.

Лечение решено было провести здесь же, в клинике. Когда врачи удалились, Ильин, постанывая, оделся и погрузился в глубокое, но удобное кресло. В окно настойчиво «ломился» солнечный свет. В здании царил непривычная для русского уха тишина. Отведенная Кириллу комната больше напоминала госпитальную палату или, точнее, гостиничный номер. Впрочем, и то, и другое не совсем соответствовало данному описанию. Было в ней какое-то неуловимое своеобразие, которое отличало её и от палаты, и от номера. Высокие потолки с резной лепниной, роскошная люстра, возможно, из настоящего хрустала... Широкое окно с лёгким тюлем и плотными гардинами... Огромные напольные часы, которые, кряхтя и постанывая, иногда нарушали патриархальную тишину заведения доктора Рауха. В углу справа от окна – большой телевизор, с другой стороны – компьютер. Справа от входной двери – книжный шкаф. Рядом с ним на тумбочке – музыкальный центр. На полу постелен мягкий ковёр. И – всегда к услугам – кнопочка вызова персонала.

– Мне бы не хотелось демонстрировать свою неучтивость и загружать вас деловыми вопросами... – Раух присел в соседнее кресло. Его супруга заняла место рядом с мужем. –

Последние события немного выбили вас из колеи, не правда ли?.. Впрочем, не отвечайте, я же вижу, что вам нелегко. Вам, наверное, и говорить тяжело, а я докучаю своими вопросами?

– Нет-нет, что вы, – ответил Кирилл. – Я себя чувствую не так уж и плохо. К тому же сам имею большое желание поговорить с Вами.

– Вы, насколько я помню из вашего письма, стали свидетелем необычного... эксперимента с омоложением организма и возвращением жизненных сил... посредством применения старинного эликсира... – Кирилл кивнул. – Позвольте вам заметить, что подобные бальзамы и эликсиры – весьма распространённые в старину средства для отдаления старости и продления жизни. Но... принято считать, что их эффективность весьма и весьма преувеличена, я бы даже сказал – сомнительна... – было видно, что Раух старается не обидеть своего коллегу неверием в действенность препаратов, придуманных средневековыми алхимиками.

Он сделал паузу, словно чего-то выжидая. Ильин молчал.

– Впрочем, я рад, что вы не перебиваете меня и не пытаетесь на повышенных тонах доказать свою правоту и моё... заблуждение, – он улыбнулся. – Мне импонируют спокойные и молчаливые люди, – продолжал немецкий врач. – Под такой скромной «обёрткой» обычно скрываются опыт и мудрость. Болтуны и крикуны, как правило, – бездарные и безынициативные люди, не способные на серьёзную и вдумчивую работу. На них ни в чём нельзя положиться...

Затем доктор Раух перешёл собственно к медицине.

– Мы, в наших воззрениях на геронтологию, идём другим путём. Мы рекомендуем нашим пациентам заниматься лечебной физкультурой, самомассажем, аутотренингом, дыхательной гимнастикой, соблюдать диету... Кстати, собирать лечебные травы можно совершенно бесплатно в удобное время и в удобном для пациентов месте. Сочетая полезное времяпровождение с активным отдыхом и общением с природой, что тоже немаловажно. Ну, а тем, кто ленив или занят более важными делами, придется, со временем, поручить заботу о своем драгоценном здоровье фармацевтам и соответственно оплачивать их усилия. Как пишет в своей книге «Медицина и время», ваш профессор Эльштейн: «Пора перестать говорить только о праве людей на здоровье. Не может быть права без обязанностей и ответственности за его сохранение».

– Значительное количество больных, – продолжал Раух, – не желает прилагать никаких самостоятельных усилий, чтобы улучшить собственное здоровье. Они почему-то полагают, что заботиться о нем обязан кто-то другой, на кого можно было бы при случае переложить всю ответственность за свои страдания. Эти люди не желают понимать, что болеют они не по вине врачей, а потому, что собственной пассивностью, злоупотреблением табака и алкоголя, чрезмерным или некачественным питанием, негативными эмоциями, иными словами – легкомыслием, невежеством и ленью превратили своё тело в руины, полностью восстановить которые подчас не представляется никакими методами, ни в какой стране мира и уже ни за какие деньги. Таких больных можно лечить, но практически невозможно вылечить.

– Справедливо считается, что успехи медицины могут увеличить продолжительность жизни всего лишь на пять лет, устранение отдельных воздействий внешней среды – до семи лет, а ведение здорового образа жизни – на двадцать лет! – добавила Марина от себя лично.

– Как видите, положение не безнадежное, и мы способны значительно продлить жизнь нашим подопечным, если пассивному созерцанию они предпочтут активные и целенаправленные действия по уменьшению скорости развития симптомов старости. Всё это

лежит в основе тех методик, которые мы предлагаем нашим пациентам. Что же касается эликсиров, чудесным образом продлевающих жизнь и исцеляющих все недуги, то их, насколько я знаю, не существует. Хотя, вполне возможно, что я ошибаюсь...

Он с интересом взглянул на Кирилла, пытаясь определить его реакцию. Тот по-прежнему был невозмутим.

– Месяц назад я тоже так думал, уважаемый доктор... Пока не повстречал человека, долгое время принимавшего некий эликсир... И неизвестно, как бы сложилась его судьба, если б это снадобье осталось в сохранности...

– Стало быть, эликсира уже нет и ваш... знакомый...

– Да, он умер два дня назад.

– Мне очень жаль...

– Скажите, доктор, вам о чём-нибудь говорит имя Иоганн Майбах? Не вы ли вывезли из России его «Исповедь», книгу – вашу семейную реликвию?

Марина машинально перевела его слова и вдруг, словно очнувшись, вопросительно и даже как-то виновато взглянула на мужа. Мол, это он сам спросил, я только перевела...

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Люди молчали, кресла не скрипели, часы не осмеливались издать ни звука.

– Вот вы о чём... – нарушил тягостное молчание Раух. – То-то я гляжу, что у вас к геронтологии имеется особый интерес. Нетрадиционный...

– Если говорить начистоту, то меня волнует не столько эта отрасль медицинских знаний, сколько рецепт одного эликсира, созданного Иоганном Майбахом... Не подумайте, что я пытаюсь извлечь какую-то выгоду лично для себя. Просто, сейчас это – единственное средство, которое может спасти мою дочь...

Супруги Раух переглянулись. Муж словно вопрошал её о чём-то, а жена как будто молила: «Да!»

– Вот оно что, – после паузы, глубоко вздохнув, произнёс немец. – Вы откуда-то узнали про чудодейственный эликсир моего предка... и решили его воссоздать для спасения вашей дочери?

– Во-первых, результат действия этого эликсира я наблюдал собственными глазами. Человек, который его принимал, прожил почти сто тридцать лет и сохранял при этом прекрасную память и внешний вид. Лишь утрата эликсира привела к тому, что старость взяла над ним верх... я бы сказал – ворвалась и уничтожила его. Во-вторых, у меня есть документальное подтверждение того, что этот эликсир был создан... Я бы мог и сам его изготовить, но меня смущает отсутствие сведений об одном из его компонентов...

– О, это уже более предметно...

– Марина, вас не затруднит подать мне сумку? – обратился Кирилл к переводчице. – Мне, боюсь, не встать из этого кресла... Благодарю вас. Вот, уважаемый доктор, взгляните на эту книжечку. В ней вы найдёте много интересных сведений о жизни вашей... семьи.

Раух осторожно взял в руки старинную тетрадь, военный трофей Петра Муратова, водрузил на нос очки...

– Поразительно! – воскликнул он, едва раскрыв рукопись. – Это та самая книга, которая пропала во время войны в Кёнигсберге! Точнее, пропали две, но одну удалось найти и вернуть!

– Читайте, что и вторая книга тоже к вам вернулась.

Теперь пожилой немец взглянул на Кирилла не только с уважением, но, пожалуй, даже с восхищением.

– Сам Бог послал мне вас, доктор Ильин!

– На страницах этой рукописи вы найдёте описание эликсира. Единственное, что меня смущает, так это – упоминание о некоей матрице. Но о ней сказано в той книге, которую вы вывезли из Калининграда...

– О, матрица! – закивал головой доктор Раух. – Да, книга действительно к нам вернулась и она здесь... Но, прошу вас мне поверить, что это обошлось без моего участия...

– Как же так? – не понял Кирилл. – Человек, забравший раритет, назвался вашим именем, предъявил ваши документы... В противном случае, разве я смог бы вас разыскать, как вы думаете?

– Ну-ну, успокойтесь, – загадочно улыбнулся немецкий врач. – Согласен, дело действительно непонятное. Но я не был в России уже более десяти лет... – Марина подтвердила его слова кивком головы. – Для меня самого загадка, откуда взялась та книга... Представляете, я получил посылку от неизвестной организации... какого-то фонда... А когда раскрыл её, то обнаружил «Исповедь» своего предка, доктора Майбаха! И не спрашивайте меня, я до сих пор не знаю, кому должен выразить свою глубочайшую признательность!

– Так мы сможем, имея на руках обе книги, приготовить этот эликсир? – наконец, задал свой главный вопрос Кирилл.

Ответ последовал с некоторой задержкой.

– Я и сам пытался создать нечто подобное... Но, увы... Мне не хватало самой малости... – Раух с нежностью погладил тетрадь. – Всё-таки, мой предок был настоящим умницей... А теперь я уверен, что мы... надеюсь, что и вы примете участие в этом великом... эксперименте, добьёмся настоящего результата... Мы возродим этот эликсир!

ЧАСТЬ III. Эликсир благополучия

Размышления шахматной фигуры - 13

Какие мотивы у тех, кто двигает нами? Не верю я, что для них это просто игра. Может быть, для них шахматная баталия – тоже судьбоносное событие? А если так, то пусть кто-то, стоящий над ними (не сомневаюсь, что такие есть!), также поиграют их жизнями и судьбами.

Возможно, у них там свои фигуры...

И пешки, мнящие себя ферзями...

И короли, не способные перемещаться ходя бы на два поля...

Глава 13. Теряк, как средство от морщин

Из записной книжки Валерия Васильевича, раздел «Счастливое» детство:

«...Сегодня нас вызвала охрана супермаркета «Вестер». В товарной тележке родители «по ошибке» забыли годовалого мальчика, а все свои покупки отнесли в машину и уехали...

...На улице Сибирякова пьяная мать выбросила пятимесячного младенца с третьего этажа. Малыш упал в цветочную клумбу и, на удивление, получил лишь лёгкие травмы. Женщина с места преступления скрылась...

...Другая «мамаша» (для того, чтобы ребенок не плакал) напоила своего грудничка водкой из бутылочки с соской... и бросила на футбольном поле стадиона «Пионер», а сама пьяная уснула на трибуне. У малыша тяжелое алкогольное отравление и разрыв уздечки верхней губы. Очевидно, спиртное заливалось в рот насильно...»

Цезарь – крошечный городишко в земле Бранденбург с населением всего около трех тысяч человек. Гросс-Бризен – небольшая деревушка, тихий и уютный уголок Германии. Особых достопримечательностей здесь нет. И всё же Кириллу очень хотелось пройтись по тихим улочкам старинного городка, прочувствовать его патриархальный уклад и попытаться понять старческую задумчивость. Но супруги Раух сдерживали такие «туристические» порывы Ильина, справедливо полагая, что за выздоровление русского доктора несут ответственность именно они, и позволяли последнему лишь небольшие, лёгкие прогулки по территории клиники.

Немецкий доктор был рад рассказать русскому коллеге о своих успехах и проблемах, показать имеющуюся в наличии аппаратуру, кабинеты, палаты и лаборатории. Этим они и занимались в течение трёх дней с момента приезда Кирилла в Германию.

Медперсонал клиники обслуживал десяток пациентов, прибывших на курсы оздоровления. Доктор Раух внимательно следил за ходом выполнения процедур, за их результатами, давал указания и советы. Кирилл с интересом наблюдал за работой немецких медиков. Попутно обсуждался и главный вопрос – создание эликсира здоровья и долголетия. Доктор Раух с улыбкой сознался, что проблема изготовления подобного снадобья занимала его всю жизнь, но, поскольку решить её так и не удалось, то постепенно он увлёкся геронтологией как наукой, где пациент «помогает себе сам». Причём, не дожидаясь наступления преклонного возраста и сопутствующей ему дряхлости, а откладывая этот факт как можно дальше по времени.

Во второй половине дня они обычно усаживались в комнате Кирилла, Раух доставал свои «фолианты», отставлял в сторону любимую тросточку, с которой не расставался в ходе перемещения по территории клиники, и начиналось чтение самых интересных мест из старинных источников знаний. Кирилл обратил внимание на то, что трость эта выглядит весьма изысканно: гладкое тёмное дерево и рукоять из янтаря, обвитая золотой змейкой.

Из первой книги (вывезенной таинственным образом из Калининграда) русский врач узнал об интересных подробностях жизни предка Вольфганга Рауха – Иоганна Майбаха, о его великом учителе Вильгельме Пильце, о научных поисках молодого врача, его необыкновенных открытиях и постоянных угрозах со стороны могущественного Ордена иезуитов... Часто совместные чтения прерывались беседами и обсуждением состава чудодейственного эликсира. Или просто разговорами о проблеме отдаления старости.

– Сведения о продолжительности человеческой жизни, – любил поразмышлять немецкий доктор, – в различные исторические периоды скудны и неточны. Изучая останки людей каменного века, учёные пришли к выводу, что первобытное общество было обществом без стариков.

– Известно, что в те далекие времена редко кто жил более тридцати пяти лет, – в ответ ему кивал головой Кирилл.

– Вы правы, коллега. Так вот... С древних времён люди тщетно искали чудодейственные растения, источники и другие омолаживающие средства... Вот, например, Гильгамеш – герой одного из самых первых эпосов, созданного жителями Шумера, отправлялся на опасные поиски таинственного цветка, дающего бессмертие... В древнеиндийском эпосе «Махабхарата» упоминается сок дерева, способного продлить жизнь людей на тысячи лет. А римский писатель Элиан рассказывает о деревьях, плоды которых способны возвращать утраченную молодость. Жители Африки, народы Америки и Азии... они создавали легенды о воде «вечной жизни»... Видите, у нас с вами целая плеяда предшественников!

Доктор Раух рассказывал о правителях Ближнего Востока и Европы, которые, чувствуя приближение старости и пытаясь предотвратить увядание организма, прибегали к варварским методам, выпивая бокалами свежую кровь молодых женщин или детей и принимая ванны из их крови. Отмечал, что папа Иннокентий VIII умер после того, как ему с целью омоложения ввели кровь трех юношей.

В тот день они втроём также сидели у Кирилла. В разговоре возникла пауза и Марина распорядилась, чтобы принесли кофе.

– А хотите коньячку? – смешно поднял брови немецкий врач. – Время вечернее, не грех выпить... за русско-немецкую дружбу!

Все рассмеялись. Предложение было принято.

– Немало «эликсиров бессмертия»... или «эликсиров вечной молодости» составляли алхимики, – сказал доктор Раух, – но всё это было напрасно – желаемого эффекта не наступало...

– Да, – с улыбкой подхватил Кирилл. – Иногда рюмка хорошего коньяку помогает гораздо эффективнее вышеназванных эликсиров.

Далее доктор Раух все больше стал напоминать профессора на кафедре. Он рассказал об английском астрономе Э.Галлее, впервые предпринявшим попытку научного изучения продолжительности жизни человека ещё в XVII веке. А Кирилл с тоской думал о России: накануне третьего тысячелетия официальные источники сообщали, что средняя продолжительность жизни российских мужчин составляет 58 лет, а женщин – на 13 лет больше. «Как вам такая статистика?» – чуть было не спросил он немца.

– Известно, – продолжал «лекцию» доктор Раух, – что продолжительность жизни биологического вида приблизительно равняется времени развития особи от рождения до взрослого состояния, увеличенному в 7-14 раз. Таким образом, человек должен жить не менее ста пятидесяти лет! Приходится согласиться с мудростью Сенеки, сказавшего, что «искусство продлить жизнь – это искусство не сокращать ее»!

Но вернёмся к нашим баранам... Иоганн Майбах не зря разбил описание рецепта эликсира на несколько частей, которые хранил в разных книгах... Он не хотел доверять свою тайну случайным людям! Но кто очень желает – тот найдёт... К тому же, иногда мой предок намеренно вводил читателя в заблуждение, описывая заведомо ложные составы... Мне удалось определить два основных компонента: это - заряженная матрица и териак!

Он сделал паузу, наблюдая за реакцией Кирилла.

– То, что вы нашли, коллега, это как раз «знания, уводящие от истины». Я говорю об ингредиентах спиртовой настойки. Но то, что в ней следует растворить матрицу – это верно. А в той книге, что была у меня, о матрице умалчивалось... Лишь в одном месте упоминается два варианта её создания. И в другой главе – как правильно её зарядить...

– Но почему при создании эликсира жизни в качестве основы был выбран именно териак? – удивился Кирилл.

– Да потому что в нём уже есть всё необходимое человеку для борьбы со старостью и смертью! В его рецептуру долгие века, можно даже сказать, методом «научного тыка», подбирались самые важные для здоровья компоненты... Вы только посмотрите на состав – почти семьдесят ингредиентов, которые представляют практически весь спектр веществ минерального, растительного и животного происхождения! Глядя с позиций современной медицины – это полный набор микроэлементов, витаминов и аминокислот, уникальных ферментов и даже гормонов!

– А чем заряжается матрица? Я неоднократно слышал об «энергии жизни»... Не ею ли? – задал очередной вопрос Ильин.

Доктор Раух поднялся из-за стола.

– Драгоценная моя Марина... – он поцеловал её руку – Не устала ли ты переводить? Молодому человеку необходимо прочесть маленькую лекцию...

– Охотно, милый. У тебя очень благодарный слушатель.

– Хорошо. Видите ли, Кирилл... В природе многие химические вещества встречаются в двух своих изомерах... назовём их для упрощения восприятия – «правыми» и «левыми». Дело в том, что молекулы зеркально симметричны, как левая и правая ладони. С зеркальной симметрией предметов мы сталкиваемся постоянно. С одной стороны, вещи, безусловно, похожи. С другой,... если вы попробуете мысленно совместить их в пространстве, то поймете, что это невозможно.

Почти все природные белки состоят только из «левых» аминокислот. Этот факт тем более удивляет, что при синтезе аминокислот в лабораторных условиях образуется примерно одинаковое число правых и левых молекул. Оказывается, этой особенностью обладают не только аминокислоты, но и другие важные для живых систем вещества, причём, каждое имеет строго определенный знак зеркальной симметрии во всей биосфере. Например, сахара, входящие в состав нуклеиновых кислот ДНК и РНК, представлены в организме исключительно правыми D-молекулами.

Доктор подошёл к часам, с полминуты постоял возле них, посмотрел на циферблат, собираясь с мыслями, затем продолжил:

– Хотя физические и химические свойства «зеркальных антиподов» нередко могут совпадать, их физиологическое воздействие на живой организм сильно различается. Ну, например, L-сахара просто не усваиваются, но некоторые изомеры других, совершенно безвредных веществ оказывают разрушительное действие на ткани и организм в целом.

Так, D-форма аминокислот обычно сладкая на вкус, а L-форма может быть горькой. Поэтому отличается запах листьев перечной мяты и семян тмина, содержащих один и тоже субстрат - карвон, представленный у них в L- и D- формах соответственно...

С точки зрения фармакологии, создавая химическим путем новое лекарственное вещество, мы одновременно получаем смесь двух зеркальных изомеров примерно в равных частях. Эта смесь содержит как полезные, так и вредные изомеры для нашего организма. Взять хотя бы препарат этамбутол: один его изомер используется при лечении туберкулёза, другой вызывает слепоту. Или напроксен, один изомер которого лечит артрит, но другой - вызывает отравление печени...

Поэтому, дорогой коллега, не стоит покупать в аптеке витамины, созданные синтетическим путем. Я, например, использую в работе исключительно натуральные препараты растительного или животного происхождения, ибо природа не продуцирует

«вредных зеркальных» молекул. Если аминокислоты, то только «левые», если сахара, то только «правые».

Но давайте вернемся к вопросу об «энергии жизни»... То, что она существует – не вызывает никаких сомнений, и я даже понял, как она воздействует на наш организм!

Вот представьте, что у некоторых белковых структур наших тканей, отвечающих за выведение шлаков и прочих продуктов старения, есть некий сачок... или воронка в форме перчатки, которая способна захватывать опасные токсины. Если перчатка «правая», то есть, предназначена для правой руки, то она улавливает лишь часть этих ядов, а если – «левая», то блокирует совсем другой вид изомеров. В любом случае – половина рецепторов обычно отдыхает, когда остальные могут не успевать ликвидировать опасные угрозы для организма. Так вот, «энергия жизни» делает их универсальными «стражами». А «энергия смерти», напротив, превращает нашу защиту в слепую и немощную.

– Правая и левая... энергии... – пробормотал Кирилл.

Доктор Раух кивнул и продолжил:

– Это первая из причин, объясняющая, почему «энергия жизни» может превратить вещество-матрицу в эффективное лекарство, а «энергия смерти» – в страшный яд, переориентируя его молекулы «наоборот».

Во-вторых, я убеждён, что заряженная «энергией жизни» матрица способна влиять на молекулы других фармакологических средств, которые сразу же включаются в процесс синтеза целебных изомеров в организме больного человека! Другое дело, что данные мощные стимуляторы не могут в таком виде и таком количестве быть усвоены нашим организмом. Только «энергия жизни» может помочь реализовать весь их мощный омолаживающий потенциал и, значительно его усилив, направить в нужное русло! Такова моя теория...

После этих слов, доктор Раух вновь занял место за столом.

– Я предлагаю вам принять участие в совместной постановке серии научных опытов, доктор Ильин... Я знаю, что вы за этим сюда и приехали. У меня нет готового снадобья, но рецепт, я думаю, у нас уже есть, – он кивнул на книги, лежащие на столике. – Боюсь, что испытывать его нам придётся на себе... «Энергия жизни» – человеческая. На крыс и собак она может подействовать как-то иначе.

– Я готов, доктор Раух...

– Постоянно убеждаюсь, что русские – большие авантюристы! – рассмеялся немецкий врач, посмотрев на свою супругу, но тут же замолк. – Я понимаю, вы готовы на всё, ради спасения дочери... Тогда приступаем: начнём, пожалуй, с изготовления териака. Мой великий предок пишет, что... – он быстрым движением раскрыл старинную книгу, нашёл нужную страницу и принялся читать:

– Необходимые для изготовления териака 68 ингредиентов (их список прилагается)... следует измельчить и просеять через шелковую ткань. На 1000 частей полученного «порошка» взять 50 частей китайского терпентинного масла, 3500 частей белого мёда и 250 частей красного вина сорта «гренаш». Терпентинное масло нагреть на водяной бане до полного разжижения, и постепенно добавлять в него половину порошка. Мёд также нагреть до текучего состояния, в него добавлять терпентинное масло, затем остаток порошка и вино, до получения мягкой пасты. Смесь настоять, затем размять в ступке до полного исчезновения комков. Готовый териак представляет из себя мягкую черноватую пасту (этот цвет ему сообщает лакрица), по консистенции похожую на мёд... Со временем смесь затвердевает, её можно резать на куски и готовить пастилки». Для взрослого человека

Майбах рекомендует принимать до 4 г состава ежедневно, для ребенка доза варьируется от 50 мг до 2 г. Употреблять териак можно в первоизданном виде, растворяя его в родниковой воде или росе, а также в виде эликсира, который составляют в отношении: одна часть териака на шесть частей коньячного спирта...

Кирилл сидел молча и с трудом переваривал услышанное. Доктор Раух, наконец, смилостивился над русским врачом:

– А теперь, коллега, главное! Все эти ингредиенты я нашёл и воссоздал териак в своей лаборатории!

– Слава богу! – выдохнул Ильин. – А я уж думал, что нам жизни не хватит всё это найти, взвесить и перемолоть!..

– ...Однако, - продолжал Раух, – желаемого эффекта от его применения я так и не получил. Мне не хватило чего-то самого главного, какого-то важного секрета. И вот в вашей тетради мы нашли то, что нам было так необходимо – упоминание о заряженной матрице...

Он закрыл книгу и бережно положил её на стол.

– Значит, – произнёс Кирилл, ещё не веря, что основа волшебного эликсира уже существует, – нам остаётся только изготовить и зарядить матрицу...

– Да, мой друг! – воскликнул Раух. – Матрица изготавливается довольно просто. Необходимо долго и тщательно...

– Насколько долго?

– Очень, очень долго... Около часа... – немец расхохотался, – растереть соль, или лучше кусочки янтаря в ступке... Растереть пестиком до получения мельчайшего порошка. Затем эту «пыльцу» мы поместим в стеклянную пробирку и понесём её «зарядать».

– А что представляет собой процесс зарядки матрицы?

– Иоганн Майбах говорит, что... «матрицу следует поместить над чревом первородящей женщины и держать её там ровно две минуты».

– И... всё?

– Да. Затем её предстоит размешать в териаке, немного настоять и...

– И эликсир готов... – прошептал Кирилл.

– Да, эликсир готов!

Размышления шахматной фигуры – 14

...А с другой стороны, не будь этих, по чьей воле мы движемся и воюем, как бы мы сами поступали? Какие делали ходы? Я бы с удовольствием сразил любую вражескую фигуру... И расплатился бы за это собственной жизнью...

Любая битва должна быть управляемой! Кто мы, беспорядочно наносящие удары друг другу? Кто мы, неосмысленно ведущие бой?..

Дай нам волю, позволь делать самостоятельные ходы, что бы из этого получилось? А когда понадобится жертвовать пешкой или фигурой, кто из нас добровольно пойдёт на смерть?

Вот тут-то и согласишься, что нужна она, высшая руководящая сила. И для нас, и, наверное, для тех, кто управляет нами...

Таков шахматный закон.

Глава 14. В обратный путь

Из доклада старшего врача психиатрической бригады скорой помощи:

«...Пациент Б. с ул. Театральной позвонил в диспетчерскую «03» и пожаловался на то, что в занимаемую им квартиру управляющая компания без его согласия подселила десять тысяч маленьких человечков, которые шумят и кривляются...

...Ночью поступил вызов к гражданину, нарушающему общественный порядок в гостинице «Турист». Пациент находился в сильном алкогольном опьянении, был возбужден и агрессивен. Он отчаянно сопротивлялся попыткам оказать ему медицинскую помощь и постоянно выкрикивал одну лишь фразу: «Я – Пьеро!» Из-за опасности его поведения для окружающих, к больному были применены меры принудительного сдерживания и госпитализация в профильный стационар. Утром выяснилось, что пациент был бизнесменом из Франции...»

На другой день доктор Раух и Ильин, сопровождаемые супругой-переводчицей Мариной, от которой у мужчин не было никаких секретов, спустились в лабораторию. Она располагалась в глубоком подвале. Доступ в неё оказался совсем не прост: несколько дверей, сложных замков, сигнализация и видеокамеры. Было очевидно, что в этом «бункере» хранятся поистине бесценные вещи.

Сама лаборатория представляла собой несколько отдельных кабинетов, перегороженных тонкими пластиковыми стенами. Все помещения были «сквозными» и соединялись узким проходом. Среди шкафов с многочисленными ящичками в дальнем помещении лаборатории размещался, занимая целый угол, массивный сейф. Открыв его дверцу, Раух достал из глубокого отделения стеклянный сосуд, наполненный густой вязкой жидкостью тёмно-бурого цвета. Сосуд был плотно закупорен. На бутылки красовалась этикетка с изображением древних скандинавских рун. Ильин не знал значения изображённой на этикетке формулы, но догадывался, что она призвана пробуждать силы, способные оздоравливать организм.

– Это и есть териак, – объявил немецкий врач. – Он тут хранится уже почти три года.

– Сколько же времени ушло на его изготовление? – поинтересовался Кирилл.

– Сколько?.. Пятнадцать лет. Да-да, не меньше.

Он водрузил бутылку на место и запер дверцу.

– Вот вы и увидели творение, о котором писал мой достопочтенный предок. Это самое ценное, что у меня есть. После книг, конечно... Но теперь нам надо заняться матрицей. Давайте поднимемся наверх, пройдем по участку, если вы в состоянии совершить такую прогулку...

– Да, конечно, доктор.

– ...и обсудим наши дальнейшие действия.

Они вышли во двор, предварительно накинув куртки поверх халатов. Солнце спряталось за тучи, и лица стал обдувать бодрящий ветер. С заднего двора клиники слышались голоса и смех. Кирилл знал, что там, на спортивной площадке, проводятся занятия с людьми, бросившими вызов наступающей старости. Коллеги повернули направо и прошли по узкой дорожке, меж аккуратно подстриженных кустов шиповника к небольшой беседке. Чистый и свежий осенний воздух, казалось, сам заполнял их лёгкие. От избытка кислорода у Кирилла кружилась голова. Листья с невысоких клёнов густо устлали порыжевшую траву. В тишине и прохладе растворилась лёгкая грусть...

– Herbst (19)! – воскликнул Раух и протянул по-русски: – О-оси-инь»... – Затем сказал несколько фраз по-немецки. Кирилл без перевода понял их смысл: русское слово гораздо более похоже на саму осень, чем немецкое «Herbst».

– Доктор Ильин, – с какой-то торжественностью произнёс Раух, едва они приблизились к беседке, скромно приютившейся между двух рябин. – Не хочу забегать вперёд, но мы на пороге... создания замечательного лекарственного средства. Вчера я растёр в пыль янтарную крошку и таким образом изготовил матрицу. Завтра мы едем в Берлин, в Университетский медицинский центр, знаменитую клинику Шарите, где ваши повреждения осмотрят специалисты... впрочем, не сомневаюсь, что никаких осложнений у вас нет... Но там есть родильное отделение, где у меня работает хороший друг, который не задаёт лишних вопросов. Вы, конечно, догадываетесь, – заговорщицким тоном продолжил он, – что с его помощью наша матрица и будет заряжена. Под моим контролем или лично мной – это не так уж важно... Затем с активированной матрицей мы вернёмся сюда и добавим её в... заждавшийся этого момента териак... И эликсир будет готов. Послезавтра мы приступим к опытам... Надеюсь, что всё пройдет удачно и вы привезёте домой средство, которое излечит вашу дочь!

– Как славно это звучит!

– Но что дальше? – задумчиво спросил немецкий доктор после непродолжительной паузы. – Вы избавляете дочь от недуга, поправляете своё собственное здоровье, здоровье своих близких.. Потом вам захочется помочь ещё кому-нибудь, затем к вам просто начнется паломничество желающих исцелиться (ведь многие захотят бессмертия!) и вы не в силах будете им отказать. Немного позже вы захотите извлечь из всего этого выгоду... А как же? Вашим детям необходимо учиться, вам самим нужно поменять жильё на более престижное, купить хороший автомобиль... и, вполне возможно, создать собственную клинику! А сколько по-вашему стоит бессмертие? Что вы на это скажете, дорогой коллега?

– Признаться, вы меня совершенно ошаршили этим вопросом...

– Но мы должны на него ответить прежде, чем у нас в руках появится сам эликсир!

Мой предок Иоганн Майбах очень щепетильно относился к некоторым, казалось бы простым, вещам... И, мне кажется, я знаю, что бы он сказал по этому поводу...

– Я тоже догадываюсь...

– А ваша совесть? Что-нибудь она вам говорит? – Он пристально взглянул в глаза Ильину. – Впрочем... вы вправе задать мне те же вопросы...

– Доктор Раух, я не вижу никаких других способов использования эликсира, как для спасения дочери. Вы спросите, что я сделаю после того... как она выздоровеет? Не знаю. Может быть, лучше его уничтожить...

– Я тоже не знаю... - тихо проговорил Раух и задумчиво посмотрел себе под ноги. – Но мы что-нибудь придумаем. Во всяком случае, я не верю... не хочу верить, что корыстолюбие одержит над нами верх.

Прошло десять дней.

За это время случилось следующее. Как и предполагал доктор Раух, а немецкие планы редко когда нарушаются, разве что вследствие воздействия форс-мажорных обстоятельств, была совершена поездка в Берлин, где Ильин смог показаться специалистам и оценить преимущества немецкой медицины. Всего за пару часов его тщательно обследовали, сделали все необходимые анализы и снимки, после чего назначили курс лечения, отметив, что ничего опасного в его травме нет. Потом Кирилл с Мариной сидели в машине и с

нетерпением ожидали, когда потомок великого Майбаха осуществит свой замысел. Ждать пришлось недолго. Не прошло и двадцати минут, как он, сияя от удовольствия, плюхнулся на переднее сидение автомобиля и продемонстрировал пробирку:

– Вот, друзья мои! Свершилось! Матрица заряжена!

На вопрос, как это происходило, немецкий доктор ответил, что пробирку вручили самой роженице. Как посоветовал ей акушер, она подержала янтарный порошок в указанном месте и при этом старалась думать о чём-то хорошем. По словам врача, это должно было облегчить её первые роды и помочь при последующих, если таковые будут.

Уже в своей лаборатории Раух отлил часть териака в отдельный сосуд, всыпал в него заряженную матрицу, несколько раз встряхнул и закрыл в сейфе. Было решено выждать сутки, чтобы снадобье настоялось. В это время начались приготовления к эксперименту. В качестве подопытных животных врач-геронтолог решил использовать имеющуюся у него крысу-самца по имени Макс, кролика Эльфа и своего любимого пинчера Альфреда. «К сожалению, других животных у меня сейчас нет. Ну, ничего, на крайний случай, могу сгодиться и я сам. Я хоть и не кролик, но тоже желаю помочь науке». Крайний случай не заставил себя долго ждать.

«Нет, по-моему, мы напрасно теряем время! Для чистоты опыта человеческая энергия жизни должна воздействовать только на него самого!» - сказал он на следующий день. С этими словами доктор Раух отмерил и принял внутрь эликсир, запив его дистиллированной водой. При этом он сделал театральный жест и громко провозгласил: «Deus Benedicat conatus meos! (20)».

Начались исследования и наблюдения. Снова наблюдения и вновь исследования.

Кирилл часто звонил домой, справлялся о самочувствии дочери, успокаивал и старался обнадежить жену... Но, увы. Прошла неделя с момента начала опытов, а результатов – никаких...

Доктор Раух выглядел совсем растерянным. Он мало говорил, подолгу засиживался в лаборатории, куда отнёс и старинные рукописи своего предка.

Было очевидно, что предприятие терпит полный крах.

– Ещё рано расстраиваться, – успокаивал немец скорее самого себя, чем Кирилла и Марину. – Видимо, где-то мы не доработали... что-то не учли... Но вот что? – И в сердцах взмахивал руками. – Всё, всё сделано! Все условия соблюдены, каждая мелочь учтена!

Иногда Кириллу казалось, что доктор готов наложить на себя руки, так сильно он переживал. Самому Ильину тоже было несладко. Он-то уже был готов к тому, что волшебное снадобье находится в его руках! Сейчас он возьмёт заветный пузырёк, аккуратно завернёт в платочек и положит в карман поближе к сердцу, а затем, зорко охраняя бесценный эликсир, повезёт его в Калининград. И дочь будет спасена!..

Порой закрадывалась поганенькая мысль: «а не темнит ли немец?» Может быть, он решил, что делиться драгоценным эликсиром с русским врачом – глупо и небезопасно? Кто знает, что у него, у Ильина в голове? Какие планы? Наверняка Кирилл захочет и сам стать бессмертным, или решит хорошо нажиться на этом чуде! Отдать эликсир в руки неизвестно откуда свалившемуся русскому доктору, о котором он практически ничего не знает? Не будет ли безрассудством и даже преступлением – так поступить ему, потомуку великого врача Майбаха? Не будет ли это предательством по отношению к своему далёкому, давно почившему родственнику? Было бы логично допустить, что так оно и есть. Любой на его месте так бы и поступил.

Но Кирилл предпочитал гнать эту мысль прочь.

Прошли две недели пребывания Кирилла в Германии. И больше недели после начала экспериментов с эликсиром. Каждый день, не принося ничего нового в исследованиях, наносил очередной чувствительный удар, ослабляя надежду, умножая сомнения и отчаяние.

- Мы поставили серию опытов на животных... – печально сказал на исходе седьмых суток исследований доктор Раух, – а результатов никаких – ни объективных, ни лабораторных... Вот протоколы наблюдений, они практически чисты... Мы с вами тоже принимали эликсир Майбаха... но никаких изменений в состоянии здоровья и самочувствии не отметили. И, наконец, «подвёл черту»:

– Я не вижу смысла продолжать исследования в этом направлении... Они отрывают меня от основной работы в клинике. Возможно, эликсир жизни – всего лишь миф. Сожалею...

– Значит, мне пора уезжать домой... Жаль, что все так закончилось... – вздохнул Кирилл. – Спасибо вам за гостеприимство и помощь... Если позволите, я возьму с собой небольшую часть нашего эликсира?

Итак, все сроки пребывания на немецкой земле подошли к концу, и Кирилл стал собираться домой. Узнав об этом, доктор Раух пригласил русского врача в лабораторию, достал целебный эликсир и со всей тщательностью отлил часть его из своей бутылки в небольшой пузатый пузырек, напоминающую по форме шахматного ферзя.

– Вот, ваше лекарство, – пробормотал он. – Возможно, вам удастся самостоятельно завершить наш опыт... Разбавляйте его спиртом по мере расходования. Не забывайте наш разговор о дальнейшем использовании эликсира...

Провожая Кирилла в берлинском аэропорту Тегель на рейс Берлин – Калининград (было решено лететь самолётом, так казалось безопаснее и, конечно же, быстрее), Вольфганг Раух слегка приобнял своего коллегу, поблагодарил ещё раз за подаренную рукопись и ободряюще произнёс:

– Рано складывать оружие, дружище, и признавать собственное поражение. Просто, мы что-то не учли. В жизни часто так бывает: и понимаешь, как следует решать задачу, и делаешь всё правильно, но результата нет... А потом спохватываешься: вот же оно - то, что выпало из виду! Подставляешь и находишь! Я с этим уже не раз сталкивался, да и вы, наверное, тоже. Так что, расстраиваться рано... Хотя... как тут не расстроиться? Казалось бы, вот он, эликсир... Териак мною проверен неоднократно, матрица только что изготовлена, и правильно заряжена... Кстати, у той женщины родилось прелестное дитя – дочурка... И всё же... Что-то мы сделали не так... Что-то упустили... Свято храните этот эликсир, Кирилл, я не верю, что он бесполезен... Возможно, вам удастся «пробудить его к жизни»! Надо работать, друг мой, несмотря ни на что... Мой предок Иоганн Майбах придерживался виталистических взглядов и стоял у истоков гомеопатического метода лечения. Его наблюдения и исследования были весьма прогрессивными для своего времени, однако, сегодня представляют большей частью лишь исторический интерес... У нас же с вами совершенно иные возможности, цели и задачи. Давайте двигаться вперёд, коллега...

И опять у Кирилла проснулись подозрения: можно ли верить этому пожилому учёному? Не обвёл ли он более молодого коллегу вокруг пальца? Ведь ни в чём нельзя быть уверенным наперёд, а цена возможного обмана очень велика...

В поведении человека всё имеет смысл... От мелких и неосознанных прикосновений к собственному лицу и одежде, положения бровей при разговоре, угла наклона корпуса сидящего слушателя, смешков и покашливания во время беседы... Кирилл знал, что улыбка – не всегда знак расположения, также как нахмуренные брови не обязательно означают недовольство. Даже фраза: «Возможно, вам удастся пробудить его к жизни!» - может быть произнесена посредством десятка интонаций, жестов и выражений лица. Окажется, что её смысл может меняться, что называется, с точностью до «наоборот»: карикатурно утрироваться; расплываться, смазываться; раздваиваться или порождать дополнительные значения, никак в самой фразе не присутствующие.

Кирилл попытался вспомнить, какие интонации сквозили в голосе немецкого доктора в последнее время, какие жесты сопровождали его рассуждения, как менялось выражение его лица... Но «зацепиться» было не за что...

Просто, Ильину очень не хотелось обмануться в искренности доктора Рауха.

Размышления шахматной фигуры – 15

И вот мы пошли в атаку на вражеского короля! В самом центре я и мои помощники – конь и слон! Левый фланг врага ещё не развит – слишком уж увлёкся противник разгромом на нашем королевском фланге, слишком увяз в нашей обороне!

Теперь можно твёрдо сказать: славная получилась баталия!

Слон трубит, задрав кверху хобот, офицер на его спине издаёт победный клич!

Всадник на коне обнажил меч и ринулся вперёд!

Противник в панике! О, славные мгновения!

Но чего-то не хватает... Нужен отвлекающий маневр, слишком сильна защита чёрного короля...

Необходима жертва! Но кто: конь или слон? Что задумал тот, по чьей воле мы передвигаемся по шахматным полям и наносим удары?

Неужели этой жертвой стану я? Именно так думает каждая фигура...

И боится этого...

Глава 15. «Чёрный ворон, я не твой...»

Кирилл удобно устроился в мягком кресле самолёта и взглянул на часы: 12.10. Полчаса до взлёта. В Калининград воздушное судно прибывает в 15.20 по местному времени. В пятом часу вечера Кирилл уже планировал быть в больнице у дочери.

Утром Ильин и чета Раух прибыли в Тегель. Погода была лётная – немного хмуро, но без тумана и дождя. Попрощались коллеги сдержанно, но было видно, что каждого переполняют эмоции. Впрочем, всё уже было высказано, и каждый знал, чем будет заниматься в ближайшее время. Как выразился немецкий врач, «эликсир следует пробудить к жизни»... Возможно, не хватает какой-нибудь малости...

Регистрация прошла без каких-либо затруднений, у Кирилла весь багаж помещался в дорожную сумку, которую он, разумеется, взял с собой в салон. Фигурную бутылочку из-под шотландского виски, наполненную пока ещё не вполне чудодейственным эликсиром, Ильин поместил в нагрудный карман куртки.

Самолёт авиакомпании «Эйр Берлин», осуществляющей рейсы по маршруту Берлин – Калининград, Bombardier Dash 8 Q400, оказался двухмоторной турбовинтовой машиной. Он немного смахивает на наш Ан-24, подумал Кирилл. Хотя, где они, «наши»? В стране с «больной» экономикой уже давно нет ничего своего...

Ему досталось место возле иллюминатора. «Это хорошо», – решил Кирилл. Он любил во время полёта смотреть на землю, особенно, когда высота не слишком большая и облака не закрывают видимость. А сейчас из его «окошка» была видна часть аэродрома – стоящий поодаль «Боинг» и автобус для перевозки пассажиров, водитель которого беседовал с кем-то из аэродромного персонала. За «Боингом» виднелись высокие кили других самолётов с эмблемами разных стран.

Внимание Кирилла привлекло какое-то движение. На крышу автобуса тяжело спланировала птица – большущий чёрный ворон. «Какими бы дисциплинированными и аккуратными не мнили себя немцы, – подумал Кирилл, а тут допустили промашку – аэродромные службы должны строго следить за тем, чтобы в районе движения воздушных судов не было пернатых. Влети такая птичка в сопло самолёта и двигатель выходит из строя. А если такая беда случится во время набора высоты – катастрофы не миновать!»

Ворон, впрочем, вёл себя по-хозяйски. Уж такой точно не позволит втянуть себя в трубу воздухозаборника. Птица прошла по крыше автобуса, «попробовав её на прочность» большим чёрным клювом. «Пернатым разбойником», как охарактеризовал его Кирилл, нельзя было не залюбоваться – уж очень колоритный был экземпляр! Непринуждённые движения, иногда раскрываемый клюв, словно он с кем-то разговаривал, вид деловой и сосредоточенный... Может, это дрессированный ворон? А как поглядывает на Кирилла! Зорко, внимательно! То одним боком повернётся, то другим... Но, похоже, птица без одного глаза... Точно, вместо правого глаза – рана. Вот бедолага, наверное, побывал в когтях у кошки, ведь известно, что ворон ворону... Кирилл повернулся к соседу, чтобы обратить его внимание на забавную картину, но тот углубился в чтение электронной книги... Взглянув в окно в очередной раз, Ильин убедился, что птица уже улетела.

...И вот, полёт! С момента посадки на борт, Кирилла неотступно «преследовала» песенка Юрия Антонова.

*Только в полёте живут самолёты,
Только в полёте растёт человек...*

Но мысли, наполнившие его голову, отогнали незатейливую мелодию и вновь начали готовить нашего путешественника к предстоящему возвращению домой. В который уже раз возник вопрос: с чем он возвращается к дочери? Что он скажет ей, когда она спросит, привёз ли он лекарство? Конечно, лекарство есть. Но поможет ли оно?

А полёт близится к концу. Уже было сообщение о скорости полёта, набранной высоте и времени прибытия в аэропорт Храброво. Изыщные стюардессы разнесли, а потом убрали напитки и лёгкую закуску. Удивляло почти полное отсутствие шума работающих двигателей... До посадки оставалось немногим более получаса. Спать не хотелось, скорее наоборот, внутри росло какое-то напряжение... А когда Кирилл закрывал глаза, то в сознании неизменно возникал ухмыляющийся одноглазый ворон. В том, что он именно ухмылялся, Ильин не сомневался. Картинка, казавшаяся ему поначалу забавной, сейчас приобрела зловещий оттенок. И выбросить бы из головы эту странную птицу, ан нет – стоит прикрыть веки и вот она, прохаживается по крыше автобуса и бросает злые взгляды в

сторону обречённого пассажира... Нет, надо гнать подобные мысли из головы... Как там, в «Особенностях национальной охоты»? – «Ты добычи не дождёшься, чёрный ворон, я не твой!»! Хотя, в самой песне финал гораздо печальней...

За круглым окошком застыл однообразный пейзаж – ясное небо и лохматая пелена облаков внизу. Ощущение скорости теряется... Кирилл повернулся к соседу. Тот посапывал, закрыв глаза. Электронная книга была готова выскользнуть из расслабленных рук. Ильин нащупал пальцами заветную бутылочку, словно проверяя, на месте ли эта драгоценная вещь...

Вот тут-то всё и началось! Самолёт резко качнуло, и вошедшая в салон бортпроводница, взмахнув руками, повалилась на спину. Идущую между рядами женщину швырнуло на кресла пассажиров. Воздушное судно накренилось. Было ясно, что экипажем выполняется крутой вираж и снижение. Люди зашумели. Поскольку большинство пассажиров были русскими, то и слышалось:

- Ой, боже! Что это такое?
- Успокойся, Наташа, это просто воздушная яма. Сейчас пройдёт...
- Мамочка, мне страшно!
- Ничего не бойся, дочка...

Но тут самолёт снова сильно качнуло. Да так, что с верхних полок посыпались вещи, а в проход между креслами вывалилось несколько человек. В том числе и сосед Кирилла. На воздушную яму это было мало похоже. Могло показаться, что пилоты решили поразвлечься. Они, видимо, раньше служили в истребительной авиации и теперь хотели ознакомить пассажиров с некоторыми фигурами высшего пилотажа. Слышались крики:

- Да вы что там, обалдели совсем?
- Эй, ребята, поаккуратнее...

Но кричали немногие. Большинство людей было не на шутку напугано, поскольку понимало, что такие пируэты ни командир корабля, ни второй пилот по собственной воле выполнять не станут. Видимо, что-то случилось... По пассажирскому салону прокатилась волна страха.

Стюардесса предприняла попытку подняться. С помощью пассажиров ей это удалось.

– Сейчас узнаю, в чём дело, – сказала она и скрылась в переднем отсеке, перед этим предупредив: – Пристегните ремни безопасности, пожалуйста!

Некоторое время самолёт летел ровно. Люди стали успокаиваться.

- Проскочили яму, – робко предположил кто-то.
- Это не яма, – ответил сосед Кирилла.

И тут снова началось! Опять резкий толчок и сильный крен! Казалось, что самолёт резко отвернул в сторону. Пассажиры, кто не успел пристегнуться, врезались в спинки передних кресел, кто-то снова выпал в проход. По всему телу воздушного судна затрещали рёбра-шпангоуты. Кто-то в возникшей тревожной тишине громко опорожнил желудок в бумажный пакет. Заплакало сразу несколько детей...

– Боже, когда это прекратится... – простионала женщина позади Кирилла.

Снова спокойный горизонтальный полёт. Но пассажиры со страхом ожидали очередного виража.

Ильин увидел, как из командирского отсека вышла стюардесса. Лицо её было белым, как снег. Она медленно пошла по проходу, отстранённо созерцая пространство вокруг себя. Похоже, она силилась что-то произнести, но ей удавалось лишь судорожно дёргать губами. Так, словно выуженная рыбина, медленно шествовала она меж пассажирских кресел. А за

ней невидимым, неосязаемым облаком, накрывая пассажиров с головы до пят, плыла пелена ужаса.

И вдруг, громко хлопая чёрными крыльями, из того же отсека в пассажирский салон влетела птица! Кирилл едва не вскрикнул от неожиданности: это был тот самый одноглазый ворон! Пернатый разбойник, видимо, искал место, где ему приземлиться. Он пересёк весь салон от начала до конца, развернулся и полетел вдоль рядов кресел. Поток воздуха от его крыльев взметнул волосы на голове Ильина, а он лишь безмолвно наблюдал за чёртовой птицей, таким невероятным образом появившейся в самолёте... Ворон скрылся за чёрной шторой, загораживающей вход в командирский отсек. Кирилл почувствовал, что у него дорожит челюсть.

«Чёрный ворон, что ты вёшься...»

– Что-то произошло, – прошептал мужчина, сидящий слева от Ильина.

Весь салон с недоумением и ужасом наблюдал за стюардессой, которая в этот момент напоминала зомби. Но почему-то никто не решался обратиться к ней с вопросом или за помощью. И только сосед Кирилла не растерялся. Едва девушка поравнялась с ним, он взял её за руку.

– Benötigen Sie Hilfe? – тихо спросил мужчина. – Вам нужна помощь? Ich bin Pilot (21).

– Ich bin Arzt (22) – тут же подхватил Кирилл, поднаторевший за две недели в простеньких немецких фразах.

– Ja, bitte, – ожила стюардесса. – По-жа-луй-ста, – с трудом выдавила она из себя по-русски.

Сосед повернулся к Кириллу и протянул ему руку. Тот машинально пожал её.

– Так, говорите, ваш командир скучает по общению с русским коллегой? Он нас узнал? – деланно бодро и громко произнёс сосед Кирилла, поднимаясь из кресла. Ильин изобразил на лице жизнерадостную улыбку и тоже поднялся. В минуту опасности он вновь забыл про боль в груди...

– Узнайте, что там... - попросила женщина из передних рядов.

– Тихо, граждане, спокойно! Всё в порядке, – объявил русский лётчик. – Посадка в Храброво произойдёт точно по расписанию!

– Мадам, успокойте ребёнка. Дайте ему яблоко! – распорядился Кирилл. – Кому плохо – говорите. Нашатыря у нас в избытке, а кому не хватит, закажем в Калининграде! Мужчина, расскажите своей даме свежий анекдот, а то она сидит с таким печальным видом, словно вы её увозите из Германии насильно... А вы, молодой человек, обнимите свою подружку... ах, это не подружка, а просто соседка? Ну, ничего страшного, только обнимайте покрепче!

Они направились в головную часть авиалайнера, сопровождаемые взглядами, в которых стала проявляться надежда. Сразу за перегородкой возле перевёрнутого столика, среди использованной посуды, которую не успели убрать, полулежала вторая стюардесса, прижимая к ране на лбу окровавленный платок.

– Прошу вас, – Кирилл склонился над девушкой и быстро осмотрел её голову. – Ничего страшного... всё нормально, – он слегка погладил ладонью её волосы. Она улыбнулась. – Alles im Ordnung (23)!

Они прошли в кабину лайнера. Лётчик и штурман были без сознания. Сосед Кирилла подскочил в штурвалу, бросил взгляд на приборы.

– Слава богу, автопилот включён!.. Кстати, я – Гена!

– Кирилл, – представился Ильин.

Русский лётчик нажал на какую-то кнопку, взялся за штурвал... Взгляд его не отрывался от панели с приборами.

– Кирилл, попробуй привести их в чувство, – Геннадий кивнул на обмякшие тела членов экипажа. – Не думаю, что они мертвы... Что же тут произошло?

– Помоги мне, – попросил Ильин. – У меня самого травма. – Он достал ватку, пропитанную нашатырным спиртом, провёл под носом у одного, у другого... растёр виски...

– Оба в коллапсе, – наконец, констатировал врач. – Попробуем одну методику...

С помощью Геннадия и стюардессы обоих членов экипажа уложили на пол и высоко подняли им ноги... Наконец, они пришли в себя.

Поначалу оба лётчика ничего не видели, было похоже, что их что-то ослепило, но постепенно зрение к ним вернулось. Вскоре командир корабля почувствовал себя настолько хорошо, что занял своё место у штурвала. Геннадий и немецкий лётчик переговаривались друг с другом, иногда переходя с немецкого на английский. Через несколько минут второй пилот тоже полностью пришёл себя.

– А теперь нам надо на свои места, – произнёс Геннадий. – Мы своё дело сделали. Идём. Сейчас они приступят к снижению и посадке.

Обратно парни шли, широко улыбаясь. Пассажиры приветливо махали им руками, словно понимая, что эти два человека только что спасли всех их.

– После приземления немцы просили нас заглянуть к ним, – шепнул русский лётчик Кириллу, когда они уселись на своих местах. – Наверное, захотят угостить коньячком, – он усмехнулся. – Да, ни за что бы не поверил, что такое возможно...

– Что же там случилось? – поинтересовался Кирилл. – Видимых травм у них нет, но очевидно, что оба испытали какой-то удар...

– Энергетический, – произнёс Геннадий. – Ты не поверишь, но, похоже, мы столкнулись... точнее, едва не столкнулись с НЛО.

– С чем? – не понял Ильин.

– Такое частенько случается в небе, – продолжал русский лётчик. – Некоторые мои товарищи испытывали на себе их действие. В авиационных полках даже была памятка, как следует действовать в случае атаки самолёта НЛО.

– На нас напало НЛО?

– Что-то в этом роде. Лётчик не знает, что это было. Какое-то светящееся облако... Автопилот вышел из строя, точнее отключился... Боясь столкновения с НЛО, пилот совершил несколько очень опасных манёвров... Потом яркая вспышка... Теряя сознание, лётчик сумел вновь включить автопилот, только поэтому мы не сорвались в штопор... Лишь отклонились от заданной траектории полёта... Вот, в общем, и всё.

А куда подевался ворон? – чуть было не спросил Кирилл, да вовремя прикусил язык.

Размышления шахматной фигуры – 16

Затишье... И очередные раздумья... Какой в них смысл? Неужели ещё не ясен исход боя? Разве чёрный король не дрожит от страха? Разве он не преисполнен отчаянья от бездарно проигранного сражения? Впрочем, есть ли в этом его вина?

Чёрной армией руководили совсем другие короли.

А он был всего-навсего пешкой...

Глава 16. Главная подсказка профессора

Из доклада старшего врача бригады № 30 на утренней конференции:

« По адресу: ул. Согласия... была взята роженица 30 лет с трехлетним мальчиком. Женщина сразу заявила: «родственников и знакомых у меня нет, куда хотите, туда его и девайте!» Мать доставлена в родильное отделение, а мальчик в 3-ю детскую больницу. Думаем, что она и старшего из больницы не заберет и от младшего в роддоме откажется...»

В Храброво Кирилл встречал сам Валерий Васильевич, свободный от дежурства и прочих обязанностей, связанных со служебной деятельностью. Отзывчивый приятель приехал на своей машине. Они заранее созвонились, и Ильин был рад, что ему не придётся связываться с алчными таксистами, да и сам коллега буквально «горел» желанием помочь другу.

Разбираться с воздушными и наземными службами по поводу случившегося в полёте происшествия Кирилл доверил Геннадию, оставив лётчику свои точные координаты. Простившись с экипажем лайнера, он понял, что обрёл сразу нескольких друзей: Матиаса, Германа, Хольду, Монику и русского пилота, Геннадия Скворцова, с которым они решили увидеться в самом ближайшем будущем.

Главный шутник и собиратель баек службы «03» не сиял и не улыбался, как обычно, а расспрашивал Кирилла о поездке и её результатах осторожно и тактично. Почувствовав, что особой радости визит в Германию Кириллу не доставил, врач сразу переключил беседу на обсуждение последних событий городского и районного масштаба...

Подходя к больнице, где лежала его дочь, Кирилл вдруг понял, насколько он устал за последние дни и часы. Начали сказываться последствия нервного переутомления, испытанного им в течение последних двух недель... Поднимаясь по ступенькам, он ощутил головокружение. Всё тело налилось свинцовой тяжестью. Пришлось остановиться и отдышаться. Да, тяжело. Но гораздо тяжелее было от печального факта, что он так и не смог помочь своему ребёнку. И что теперь их ждёт впереди?.. Прочь, прочь, страшные мысли!

Он открыл дверь и вошёл в палату. Леночка спала. Ильин тихо подошел к дочурке. Ему очень хотелось погладить её по голове, однако он сдержался.

«Хорошо, что она отдыхает, – подумал Кирилл, глядя на разметанные по подушке светлые волосы своей девчушки и слушая её тихое посапывание. – А я пока придумую, что ответить ей на главный вопрос: привёз ли я чудесное лекарство для её спасения»...

Ильин решил подождать, пока дочь проснётся, присел на жёсткий стул, облокотился на прикроватную тумбочку, и... вскоре сам забылся во внезапно нагрянувшей дреме...

– Шах и мат, коллега, – промолвил профессор, ставя янтарного ферзя перед чёрным королем Кирилла, – партия закончена.

– Быстро вы меня... – удивлённо проговорил Ильин, оценивая ситуацию на доске и находя её безнадёжной.

– Кстати, знает ли уважаемый доктор, почему наша встреча происходит здесь, на Курише Нерунг (24)?

– Нет... – Кирилл все ещё находился под впечатлением партии и своего сокрушительного поражения.

– Да потому что в Кёнигсберге сейчас свирепствует моровая язва! – мрачно произнес его собеседник. – Среди бесчисленного множества болезней, от которых когда-либо страдало человечество, это – та, которая стала эталоном людского ужаса...

– В Кёнигсберге?..

– Да, сейчас 1710 год и самое страшное испытание для города в этом году – чума... Она всегда приходит внезапно... Моровое поветрие, «чёрная смерть», моровая язва – у неё множество имён... В Священном Писании она названа «всадником Апокалипсиса», «расплатой» за богохульство и другие тяжкие грехи. Место и причину возникновения сей напасти угадать невозможно. Она появляется снова и снова, через разные промежутки времени, подобно движению шахматного коня, который может шагать буквально «по головам» во все стороны и после нескольких ходов бить фигуры, ушедшие далеко вперед... – профессор с досадой швырнул изящную пешку на доску. – Мор опустошает города и целые местности, он поражает старых и малых, праведных и грешных, ни для кого не делая исключения. Всякий заболевший человек практически обречен, и всех, кто с ним общался, ожидает та же участь. От больных чума переходит к здоровым так же легко, как огонь охватывает вязанку сухого хвороста. Никакого верного лекарства против неё у нас нет, а предупреждение сводится лишь к правилу: «*cito, longe, tarde*» (25) – другими словами, следует бежать из зараженной местности как можно скорее, куда-нибудь подальше и подольше не возвращаться обратно.

Единственной сколько-нибудь действенной мерой оказались вводимые нами сорокадневные карантинные меры: именно столько времени, согласно Евангелию, пребывал в пустыне Христос. После такой «выдержки» бродяг и беженцев можно допускать в город – они уже не будут нести заразы...

Только я считаю, что всех этих действий для предотвращения распространения «духа чумы» все же недостаточно... «Чёрная смерть» каким-то образом ухитряется проникать через крепостные стены и все наши кордоны на городские улицы... – Профессор устало провел по своему морщинистому лицу широкой ладонью, так, словно прикрывал глаза внезапно почившему.

– И что мы можем ей противопоставить? – продолжил он со вздохом. – Для обеззараживания помещений, где скончались больные, мы рекомендуем ставить блюдце с молоком, которое вбирает в себя отравленный воздух. К нарывам прикладываем пиявок, высушенных жаб и ящериц. Бубоны рассекаем ланцетом, а в открытые раны вкладываем свиное сало или прижигаем их раскаленным железом.

На улицах рекомендуем жечь костры и жаровни: считается, что огонь и дым очищают зараженный воздух. Несмотря на все принятые меры, эпидемия очень быстро распространилась по всему Кёнигсбергу. К ней присоединились недостаток продовольствия, преступность и народное недовольство. В городе появилось много мародёров: они ездят по улицам и при отсутствии хозяев грабят их дома. Кёнигсберг словно в осаде: еду не завозят, а та, что осталась, подорожала в десятки раз. Уйти из города теперь невозможно: стража никого не пропускает... Также приказано не впускать в порт ни одного торгового корабля. Власти запретили ярмарки и закрыли кабачки. На всех въездах в город выставили чумные кордоны, все ворота надёжно закрыты. Но это мало помогает: люди продолжают умирать...

– Позвольте вас дополнить, уважаемый профессор, – прервал его горестный монолог Ильин, – в нашем веке считается абсолютно доказанным, что инфекция передается не только

воздушно-капельным и контактным путем, но её также несут людям крысиные блохи. Так что важной частью профилактики эпидемии следует считать борьбу с грызунами и паразитами.

– Твоё утверждение верно... – глухо сказал пожилой врач. – Я и сам об этом догадывался... Поэтому для отпугивания паразитов всегда пропитываю свой плащ камфарой...

– Должен признаться, что мне никогда ещё не приходилось видеть больных чумой: у нас её нет вот уже несколько столетий... – оживился Кирилл.

– Это отвратительное зрелище... – прохрипел собеседник. – К тому же весьма опасное, но люди ждут от нас помощи. Как говорил великий Гиппократ: «Среди искусств есть некоторые, которые тягостны для их обладателей, но очень полезны для пользователей. Врач видит ужасные зрелища, прикасается к омерзительным вещам и из чужих несчастий пожинает для себя огорчения». Это следует понимать так, что случайный человек никогда не станет хорошим доктором...

– Вы, как всегда правы, профессор, – откликнулся Кирилл.

– Врачи нашего города показали пример выполнения своего долга: они утешают и, по мере своих возможностей, лечат умирающих горожан. К сожалению, нас уже остались единицы... А вот ты готов к подобному испытанию? – старик строго и внимательно посмотрел на Ильина.

– Конечно, ведь я такой же врач, как и вы, – ответил Кирилл.

– Похвально. Впрочем, иного ответа я и не ожидал. Тогда нам пора... – профессор поднялся. – Здесь неподалеку есть подземный ход, который приведёт нас в город. Поспешим...

...И вот они уже выбираются из узкого темного лаза в какой-то подвал и отряхивают свои одежды. Удушливый смрад разлагающихся мертвецов проникает из высоких домов на узкие улицы Альтштадта, заваленные грязными матрацами, мусором, лохмотьями и прочими гниющими нечистотами. Среди всего этого в большом количестве снуют огромные крысы...

Удивленно озираясь, Кирилл шагнул за торопящимся профессором. После очередного поворота, возле распахнутых настежь дверей дома они увидели странных людей, одетых в просмоленные рубища и остроконечные колпаки с прорезями для глаз. Один незнакомец держал в руках огромные клещи, а двое других длинными крюками молча волочили по мостовой почерневший труп к телеге, доверху заполненной мертвыми телами. Человеческие руки и ноги безжизненно свисали с нее до самой земли. Это была жуткая картина...

– Кто эти люди, так похожие на палачей? – спросил Кирилл.

– Это мортусы, – ответил старик, закрывая рот и нос платком. – В их обязанности входит уборка трупов с улиц и из чумных домов. Их назначают из числа тех, кто выжил, переболев чумой, а также из арестантов, осужденных за тяжкие преступления. Им обещают помилование, только до него, как правило, никто не доживает... Ещё месяц назад мортусов было втрое больше. К сожалению, большинство их либо умерло, либо разбежалось. К тому же эти обречённые тащат из жилищ горожан все, что видят. И такой грабёж сходит им с рук... Чтобы по несколько раз не возвращаться в дом, где выявлены больные, – добавил старик, – они часто бросают в повозку к мертвым еще живых людей...

От этих слов Кирилла передёрнуло.

– А зараженные дома, – продолжал профессор, – мортусам предписано помечать особым знаком, а затем сжигать со всем находящимся в них имуществом и скотом.

Умерших они сваливают в чумных ямах. Гробов уже давно не делают, потому что смертность достигла почти тысячи человек в неделю. Боюсь, что скоро просто некому будет хоронить трупы...

Вскоре два врача оказались у резиденции профессора.

– Многие отчаявшиеся больные сами приходили или приползали к моему дому, где вскоре умирали вот под этими окнами, - рассказывал хозяин, отпирая свое жилище. – Мне с трудом удалось оттащить десяток изъеденных псами тел, которые лежали у моих дверей и распространяли заразу. Из-за этого я несколько дней не имел возможности оказывать помощь нуждающимся. Пришлось просить стражу проследить, чтобы никто больше не бросал умирающих возле моего дома.

Они вошли внутрь помещения и зажгли масляную лампу.

– ...Поэтому сейчас мы облачимся в костюмы чумных докторов, и пойдём пользоваться страждущих... – попытожил профессор. – Вот твой плащ, штаны, перчатки и маска...

– А почему у маски такой причудливый клюв? – поинтересовался Кирилл. – Она от этого ужасно похожа на птичью голову...

– Раньше бытовало мнение, что чуму распространяют птицы, – пояснил старый врач, – и, наряжаясь подобным образом, лекарь надеялся отпугнуть от себя заразу. Теперь мы знаем много больше наших предшественников, но такой клюв оказался очень удобен для того, чтобы в него закладывать ароматические травы и снадобья, убивающие «дух чумы».

– Что это за травяной сбор? – Ильина действительно очень заинтересовало всё происходящее.

– Это смесь уксуса и камфары с мелко изрубленными частями некоторых растений — шалфея, мяты, руты, чеснока, корицы и гвоздики. Такой состав хорошо действует при всех «прилипчивых» болезнях. Им моют руки и лицо, окуривают помещения, наливая на раскаленный камень или железо, обрабатывают бельё и платье.

– Понятно. А теперь объясните мне, пожалуйста, назначение вот этих вещей?.. – спросил Ильин, подпоясывая свой длинный плащ кожаным пояском и указывая на разложенные перед ним незнакомые предметы.

– Вот эта небольшая шкатулка называется «поммандер», ее следует надевать на шею: своим сильным запахом она отпугивает болезнь. Связку чеснока прикрепите к поясу, и не забывайте его постоянно жевать. Широкополая шляпа – это знак нашего врачебного сословия, а для каких целей служит ланцет, надеюсь вам объяснять не нужно? Им мы будем вскрывать чумные бубоны.

– А зачем мне заостренная трость? – вновь спросил Ильин.

– Для обследования мертвецов, не прикасаясь к ним. Кроме того, она может стать очень полезной при нападении на нас грабителей или разъяренных больных. А такое, к сожалению, случается...

Они вышли на грязную безлюдную улицу. Кругом царила зловещая тишина, только их шаги гулким эхом отдавались где-то под самыми крышами высоких каменных домов. Вокруг было сыро, зябко, мрачно... Казалось, что даже солнце в этот день встало не с той ноги...

– Коль прежде ты не сталкивался с такими пациентами, то нелишне будет коротко ввести тебя в курс дела... – продолжал свои наставления профессор. – Обычно чума начинается с сильного жара, потрясающего озноба, мышечных и головных болей, – глухо рокотал профессор через свой «клюв». – Крупные узлы, особенно паховые и подмышечные, распухают, становятся твердыми на ощупь, их окружает отёк, а внутри они заполняются

гноем. Такие бубоны могут достигать размеров куриного яйца или даже яблока. Сопровождается все это адской болью... Потом образуются язвы с желтоватым дном, склонные к увеличению в размерах...

Возникает рвота (нередко кровавая) и мучительная жажда. Уже с первых часов заболевания несчастные беспокоятся, порываются бежать... отсюда и поговорка: «бежит, как очумелый», у них появляются галлюцинации и бред. Речь становится невнятной, а походка шаткой. На лице выражение страдания или ужаса – «маска чумы». В более тяжёлых случаях на коже возможна кровавая сыпь. Очень характерными признаками заболевания являются «меловой язык» – утолщение и появление на нем густого белого налёта. Но и это еще не самое худшее. У некоторых больных чума быстро достигает легких, где тоже вызывает нагноение. У человека начинается сильнейший кашель, а отделяющаяся мокрота вскоре окрашивается кровью...

Наконец, профессор остановился возле дома, на дверях которого белой краской был нарисован жирный крест.

– Нам сюда... – сказал он Кириллу.

На пороге лежало несколько трупов. Их вид был ужасен: одни почернели, как уголь и раздулись, другие – тоже распухли, но были синего или даже фиолетового цвета, все в кровоподтеках и язвах... Врачи вошли внутрь. Даже через маски, наполненные ароматическими веществами, в нос Андрея ударил тошнотворный гнилостный запах.

На полу в полумраке лежали люди. Некоторые уже никак не отреагировали на вошедших, но несколько человек смогли повернуть голову на свет, ударивший через входную дверь. Со всех сторон слышались стоны и возгласы: «Помогите!», а одна нестарая женщина, видимо в бреду, все повторяла: «Спасите мою дочь!»

– Где она? – попытался выяснить Ильин.

– Там... – рука женщины хаотично взметнулась вверх, и тут же безжизненно упала на худую грудь.

В самом углу комнаты на груди тряпья лежала прелестная белокурая девочка.

– Как тебя зовут? – спросил у нее Кирилл.

– Хелен... – простонала девчушка, у которой, судя по нездоровому румянцу, была очень высокая температура.

«Так зовут и мою дочь»... – подумал Ильин. – Профессор, подойдите сюда, мы должны помочь этому ребенку...

Из-за его спины возник старый доктор.

– Бедное дитя... – произнес он, – но только таких несчастных в городе – сотни...

– На её теле ещё нет язв, значит, она не так давно больна... На беду, у меня сейчас нет ничего из привычных мне медикаментов, никаких антибиотиков... Может, у вас всё-таки есть какое-нибудь средство?.. – Кирилл с надеждой взглянул через стекла своих очков на старшего коллегу. Он впервые так остро чувствовал свою полную беспомощность... – Мы же с вами врачи, а не мортусы! – в отчаянии воскликнул он.

– Правильные слова... – помолчав, ответил профессор и достал из притороченной к поясу сумочки склянку с тёмной жидкостью. – Вот... мой эликсир. Тут осталось совсем немного... я берёг его для своей жены Лизхен...

– Но оно может понадобиться скорее вам, чем супруге... – возразил Ильин.

– Нет, нам с тобой оно не поможет, – произнес профессор. – У него отдельное действие.

– Это как же? – не понял Кирилл.

- По признаку пола, коллега: матрица, заряженная при рождении мальчика, действует только на мужчин... и – наоборот. А данный эликсир – для женщин... Пусть же он исцелит юную Хелен...

– Да, пусть наша Хелен живет! – повторил Кирилл...
И проснулся...

Он не сразу сообразил, где сон, а где явь, перед глазами ещё мелькали чёрные мертвецы, а нос ощущал мерзкий запах... впрочем, сон уже ушёл прочь.

Рука Кирилла непроизвольно коснулась заветной фляги... «Спасибо, профессор», – неслышно шепнули его губы. Мозг сразу «вычленил» ключевую фразу доктора Рауха: «...у женщины родилось прелестное дитя, дочурка».

По всему телу разнеслась волна радости. Значит, эликсир должен действовать!
Это ли не счастье?

– Папа, ты приехал? – слабый детский голос вернул его к действительности.

– Да, солнышко моё! – он пододвинулся к девочке. – Да, моя радость!

– И привёз лекарство?

– Конечно, Леночка! Как и обещал!.. Сейчас я его тебе тебе приготовлю... – он стал лихорадочно шарить по тумбочке, нашёл стаканчик, открыл бутылку минеральной воды. – Ты выпьешь и будешь здоровой...

– А оно горькое?

- Да, доченька! – слёзы брызнули из глаз Кирилла. Он стиснул маленькое тельце ребёнка и расцеловал Леночкино лицо. – Да, милая! – он с трудом сдерживал рвущиеся изнутри рыдания. – Оно чертовски горькое и противное! Оно такое мерзкое на вкус, что ты даже не представляешь!

Леночка звонко рассмеялась, и Кирилл захохотал вместе с ней.

– Но оно спасёт тебя, – сказал он уже спокойнее, добавляя бесценный состав в стакан с водой.

Упавшие капельки жизни окрасили прозрачную жидкость в золотистые тона.

– Красиво, - восхищённо промолвила Леночка.

– Выпей это, девочка. Не бойся, оно не горькое.

– А понюхать сначала можно?

– Конечно, можно... Ну, и как?

– Пахнет мёдом...и ещё чем-то вкусным...

– Пей, дочка...пей...

Размышления шахматной фигуры – 17

Да, всё так и происходит!

Я наношу удар, сбивая королевскую пешку, и объявляю чёрному королю шах! Но король спокоен. Он знает, что я уже не жилец. Вот на меня мчится боевой конь, всадник размахивает тяжёлым топором...

Но я знаю, что конь, уйдя со своей позиции, открывает путь нашему слону! Слон ударит по другой пешке и это будет уже мат! Красивая партия! Отличное завершение!

Только я этого уже не увижу...

Глава 17. Запах жизни

Домой Кирилл возвращался в приподнятом настроении. Он просидел у дочери почти два часа и отметил, что после принятия эликсира, у неё зарделось личико, глаза засветились здоровыми огоньками, и сама она улыбалась уже не натянуто, как в последние недели, а непринуждённо и жизнерадостно. Казалось, внутри неё заиграли солнечные зайчики, забурлили фонтанчики веселья, которые теперь стремились выплеснуться наружу. Наблюдая за этой волшебной метаморфозой, Кирилл еле сдерживал слёзы от внезапно нахлынувшего на него счастья. Вне сомнений, девочка начала оживать... Эликсир удался, теперь Кирилл был в этом уверен!

Они с дочерью наперебой болтали по телефону с мамой, та очень обрадовалась приезду мужа и обнадеживающей новости. «Завтра ты приедешь к Леночке, – сказал Вере Кирилл, – И сама убедишься, что наша дочь начала выздоравливать». «Да я уже убедилась, – отвечала она, – как только послушала её щебетанье! Это – настоящее чудо!»

С другой стороны, не излишне ли он самонадеян? Не слишком ли рано начал радоваться? Мало ли что ему могло показаться? «Ты только вспомни, – думал про себя Кирилл, – болезнь была готова забрать её жизнь ещё совсем недавно. Страшная хвороба была полной госпожой в этом маленьком тельце... А тут вдруг раз – и всё! Был тяжело больной человек, а вот взял и мгновенно выздоровел? А так не бывает...»

Но нет, здоровый румянец, которого не было уже очень давно, прекрасное настроение... Кирилл вспомнил, что Леночка после принятия волшебного лекарства вовсе не выглядела больной! Получалось, что чудесное снадобье начало действовать мгновенно... Улыбаясь, он погладил лежащую в кармане бутылочку.

Кирилл прошёл через Центральный парк в сторону улицы Дмитрия Донского. Поток машин, свернувших на узенький участок мостовой, заставил его непроизвольно изменить маршрут и продолжить неторопливое движение вдоль границы парка, в ожидании просвета между машинами. Уже заметно стемнело. Дул порывистый ветер, который заставил передвинуть замок молнии на куртке повыше, к самому горлу.

Будучи сам водителем, Кирилл с негодованием относился к тем, кто пренебрегает правилами и не пропускает пешехода, следующего по «зебре». А ведь ещё лет десять назад калининградцы гордились своей культурой и приветливостью: даже нарушающему правила пешеходу водитель машины непременно уступал дорогу. Что же случилось с людьми? А что будет дальше?..

От этих мыслей его оторвал резкий крик ворона.

– Кар-р-р! – раздалось у него над самой головой. Кирилл поднял глаза и увидел сидящую на ветке лиственницы большую птицу. От этого голоса у Ильина поползли мурашки по телу: ворон, несомненно, тот самый, одноглазый. И, судя по всему, он преследует его. А может это призрак? – Кирилл пригляделся повнимательнее. Но нет, ветка прогибалась и раскачивалась под весом птицы, впрочем, и тогда, в самолёте он тоже явственно ощущал потоки воздуха от её крыльев.

– Ты кто? – спросил он ворона, стараясь выглядеть спокойным.

– Карр-ра!!! – таков был ответ.

– Очень приятно, – промолвил Ильин. – А меня зовут Кирилл... И что тебе надо, птица?

С полминуты ворон молча глядел на человека, иногда переминаясь с лапки на лапку. Время от времени он раскрывал клюв, словно собираясь что-то сказать двуногому... Вот пернатый разбойник повернул голову и Кирилл смог убедиться, что одного глаза у ворона нет... Ильин вздрогнул... Просто чертовщина какая-то...

- Крра! Кр-рау!!! – вновь подал голос ворон и взмахнул крыльями, но не улетел, а продолжал каркать, качаясь на ветке. И в его голосе всё явственнее прослушивалось одно слово, от которого у Ильина всё буквально леденело в груди... Нет, ему не послышалось...

– Р-раух! – неистово верещала птица. – Раух!!! Раух!!!!

Кирилл поспешил перейти дорогу и затеряться в толпе пешеходов, но его ещё долго преследовало злое: «Р-раух!»

Наутро Кирилл проводил Веру и Игоря до дверей. Поцеловал обоих и пожелал счастливого трудового дня. В ответ он услышал: «И тебе, папа, всего хорошего» и «Счастливого дежурства, милый». Жена отводила сына в школу, а затем сама отправлялась на работу.

Сегодня у Ильина очередное дежурство, времени на раскачку оставалась не так уж много. Наскоро позавтракав, Кирилл сел за компьютер, решив посвятить минут десять просмотру новостей и почты. И вот оно, «свежее» письмо! Писали с сайта клиники Рауха, и это как-то настораживало. С тяжёлым сердцем врач кликнул «мышкой». Вот оно, письмо. Писала Марина, супруга немецкого доктора.

«Милый Кирилл! С глубокой скорбью извещаю Вас о трагической гибели своего мужа, а Вашего друга и наставника Вольфганга Рауха. Врачи констатировали у него разрыв аневризмы, но я очень сомневаюсь в таком заключении. Я подозреваю, что тут не обошлось без злого умысла. Дело в том, что сразу после Вашего отъезда, Вольфганг пожаловался мне, что его преследуют какие-то странные создания. То ли люди, то ли призраки. Мы, конечно, посмеялись над этим, но... видите, чем закончилось дело... Считаю своим долгом Вас предупредить, чтобы Вы были чрезвычайно осторожны. Почему-то я уверена в том, что это... следствие Ваших с ним исследований... Кого-то они очень заинтересовали... Умоляю Вас, берегите себя! Ваша Марина Раух.»...

«Чёрный ворон... что ты ввёшься...»

А вот и родная подстанция! Привет, друзья-приятели-коллеги! Вот долгожданное: «Тридцатая, вам вызов»! И снова начались вызовы, выезды, уговоры, жалобы, пожары, аварии... И всё это несмотря на боли в груди, о которых, впрочем, Кирилл никому не рассказывал. Ближе к вечеру зазвонил мобильник. Говорил Дмитрий Ильич, лечащий врач Леночки.

– У меня для вас, Кирилл Андреевич, радостная новость!

– Немедленно поделитесь ею, коллега!

– Не хочу забегать вперёд, но мне кажется, что наше лечение, наконец-то, принесло свои плоды!

– Я рад это слышать! – улыбка раздвинула уголки губ Кирилла далеко за пределы щёк.

– У вашей дочери поразительные результаты анализов... Признаюсь, я даже не знаю, чем это объяснить... Возможно, вы мне поможете...

– Да что случилось, Дмитрий Ильич?

– У Леночки отличные показатели! Вы понимаете? От-лич-ны-е! Это не шутка, и ошибки тут тоже никакой нет! Кровь и моча, как у абсолютно здорового ребёнка!

– Я очень рад.

– Мне Леночка сказала, что вы вчера дали ей какое-то лекарство из Германии... Ведь вы точно ей что-то давали?.. Скажите, что это за препарат!

– Увы, коллега. Тут дело, скорее, в самовнушении. Если больному вручить самую обычную пилюлю, но убедить его в том, что это – волшебное средство, которое его непременно вылечит, то и результат не замедлит сказаться!.. Как говорил наш с вами коллега Боткин: «то, как даётся лекарство, подчас важнее самого лекарства».

– Так значит...

– Да, коллега, никаких импортных медикаментов я ей не давал. Немножко чая с мёдом... Стало быть, дело пошло на поправку?

– Вы не поверите! Если б не её история болезни, я бы ни за что не поверил, что этот ребёнок нездоров! Впрочем, я не зря сказал, что забегаю вперёд. Пока рано делать долгосрочные прогнозы... Но, получив такие анализы, я не мог удержаться, чтобы не порадовать вас и вашу супругу. Мы с нетерпением будем ожидать новых данных... Дай бог, чтобы эта тенденция сохранилась!..

Усталости в это дежурство Кирилл вовсе не ощущал. Он летал, словно на крыльях... Где-то часам к трём ночи в работе скорой помощи наступило небольшое затишье и Кирилл вышел покурить. Ночь была тихой, безветренной. Редкие звёзды пробиваясь сквозь пелену туч, расцвечивали чёрное небо. Ильину хотелось побыть наедине хотя бы несколько минут. Но едва за ним закрылась дверь, как на стоянку въехала машина, из которой вышла бригада во главе с Валерием Васильевичем.

– Коллега, – еще издали воскликнул собиратель «скоропомощного» фольклора. – Я наблюдаю за вами, правда короткими урывками, в течение целого дня и меня удивляет таинственная улыбка, не меняющая своего места на вашем лице! Вот и сейчас у вас такое выражение лица, словно вы задумали преподнести всем нам какой-то праздничный сюрприз! – Он не стал слушать объяснения Кирилла, просто похлопал его по плечу и пошёл к двери, по пути доставая записную книжку и ручку.

– Новый опус для потомков? – поинтересовался Ильин.

– Да, – ответил Валерий Васильевич. – Занятнейшая история сегодня приключилась. Грех не записать. Позже поведаю о ней миру. Так что, готовьтесь: будет повод повеселиться!

«Когда-нибудь по этим заметкам будут изучать историю нашей «скорой помощи», – подумал Ильин.

Октябрьская ночь была перенасыщена влагой, но особого холода не ощущалось – градусов 7-8... Итак, теперь Кирилл, один в целом мире, владеет поистине необыкновенным эликсиром. В его руках – долголетие и (чем чёрт не шутит?), возможно, даже бессмертие!.. Только, что оно даст лично ему, Кириллу Ильину, кроме спасения его дочери?

«Да, теперь я знаю, что добиться долголетия вполне реально, – подумал Кирилл. – Видимо, это удавалось кое-кому и до меня, и непременно получится у кого-то после... Но главная проблема оказывается не в изготовлении самого эликсира, а совершенно в ином... Настало время задать самому себе вопрос: для чего человеку бесконечная жизнь?»

Кирилл вдруг вспомнил наставления доктора Рауха... Вспомнились и слова таинственного профессора в одном из снов... Все предостерегали его от необдуманного поступка... И вот, наконец, пришло время всё взвесить, не спеша и обстоятельно... Какое

будущее у чудодейственного эликсира, бутылочка с которым греется у сердца русского врача? Каким видит себя Кирилл лет этак через десять?

Всякая новая теория поразительно похожа на сооружение детьми снежной бабы: одни – старательно выкатывают снежные комья и, пыхтя, водружают их друг на друга, другие приходят... и в одночасье все ломают. Через день на том же самом месте следующие ребяташки с удвоенной энергией строят какую-нибудь башню или заливают горку. Так есть ли смысл тратить силы для решения этой сомнительной задачи? Ведь даже самые изысканные удовольствия со временем приедаются, а любимые занятия надоедают... Но как может надоесть жизнь? Особенно, богатому, не обременённому бытовыми проблемами и душевными терзаниями, бессовестному человеку-животному? А они сейчас набегут, устроят давку из-за капли эликсира... Он представил современных российских политиканов, воров-олигархов и ему стало тошно...

Так кому же он собирается подарить вечную жизнь? Всем этим людям – своим «современникам»? Но неужели у нас исчезли насильники, убийцы и воры? Или их перевоспитают в обозримом будущем? Что-то не верится... А разве достоин бессмертия тот, кто отнял жизнь у себе подобного?..

«Хорошо, – размышлял Кирилл, – предположим, все убедились, что бесконечная жизнь для целого человечества является тормозом к его прогрессу. Но ведь есть же отдельные личности, безусловно заслуживающие такой награды – выдающиеся учёные, художники, поэты, философы? А поскольку наука в состоянии даровать бессмертие, то справедливо было бы предоставить его только строго ограниченному числу людей. Но возможно ли объективно составить подобный список? Ведь каждый, кого в нём не окажется, посчитает это несправедливым... Что тогда: бунт, война? Очень многие, чтобы вновь стать молодыми потеряют и стыд, и совесть...

Но страшнее всего – это дать кому-либо право решать, достоин ли данный человек жить вечно или нет. Это неминуемо приведет к злоупотреблениям, впрочем, уже привело... – Кирилл грустно вздохнул. – Ведь народ нужен его избранникам обычно так же, как заветренная колбаса необходима мухам.

Но разве возможно склонить чашу весов, и что-нибудь изменить в этой жизни в свою пользу, не навредив окружающим? Вряд ли... Думаю, в результате мы можем получить не просто пожизненных диктаторов, а что гораздо страшнее (и даже трудно вообразить!) – бессмертных тиранов!»

Здесь Ильину вспомнились рассуждения Андрея Орлова о совести и личной выгоде... «Нет, пожалуй, наша совесть – это не примитивный страх потерять покой и достаток. Она нестерпимо болит, когда всё остальное чувствует себя великолепно – то, что нестерпимо болит, когда всё остальное чувствует себя великолепно, она – то, что подталкивает нас идти самой длинной и трудной тропой, когда известна широкая, легкая и безопасная дорога». Вывод, сделанный Кириллом, был очевиден. Сегодня мы не готовы жить бесконечно. Люди для этого ещё не созрели, поэтому не сумеют осознанно распорядиться вечностью...

«Коль я предвижу так много негативных последствий от этого средства, значит, эликсир следует уничтожить! Необходимо поступить так, как я обещал доктору Рауху... Это будет честно и справедливо... И чем быстрее, тем лучше! Я принимаю это решение за себя и за всех!»

Пожалуй, стоило бы грохнуть волшебный пузырек оземь прямо здесь и сейчас, но... необходимо лишний раз убедиться, что эликсир сделал своё дело...

– Тридцатая, на выезд! – услышал Кирилл и поспешил к своей машине.

Жизнь не делится на черные и белые полосы, как считают некоторые. Она больше похожа на шахматную доску, где удача зависит от твоего очередного хода... Прошло два дня. Об эликсире Кирилл никому не рассказал. Даже своей жене, Вере. Хотя, так и подмывало поведать ей обо всём: о Муратове, об Орлове, о Раухе, о клинике, о териаке и волшебном лекарстве, которым он исцелил дочь и может так же легко лечить и омолаживать свою любимую супругу... Но понимал: этого делать нельзя! Раз он твёрдо решил уничтожить чудодейственное снадобье, то привести приговор в исполнение следовало немедленно... Но на это не хватало сил. Так и носил заветную бутылочку постоянно с собой...

Окраина Центрального парка, половина восьмого вечера. Кирилл возвращался из детской больницы домой. Леночка сегодня выглядела вполне здоровой. Повторные анализы подтвердили: все процессы в организме нормализовались, а это означало, что жизнь восторжествовала! Дочь весело щебетала, корчила смешные рожицы, словом, опять была обычной непоседой и болтушкой.

Как славно всё завершилось! Теперь можно строить самые смелые планы на будущее! Ну, не так уж, чтоб излишне смелые, но жизнь-то продолжается...

Они вынырнули откуда-то из ночи и сразу направились к нему. Три черные фигуры: тёмная одежда, тёмные обличья без глаз... Чем-то напоминали они те видения, которые начали преследовать Кирилла с момента обретения им старинной тетради... Так же появляющиеся ниоткуда и исчезающие в никуда...

«Будьте чрезвычайно осторожны!...», «Чёрный ворон, я не твой...»

Ильин остановился. Тени приблизились и замерли в трёх шагах от него. Понять, чего они хотят от испуганного прохожего, было невозможно – у них не было лиц.

«Чьи вы слуги, господа?»

Незнакомцы чего-то ждали. Кирилл огляделся по сторонам. Обычно, здесь ходит немало народу, но сегодня дорога было совершенно пустынной. И так...

«Кто вы и что вам надо?»... Но вопрос так и не сорвался с губ Кирилла. Вместо этого его правая рука метнулась под куртку, за пазуху и извлекла из внутреннего кармана бутылочку с эликсиром.

– Вы пришли за этим? – выдавил из себя Кирилл. Ему стало ясно, это – не люди. Им не нужны деньги.

Призраки молчали.

– Это всё, что у меня есть, – промолвил Ильин, но через секунду исправился:

– Точнее, «было»!

Резкий взмах руки и заветный пузырёк с бесценным эликсиром летит оземь! Звон стекла, брызги!.. И - тишина...

Пожалуй, он правильно поступил, поскольку бестелесные гости начали таять на глазах... Через минуту он находился на дороге уже совсем один. Призраки исчезли. Окружающее пространство начало постепенно заполняться другими фигурами, но это были уже обычные люди, спешащие по своим делам... Кирилл посмотрел под ноги. Бутылочка разбилась о край бордюра. Мелкие осколки разлетелись по асфальту, упали в пожухлую придорожную траву. Горлышко с пробкой отскочило к пеньку (по-видимому, спиленной липы), что одиноко торчал в метре от дорожки... Ноздри щекотал пряный запах... Запах эликсира... Запах жизни...

Размышления шахматной фигуры – 18

То сражение уже в прошлом.

Мы опять на шахматной доске и вновь готовы к битве.

Мы живы, мы всегда возрождаемся для следующего ристалища... впрочем, я об этом уже говорил...

Многие ошибки, которые были совершены в предыдущих сражениях, нужно учесть и не повторять их в последующем...

Но не мы руководим своими поступками.

Опять долгие тяжёлые раздумья... Отчего не начинают?

Зачем тянут время? Почему не кидают нас на острия пик и мечей?

А может, нами просто любуются?..

ЭПИЛОГ

В один из майских праздничных деньков Кирилл с детьми прогуливался по Центральному парку. Все радовались ласковому солнышку, начинающим зеленеть деревьям, шутили и весело смеялись. Особый восторг у Игорька вызывал подсчёт веснушек на носу счастливой Леночки. Ноги как-то сами вывели Ильина к детской больнице. Бросив на неё мимолётный взгляд, весёлая семейка поспешила к выходу из парка и вскоре очутилась на том самом месте, где осенью Кирилл разбил склянку с чудесным эликсиром.

– Вот тут твоё лекарство и кокнулось! – счастливый отец не хотел сбавлять обороты веселья, хотя в его душе воскрес целый рой полярных чувств, включая страх, особенно при воспоминании о тёмных фигурах, явившихся Кириллу. – Вдребезги!

– Вдребезги! – повторили дети и рассмеялись.

«Такое впечатление, что мы пришли на чью-то могилу», – внезапно подумалось Кириллу. Да, всё произошло вот здесь, рядом с этим пеньком... Осколков стекла, конечно, уже нет – их давно смели дворники...

– А это что такое?! – удивился Ильин.

Рядом с бордюром из плотно утопанной земли тянулся к солнцу нежный ярко-зеленый росток. На его сочных резных листочках виднелись причудливые бледно-розовые прожилки. Было непонятно, что это за побег, но он совершенно не походил на сорняк. Дети тоже залюбовались этим жизнелюбивым растением, а Леночка вдруг предложила:

– Давайте возьмем этот цветочек и посадим его в горшочек у нас дома, а то здесь на него кто-нибудь может наступить...

– Почему ты решила, что это – цветок? – растерянно спросил Кирилл.

– Просто – знаю, – ответила дочка.

– Хорошо, – согласился Кирилл, – пусть растёт у нас на подоконнике, – и, аккуратно подкопав землю лезвием складного ножичка, поместил побег в пластиковый стаканчик.

Прошло пару дней...

– Папа, ты знаешь, а я разговариваю с нашим цветочком, и он меня слышит! – проворковала улыбающаяся Леночка, подсаживаясь к Кириллу.

– Это как же? – удивился Ильин.

– Вчера я сказала ему: «Если у тебя не будет бутонов, то мой папа, для лучшего развития листочков отщипнет тебе верхушку...», – таинственным голосом проговорила дочка.

– Ну, и что? – не понял отец.

– А сегодня он зацвел! Представляешь? Посмотри, какая красота!.. – и девочка продемонстрировала отцу свое сокровище, покрытое прекрасными розовыми цветками и напоминающее роскошный праздничный букет.

Кирилл принял у дочери горшочек и понюхал цветок.

– Прекрасный аромат!

Этот запах определённо что-то напоминал... Но что? Пока Ильину это не приходило в голову. Но прошло ещё несколько недель...

– Ильин, – с милой улыбкой сказала Вера. – Дай-ка мне полюбоваться вашим цветочком!

Цветок уже разросся, окреп, тёмно-зелёные листья налились соком, а едва одни бутоны распускались, как появлялись новые...

– Кстати, как он называется? А запах-то какой!..

– Всё хочу посмотреть в Интернете, да нет времени... – Кирилл удивился, глядя, как тщательно его супруга вдыхает аромат цветка. – Нравится?

– Ваш цветок просто волшебный, – Вера оторвалась от горшочка и чмокнула мужа в щёку. – Его запах снимает усталость и головную боль, а еще... похоже, избавил меня от бессонницы... Не делайте такое удивлённое лицо, доктор! Это растение лечит меня добросовестнее собственного мужа! – она рассмеялась. – Ты, конечно, не поверишь, но за два месяца в нашей квартире никто не чихнул и не кашлянул, а у меня полностью нормализовалась работа желудка, да и на себя посмотри!... Таким бодрым и энергичным ты давно уже не был! Разве что в тот день, когда делал мне предложение!.. Давай-ка, собирайся! Надо много чего купить, завтра же едем на косу, не забыл ещё?

– Да-да, – проговорил Кирилл. – Наши друзья снова собираются на пикник... Валерий Васильевич, например, обещал обнародовать множество свеженьких историй о жизни врачей и пациентов... Но ему неизвестна одна, самая интересная и самая невероятная...

– О ком? – уже из коридора спросила Вера.

– О нас...

Аромат цветка напоминал запах чудодейственного эликсира!

КОНЕЦ

СНОСКИ:

1 – Часто работники «скорой помощи» после выполнения вызова оформляют так называемый «актив в поликлинику», то есть вызывают к данному больному участкового или дежурного врача из районной поликлиники.

2 – В шахматах это начало называется «королевский гамбит».

3 – антагонист опиоидных рецепторов, применяется как лекарственное средство в качестве антидота при отравлении наркотиками группы опия.

4 – В ходе Кёнигсбергской операции (6—9 апреля 1945 г.) Вооружённых сил СССР против немецких войск в Великой Отечественной войне была ликвидирована кёнигсбергская группировка противника и захвачен город-крепость Кёнигсберг (часть Восточно-Прусской операции 1945 года).

5 – 13 апреля 1945 года в районе улицы Красной был развернут окружной военный госпиталь № 4866 «Особого военного округа города Кёнигсберг». (Сформирован в ноябре 1942 года в городе Серпухове как 4866 военный (эвакуационный) госпиталь, Ныне - ФГУ «1409 ВМКГ БФ».

6 – «Королевский угол».

7 - Дома № 53-57 по улице Фрунзе (в разговорной речи известны как «Кройц-аптека», по сохранившейся на одном из домов немецкой надписи).

Комплекс состоит из трёх четырёхэтажных смежных домов, имеющих в общей сложности пять подъездов (по принятой в Калининграде системе нумерации каждый подъезд имеет собственный номер дома).

Данный жилой дом на Кёниг-штрассе, на первом этаже которого размещалась «Кройц-аптека», был построен в 1888 году. За время своего существования аптека принадлежала разным владельцем – в частности, Адольфу Петренцу, доктору наук и весьма авторитетному в Кёнигсберге фармацевту.

С двумя соседними зданиями - этот маленький архитектурный ансамбль назывался «Кёниг-сэк» («Королевский угол») - отголосок прошлого и по сей день можно услышать в названии улицы Угловой, проходящей в настоящее время через дворик. Даже сегодня на стенах можно разглядеть полустёртые немецкие надписи с названиями давно не существующих аптеки и кофейни.

8 – ферзь вспомнил «Бессмертную партию».

9 - универсальное лекарственное средство, териак был изобретен царем Митридатом VI Евпатором (126 – 64 годы до н.э.), и описан лейб-медиком Нерона Андромачом. Всесильное профилактическое средство, дающее своему владельцу долгую здоровую жизнь.

10 – «Инстербург» - марка коньяка.

11 – Детская областная больница.

12 – призрак, привидение (нем.)

13 – кто это? (нем.)

14 – это - русский врач (нем.)

15 – отличная работа (нем.)

16 – да-да, к доктору Рауху (нем.).

17 – пожалуйста, спите (нем.)

18 - (1294— 1303)

19 Осень (нем.)

20 – Благослови, Господь, труды мои (лат.)

21 – я - лётчик (нем.)

22 – я - врач (нем.)

23 – Всё в порядке (нем.)

24 – Куршская коса

25 – быстро, далеко, надолго (лат.)

КНИГА 3. НОВАЯ УЛИЦА КЁНИГСБЕРГА

ЧАСТЬ I. ЛЕКАРСТВО ОТ БОЛЕЗНИ ГОФМАНА

Размышления свободной души – 1

Мне очень много лет... Впрочем, течение моей жизни не измеряется годами. Разве что, только тогда, когда я существую в человеческом теле... А таких тел было немало.

В своём обычном состоянии у меня нет склонности размышлять. Я - просто сгусток энергии, хранилище информации с уникальной возможностью подключаться к живому мозгу... Надеюсь, вполне понятно выразился... для человеческого восприятия?

Мне, конечно, вполне комфортно, но чего-то всё же не хватает... Наверное, простых человеческих ощущений и эмоций... Так и тянет «вселиться» в тленную оболочку и отправиться в мир людей... С которыми у свободной души существует неразрывная связь...

В сущности, человек и после смерти остаётся человеком...

Глава 1. Послеобеденный переполох

– Андрюша, ты собираешься сегодня обедать? – в голосе Натальи стали пробиваться нотки лёгкого раздражения. – Суп стынет!

– А рюмочка уже наполнена? – оторвался от телевизора полный седовласый мужчина лет шестидесяти. В молодости он носил «чеховскую» бородку, придававшую ему изящества и некоторой солидности. Но с возрастом решил с нею «расстаться» и теперь внешне походил на баснописца Крылова. – Ты же знаешь, дорогая, что твоя стряпня кажется мне вдвое вкуснее, если...

– А не хватит ли на сегодня? С самого утра устроил себе праздник! Что отмечаем нынче: день рыбака или, как давеча, дату знакомства сына Клары Цеткин с товарищем своей матушки по партии Розой Люксембург?.. Это какая по счёту рюмочка, Андрей?

– Всё, дорогая, всё! – мужчина освободил диван, который скрипнул облегчённо и даже благодарно, и нетвёрдым шагом направился на кухню. – Чем нас порадует наша очаровательная хозяйка?

– Сегодня рассольник. Позови Сашу, он не заснул там у своего компьютера?

– Эй, Сашок! Завязывай с «Ванькой»! Тебя Роза Люксембург зовёт!

«Ванька» – первая модель отечественного многофункционального персонального компьютера, получивший своё «народное» прозвище из-за созвучия с английским названием «1-Q».

– Ты бы хоть в выходной день отдохнул от работы, сынок, – Наталья озабоченно посмотрела на молодого человека двадцати пяти лет от роду, прячущего очки в карман рубашки. Она заботливо пододвинула наполненные тарелки к мужу и сыну, и, наконец, уселась сама.

– В нашей лаборатории ставят важный опыт, – ответил Саша. – Все данные поступают сюда, на моего «Ваньку», я должен контролировать процесс... И управлять им.

– Так, а я что-то рюмочки и не заметил, – пробормотал глава семейства. – За успешный эксперимент...

– Ох, Андрей... – Наталья открыла холодильник, достала початую бутылку коньяку. – На, наполняй сам свой бокал. Мне не надо...

– А Саньку? – осведомился «заботливый» отец.

– Нет, я же говорю, важный опыт, – замотал головой сын.

– Ну, вот, – Андрей сделал вид, что расстроился. – Некому поддержать старого эскулапа в столь знаменательный день... Ладно, как говорили древние римляне: «В присутствии врача ничто не вредно»...

Он наполнил рюмку, вкусил ароматный напиток под неодобрительный взгляд супруги, и принялся за суп.

Примерно минуту семья наслаждалась трапезой, не прерываемой застольными речами. Майское солнышко с любопытством заглянуло в кухонное окно, его лучики, казалось, с наслаждением втягивали аромат наваристого мясного бульона.

– Ты, Сашок, врач и я тоже... старый доктор. Мы оба – врачи. Только ты в большей части экспериментатор... теоретик, а вот я – практик...

– Хлебца возьми, сынок...

– ...Причём, практик с большой буквы! – не унимался отец.

– Да помолчал бы уж... – попыталась одёрнуть его Наталья.

– Хорошо. Давайте будем молчать: все уткнёмся в тарелки и сосредоточимся на процессе поглощения супчика. Будем слушать, как жуют челюсти соседа, как они измельчают кусочки мяса...

– Рассказал бы лучше, чем завершилась твоя практика, – наконец, не выдержала Наталья.

Это замечание подействовало, и первое блюдо доедали в тишине. Но, когда переходили ко второму, «старый эскулап» вновь «взял слово»:

– Да, у меня были просчеты... Котлеты? Отлично!.. Я, сынок, однажды совершил непоправимую ошибку...

Видимо, сын догадывался, о чём идёт речь. Поэтому предпочитал молчать. Тема эта считалась в семье нежелательной для обсуждения, практически – запретной. Но сегодня отец начал сам...

– Много лет назад... ты тогда ещё не родился, я... на основе знаний, полученных из древней немецкой книги... придумал собственный метод! – Отец поднял указательный палец вверх, словно показывая им, что там, на потолке, начертано подробное описание его достижений. – И начал лечить людей по своей системе!..

– Я знаю, папа...

– Нет, не знаешь! Это было не простое лечение! Это было величайшее искусство! Я был почти всесилен! Перед моим умением...

– Знаю, папа, знаю...

– Откуда?

– Мне дядя Кирилл говорил. Он рассказал, как ты «расправлялся» с недугами, перед которыми традиционная медицина в те времена была бессильна. Поверь, он всё красочно и обстоятельно описывал ...

– Кирилл Андреевич... Что ж, он знает... Он и сам бы мог... – Андрей наполнил рюмочку напитком тёмно-малинового цвета, поднял её, подержал на свету, удовлетворённо отметил, как купаются солнечные лучики внутри искрящейся вязкой жидкости и отправил содержимое хрустальной ёмкости вслед за съеденной котлетой.

– Признаюсь тебе, сын... Я тогда чувствовал себя великим врачом и одновременно самым несчастным человеком на свете. Потому что не мог обеспечить свою семью нормальным жильём... Оттого и решил извлечь из открытия выгоду для самого себя... И извлёк...

– Довольно, Андрей, не надо ворошить минувшее... – прошептала жена.

– Отчего же?... Пусть мой сын знает, что его отец в молодости совершил преступление... Он убрал со своего пути нескольких старцев, чтобы унаследовать их квартиры... Сознательно... Решительно... Но и поплатился за это...

За столом воцарилась тишина. К аппетитным запахам свежеприготовленной пищи примешались более тяжёлые флюиды, отчетливо почувствовался жар от плиты и разогретого окна.

На стене вспыхнул телеэкран, диктор передавал свежий прогноз погоды.

– Тогда многие совершали преступления и жили по принципу: «кто умеет, тот и имеет...» – «гнул» свою линию упрямый «правдолюб». – В то время считалось, что если ты не ворует, не мошенничаешь, не убиваешь... тогда ты – неудачник... И не способен на поступок...

Стало ясно, что где-то глубоко в душе Андрей Орлов всегда был на всех чуть-чуть обижен... видимо, оттого, что не понят...

– Хватит уж... – умоляюще взглянула на мужа Наталья.

– Вот и я тоже... Свой метод лечения использовал для устранения неугодных. Поменял «плюс» на «минус»... Но я сполна ответил за содеянное. Меня признали сумасшедшим, и правильно сделали, нормальный человек на такое не способен. Я пять долгих лет содержался в психушке... А мог бы и дольше. Но, так как самой болезни по сути не было, а доказательства моей вины были лишь косвенные... Никто, слышишь, сынок, ни один человек не смог доказать, что это сделал я...

– Шёл бы ты спать, эскулап...

– Сейчас... Я хочу, чтобы мой сын был в курсе всего... Эксперименты... Теории... – он раздосадовано махнул рукой и поднялся из-за стола.

Было видно, что ему не хочется уходить, но он упёрся ладонями в подлокотники и всё же вытащил себя из стула, тогда как остальное тело, казалось, пассивно сопротивлялось, не помогая ему вставать...

Когда отец вышел из кухни, Саша тихо спросил мать:

– Это что, правда?

– Да, сынок, - кивнула она. – Мы не хотели тебе говорить об этом... Дело прошлое... Но наш папаша сумел получить квартиру, в которой мы жили долгое время, пока не переехали сюда, а также заработать некоторую сумму денег... Так-то, Саша... Только ты уж, прошу, не приставай к нему с расспросами...

– Ну, и дела... Кирилл Андреевич рассказал мне о врачебном прошлом отца, об его успехах... Но ни о каком преступлении он не говорил... Оказывается, наш батя – личность! – хмыкнул молодой учёный. – Вот уж никогда бы не подумал! А на вид – библиотекарь библиотекарем!..

– Когда его выпустили из клиники, то запретили заниматься лечебной деятельностью. Больше он в медицине не работал, устроился в библиотеку переводить и оцифровывать старинные книги... Это сейчас твой отец тихий и спокойный «книжный червь», а в молодые годы был страстным, целеустремлённым человеком... Да и гордости в нем было больше, чем он сам весил: даже мусор по утрам выносил с таким видом, словно спасал человечество от экологической катастрофы... Видимо, поэтому не смог смириться с «вопиющей несправедливостью» по отношению к собственной персоне, и вот результат...

– Но ведь он старался для своей семьи?

– Бог ему судья... А убийство невинных людей не имеет оправданий и срока давности...

– О чём беседуем, коллеги? – библиотекарь-оцифровщик вновь появился на кухне. Глаза его блестели, а на раскрасневшемся лице расплылась нелепая улыбка. – Не скучаете тут без меня?

Наталья перехватила его взгляд, устремлённый к стоящей на столе бутылке, схватила её и немедленно заточила в недра холодильника.

– Всё, достаточно! А то опять начнешь общаться со своим средневековым Учителем... – кольнула она своего супруга.

– Пап, – видимо, решил сменить тему разговора Саша. – Ты, действительно, что-то пристрастился к этому делу, – лёгкий кивок в сторону холодильника.

– Вот как... Ты тоже заметил... – Андрей тяжело опустился на стул. – Знаешь, сын, когда поживёшь с моё, когда испытаешь множество самых разнообразных... ощущений... Нет, вам не понять...

Он достал пульт, пощёлкал, просматривая череду каналов.

– Больше двухсот каналов, а смотреть, как всегда, нечего, – с грустью промолвил он и остановил свой выбор на «Новостях спорта». Но трансляция была неожиданно прервана. В левом нижнем углу монитора появилась картинка – улыбающееся лицо немолодого лысоватого мужчины:

– Здравствуйте, друзья!

– Здравствуй, Кирилл! – ответила Наталья.

– Здравствуй, дядя Кирилл! – обрадовался Александр.

– Привет, Кирилка-дурилка! – проворчал Орлов-старший.

– Андрей, перестань паясничать! Мне стыдно за тебя! – одёрнула его супруга.

– Э-э, батенька, - нисколько не обиделся «вызывающий», – а вы, смотрите, время даром не теряете! Нет, чтобы пригласить старого приятеля посидеть вместе...

– Так ведь тебя вечно носит, неизвестно где! Мы же планировали организовать вылазку на косу! А теперь гляжу, что ты в одиночку туда отправился...

– Да, Андрей, я решил сначала съездить на разведку... На пару часиков...

– Я вижу, ты за рулём? Что, никак не можешь приспособиться к автопилоту?

– Люблю сам порулить, ты же знаешь...

Лет десять назад завершилось переоснащение всех автомобилей на новое оборудование. В машинах установили бортовые компьютеры, куда закладывалась информация о поездке – начальный и конечный пункты (так называемая «дальняя навигация»). Система «ГЛОНАСС» отслеживала маршрут и вносила коррективы в движение. Другая система следила за пилотированием («ближняя навигация»), предотвращая все возможные предпосылки к ДТП. Шоссе оборудовались специальными приводами, лишая автомобили возможности произвольного выезда на встречную полосу или обочину. Оснащённое таким оборудованием транспортное средство легко обходилось без водителя, управление полностью переходило к «автопилоту», а электроника обеспечивала самую высокую степень безопасности движения. Но всё же, находились водители, которые, скажем так, не очень ей доверяли, и сами с удовольствием управляли собственным автомобилем. К таким относился и Кирилл Ильин, давний приятель Андрея Орлова.

– И каковы выводы разведчика?

– Рановато ещё для пикников и грязновато для прогулок, воды много. Ещё недельку подождать бы... Как дела, Наталья, Саша? А где Дима?

– У нас всё нормально, а Дима на работе.

Прежде у Натальи, жены Андрея, была сестра, которая скончалась от рака более двадцати лет назад. Болезнь подкосила её внезапно, не дав ни единого шанса на выздоровление. Всех буквально потрясло известие о скоростижной смерти молодой женщины, у которой остался несовершеннолетний сын. Наталья взяла Диму в свою семью. Андрей, в то время находящийся на принудительном лечении, был с ней полностью согласен: «Конечно, пусть живёт у нас. Когда я вернусь, найду средства на его дальнейшее обучение... Интересно, какую стезю он выберет?». Наталья отвечала: «После всего случившегося он мечтает только о профессии врача. Мальчик объявил «войну» раку и другим смертельным заболеваниям».

С тех пор семья Андрея и Натальи увеличилась. Выйдя из психиатрической больницы, Орлов начал поиски работы, которую нашёл лишь спустя полгода. Одновременно он ухитрился, не вызвав ни у кого подозрений, снять с каких-то, неизвестных даже близким людям, счетов довольно приличную сумму денег, отметив при этом, что за пять лет проценты дали заметную прибавку. С возвращением главы семейства обстановка кардинально изменилась – в доме поселились стабильность и достаток. Сначала Дмитрий, а

затем и Саша получили высшее медицинское образование. Но, как справедливо отметил «старый эскулап», работа их была научной, чисто теоретической, и он, в прошлом врач-практик, не упускал случая подтрунить по этому поводу над своим сыном и племянником.

– Значит, через неделю... – задумчиво повторил Андрей. – Решено. Кого возьмём с собой?

– Можно организовать весёлую компанию. Только следует договориться заранее... Ну, это я возьму на себя...

Андрей хотел что-то добавить, но в правом нижнем углу экрана появилась вторая картинка – на связь вышел Дима. Он был заметно взволнован и говорил быстрее обычного, слегка «заглатывая» окончания слов.

– Здравствуйте, дорогие! Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу – дело исключительной важности! Саша, срочно выезжай в лабораторию. Только не в корпус, а в хранилище... У нас беда...

– Что случилось? – побледнев, спросил Саша.

– Чрезвычайное происшествие! Из хранилища похищен препарат особого учёта! Ты не поверишь, но это – Ц-113.

– Что-о-о?! – выкрикнул молодой учёный, вскакивая со стула.

– Я не шучу. Все подняты на ноги. Полиция уже на месте. Всех срочно собирают. Подробности пока неизвестны, но, возможно, к твоему приезду кое-что прояснится...

– Да... Я сейчас... – у младшего Орлова свело скулы.

– Возьми себя в руки, Саша. Мы тебя ждём! – и Дима пропал с экрана.

– Я тоже отключаюсь, – сказал Кирилл. – Держите меня в курсе...

Наталья бросилась к сыну:

– Саша, что украли? Какой препарат? На тебе лица нет!

– Мама, – еле выдавил сын. – Это... это дело всей моей жизни... Я не могу тебе передать, насколько важен для нашей работы этот катализатор...

– Найдут, – убеждённо произнёс Андрей. – Такие вещи бесследно не исчезают. Не волнуйся ты так: похитителей отыщут и препарат вернут в целости. Я вызываю такси и еду с тобой!

– Ты-то куда, горе луковое? – воскликнула Наталья. – Сиди дома! – И поспешила собирать сына в дорогу. – Свитерок возьми, Саша. Вечером будет прохладно. Позвони оттуда. Постарайся не задерживаться...

Убедившись, что члены семейства скрылись в коридоре, Андрей сделал задумчивое лицо, глубоко вздохнул, затем махнул рукой и открыл дверцу холодильника...

Размышления свободной души - 2

Я – часть энергоинформационной оболочки Земли. Опять же, оговорюсь: понятие, доступное для человеческого понимания и ими же, людьми, придуманное. На самом деле все не совсем так, но от пояснений я воздержусь. Когда окажетесь здесь, среди нас, сами разберётесь и поймёте...

Я частенько нахожусь на «нижнем уровне». Это значит, созерцаю земную жизнь и людей. При желании могу входить с ними в контакт. Такое право мне было предоставлено «свыше», от более организованного разума, как награда за благую деятельность в моём прежнем теле...

Глава 2. Рыбацкие страсти

Человек ещё не знал, что он болен...

Просто, его стали посещать интересные сны с занимательным, фантастическим сюжетом, таким, что, проснувшись, он садился к компьютеру и пытался выразить свои ощущения словами... Видения приходили всё чаще: они были цветными, яркими, живыми.

Человек был рад своим грёзам и не находил в их появлении ничего странного.

До тех пор, пока они не превратились в постоянные и навязчивые кошмары...

Куршская коса, тоненькой стокилометровой «сабелькой» отрубившая от моря кусочек водного пространства, превратив его в пресноводный залив, по праву считается чудом природы. Известно, что здесь издавна жили племена охотников и рыболовов. Но люди по-разному относились к земле, которая их вскормила. Одни свято берегли этот удивительный уголок природы (боже упаси, причинить боль родной матери!), другие, напротив, позволяли себе бездумные вырубку лесов. На эту подлость природа ответила немедленно, настав на своих неблагодарных детей настоящее бедствие – песчаные дюны, которые начали массивное наступление на людей. Горы песка, высотой нередко по 60-70 метров, неумолимо двигаясь, засыпали целые посёлки. Поэтому последующим поколениям жителей пришлось всю свою жизнь посвятить борьбе с дюнами, высаживая на их пути сосновые «оборонительные укрепления». Дюны были вынуждены остановиться, чтобы передохнуть и набраться сил...

В советские времена Куршская коса являлась национальным парком, но в эпоху безвластия, когда всё решали деньги и связи, некоторые «успешные» господа из числа политической, бизнес- и шоу- «элиты» сумели присвоить лакомые кусочки этой драгоценной земли и почувствовать себя ее хозяевами. Однако, примерно четверть века назад, с образованием Великого государства, жёсткая власть придала Куршской косе статус заповедника, запретив на ней всякое строительство. Мало того, незаконно возведённые в прежние годы постройки были снесены, а на их месте посажен красивый сосновый бор. В завершение, все недовольные (а были и таковые) отправились осваивать малонаселённые области Заполярья.

В настоящее время въезд на косу стал жёстко лимитированным, иногда приходилось заранее записываться в очередь на посещение любимого места отдыха. «Не хватало ещё, чтобы у нас на косе возникали автомобильные пробки! – высказался однажды Губернатор области. – Мы не возражаем против посещения горожанами и нашими гостями Куршской косы, но от бесконтрольного нашествия отдыхающих будем её всячески оберегать!». К счастью, всеобщий охват населения глобальной информационной сетью заметно упростил эту задачу. Уже давно стало нормой, что в каждой машине находился чип, с которого можно считать её регистрационный номер, данные об автовладельце и состоянии транспортного средства (бортовой компьютер посылал также сигналы об его исправности или неполадках). Не вызывало сложностей сделать запрос через Интернет, ввести код допуска в компьютер своего авто и беспрепятственно следовать к месту отдыха. Кстати, «информационная революция» послужила на руку и экологической полиции, долгое время безрезультатно борющейся за соблюдение чистоты и порядка в зонах массового скопления людей. Не секрет, что практически все места, до коих была способна доставить отдыхающих легковая машина, носили на себе следы этих посещений, которые у нормального человека могли

вызвать лишь недоумение, досаду и боль. Достаточно было расположить в этих точках незаметные веб-камеры и датчики, чтобы любая компания, оставившая после себя мусор, немедленно задерживалась на ближайшем посту Экопола и там же штрафовалась на приличную сумму. Кроме этого, «гулякам» предписывалось вернуться на место недавнего отдыха и срочно произвести уборку. Такие «герои» очень скоро могли лицезреть себя в сатирической Интернет-газете «Кёниг-блин», весьма популярной в славном русском городе.

...Лодка плавно подошла к низенькому деревянному мостику, Саша Орлов ловко ухватился за его влажные доски, подтянул суденышко вплотную к «пристани», а его отец тем временем просунул цепь в гнезда, вбитые в брёвна, швартуя лёгкое плавсредство. Минуту спустя оба мужчины, неся удочки и улов, поднимались по песчаному берегу, причём второй рыбак, гораздо полнее и старше, по пути основательно приложился к фляжке, которую хранил во внутреннем кармане куртки.

– Красота-то какая, – заметил он при этом. – Знаешь, сын, какие бы сложности не возникали на работе... или в личной жизни, всегда находи время, чтобы созерцать всё это... Вот... А леща ты упустил по-глупому... Я уж думал, что научил тебя рыбачить...

Саша промолчал, хотя мог бы ответить, что отец не удосужился вовремя собрать подсачек, решив отложить это важное дело на более поздний срок. А лещ ждать не стал. И то сказать, красавец был, не менее трёх килограммов...

Вскоре наши герои вышли к рыбацкому домику, куда уже стянулись другие члены их дружной компании. Домик (пятиместный сектор), который они арендовали на сутки, автостоянка и площадка для трапезы, отдыха и подготовки к рыбалке были полностью в их распоряжении, а ближайшие соседи находились на значительном удалении.

Рыбаки сидели за широким столом, ожидая, когда будут готовы главные обеденные кушанья – уха и шашлык. Обслуживающий персонал пансионата суетился, накрывая на стол: расстилал скатерть, водружая на ней блюда с салатами, а повар-узбек колдовал возле мангала.

– Мы уж решили, что вы на вторую «зорьку» остаётесь! – улыбнулся Кирилл Андреевич. – Каковы успехи? О-о-о, - протянул он, увидев улов Орловых. – Сегодня вы всех обошли...

Андрей сунул пойманную рыбу в холодильник, специально предусмотренный для того, чтобы она не портилась в течение застолья, которое у друзей могло затянуться на несколько часов.

– Хороший выдался денёк, – согласился Орлов. – А что остальные рыбачки?..

Вся компания, за исключением Саши, состояла из людей «зрелого» возраста. По крайней мере, на первый взгляд. Судя по внешнему виду и другим косвенным признакам, заметным опытному глазу, рыбаки казались людьми интеллигентными. Не утомляя читателя излишними описаниями, сразу уточним: все, собравшиеся за столом, были врачами, долгое время проработавшими на «скорой помощи». Впрочем, они продолжали там работать. И, хотя ветеранский возраст (да-да, именно ветеранский!) иногда давал о себе знать, но опыт и интуиция делали их по-прежнему необходимыми и даже незаменимыми в этой благородной профессии.

К числу таких почтенных медиков, помимо Кирилла Ильина, относились: Валерий Васильевич, человек с внимательными, весёлыми глазами и седоватой бородкой, на вид лет сорока пяти, держащий в руках записную книжку, куда он обычно заносил многочисленные истории из своей медицинской практики и затем зачитывал их своим друзьям. Рядом с ним

сидел Сергей Пелюгин, старающийся даже здесь держаться строго и собранно. Сергей Иванович носил в кругу друзей и коллег прозвище «доктор Пилюлькин», из-за «фамильного» созвучия с героем знаменитого произведения Николая Носова. Он умиротворённо и с удовольствием подставлял лицо лучикам света, пробивавшимся на террасу сквозь набирающую силу майскую листву. На его губах играла лёгкая улыбка – эффект от очередной байки, рассказанной Валерием Васильевичем. Напротив восседал суховатый мужчина, выглядевший несколько постарше, его седые волосы слегка шевелил ветерок. Лицо этого человека, можно сказать, «светилось благородством», казалось, что это – английский лорд, обутый в рыбацкие сапоги, готовится к речи в парламенте, вертя в руках охотничий нож и с нескрываемым интересом поглядывающий в сторону дымящегося мангала. Был он близким другом Кирилла Андреевича и давним знакомым Андрея Орлова. Однако на «скорой» никогда не работал, долгое время служил в Вооружённых силах, а, выйдя на пенсию, возглавил лабораторию судмедэкспертизы. Звали его – Виктор Анатольевич. А если кто интересуется фамилией, то – Борисов.

– А вы вовремя, – приветливо заметил Виктор Анатольевич, увидев Орловых. – Шашлычки через несколько минут будут готовы. Располагайтесь, откусайте с нами холодные закуски и горячительные напитки... – он улыбнулся. – А то без вас мы не рискнули начинать.

– Ох, батенька, вы умеете предложить так, что и отказаться неприлично, – ответил Андрей, усаживаясь за стол. Саша примостился рядом и тут же достал из-за пазухи «Ваньку».

– О, и тут не без дела! – воскликнул Кирилл. – Скажи, Валерьич, он и на рыбалке про работу не забывал?

– Вы, конечно будет смеяться, господа... Возможно, даже хохотать, но и в лодке он общался с «Ванькой», из-за чего, собственно, был упущен трехкилограммовый экземпляр! В смысле – леща. Что же касается работы, то я тоже не упускал возможности пообщаться со своим аппаратом, – он похлопал по куртке, где во внутреннем кармане располагалась плоская фляга. – Тяга к науке, открытиям... и разного рода деятельности на благо человечества... это у нас – фамильное!

Саша провёл пальцем по поверхности ПК и объявил:

– Станция управления погодой сообщила, что после обеда будет 15-минутный дождик...

Он не мог похвастаться, что чувствует себя равным членом этой компании. Ветераны относились к нему по-свойски, со всеми он был на «ты», однако странное чувство не давало ему покоя. «Все эти люди, – думал он, – принесли обществу пользу просто грандиозных масштабов! Принесли и продолжают приносить». А он, Александр Орлов, пока только ищет; возможно, через несколько лет и он что-то подобное услышит в свой адрес, но сейчас... Он просто преклоняется перед ними.... Ну, как-то так.

Ещё больше бы его удивило, узнай он настоящий возраст этих людей. Кирилл Андреевич, выглядевший младше его отца, на самом деле был старше на десять лет. То есть, уже где-то 65... Примерно такие же чудеса произошли и с другими членами этого сообщества. Так, Борисову, выглядевшему лет на 60, на самом деле было 77. Однако, проходя мимо турника, расположенного возле подъезда его дома, он всегда останавливался и подтягивался на нём не менее десяти раз... Впрочем, этому феномену было своё объяснение и моложавые старики вполне могли бы раскрыть свой секрет, если бы их об этом настойчиво попросили. Но никто не интересовался. А если кто и завидовал, то делал это молча.

– Майский дождь, это – хорошо! – Доктор Пилюлькин наполнил стоящие рюмки настойкой собственного приготовления. – Предлагаю выпить. За нас. За этот чудесный день. За рыбалку. И за погоду, которой мы, наконец, научились, хоть в какой-то мере управлять.

– Ох, умеешь же ты целых четыре тоста... упаковать в один! – посетовал Андрей.

Они выпили. Все, кроме Кирилла, который ни за что не хотел «расставаться с рулём» собственной машины. А Саше вдруг захотелось рассказать что-то о своих изысканиях, показать, что и он своими кропотливыми исследованиями, служа медицинской науке, тоже приносит пользу. Хотя, пока её не очень-то видно... И тут вдруг представился подходящий случай.

– А что у нас сейчас происходит в современной науке, коль даже рыбалкой жертвуют ради неё? – поинтересовался Пилюлькин, похрустывая перышком зелёного лука. – Интересно узнать, какие проблемы занимают нашего молодого коллегу...

– Поведай нам, юноша, – подхватил Валерий Васильевич. И - в сторону мангала: – Не сгорит шашлык, азиз (1)?

– Готово, уважаемые! Сейчас доставим! – откликнулся повар.

– Предстоит ужасно интересная и важная работа... – ответил младший Орлов. – Если рассказывать о той теме, которой занимаемся мы с Димой,... то многое покажется невероятным...

– Ну, нас-то уже трудно чем-то удивить, – Пилюлькин вновь наполнил рюмки.

– Тогда я начну издалека, – и, заметив в глазах собеседников искренний интерес, Александр продолжил: – Вы, наверное, помните, что в 2025-м году состоялся полёт американцев на Марс. Тогда же на Землю были доставлены образцы почвы для исследований...

– Было дело, – подтвердил Пилюлькин.

– Так вот... В образцах почвы были обнаружены странные микроорганизмы... Вскоре эту тему закрыли, поскольку немного позже убедились, что это не банальные бактерии, а искусственные кибернетические вирусы – враждебный искусственный разум, запрограммированный на разрушение живого интеллекта, который, как мы думаем, и погубил красную планету несколько миллионов лет назад... Пути его передачи пока не совсем ясны. Возможно, один из них – заражение людей через Интернет и другие каналы связи... Но то, что я вам сейчас рассказываю, является закрытой информацией...

– Вот как... И что, этот вирус вырвался на свободу? – спросил Андрей. – А ты вступил с ним в противоборство? – Он чокнулся с товарищами и пригубил настойку. – Чудесный аромат!

– Как ни страшно прозвучит, но это так...

– Теперь Америке грозит эпидемия? – будничным тоном спросил старший Орлов.

– Увы, это будет не эпидемия, а пандемия, поскольку вся наша планета охвачена «всемирной паутиной»...

Наступило молчание, а младший Орлов принялся рассматривать ползущую по праздничной скатерти божью коровку...

Хозяин заведения принёс шампур, посыпал мясо зеленью и пожелал собравшимся «дорогим гостям» приятного аппетита. Рыбаки с удовольствием набросились на еду.

– И насколько серьёзна проблема? – поинтересовался Пилюлькин, пережёвывая кусок мяса.

– Чрезвычайно, – ответил Саша.

– Ну, за скорейшее уничтожение злобного вируса! – провозгласил Орлов-старший.

Они выпили, закусили, и разговор возобновился.

– Пока федеральные надзорные органы и санитарные службы различных стран спохватились, значительная часть населения нескольких государств уже была охвачена... этой не совсем обычной болезнью... Некоторое время ушло на выявление и идентификацию самого вируса... Он получил название OSM2025... и недавно был обнаружен уже в нашей стране...

– Расскажи нам подробнее: что это за болезнь? – поинтересовался Ильин. – Очередная модификация гриппа?

– Не смешно, дядя Кирилл. Речь идёт о разновидности онейроида... Эта болезнь начинает проявлять себя сначала в сновидениях... Существует иллюзорный онейроид, когда фрагменты реального мира смешаны с фантастическими представлениями. На первой стадии заболевания так оно и происходит. Затем болезнь переходит в грёзоподобный онейроид. Это когда собственное «я» уже совершенно видоизменено. Больные полностью отрешены от внешнего окружения и погружены в события, происходящие в их воображении. В результате люди сходят с ума, часто болезнь заканчивается полным истощением нервной системы и инсультом... Что-то похожее было и у двух астронавтов, вернувшихся с Марса. Но тогда в причинах не разобрались...

– А ведь и у нас, в Кёнигсберге, подобные заболевания уже стали не редкостью... – промолвил Кирилл.

– Да, - подтвердил Александр, – и поскольку несчастных, подвергшихся заражению, преследуют схожие галлюцинации, а они обычно видят полчища мышей и крыс, мы назвали новую напасть «болезнью Гофмана». В честь нашего земляка, великого мистика и сказочника, композитора и художника Эрнста Теодора Амадея Гофмана, и по аналогии с его самым известным произведением «Щелкунчик и мышиный король».

Некоторое время коллеги ели молча, «переваривая» услышанное.

– Наш университет получил грант на проведение исследований... – продолжил Саша. – Была создана научно-исследовательская группа, куда попал и я... благодаря Дмитрию. Он сейчас – наш руководитель.

– И как продвигается ваша работа? Есть ли результаты? – поинтересовался Борисов.

– Да, мы создали препарат... такую нонавакцину, способную убить вирус ещё в зародыше... Но, для того, чтобы она начала действовать, её нужно как бы... «возбудить» и особым способом запрограммировать.

– Поясни, – попросил его Орлов-старший. – А то у нас, мужиков, по поводу «возбуждения» мысль начинает заворачиваться совсем в другую плоскость...

– Видишь ли, сам препарат – это армия. Отряды мощных и стойких бойцов. Но им нужен предводитель, который направит полки на врага. Который их возглавит, вдохновит и отдаст соответствующий приказ... И поведёт за собой!

– Красиво сказано! – похвалил Андрей.

– Это своеобразный катализатор. Сам препарат без него не действует. Но если ввести в организм наше лекарство и тут же дополнительно - катализатор, тогда всё закрутится!

– Постой, не тот ли это катализатор, который у вас украли на прошлой неделе? – спросил отец.

Саша тут же сник.

– Да... И это – огромная беда. Украли не только образец, но и часть документации... На некоторых отдельных файлах сохранилась важная информация, но её явно недостаточно, чтобы восстановить материал... Хотя, и сам катализатор не был окончательно готов... Ему

предстояли испытания. Мы могли закончить работу в течение недели, а могли затянуть её на годы... Но теперь придётся вновь возвращаться к тому, с чего начинали... А время очень дорого!

– Ничего, найдут ваш катализатор! – попытался утешить сына Орлов.

– Не волнуйся, отыщется, – поддержали его остальные медики.

Сквозь молоденькие сосны виднелся небольшой участок шоссе, тянущегося по косе. Валерий Васильевич обратил внимание на то, что по нему проехали несколько тяжёлых фур жёлтого цвета.

– Зверей повезли, – промолвил он. – Неужели действительно скоро откроют «Чудо-парк»?

– Не понял. Ты это о чём? – переспросил доктор Пилюлькин.

– А это потому, что мало с нами едешь и не интересуешься новостями. Не слышал разве о создании на косе «Чудо-парка»?

– Я слышал о засадке отдельных участков косы экзотическими деревьями... эвкалиптами, пальмами, гигантскими кактусами, даже, по-моему, баобабами... Собирались создать такие «оазисы» растительности всех континентов...

– Хотели и создали.

– Что, и деревья прижились?

– А что им сделается? Растут. В следующий раз подъедем поближе, посмотрим.

– Вот это да... А я уж решил, что это – просто разговоры...

– А про зверей слышал?

– Нет...

– Да ты совсем отстал от жизни. В «Чудо-парке» на косе скоро будут гулять стада прирученных животных. Среди них – бизоны, кенгуру, львы,... вплоть до клонированных мамонтов, а со временем, возможно, динозавров... Вон, везут сердешных...

– Главное, чтобы крокодилов не запустили, – с напускной озабоченностью произнёс Андрей. – А то рыбалка в заливе окажется весьма затруднительной... Не делай удивлённое лицо, Серёжа. Васильич не выдумывает... Странно, что ты об этом до сих пор не знал. Подумать только: в какое интересное время мы живём... Я, например, запомнил, как мне рассказывали родители, что в послевоенные годы на побережье валялось очень много янтаря, а наши переселенцы и понятия не имели, что это такое. Его называли «канифолью» и топили им печи...

Проводив взглядом промелькнувшие автопоезда, друзья вернулись к трапезе и своему разговору.

– Вот, значит, какая опасность нависла над нашим отечеством... – произнёс Андрей. – Давайте-ка ещё по маленькой, да пора уже и делами заниматься... – Он бросил взгляд на припаркованные автомобили.

За забором, на асфальтированной площадке стояли четыре машины. Две из них работали на биотопливе, весьма качественной замене изделиям из нефтепродуктов, одна – с бензиновым двигателем, и одна, работающая на электроэнергии. Последняя стояла на освещённом участке, солнечные батареи были активированы, аккумулятор подзаряжался от солнца.

– Пожалуй, пора, – произнёс Валерий Васильевич. – Спасибо тебе, наша красавица-коса, море-залив, майская погодка! – и поклонился.

Зашевелились ветки берёз и сосен, коса словно принимала благодарность.

А тут дал о себе знать лежащий на столе «Ванька». На экране вспыхнуло заплаканное лицо Натальи, матери Александра.

– Андрей, Саша! Немедленно возвращайтесь! Диму арестовали!

Размышления свободной души – 3

Есть люди, судьба которых мне безразлична.

Иногда я стараюсь помочь им и очень радуюсь, если мне это удаётся. Когда они выбирают правильный путь и совершают благие поступки. Пусть даже они – совсем чужие мне люди и в родственных отношениях мы никогда не состояли...

Лишь бы были близки по духу...

Глава 3. Адвокатские истории

Человек вновь оказался перед каменной глыбой. Он знал, что за ней, в жирной черноте ночи скрываются мерзкие беспощадные твари... Они сливаются с тьмой... Они умны, кровожадны... и ждут возможности на него напасть...

Но нужно спешить. Он должен, увернувшись от острых когтей и зубов, пройти этот смертельно опасный участок и подняться в гору.

Несколько раз ему это уже удалось... Отчего же он вновь и вновь оказывается у черной скалы, почему этот кошмар всё время повторяется?... Это – жестоко и несправедливо! Гнев и страх... неистовый, яростный, испепеляющий овладевает не только духом, но и телом...

Наконец, он чувствует, как останавливается его сердце...

Андрей Орлов любил поразмышлять за рюмочкой хорошего коньяку. Это к нему он пристрастился за последнее десятилетие, а пофилософствовать любил ещё в молодости. Хотя, как сказать, «пристрастился»... Неодолимой тяги к выпивке он не испытывал, вполне мог обходиться и без неё, хотя это заметно усложняло ему жизнь. Просто, считал он, - настал такой временной период, когда под рукой всегда должны находиться три вещи: мягкий диван или кресло, перо с листом бумаги и... она самая.

Хоть никто и не называл его стариком, Андрей любил поразмыслить над своей прошлой жизнью: вспомнить минувшее, поворчать да посетовать. Его бурная молодость была отмечена прикосновением к древней святыне врачебного искусства, книге Иоганна Майбаха, из которой он смог почерпнуть необходимые для медицинской практики сведения. И это несмотря на то, что старый немецкий доктор пытался своё «учение» спрятать под надёжный «кодовый замок». Да, потом были преступления, и наступило раскаяние. Приходили видения в виде старого «алхимика», появлялись призраки погубленных Андреем людей... Было стыдно... и жутко. Было чертовски обидно за допущенные промахи, исковерканную жизнь и пущенные «под откос» молодые годы, за несостоявшееся «блестящее» будущее... Но он сумел вывести «в люди» сына и племянника, он не утратил любовь супруги, у него есть работа и средства к существованию. В конце концов, у него есть друзья... Так ли уж неудачно всё сложилось? Нет, он бы так не сказал. К тому же, кто

осмелится заявить, что в 55 лет жизнь уже закончена? Ошибаетесь, господа, ох, как глубоко вы ошибаетесь!..

Вот, в этот момент обычно и наполнялась рюмочка. Затем следовало молчаливое созерцание благоухающего напитка, после чего оный неторопливо и с удовольствием вкушался...

Спинка кресла всегда находилась в его распоряжении, а лист бумаги и перо отлично заменял универсальный «Ванька». Временами Андрей склонялся над ним и увлечённо печатал что-то под удивлённые взгляды жены, племянника и сына.

– Никак, мемуары сочиняешь? – подтрунивала над ним Наталья.

– Записки земского врача... – делал предположение Саша.

– Философские заметки, – убеждённо произносил Дима.

– Вам не понять, – глубокомысленно отвечал Орлов, не отрываясь от своей работы. Но вот беда, лишь только он вновь оставался в одиночестве, имея в наличии две необходимые вещи, непременно вспоминал о третьей.

Поэтому Наталья, уточняя у членов семьи, что бы те хотели видеть в своём рационе, спрашивала у мужа:

– Тебе-то что заказывать, академик ты наш непризнанный?

– Коньячку! Непременно коньячку, любимая! – всякий раз слышала она в ответ.

И, как бы оправдываясь, Орлов добавлял:

– В доме всегда должен находиться коньяк! Это первейшее средство для борьбы со стрессами, это – хороший довесок к праздничному столу, и, наконец, именно он подчёркивает благородство нашего занятия и вообще, нашей фамилии.

И Наталья, деланно вздыхая, покупала «Новый Кёнигсберг» – марку коньяка, созданного специально по случаю переименования Калининграда.

Кстати, по поводу возвращения городу прежнего имени в доме Орловых однажды произошел занятный разговор. Даже не разговор, а целый спор, поскольку не все были согласны с таким решением властей.

Случилось это в 2020-м году. «Старый эскулап» уже четыре года как находился на свободе, а Кирилл со своей супругой Верой в этот день были у него в гостях.

– Ну, что, друзья, сегодня мы празднуем День Победы и очередную годовщину возвращения Калининграду его старого названия - Кёнигсберг, – поднял свой бокал Андрей Орлов. - Как известно, еще в XX веке Ленинград вновь стал Санкт-Петербургом, Свердловск – Екатеринбург, Куйбышев – Самарой, Горький – Нижним Новгородом, а Калинин – Тверью... Чуть позже и другие города России обрели свои исторические имена: Волгоград стал Царицыным, Киров – Вяткой, Ульяновск – Симбирском, а Краснодар – Екатеринодаром... И вот, наконец, накануне 75-летия Великой Победы и 75-летия штурма нашего города, после референдума Калининграду тоже возвращено его прежнее название – Кёнигсберг! Ну, за справедливость...

– А вот я на этом референдуме проголосовал против переименования, – тихо, но внятно произнес Ильин. – Мы столько лет строили и украшали свой Калининград, гордились им, родили и вырастили здесь своих детей, а теперь в одночасье оказались на чужой немецкой земле в Восточной Пруссии...

– Ну, во-первых, нашу область назвали не Восточной Пруссией, а Западной Россией, из-за ее отдаленности от Федерации, – тут же возразил Андрей, – а, во-вторых, пруссы были вовсе не немцами, а славянами.

И, обращаясь уже не к своему оппоненту, а ко всей застольной компании:

– Хочу вам напомнить, что ранее Кёнигсберг уже был российским, и тогда название города не менялось. При императрице Елизавете Петровне, – блеснул он историческими знаниями, – после Семилетней войны город с 1758 по 1762 год находился под короной Российской империи. Тогда ей присягнул даже знаменитый наш... немецкий философ Иммануил Кант! После этого он читал для российских офицеров курс фортификации и пиротехники. Считаю, именно в тот период наблюдался пик его интеллектуальной и творческой деятельности! Когда же Пруссия вошла в состав России, то управлять ею стал опять же наш генерал-губернатор. Всего в истории этой земли их было четыре, в том числе - отец нашего прославленного полководца Василий Иванович Суворов, но ни у одного не возникло желания хоть что-то переименовывать... Так почему же самый западный город России должен был носить имя Михаила Ивановича Калинина, которое у всех ассоциируется с преступлениями Сталина? Всесоюзный староста не имел к нашему городу никакого отношения, кроме первой буквы своей фамилии!

– Пусть так, однако, не стоит забывать, что Кёнигсберг был сильно разрушен в годы Второй мировой войны, затем перестроен нашими переселенцами, а, следовательно, как такового старого Кёнигсберга уже давным-давно нет. А чтобы убрать негатив, излучаемый фамилией Калинин, город можно было назвать просто... «Калиноградом», например. Тогда нашим старожилам было бы не так обидно....

– Не смейте нас, пожалуйста, – так еще хуже, – стал «заводиться» Андрей. – Нет, наши деды в Великую Отечественную войну штурмовали именно Кёнигсберг и именно его включали в состав России! Возвращение городу исторического имени как раз укрепляет уверенность русских людей в то, что они в нём хозяева, а не оккупанты!

Конечно, мне порой бывает досадно за прошлое: налеты союзной авиации, превратившей этот город в руины, за ошибки наших властей и первых переселенцев-временщиков, намеренно уничтожавших то, что чудом не было разрушено английскими бомбардировщиками в 1944-м и советской артиллерией в 1945-м годах. Хорошо, что хоть что-то уцелело, и мы сейчас можем прикоснуться к истории и жить в современном европейском городе, и, конечно же, должны постараться, как можно больше памятников восстановить и сохранить.

– Ну, почему все же выбрали иностранное название? Дань моде? Ведь можно было переименовать город в Королевскую гору – ведь именно так и переводится Кёнигсберг? А чем плохо истинно славянское имя Кролевец? Или Кантоград? И не безобразие ли то, что в «новом» Кёнигсберге названия всех улиц дублируются теперь латинскими буквами?

Заметим, что дамы в этом споре помалкивали, лишь с улыбкой переглядываясь. Обе были довольны эрудицией своих мужей: каждый имел свой мнение, свою точку зрения. Её и отстаивал.

– Раз уж Кёнигсберг оторван от Великой России и находится в центре Европы, то он, как дипломатичный посол огромной страны, не должен стесняться быть немного похожим на своих друзей и соседей, - парировал Орлов. - Я, например, прежде ходил на работу по Ленинскому проспекту, а на Коммунистической снимал квартиру. Теперь это – проспект Канта и улица Гофмана. Вот кто – действительно выдающиеся люди! Кстати, уже практически восстановлен Королевский замок! И воссоздана Янтарная комната! Вот эту работу и следует продолжать. Но никто же не собирается переименовывать улицы, от названия и вида которых на душе сразу становится хорошо и спокойно, причем в любое время года и при любом политическом строе: Счастливая, Дивная и Букетная, Закатная и Красных зорь, Тенистая, Каштановая и Яблоневая аллеи...

– Эж, куда тебя понесло, романтик ты наш...

– Не надо драматизировать ситуацию, – заговорил желающий выглядеть взрослым Дима. – Переименование нашего города – это не политическое, а всего лишь культурно-историческое событие. Жить в российском Кёнигсберге – патриотично, здорово и даже – круто!

– Да перестаньте вы спорить! – наконец, не выдержала Наталья. – Просто мы стали немного похожи на жену, которая долго жила с нелюбимым мужем, а потом развелась и взяла девичью фамилию, – подытожила она. – Давайте, наконец, выпьем за Великую Победу! За 9 Мая! Это – наш самый главный национальный праздник! Надеюсь, возражений нет?

Тут уместно вставить в наше повествование небольшую ремарку. Переименование города повлекло за собой целую череду знаменательных событий. О восстановлении Королевского замка и Янтарной комнаты, которая стала храниться в Замке, мы уже упомянули выше. По мере экономического развития региона, глава города узаконил бесплатный проезд населения в общественном транспорте и заметно снизил тарифы на коммунальные услуги. Одним из наиболее значимых свершений, по достоинству оценённых горожанами, оказалось полное восстановление «съеденных» морем пляжей в районе Светлогорска и Зеленоградска (кстати, кроме областного центра другие населённые пункты своих названий не меняли). В результате взвешенной миграционной политики, властям, наконец, удалось полностью избавиться от услуг среднеазиатских гастарбайтеров. Многие виды подсобных работ теперь с радостью выполняли приезжающие на заработки специалисты из Литвы и Польши.

Со времени того разговора минуло семнадцать лет.

Словом, как-то незаметно для себя, Андрей Орлов превратился в созерцателя. В философа-насмешника, решившего, что лично от него в этой жизни ничего уже не зависит, а остаётся лишь с улыбкой следить со стороны за всем происходящим, ничему не удивляясь и заноса в компьютер результаты отдельных наблюдений и полные сарказма комментарии...

А вот накануне рыбалки Орлов был совершенно серьёзен, даже несколько удручён. Едва проснувшись и умывшись, он сразу же уселся на диван, водрузил на колени «Ваньку» и начал украдкой записывать необычный сон, увиденный прошлой ночью. Сон, очень похожий на прежние болезненные видения, посещавшие его много лет назад. Неужели всё вновь повторяется?..

Заглянем ему через плечо и посмотрим, что же так озаботило нашего философа.

«...Старый алхимик пришёл опять... Я хотел сказать что-то резкое, но вместо этого вновь назвал его Учителем... Те же седые кудри и крючковатый нос, та же неизменная тросточка с золотой змейкой... Он не был ни печален, ни зол, он не читал нотаций и нравучений, только пристально взглянул на меня, словно проткнул ланцетом, покачал головой и произнёс: «А ты изменился: вижу, что ты уже не тот недотёпа, который переврал моё учение и заставил своего доброго наставника перевернуться в гробу, отчего его старые кости рассыпались в прах и смешались со строительным мусором... – Голос Учителя обладал рядом свойств, ухватить и описать которые довольно непросто. Он казался «холодным» и «тяжёлым», порой даже – «рычащим», а иногда – легким и бархатным. Слова же он... то презрительно «цедил», то – благодушно «ронял»...

– Пожалуй, придётся поручить тебе отыскать и привести в порядок мои останки»... Вот тут я испугался по-настоящему и попытался проснуться, но старый дьявол цепко держал меня в своих клещах! У него был очень странный взгляд: то поверх головы, то в глаза, вроде и смотреть-то было не на что, а его зрачки то сужались, то расширялись... Я хотел что-то ответить или закричать, но язык мой стал мёртв, а рот словно зашит... Тогда призрак навис надо мной, как нож гильотины, и вкрадчиво произнёс: «Тебя и твою семью ждут тяжкие испытания... Они уже совсем близко. Всё может кончиться очень и очень печально... Но, в память о нашей былой дружбе, – тут его губы слегка дрогнули в зловещей улыбке, – я помогу тебе... – Жесты и интонации голоса не только окрашивали произносимые фразы, но придавали им важные смысловые нюансы... – За это ты должен отыскать мою могилу и восстановить там нарушенный порядок... Я похоронен на Фиалковой горе... Не теряя времени, скоро тебе будет дан знак...» В заключение он прикоснулся к моему рукаву, тем самым как бы крепче впечатывая в душу «ключевые» слова. Тут я и проснулся. Вся простынь была мокрой от пота, сердце бешено стучало. Я подробно записал свой сон, чтобы на досуге лучше осмыслить увиденное. Думаю, всё это неспроста...

Ну-ну, эскулап, не переживай! Это всего лишь дурной сон!»

Однако знак не заставил себя долго ждать...

– Это ни в какие рамки не лезет! – возмущалась Наталья. – Забрали «до выяснения обстоятельств»! Каких? Сказали, выпустят через два-три дня. Или совсем, или... – она всхлипнула, – изменив меру пресечения...

– Борисов, ты видишь, что творится? – говорил Орлов, глядя в нахмуренное лицо на мониторе, вывешенном на кухне. – Можешь что-нибудь узнать по своим каналам?

Саша сидел тут же за столом, отрешённый, подавленный, судорожно вцепившийся в «Ваньку, и не знающий, что с ним делать. Наталья в очередной раз вытирала слёзы.

– Постараюсь, – ответил Виктор Анатольевич. – Хотя времена нынче иные, но кое-какие связи сохранились. Вы, главное, успокойтесь. И найдите приличного адвоката... А сейчас лучше не «накручивать» себя. Ложитесь спать: завтра, глядишь, разберутся и выпустят...

– Вот и я говорю: не надо паниковать! А насчёт адвокатов... Мы не успели ещё и глазом моргнуть, а их уже с десятков нарисовалось... Сейчас будем беседовать, выбирать...

Виктор Анатольевич долгое время считался «своим» в УВД по Калининградской области. Но, много лет назад отошёл от дел. А за эти годы столько всего изменилось! Почти все связи оборвались. Почти...

Единственное, в чём он мог реально помочь сейчас Орловым, так это поддержать и обнадежить своих друзей. Впрочем, на данный момент и это было не так уж мало.

Немного успокоившись, Орловы приступили к выбору адвоката. Заранее обзавестись таковым у них как-то не доходило руки, потому что Андрей недолюбливал эту категорию людей, хотя и считал, что иногда всё же от них бывает реальная польза.

Первые два юриста на связь выходить не спешили, оставили на запрос письменную информацию о своих адвокатских конторах (оказывается, в Кёнигсберге их было порядка тридцати!), адреса и реквизиты.

Третий сразу вышел на связь, явив собравшимся слащавую, заплывшую жирком физиономию.

– К вашим услугам, адвокат Буйновский Аркадий Витальевич... – Хитрые глазки мигом оценили аудиторию, было видно, что в его мозгу автоматически произошёл подсчёт возможного барыша...

К десяти вечера выбор был сделан. Из восьми человек, соизволивших лично побеседовать с Орловыми, только один соответствовал установленным критериям. И то, после завершения разговора с ним, Андрей в сердцах произнёс:

– Вот прохвост! И как только земля таких носит!...

– А что ты хотел, Андрюша? У них особая работа...

– Их работу я ещё не видел. А денег уже требуют! – возмущённо произнёс глава семейства, откручивая пробку бутылки. Наталья не стала возражать. И то сказать, почти полтора часа беседы с адвокатами супруг держался без допинга...

– И ни одной русской фамилии! – сокрушался отец. – Где вы, Ивановы-Петровы-Сидоровы? На худой конец, Плеваки (2)...

– Да, папа, деньги вышибать они умеют... Хватка ощущается сразу... А как сказал этот, Коздоев: «Переводите прямо сейчас лимон, и сегодня же клиент будет на свободе! На худой конец – завтра...»

– А этот, с серьгой в ухе... – Орлов-старший сморщил физиономию. – С жеманными жестами, выдающими его мерзкую ориентацию... Тьфу!..

– Вот этот, кстати, мне показался... – попыталась заступиться за «защитника» Наталья.

– Да ты что! Ещё непонятно, что это за существо, а ты хочешь доверить ему судьбу родного человека!

Решили остановить свой выбор на суетливом старичке, пообещавшем приступить к делу немедленно, задавшего при этом не так уж много вопросов и готового обсудить размер гонорара лишь после того, как в деле появится хоть какая-то ясность. Он был карикатурной внешности: лысоват и мал ростом, с глазами чуть навывкате и подвижным острым личиком отнюдь не классической лепки. А его лукавая улыбка говорила о том, что не стоит все сказанное им принимать буквально.

– Вот крыса... – процедил сквозь зубы Орлов-старший, сердечно распрощавшись с адвокатом. – Ну, меня-то ему провести не удастся.

Утро началось с суеты. Друзья семьи тактично интересовались ходом дела, полиция упорно молчала. Адвокат, Герман Концевич, сообщил, что сегодня встречается со следователем и задержанным.

В десять утра вышел на связь Борисов.

– Дело и хорошо, и плохо, - сразу «взял быка» за рога отставной офицер. – Дмитрия подозревают в организации похищения известного нам препарата...

– Но это же абсурд – воровать у самих себя! – едва не взорвался Андрей.

– Доказательств пока никаких, кроме косвенных... Но и они должны быть проверены... Дело ведёт подполковник Сулейманов...

– О, господи...

– Про него мне мало что известно. Но вы не волнуйтесь. Задерживать по закону разрешено не более чем на 72 часа. Дима жив-здоров, настроение бодрое. Ждёт адвоката, скоро выйдет с вами на связь. Это - хорошая новость.

– А плохая?

– Производят задержание всей их научной группы. Взяли ещё троих... Боюсь, скоро придут и за Александром...

В этот момент в дверь настойчиво позвонили...

Размышления свободной души – 4

Мы обитаем в мире, полном больших и маленьких правил, где каждый звук имеет право на эхо...

Человек за последнее столетие до неузнаваемости изменил мир, сам же он остался неблагодарным существом с животными инстинктами. Нарушен самый главный закон Природы: нельзя бесконечно брать... нельзя бездумно разрушать ...

Впрочем, законы Природы сами не нарушаются, их попирает человек.

И дорого платит за это...

Глава 4. Кладбищенские истории

Больной во сне решал задачу.

Потоки цифр, мелькающих перед его глазами, он старался упорядочить и привести в стройную систему. В каждом из пробегающих знаков был какой-то тайный смысл... Но закономерности он не улавливал. Человек пытался осмыслить выстроенные им колонны чисел, но они тут же рассыпались. И он собирал их вновь...

Его мутило, дрожали руки и кружилась голова. Он чувствовал себя разбитым и обессиленным, как бы вынырнувшим на поверхность из-под многометровой толщи воды... Но упорно возвращался к одному и тому же участку работы... Вот они... те это цифры или не те? В данном ряду они стояли или в следующем? Пожалуй, чего-то не достаёт...

Он сильно нервничал, ему не хватало воздуха...

Наконец, стало казаться, что ещё немного, и его голова лопнет! И тогда он закричал от боли... И во время этого ужасного вопля ему показалось, что рот превращается в огромную хищную пасть...

Если бы у Кирилла Ильина спросили: «счастлив ли он?», то заслуженный врач с радостью бы ответил: «Да!». Всё у него есть и дела идут превосходно. Хотя, жизнь могла бы повернуться и иначе, не случись ему четверть века назад познакомиться с одним любопытным человеком... Именно благодаря тому знакомству у него появилась возможность создать спасительный эликсир для умирающей дочери, хотя для этого пришлось преодолеть немало трудностей. Волею судьбы, с чудодейственным эликсиром пришлось распрощаться. Ильин разбил пузырёк с бесценной жидкостью, поскольку... так было надо. Но его Леночка была спасена.

«Когда человек рождается, то жизнь дает ему все пути сразу, не подсказывая лучший вариант, – размышлял он, вспоминая ту давнюю историю. – Поэтому нам постоянно приходится выбирать... Самим... А я в тот день принял единственно верное решение...»

По воле той же судьбы произошло поистине фантастическое событие. На месте гибели эликсира в щедро политой им почве вырос цветок, который случайно заметила дочка Кирилла, когда они гуляли по Центральному парку. Цветок аккуратно выкопали из земли и пересадили в горшок. Целебный эликсир, как впоследствии оказалось,

содержащийся в аромате распустившихся бутонов, «принялся за дело». Из дома Ильиных исчезли все болезни, а старение членов семьи сильно замедлилось. Этот эффект не остался незамеченным. За чудо-растением стали тщательно ухаживать, а его побеги дарили самым близким людям. Таким образом, они оказались в доме Борисова и некоторых коллег Кирилла, коих вы встретили недавно на рыбалке. Только Андрей Орлов пока не получил в подарок заветный цветок, потому что был виновен в смерти родного брата Веры, супруги Кирилла. По этическим соображениям Ильин держал данный факт в тайне от жены, но именно по этой причине не мог решиться на подарок «бывшему врагу». Впрочем, возможно, что он будет вскоре сделан. Ведь жизнь непредсказуема... Давайте ненадолго вернёмся на четверть века назад, чтобы рассказать, как развивались отношения бывших «кровников»...

В тот период, когда девятилетняя дочь Ильиных находилась на грани между жизнью и смертью, её поместили в больницу на гемодиализ. Кирилл тогда хватался за любую соломинку, пытаясь спасти свою Леночку. Случайно он узнал, что его «кровный враг» не только лишил жизни нескольких человек, но довольно успешно вёл свою врачебную практику. Это было невероятно, так как он «бросал вызов» самым страшным недугам и побеждал их. Больных, в отношении которых даже «светила» медицины в бессилии разводили руками, он излечивал, пользуясь самостоятельно приготовленными мазями и микстурами, чем вызывал искреннее удивление и восхищение коллег. Но на момент болезни дочери Ильина Орлов уже был изолирован в специальном лечебном учреждении закрытого типа. Кириллу удалось переговорить с ним. Сам Андрей никакой помощи оказать не мог, но дал понять, что Ильину нужна старинная немецкая книга, «Исповедь» Иоганна Майбаха. На поиски этой реликвии Кирилл отправился в Германию. Там книга была найдена, а по её записям удалось воссоздать заветный эликсир.

Вернувшись домой и вылечив дочь, Ильин зажил своей привычной жизнью. Работа на «скорой помощи» и заботы о семье поглощали всё его свободное время. Изредка ему удавалось вырваться порыбачить на косу. Вскоре и Орлов дал о себе знать. Теперь он был готов рассказать о своём методе лечения, чтобы помочь дочери Кирилла. Только тем самым огласил бы и способ, которым умерщвлял людей. А это могло стать весомым аргументом в доказательстве его вины и путёвкой в бессрочное заточение. Кирилл был благодарен Орлову за самопожертвование, на которое тот согласился пойти ради чужой девочки. Он вновь посетил Андрея в больнице, они поговорили по душам и расстались почти друзьями. Отныне их объединяла общая тайна. И одно имя – Иоганн Майбах.

Выйдя на свободу, Андрей вновь встретился с Кириллом. Как оказалось, у них нашлось много общего. Шло время, и Ильин уже не мог «примерять» на себя роль «кровника». Узнав, что Орлов взял на воспитание несовершеннолетнего племянника, сына умершей свояченицы, Кирилл искренне его заужавал и, однажды, будучи приглашённым, не смог отказаться заглянуть в гости. Позже Ильины приезжали к Орловым уже всей семьёй и прекрасно проводили вместе свободное время. А тут внезапно между племянником Орлова Димой и повзрослевшей Леной начались отношения ...

Орловы и Ильины уже всерьёз подумывали о свадьбе, но какая-то недобрая искра проскочила между влюблёнными. Как говорят, между ними пробежала «чёрная кошка»... и последовал неожиданный разрыв. Скорее в сердцах, чем по велению сердца, Лена «выскочила» замуж за бывшего однокурсника, а Дима сделал из себя учёного-«затворника».

Семейная жизнь не принесла Лене ни плодов, ни счастья. Муж её начал пить, бросил работу, потерял смысл жизни. Он стал опускаться всё ниже, но она не могла и не хотела

бороться за него. Вскоре они разошлись и дочь вернулась к родителям, получив от жизни хороший урок... Но, как вскоре оказалось, бывшая страсть между Леной и Дмитрием вспыхнула вновь, когда обоим перевалило уже за тридцать. Но об этом – немного позже.

Конечно, чтобы быть полностью счастливым человеком, нужно видеть счастье своих детей. Сын Ильина, Игорь, ещё учась в школе, увлёкся автомобилями. Позже он окончил автодорожный институт и начал работу в фирме «Респект Авто», занимающейся модернизацией подержанных «легковушек». Он редко находился дома, так как его новая работа требовала постоянных разъездов то в Германию, то на российский АвтоВАЗ и в другие автогиганты, постепенно возрождающиеся вместе со страной... Семьёй он пока не обзавёлся, хоть и обещал с улыбкой родителям, что в скором времени это произойдёт...

Поэтому Кирилл с Верой продолжали верить, что и у Лены, и у Игоря, всё самое лучшее и счастливое впереди. В самом ближайшем будущем...

Кирилл пару раз постучал пальцем по экрану «Ваньки». Вскоре возникло лицо Андрея Орлова. «Философ» сидел за столом и о чём-то напряжённо думал. Они поздоровались. Первым делом Ильин поинтересовался, как дела у старого приятеля.

– Плохо, - ответил тот. – Следователь, подлец, шьёт Диме дело ...

– Вот как, – сокрушённо вздохнул Кирилл. – Я-то думал, что всё ограничится домашним арестом...

– Я тоже так думал... Но они накопили какие-то материалы, которые позволяют им продлить арест и содержать подозреваемых в следственном изоляторе!

– Что, и ничего нельзя сделать?

– Если бы!.. Это тебе не тридцать лет назад, когда за взятку можно было хоть чёрта в рай выпустить! Я согласен, что подобные методы можно попробовать применить и сейчас, но уж больно упёрт этот клоун в погонах!.. Знаешь, иногда по виду вальяжного и лощеного чиновника сразу понятно, что в детстве тот сам бывал часто бит... Вот и мстит теперь...

Саша, Дима и трое их коллег уже четвёртые сутки томились в камере предварительного заключения. Следствие усмотрело в группе молодых учёных стремление подзаработать на синтезе нового наркотического препарата. Похищение, считала полиция, было инсценировано. Словом, в этом деле было много непонятого и непредсказуемого. От внешнего мира следователи отгородились непроницаемой стеной конфиденциальности и безразличия.

– Я уж подумал, грешным делом... – замялся Орлов...

– О чём?

– Да сон тут смотрел... Даже не знаю, с чего начать... Ты не поверишь, объявился наш с тобой старый наставник... Иоганн Майбах... Обещал помощь, если я выполню одну его просьбу...

– Что же он тебе предложил?

– Он сказал, что в нашей семье возникнут серьёзные проблемы, как раз перед тем, как они на самом деле появились... Но он поможет мне с ними разобраться, если я... наведу порядок на его могиле...

– Ты знаешь, сегодня ночью он явился и ко мне. И сказал то же самое...

– Вот это да! Невероятно!.. И что ты думаешь предпринять?

– Нам надо встретиться. И, считаю, что следует исполнить то, о чём он просит. Надеюсь, ты веришь, что это не простой сон...

– Да уж, тем более что сказано было нам обоим...

Тут следует отметить существенную деталь. Старый немецкий профессор прежде уже общался посредством сновидений с обоими нашими героями. И Андрей, и Кирилл не раз убеждались в том, что эти сны – вещие. Поэтому они со всей серьёзностью отнеслись к, казалось бы, заурядному явлению. Они-то понимали, что всё это – не случайно.

– Я думаю, откладывать нельзя. Он тебе что-нибудь говорил про... Фиалковую гору? Ты знаешь, где это?

– Я навёл кое-какие справки... Но, конечно, лучше встретиться и сначала всё обсудить. Ты подъедешь?

– Вот они, все холмы Кёнигсберга, – Андрей вывел на большой экран настенного монитора информацию, полученную в «Ваньке». – С их точными координатами...

Прошло полчаса после их утреннего разговора. Кирилл, не теряя времени, примчался к Орлову. Наталья, видя озабоченные лица обоих приятелей, оставила их в комнате, решив не задавать вопросов, и последовала на кухню, чтобы заняться стряпнёй, поскольку сейчас любое дело отгоняло прочь грустные мысли, назойливо лезущие в голову.

И то, правда, если мужики что-то задумали, им лучше не мешать.

– Вот первый холм... или гора – Хаберберг, – начал презентацию Андрей – Русское название – Овсяная гора... высотой 9,5 метров над уровнем моря. На её вершине в 1975 году был открыт кинотеатр «Октябрь». А раньше тут была часовня и церковь... Как явствует из названия, на склоне холма и в низине раньше были пашни, на которых выращивали овёс для корма лошадям... Нужна ли нам Овсяная гора? Видимо, нет...

– По-моему, речь шла о каких-то цветочках, – напомнил Кирилл.

– Другая гора имела название Зандберг. То есть, Песчаная... Там сейчас находится администрация Московского района. Гору горожане ликвидировали, воруя песок для строительных нужд... позже тут также была церковь, взорванная в 1976 году. Песчаная тоже отпадает...

Кирилл терпеливо ждал.

– Далее... Кведнау или Северная гора. Целых 5 метров высотой... Опять церкви и часовни... В 1888 году на горе Кведнау соорудили мощный форт № 3 «Король Фридрих Третий»... Там искать бесполезно.

– «Ищи на третьей планете!» – ответил фразой из старого доброго мультфильма Ильин.

– ...Холм Мариенберг... гора Марии нас тоже не интересует... Вот, наконец, Фиалковая гора...

– То, что надо! – воскликнул Ильин.

– ...находится рядом с Парком отдыха «Центральный», – продолжал Андрей, – в районе улицы Дмитрия Донского... В 1457 году на этой горе были построены земляные оборонительные сооружения. Здесь же совершали казни преступников, которые производили либо путем повешения, либо отсечением головы мечом. Последняя казнь на горе была совершена в 1803 году... Отмечено, что сегодня эта гора – достаточно пустынное место – кругом кусты и деревья, мусор, пустые банки, пепелища костров... Короче, бесхозное место... Впрочем, тут уже намечено какое-то строительство...

– Надо спешить. Как бы наши фиалки не потоптали, – усмехнулся Кирилл. – А что, там разве было кладбище?

– А где их не было? – пожал плечами Орлов. – Я вбиваю координаты в «Ваньку». Как будем на месте, он даст знать. Когда едем?

– Сейчас же. Только переодеться надо и подготовиться... У тебя как со временем?
– Большую часть работы я делаю дома, – ответил Орлов. – А у тебя?
– Нас, ветеранов, сейчас не сильно загружают... На подстанции оборудовали вертолётную площадку, ребята сами везде поспевают. А нас задействуют, в основном, как консультантов в тяжёлых случаях... Если что – вызовут...
– У тебя одёжка какая есть? – Андрей поднялся с дивана и полез в платяной шкаф.
– Моя рыбацкая в машине. И ты накинь что-нибудь из рыбацкой, да поехали.
Наталья с удивлением взглянула на двух мужчин, поспешно выходящих в двери.
– Вы куда?
– По делам, мать, – ответил Орлов. – Пока за решение проблемы не возьмутся профессионалы, ни черта не сдвинется!
– Надолго?
– Вопросы потом! К обеду будем! Приготовь что-нибудь повкуснее, вернёмся голодные, но счастливые!

В «новом» Кёнигсберге после внедрения автоматизированного управления движением удалось создать такую систему городского транспорта, при которой никто никому не мешал. О «пробках» народ давно позабыл. Большинство горожан предпочитало пользоваться общественным транспортом, в основном, садились на лёгкие маршрутные такси, которые, как правило, не заставляли себя долго ждать на остановках. Тяжёлые машины двигались по возведённым в последние годы эстакадам, пересекающимися со старинными городскими улицами и проспектами через путепроводы.

Не прошло и пятнадцати минут, как друзья оказались в нужном месте.

– Так вот она какая, Фиалковая гора! – воскликнул Андрей, оглядывая неприязательную местность, по описанию весьма схожую с тем, о чём он недавно прочитал в справочнике.

– Я и не предполагал, что в нашем городе существуют столь унылые и запущенные места, – согласился с ним Кирилл.

Они протиснулись сквозь чахлый кустарник, чтобы осмотреть местность. Под ногами чавкала вода. Впереди лежало поваленное дерево. Рядом с ним – пластиковые пакеты, бутылки и газеты. Было видно, что это место облюбовано выпивохами из новомодных молодежных группировок: следы их пребывания находились повсюду. Фиалками здесь и не пахло.

– М-да, – произнёс Андрей. – Тоскливо...

– Когда-то тут рубили головы и стояли виселицы. Может, оттого и сохранилась эта унылость?

– Я скажу только одно: не очень-то удачное место для захоронения Майбаха выбрали горожане

– И что-то я не наблюдаю ничего похожего на памятник...

– Надо смотреть внимательно. Возможно, он сохранился лишь частично. В траве и кустах его не разглядишь.

Между тем, в округе вовсю заливались птицы. А это придавало и сил, и уверенности.

– Всё-таки, здесь... довольно уютненько, – произнёс Кирилл. – И воздух посвежее, и тенёк...

– И тишина, – вздохнул Орлов. – Вечерком сюда нагрянут местные байкеры, будет нам «уютненько»...

Несколько почерневших камней, весьма возможно, что именно могильных, им встретились. Но выкапывать их и чистить поверхность приятели не спешили. Всё-таки, решили они, Майбаху наверняка соорудили настоящую плиту, да ещё и выгравировали на ней благодарственную эпитафию.

Лесок закончился, они вышли на небольшую полянку, с краю которой возвышался мощный экскаватор.

– Подгоняют технику... Скоро здесь отгрохают что-то выдающееся, – заметил Ильин.

Орлов огляделся по сторонам, пытаясь сориентироваться.

– Хоть бы план какой был, – посетовал он. – Где и что тут раньше находилось... Где лобное место, где часовенка для отпевания усопших, где погост...

– Так тебе всё и выдай, – усмехнулся Кирилл. – Ищи лучше. Мудрый старик просто так не стал бы нас гонять, как говорится: «старый ворон зря не каркает». Он уверен, что мы способны найти его могилу...

– Да, если воспользуемся этим экскаватором, – ответил Андрей и, вынув из кармана флягу, произвёл внушительный и громкий глоток.

– Тебе нельзя, ты за рулём, – буднично отметил он, пряча флягу за пазуху.

– А ты запаслив...

– Знаешь, коль на мне рыбацкая куртка, то в ней обязательно найдётся карман. А раз есть карман, то он наверняка не пуст... Примерно так говорил инспектор Лестрейд в фильме про собаку...

– Ну, так проявляй свои способности, сыщик...

Они ещё раз обошли кустарники, тщательно всматриваясь в торчавшие из земли предметы, каковых тут находилось не так уж мало. Но искомого по-прежнему обнаружить не могли.

– То, что это именно Фиалковая гора, у меня сомнений нет, – произнёс Андрей, ещё разок «приподняв» начавшее падать настроение и тонус. – То, что нас послали именно сюда, в этом также есть полная уверенность...

– Просто мы немножко не там ищем...

– Как правильно вы выразились, коллега, – сделал восхищённое лицо Орлов.

Они вновь подошли к экскаватору и тут, примерно в трёх метрах от огромного ковша, в тени распутившейся сирени обнаружили вывернутую из земли плиту, когда-то, видимо, служившую надгробьем.

– Взялись? – предложил Андрей.

– Взялись. По-моему, это – оно и есть.

С большим трудом они подняли плиту и водрузили её на постамент, выглядывающий из земли сантиметров на десять.

Кирилл нагнулся и, вынув из кармана носовой платок, стал протирать поверхность старинного камня. Орлов пристроился рядом, с трудом присев на корточки.

Вскоре стала видна надпись:

Johann Meibach

geb. 1652 gest. 1741

– Вот ты где, последняя обитель славного профессора...

Друзья стояли перед памятником. Оба склонили головы в почтительном приветствии.

– Долгую прожил ты жизнь, - заметил Орлов. – И замечательную... – затем сорвал несколько веток сирени и положил у подножия памятника.

Минуту стояли в молчании.

– Всё ли мы сделали для вас, профессор? – спросил Кирилл. – Ковыряться в могиле нет смысла, видимо, она осталась нетронутой... Плиту мы водрузили на своё место. На днях зацементируем...

– Нужно предупредить строительную организацию, чтобы не трогали памятник...

– Надо сообщить местным властям, чтобы... увековечили это место и его имя... Чтобы знали, что за человек здесь лежит...

– Правильно...

– Но только ли этого он от нас хотел? – Кирилл вытер со лба пот. – Мне Учитель велел обратить внимание на совет... Что это за надпись на могильной плите?

– Эпитафия... Написано на латыни...

– Я вижу, что на латыни. Первую часть я без труда понимаю, а вот дальше... Ты у нас переводчик, вот и переведи.

– «*Memento mori. Eam iuvat in dimicatione capitis*», – прочитал Орлов и перевёл: «Помни о смерти... Она поможет в борьбе за жизнь».

– Вот – то, что профессор хотел нам сказать!

– И что теперь? – спросил Андрей после долгой паузы, в течение которой и он, и Кирилл пытались вникнуть в смысл послания. Впрочем, смысл был понятен, но было очевидно, что за этой фразой скрывается нечто большее...

– Поехали, – наконец, произнёс Ильин. – Мы выполнили просьбу профессора. Мы теперь знаем, где его могила и сделаем всё, чтобы она осталась в неприкосновенности... Ещё мы получили новый стимул к действию... Хотя, лично мне пока непонятно, что он хотел нам сказать...

Андрей молчал. Было видно, что он лихорадочно прокручивает в мозгу разные варианты... Какая-то зацепочка у него определённо появилась.

– «Стимул» - это острая палка, которой погоняют животных, – монотонно произнес он. – Очень полезная штука...

Кирилл зафиксировал номер телефона строительной организации, собирающейся вести здесь земляные работы и склонился над «Ванькой», пытаясь выйти на связь с местной районной управой.

«Помни о смерти...» – пробормотал Андрей, вытягивая из кармана флягу.

– Заедем ко мне, - предложил Орлов, когда они садились в машину. – Пообедаем, поразмышляем...

– Конечно, – согласился Кирилл.

Весь обратный путь они молчали. Только выйдя из машины, Ильин едва слышно произнёс:

– «Помни о смерти... Она поможет...»

– Я понял! – вдруг воскликнул Орлов и схватил Кирилла за рукав куртки. Тот замер на месте.

– Что ты понял?

– Сейчас... Фраза: «Помни о смерти... Она поможет в борьбе за жизнь». Ведь это может произойти только тогда, когда выделяется... «Энергия смерти»!

– И что это нам даёт? – неожиданно перешёл на шёпот Ильин.

– Так сходу не отвечу... Но это именно то, что нам нужно... Этой энергией предстоит что-то зарядить...

– Матрицу?..

– А матрицу использовать...

– Для катализатора!

Размышления свободной души-5

Ой, не грешите, люди, не грешите...

А живите по совести и правде... Боритесь с завистью и жадностью, отстаивайте свои идеалы... Пусть это – трудно и накладно, но попытайтесь оставаться самими собой!

Не все души находятся в свободном состоянии... Некоторые проходят длительный процесс очищения и исправления...

За грехи здесь приходится дорого платить...

Тем, кто не удосужился это сделать при жизни...

Глава 5. Распределение ролей

Измождённый больно́й, с трудом преодолев страх перед очередным кошмаром, всё-таки отдался в объятия сна. И всё опять повторилось: эпизоды то ли из его, а может, из чужой жизни заставляли снова и снова переживать мучительное, непонятное, тревожное, отталкивающее... Вот он повис над пропастью, вцепившись в скалу и зажмурив глаза от ужаса... Вот он пытается избежать страшной опасности, а сам не в силах пошевелиться... Вот он хочет позвать на помощь, открывая рот, словно пойманная рыба, но не в состоянии издать ни звука... Вот, вновь у него отваливаются пальцы и выпадают зубы...

А вчера, проснувшись, он обнаружил в постели чью-то отрубленную руку...

– Это просто здорово, что нам удалось собраться здесь, в нашем любимом Центральном парке... – Кирилл прервал начатую речь, подыскивая подходящие слова. – Дело довольно щекотливое. Во-первых, наши близкие попали в беду... Мы поначалу надеялись, что «органы» быстро разберутся и их отпустят, но, похоже, следователь и компания затягивают петлю всё туже... Ребят незаслуженно обвиняют в тяжком преступлении...

– К сведению присутствующих, – прервал выступление Кирилла Борисов. – наших ребят подозревают в разработке сверхновомодного наркотического средства...

– В это же время, – кивнув в ответ, продолжал Кирилл, – их научная работа стоит на месте... Тогда как, согласно нашим последним данным, промедление может обойтись очень дорого... Случаи заболевания таинственной болезнью растут, увы... Надо срочно что-то предпринимать!

– Дело понятное, – ответил Валерий Васильевич. – Но сначала, позвольте рассказать один случай из моей практики... – Он всегда немного суетился и, кроме того, имел привычку обязательно переставлять любой стул, прежде чем на него сесть... тем самым как бы приготавливая для себя удобное местечко, не доверяя хозяевам. – Вызвали нас как-то поздно

вечером к пациенту со «странным поведением». Приезжаем. Дверь нам открывает заплаканная жена, а изрядно выпивший мужичок сидит посреди комнаты на корточках. «Любезный, что вы делаете?» – спрашиваю его я. «Страусят высиживаю»... «Ну и как, получается?» «А вы разве не видите? Вот-вот... смотрите: еще один побежал!»... В общем, пока мы оформляли документацию, он семерых страусят «высидел»! Это я к тому, что мы «высиживать» ничего не будем. Надо действовать. А для начала предстоит распределить роли... Впрочем, я, возможно, забегаю вперёд. Видимо, у нашего коллеги уже созрели кое-какие мысли...

– Для начала, послушаем это... – Кирилл, как фокусник из цилиндра, достал и положил на стол «Ваньку».

– И что там? – поинтересовался доктор Пилюлькин.

– Нам удалось получить от Димы файл. Здесь информация об этой болезни... Прошу вашего внимания. Тут записана интересная беседа...

Пятеро ветеранов и молодая светловолосая женщина сидели в уютном кафе в тени недавно распустившего листву каштана. Был приятный вечер, по-летнему тепло, но и достаточно свежо из-за лёгкого ветерка. Компания заказала себе кофе, и наслаждалась его изысканным вкусом. Кто-то с удовольствием бы закурил, но в парке, как почти во всей центральной части Кёнигсберга, курение было строго запрещено. Не успеешь достать сигарету и щёлкнуть зажигалкой, как тут же придёт крупный штраф. Причём, автоматического «съёма» денег с карточки не будет, а виновника сначала пригласят для беседы в социальный отдел районной управы. Нужно будет выстоять в очереди, выслушать нотацию и (высока вероятность) осчастливить своей персоной очередной выпуск «Кёниг-блина».

– Позволь, папа? – спросила миловидная дама и произвела некоторые манипуляции с «Ванькой», продемонстрировав себя мужчинам со всех сторон. Её красивая фигура всем своим видом словно отрицала земное притяжение, стремясь вверх и стараясь оторваться от опоры. – Сейчас появится звук. Правда, кто с кем разговаривает, определить трудно. Но это и неважно, главное – можно понять, что это за напасть... Болезнь Гофмана.

– Гофмана? – переспросил Валерий Васильевич. – Любопытно... Саша уже упоминал о ней на рыбалке.

Воспроизведение беседы.

Первый голос:

– ...А какова природа данного заболевания?

Второй голос:

– Видите ли, это – неизвестный нам прежде вирус, который обладает... или, точнее, генерирует энергетическое поле, имеющее электрическую и магнитную составляющие. Оно передаётся в пространство в виде электромагнитной волны определённого частотного диапазона, и может, как обычная наводка или помеха, попасть в любую электрическую цепь. По сути, это – живой передатчик СВЧ-сигналов!

Мы предполагаем, что всё начиналось так: какой-то микробиолог вёл беседу по телефону или скайпу со своего рабочего места, в лаборатории, где изучали образцы марсианского грунта с находящимся в них «ожившим» вирусом... Этого оказалось достаточно, чтобы он в виде электромагнитного сигнала проник в сеть... И заметьте! Это уже сформированный цифровой сигнал со сверхвысокочастотным заполнением,

позволяющим проходить через входные цепи приёмника, усиливаться и проникать дальше, «гуляя» по программам...

Как правило, мозг заболевшего человека тоже излучает подобные электромагнитные колебания, которые легко могут передаваться посредством его речи или взгляда...

– То есть, человек может заразиться непосредственно от человека?

– Такая вероятность существует, но необходим очень тесный контакт с больным. Сигнал очень слабенький, а человеческий мозг – не самая чувствительная антенна. Гораздо лучше воспринимает его радиоэлектронное устройство.

– Вы считаете, что оптимальным посредником для переноса подобных вредоносных импульсов, наряду с непосредственным контактом, является Интернет?

– Да, Интернет и иные виды электронной связи. Вот почему люди могут легко заразиться, находясь даже за тысячи километров от больного!

Закодированные сигналы, принятые мозгом здорового человека, вызывают фатальные изменения в его нервных клетках, которые в короткий срок перепрограммируются на саморазрушение. На первом этапе болезни ДНК и РНК (3) нейронов распадаются на фрагменты и радикалы, способные, однако, к самовоспроизведению и стремящиеся уничтожить существующие привычные связи между нервными клетками своего хозяина. Затем они встраиваются в их хромосомы и меняют всю генетическую информацию тканей, запуская своеобразный «код смерти»...

Таким образом, мы впервые в истории столкнулись не просто с нейровирусом, а с техно-нейровирусом! Сокращённо – ТНВ. Борьба с ним известными лекарственными препаратами нам не удаётся, потому что последние не могут воздействовать на вредоносную информацию, лежащую в основе патологического процесса. Наша задача состоит в том, чтобы перепрограммировать взбунтовавшиеся органические молекулы, плодящие смертельный код...

– А обнаружить эту... электронную версию вируса как-нибудь возможно?

– По сети ТНВ передаётся в виде цепочки цифровых сигналов. Его «вес» около 10 килобайт. Он может «клеиться» к файлам, подобно искусственно выведенным хакерами вирусам. Достаточно мозгу пользователя Интернетом «зацепиться» за какой-нибудь посторонний текст, возникший в компьютере, непонятный рисунок...

– А почему вы назвали эту болезнь именем известного немецкого сказочника-мистика?

– По схожести симптомов... Конечно, Эрнст Теодор Амадей Гофман Интернетом не пользовался и в космос не летал, но его современники достаточно подробно описали проявления болезни у самого писателя, и они почти точь-в-точь копируют наших пациентов...

– Какими путями вы намерены пойти, выполняя поставленную задачу?

– По аналогии со строением самого вируса лекарство от болезни Гофмана должно содержать два главных элемента: носителя исцеляющей информации и непосредственно самой информационно-энергетической «начинки»...

Работа предстоит очень непростая: сейчас у нас есть только носитель, но как насытить его необходимой энергией и из чего её получить, мы, к сожалению, пока не знаем. Тем не менее, уже придумано название препарата – «Амадин», как производное от имени все того же кёнигсбержца Гофмана...

– Вот и всё интервью... Что скажете, коллеги? – Кирилл отхлебнул кофе из чашки. Было видно, что он ранее уже слушал этот фрагмент, и, скорее всего, неоднократно. Остальные же его друзья и коллеги так сразу не могли начать обсуждение.

– Сказать, что мне всё понятно, я бы не осмелился, – задумчиво произнёс Пилюлькин. – Живой передатчик?.. Ладно, чего только не бывает на свете... Излучает сигнал, закодированный вирус... Болезнь гуляет по информационным сетям, цепляясь к программам и иногда попадая в мозг человека в виде картинки... или текста... или, по-видимому, звуковой дорожки... И происходит процесс заражения... Логично.

– Почему же это... интервью не попало в СМИ? – спросил Валерий Васильевич и тут же сам ответил: – Это – всего лишь гипотеза, и её разработчики, похоже, боялись паники... Представляете, что бы случилось, если бы все перестали пользоваться такими благами цивилизации, как информационные сети?

– Дело очень серьёзное, – подтвердил Виктор Анатольевич. – Во-первых, надо срочно вызвать ребят из заточения... Проблема усложняется нашей новой национальной идеей – формированием полноценной всесторонне развитой личности без вредных привычек. Борьба с пьянством и злоупотреблением иными одурманивающими средствами привела к тому, что за синтез нового наркотического препарата можно схлопотать не только крупный срок или пожизненное, но и... - он многозначительно посмотрел на Андрея и Лену. – ...Следователь, раскрывший такое громкое дело, может претендовать на высокий пост и правительственные награды... На это легко можно купить человека честолюбивого и с гнильцой внутри... А мы, похоже, имеем дело именно с таким типом...

– Поэтому я предлагаю не «высидивать страусят», – оживился Валерий Васильевич. – А начинать крупномасштабное наступление на следствие! Во-первых, кто может оказать на него давление?

– Прокуратура, – подсказал Борисов.

– Следовательно, надо написать бумагу в прокуратуру! Но! Не от бедных родственников, а аргументированное письмо от Министерства здравоохранения! Мол, молодые учёные разрабатывают лекарственный препарат, который сможет предотвратить трагедию мирового масштаба, а их несправедливо обвиняют чёрт знает в чём! Вместо того чтобы искать настоящих похитителей катализатора! Просим принять меры... и так далее...

– А для этого надо обратиться в соответствующие медицинские структуры...

– Всколыхнуть общественность...

– Спокойнее, ребята! – поднял руку Кирилл Андреевич. – Главное, мы сами многое можем! Итак, первое – сбор статистических данных по Кёнигсбергу и Калининградской области относительно случаев болезни Гофмана... С этим лучше всего обратиться к нашему старинному другу психиатру Сергею Симченко.

– И, желательно, по всей России...

– Если эти данные не засекречены...

– И направим открытое письмо в министерство: там сейчас первым замом мой ученик Сергей Бурханов...

– И в прокуратуру!

– Я бы смогла заинтересовать местные СМИ, – воспрянула духом Лена, и так грациозно повела плечами, словно расправила и взмахнула большими сильными крыльями, внезапно выросшими из ее лопаток. – Андрей Валерьевич, вы-то что молчите?

– Я думаю, Лена, – отозвался Орлов. – Всё это очень верно... Насчёт «энергии». Как там говорилось?.. «Информационно-энергетическая начинка»... Мы с твоим отцом хорошо знаем, как её можно изготовить...

– Вот и займитесь этой проблемой...

Они заказали ещё кофе. Послышались новые предложения. Кто-то вспомнил о своих связях в высоких административных кабинетах. Кто-то подсказал верный путь, чтобы заинтересовать медицинские светила федерального масштаба.

Надежда на освобождения близких и любимых людей загорелась с новой силой. Идея осталась прежней – они сами, несомненно, реальная сила, способная изменить сложившуюся ситуацию.

– Если подвести итог нашего совещания, – промолвил в заключение Кирилл, – мы постановляем следующее... Товарищ Борисов готовит юридически грамотное и научно обоснованное письмо в областную прокуратуру.... Подключая к этому все имеющиеся связи...

– Мы с Валерием Васильевичем, – оживился доктор Пилюлькин, – «сотрясаем» медицинские круги!

– Хорошо, – согласился Ильин. – Елена Кирилловна подготовит материал в наши СМИ... Только, ради бога, по существу, без излишнего ажиотажа и разглашения научных нюансов... Надо показать, что дело чрезвычайно серьёзное, но так, чтобы никто не подозревал, откуда исходит опасность!.. А мы...

– А вам с Андреем, – не дал ему договорить Валерий Васильевич, – работать над катализатором. Его, я надеюсь, в скором времени отыщут, а чем... «насытить» препарат – это уж ваша задача.

Мы в курсе, что вокруг вас постоянно витает нечто мистическое... Оно частенько вмешивается в вашу жизнь... и помогает вам...

– Что есть, то есть! – вздохнул Ильин и взглянул на Орлова.

– Поэтому лучше вас никто не справится с этой частью общего дела!..

А ночью Андрею Орлову приснился очередной сон. К счастью, никаких кошмаров. Обычный, даже добрый сон. С давним знакомым... Андрей называл его Учителем.

Всё случившееся, как и прежде, напоминало реальность. Орлову показалось, что он проснулся, приподнялся на локтях, а за столом сидит, почти сливаясь с чернотой ночи, вполне узнаваемая старческая фигура. Свет луны окрашивал в бледные тона усталое и спокойное лицо. И кроме него ничего больше не было видно.

– Лежи, мой друг, – ласково промолвил профессор. – Вы выполнили мою просьбу и получили послание. Теперь вы готовы зарядить матрицу, но не знаете, где и как...

– Здравствуйте, Учитель. Да, сейчас наши помыслы направлены на освобождение наших невинных детей... и на борьбу с болезнью Гофмана...

– Болезнь Гофмана? – переспросил Учитель. – Не тот ли это несчастный гуляка, который умер от постоянных попок? – ухмыльнулся он.

– Вы и с ним знакомы? – удивился Андрей.

– А тебе не кажется странным, что, не будучи врачом, он довольно точно описал моё средство в своей повести «Эликсир сатаны»? – улыбнулся Майбах.

– Это история о юноше, который хлебнул рокового эликсира из бутылки, с незапамятных времен хранившейся среди монастырских реликвий? – вспомнил Андрей.

– Похвально, что ты читаешь классиков! В упомянутой истории ароматный, вкусный и бодрящий напиток пробудил в невинной душе неуёмную жажду соблазнов и искушений... Жестока игра дьявола с сознанием жертвы: человеку начинает казаться, что он царь, а в действительности он раб... Он мнит себя богом, а на самом деле - червь... Тебе это ничего не напоминает?

– Очень многое... – потупился Орлов.

– Также Гофман справедливо отметил, – продолжал Учитель, – что любой эликсир – всего лишь толчок, побудительный мотив. А то зло или добро, которое он может вызвать, давно уже посеяно в глубине души каждого человека и лишь ждет первого дождика...

Так вот, не буду скрывать: Эрнст Теодор Амадей Гофман тоже был посвящён в некоторые мои секреты... Точно так же, как чуть раньше Иммануил Кант... Мне даже довелось пожить в их телах. Об этом у меня остались очень яркие воспоминания. Могу рассказать... – Последовал лёгкий и грациозный жест, обращенный к Андрею. – Хотя, не каждый человек привлекает меня в этом смысле... Ты хочешь знать, по какому принципу я выбираю людей?

– Конечно, профессор! – отозвался Андрей.

– В них должна быть искра Божия! Это довольно трудно объяснить... Человек очень похож на четки, состоящие из красивых бусин. Но я сейчас говорю о нити, которая и делает четки четками, а не горстью янтаря. Но самое-то главное в том, что этой ниточки обычно не видно... Вот, например, для большинства мирян черный – вообще не цвет, а что-то вроде отсутствия оногo, но глаз художника различает в нем до двадцати цветовых оттенков... В медицине, науке и искусстве всегда есть такие одарённые личности. И к ним я всегда испытывал особый интерес.

А Гофман написал большое количество сказок и повестей. И все они бесподобны! Уверен, что потомкам известны далеко не все из них, потому что многое он сочинял «для себя»... Он умел переплести реальность и фантазию, земное и возвышенное, прекрасное и безобразное; талантливо выдумать различных героев, которые были веселы, беззаботны и находчивы, а порой чересчур мрачны и коварны...

Он, как и ты, злоупотреблял вином и рано пристрастился к кутежам, отчего сделался подавленным, раздражительным и страдал бессонницей. Его все больше влекла область таинственного и запредельного: бред, галлюцинации, безотчётный страх – вот что стало его излюблёнными мотивами. Поэтому считаю, что с названием болезни вы угадали!

По ночам Гофман принимался писать свои ужасы, создавая такие жуткие образы, которые нередко повергали в страх даже его самого... Так продолжалось, пока он не довёл себя до окончательного истощения... В этот период я к нему и пришёл... Из-за урагана страстей, переживаемых Гофманом, мне было чрезвычайно приятно побывать в его теле...

А вот на Канта мой выбор пал по совершенно иной причине... Это - человек на редкость степенный и сдержанный... Его я предпочитал посещать, когда он в уединении покуривал свою трубочку... или во время спиритических сеансов....

– Разве Кант увлекался спиритизмом?

– Ещё как! Только предпочитал никому об этом не рассказывать. Во время одного из таких опытов мы с ним и познакомились.

У каждого человека в душе есть такие уголки, в которые он никого не пускает. У Канта их тоже было достаточно: в молодости он даже зарабатывал на жизнь игрой на бильярде и в карты. Однако мало примеров среди великих людей, чья бы жизнь прошла так

мирно и прямолинейно. Он не испытал в своей жизни ни сильных страстей, ни страданий, наоборот, его внутренний мир всегда находился в состоянии полного душевного равновесия.

Кант имел большое воображение, тонкий вкус, богатую фантазию и необычайное остроумие. Благодаря упорному труду и бережливости, граничащей со скупостью, он стал зажиточным человеком, а, будучи от природы слабосильным и болезненным, сумел дожить до глубокой старости. Кроме прочего он был одним из немногих, кто сумел глубже, чем кто-либо, проникнуть в глубины человеческой природы, отделив главное от второстепенного и основное от случайного, докопавшись до «чистой сущности». «Закон, живущий в нас, называется совестью», - говорил он. Для меня это было чрезвычайно важно...

Старик поднялся со стула, видимо, собираясь уходить.

– Прошу меня извинить, задержался... Иногда так тянет поговорить, что не всегда вовремя остановишься... Но тебя мучают два вопроса... Я отвечу на них так: всё устроится наилучшим образом... Это – в отношении пропажи препарата и незаконного задержания молодых учёных... Что же касается матрицы, то как и где её зарядить, тебе расскажет твой друг и коллега...

Размышления свободной души – 6

Я совершаю путешествия во времени и пространстве...

Казалось бы, что может угрожать мне, частице всеобъемлющего и вечного Целого? Увы, не всегда эти путешествия безопасны... Так устроено, что за душами идёт постоянная охота. И там, где они в человеческой оболочке...

И, особенно, здесь...

Глава 6. Ночные страсти

Человек, не подозревая, что он давно уже не здоров, наконец, убедился, что отрубленная рука – плод его больного воображения, усиленного кошмарным сновидением. И, немного успокоившись, начал собираться на работу. За ночь он совершенно не отдохнул и чувствовал себя уставшим и измотанным. Приняв таблетку от мигрени, он покинул своё жилище.

Ощущение тоски и раздражения лишь усилилось. Мужчина брёл по улице, и ему казалось, что одежда жмёт, а ноги вязнут в топком болоте... Он не сразу обратил внимание на троих преследователей, но не заметить их было трудно. Помыслы незнакомцев были явно враждебными, и они нисколько не старались это скрыть. Тут же человека, чей организм был уже во власти болезни, охватила новая волна страха и безысходности. В поисках спасения он бросился бежать, не разбирая пути. Сердце бешено колотилось где-то в горле и мешало дышать. Когда он споткнулся, ужас охватил всё его естество...

В этот момент преследователи настигли свою жертву...

Подполковник Сулейманов не был кадровым полицейским. Сорокалетним он пришёл в органы из Вооружённых сил. Там он дослужился до такого, скажем прямо, приличного звания и, переведясь в полицию, его сохранил. В армии Сулейманов занимался материально-техническим обеспечением одного режимного объекта, а точнее, – научно-

исследовательского института. И не где-нибудь, а в самой Москве. Вот, на огороженной и тщательно охраняемой территории ушлый подполковник сумел наладить подпольное производство алкоголя, на котором трудились гастарбайтеры...

Был он хамоват, хитёр и жаден. Этаким хищный зверёк. А по внешнему виду и не скажешь – свинья свиньёй... Кстати, о внешности. Сулейманов был среднего роста, неприлично пузат, а лицо его выглядело лунообразным и одутловатым. Как многие толстые люди, подполковник смеялся, безобразно потряхивая всем своим рыхлым телом.

Была и нехорошая привычка, которая «приклеилась» к нему за годы жизни: желание постоянно что-то держать в руках, поросших густой рыжей щетиной. В широких ладонях с толстыми пальцами он обычно «терзал» каучуковый эспандер, иногда это был небольшой теннисный мячик, изредка - кожаная папка...

Больше года ему удавалось скрывать свой нелегальный бизнес, но... пожадничал и поплатился... Разбирательства были короткими, и, поскольку начальство не желало выносить сор из избы, - подполковника просто взяли - и уволили. Но у Сулейманова имелись и прикормленные покровители, которые не дали ему затеряться в очереди безработных, а направили напрямик в Кёнигсберг, в Управление внутренних дел. Почти сразу же нашлась и должность, соответствующая его званию. А юридическое образование он вскоре получил заочно.

Поначалу новые коллеги, не зная всей предыстории его появления, с уважением отнеслись к бывшему военному. Но потом, до Кёнигсберга докатились кое-какие слухи, да и сам подполковник не смог долго сдерживать своей «свинской» природы с «московскими» замашками, и сослуживцы стали от него постепенно отворачиваться. В планы же самого подполковника это не входило. Он был чрезвычайно амбициозен и мечтал о дальнейшем продвижении по службе. Сидел в нём какой-то чёрт, который так и гнал его вверх по служебной лестнице, не давая возможности разобраться в выборе способов и средств... А тут такое дело подвернулось!

Учёных людей он ещё с армейских времён откровенно презирал. Его «деятельная» натура не могла смириться с тем, что можно зарабатывать деньги, сидя за столом и держа руки над клавиатурой, работая исключительно головой, используя лишь талант, накопленные знания и опыт. Без хитрости, силового давления, афер и махинаций. Это, считал он, не по-мужски. Настоящий мужчина должен постоянно что-то выискивать, вынюхивать, отнимать, приспособливаться, не стыдиться обманывать... то есть, быть – активным, изобретательным и решительным...

Изучив материалы дела, подполковник задумался. «Над чем могут работать учёные в области микробиологии и биохимии? К бабке не ходи – синтезируют новое зелье! Интересно, почём нынче грамм этой фигни на рынке?»... Он навёл кое-какие справки и был просто потрясён, какие астрономические суммы пролетают мимо него!

Сулейманов дело о пропаже препарата из медфаковского хранилища Университета взял под личный контроль. Легко догадаться, по каким именно причинам оно показалось ему чрезвычайно перспективным.

Допросы подозреваемых он вёл лично, стараясь всячески унижить и припугнуть «учёную сволочь», как он окрестил исследователей. К слову, допрашивал он неумело, бессистемно, поэтому никаких значимых результатов не добился, и это его очень злило. Напротив, дело всё больше усложнялось, запутывалось и затягивалось. Своё же раздражение Сулейманов срывал на подозреваемых и подчинённых...

Во время допросов он старался казаться то «злым», то «добрым» следователем, такую тактику ему неоднократно доводилось видеть в полицейских сериалах. Он считал, что проявляет в этом вопросе новизну и изобретательность, и надеялся, что его визави вот-вот «расколются»... Но обычно в самый последний момент всё срывалось. А кое-кто из подследственных откровенно издевался над его тупостью.

– Ваша фамилия? – Сулейманов всегда начинал допрос с этой фразы. Для чего он это делал, прекрасно зная все данные о подозреваемом, он и сам не мог толком объяснить. Несмотря на то, что на человека была надета специальная роба, манжеты которой мгновенно примагничивались к поясу в случае малейшего неповиновения, ему казалось, что таким вопросом он ставит допрашиваемого в некие «жесткие» рамки, лишает его собственной воли и способности сопротивляться.

– А вы не догадываетесь? – некоторые из «учёных сволочей» были на редкость ершистыми.

– Мне повторить вопрос? – ладони Сулейманова начинали искать очередную «жертву». Найдя таковую (в основном, что-то из канцелярских принадлежностей), пальцы подполковника тут же начинали её терзать, вертеть или мять.

– Вы его каждый день повторяете, гражданин... полицейский.

– И прекратите улыбаться, не в цирке находитесь!... Вам вопрос понятен? – ступни следователя с мрачной силой вдавились в пол.

– Веряскин - моя фамилия. Дмитрий Николаевич. Что-то у вас с памятью стало. С такой памятью не в органах надо служить. Вы на пенсию-то ещё не собираетесь? По-моему, давно пора.

Чуть заметно улыбаясь, Дмитрий пристально смотрел в глаза следователя, усиливая и без того малоприятные переживания собеседника. Такой прямой взгляд обычно придаёт ситуации оттенок вызова или соревнования, как в детской игре в «гляделки». Офицер растерянно поглаживал свой двойной подбородок и щеку, словно желая проверить, все ли нормально с лицом... Лёгкие движения головой и даже корпусом добавляли в его поведение суетливости и как бы подтверждали неравенство позиций.

– Приятно видеть, что у вас прекрасное настроение, – Сулейманова начинало «трясти», – но у меня есть масса способов его испортить. Ваши товарищи не столь благодушно настроены и некоторые из них, кто поумнее, уже начинают активно сотрудничать со следствием. Но не все, – он резко пододвинулся к допрашиваемому, – не все сразу осознают, куда попали! – И, с шипением: – Ш-шуточки-прибауточки остались там, на воле! А тебе – другая дорога – на зону... с отбитыми внутренностями! Будешь мочиться кровью, и вспоминать, как безмятежно улыбался вот тут, не желая говорить правду!

– Вы мне угрожаете? Кстати, где мой адвокат? – Дмитрий слегка распрямил спину, а его голова еле заметно откинулась назад как будто он, не сходя с места, увеличил безопасную дистанцию...

– Господь с вами! – следователь вернулся в прежнее положение. – Угрожать? Да тебе пальцем погрозишь, ты от страха сделаешь лужу на полу! Нет у вас, учёных, никакой армейской... жизненной закалки! На вас просто дунуть посильнее и то опасно, рассыплетесь!..

– Вы уверены?

– Уж будьте спокойны! Повидал я вашего брата! – Резиновый ластик лихорадочно менял форму под пальцами полицейского чиновника.

– Интересно было бы посмотреть на вас в бою... Если вы не побоитесь выйти со мною на татами...

– Куда? – не понял Сулейманов.

– Я, господин полицай, чемпион Росси по каратэ 2019 и 2020 годов. Это вам моих пальчиков бояться надо, а не ломать комедию, кто из нас двоих слабак. Я и сейчас в неплохой форме! – И – широкая, дружелюбная улыбка.

С трудом подавив смущение, Сулейманов вновь взвалил на себя роль следователя: немигающий твердый взгляд, выдвинутая вперед тяжёлая челюсть, яростная раскачка ног с пятки на носок.

– Над чем работает ваша... научная группа?

Дмитрий перевёл усталый взгляд на разложенные перед следователем документы.

– Запишите себе, а то опять забудете: над созданием лекарственного препарата. Лекар-ствен-но-го! А у вас какие сведения?

– Не надо паясничать и умничать. Где документация, необходимая для ведения такой работы? И подтверждающая то, что вы говорите правду...

– Там, где ей и положено быть. Что вас конкретно интересует? Контрактная документация на выполнение работы? Приказ ректора университета, предписывающий нашей научно-исследовательской группе заниматься именно этой проблемой?

– Меня интересуют рабочие материалы...

– Записи – на бумаге, файлы – в компьютерах, на жестких дисках.

– Что за вещество вы... синтезируете?

– Лекарство от болезни Гофмана.

Лицо Сулейманова приобрело багровый оттенок. Он подпрыгнул на своем стуле, как будто получил укол пониже спины.

– Умничаешь? Ты мне ещё сказки Пушкина приплети!

– Пушкина? У нас в лаборатории нет такого...

– Ухмыляешься? Так вот... Есть подозрения, что вы в своей лаборатории занимались созданием сильнодействующего наркотического препарата с целью сбыта его молодёжным группировкам... – Длительная пауза и многозначительный взгляд. – Каким каналом поставки решили воспользоваться?

– Ваш вопрос ставит меня в тупик... Поверьте, ни о каких наркотических веществах у нас речи не велось. Вот вам, как борцу за чистоту рядов молодёжи, наверняка что-то известно о каналах...

– Да, да! Поначалу все отпираются, строят из себя дурачков... Или, наоборот, слишком крупных учёных...

– Я не строю, потому что пока не крупный. Я – простой кандидат медицинских наук, но прекрасно понимающий, что стоит мыслящему человеку, сделать хотя бы один шаг к успеху, как он сразу же становится мишенью для всех бездарей.

– Ты – «кандидат» на срок от десяти до... бесконечности!

Веряскин пожал плечами.

– Вообще-то насчёт срока решает суд. Но, боюсь, до суда дело не дойдёт. Полное отсутствие состава преступления и доказательной базы. На домыслах и выдумках обвинение не строится.

– Я смотрю, слишком все грамотные!.. Отчего в хранилище не работали видеокамеры? Почему не обеспечивалась должным образом охрана? Почему не сработали идентификационные датчики?

– Насколько мне известно, вахтёр там находился всегда... А видеокamеры и датчики?.. Это вопрос к администрации, а не ко мне. Мы отвечаем только за свою работу.

– И ответите, будьте уверены! О чём вы беседовали с Александром Орловым накануне происшествия?

– Уточните, пожалуйста, время...

– Придуриваетесь? Не помните? Кто именно открывал дверь в хранилище? В ваш отсек? Кто оглушил вахтёра?..

– Наша группа не имеет никакого отношения к пропаже препарата. Вы бы лучше настоящих похитителей искали. И сам препарат! Мы два года горбатились над его созданием!

– Успокойтесь. Вам ещё горбатиться и горбатиться... И точно – не один год... И не в лабораториях...

– А у вас более компетентные следователи есть? – поинтересовался Дмитрий. И уже более серьёзно: – Зря вы так. Вот заболите болезнью Гофмана, а мы так и не успеем синтезировать наш препарат... Что тогда будете делать?...

Допрос происходил ночью. Время, как считал Сулейманов, было выбрано со значением. Но и это должных результатов не принесло. Через полчаса после допроса в эфир вылетело короткое сообщение. Источник сигнала не был идентифицирован.

«Милый мой Ленчик, - гласило послание. – Ужасно трудно, но мы держимся. Больше всего жаль времени, потраченного напрасно. Нам ведь придётся начинать всё сначала... И всё-таки, я надеюсь, что мы отсюда скоро выйдем. И тогда я смогу тебя крепко, но нежно обнять...».

Ответ не заставил себя ждать:

«Дима, дорогой! Надеюсь тебя обрадовать. За дело взялись «деды»! Ты не представляешь, какая это сила!

Целую тебя, дорогой».

Этой же ночью Кириллу Ильину приснился сон.

Пейзаж был знаком: песчаный берег и сияющая гладь Куршского залива. Заросли камыша, большой округлый камень на берегу. И – старый профессор. Аккуратный сюртучок, знакомая тросточка со змейкой, длинные седые волосы и смеющиеся глаза...

– Приветствую вас, уважаемый профессор, – учтиво поздоровался Кирилл.

– И я приветствую тебя, – ответил тот, внимательно глядя на собеседника. Чувство было такое, что его глаза горячие: они искрились и покалывали словно иголочками. Но у губ и глаз было совершенно разное выражение и настроение. – Приготовил ли ты матрицу?

Вопрос застал Ильина врасплох.

– Нет ещё. Но готов заняться этим немедленно. Нас интересует источник...

– Источник злой силы?

– Да. Мы надеемся, что катализатор скоро вернут... Он обязательно найдётся. И мы должны будем зарядить матрицу от источника... болезни. Или что-то не так?

– Всё так. Вы правильно меня поняли.

– Только где искать этот источник? Не лететь же за ним на Марс?

– Успокойся. Источник находится здесь, на Земле. Существует древнейший могильник... Его создали не земляне. И он пропитан «энергией смерти». Вот вам и цель поиска...

Кирилл затаил дыхание. Сердце его тревожно забилося.

– И где находится этот объект?

– В Сибири. На озере Байкал. Собирайтесь туда, не теряя времени. Когда вы вернётесь обратно, ваш катализатор, думаю, будет уже на месте... Подготовьте всё необходимое. Ваша одежда не должна пропускать лучи «мёртвой энергии», позаботьтесь и о приборе, который предупредит вас об уровне опасности. Не превышайте этот уровень, иначе вы впитаете саму смерть! Будьте крайне осторожны! Кроме смертельного излучения вас могут ожидать и другие напасти...

Доброго вам пути!

Размышления свободной души – 7

Всякая Мысль – это черновик непрожитой жизни.

Мысль еще возможно упрятать в кубышку памяти, но то, что хоть однажды сказал или сделал, остается в мире навечно. Поступком и словом мы кардинально меняем нашу судьбу, и сами становимся другими...

Мне дано указание «свыше»: воздержаться от контактов с людьми...

Это становится опасным – «перехватчики» насторожились и готовы в любой момент завладеть моей энергией. Ослушаться невозможно. У нас это не принято...

Что ж, во Вселенной немало и других проблем...

Но все ли указания получили и правильно поняли мои «подопечные»?

Сумеют ли люди обойтись без моей поддержки?

Думаю, смогут: потомки способны наследовать мудрость своих предков...

Глава 7. Команда ветеранов атакует!

Несчастный очнулся в больничной палате. Он долго не мог вспомнить, что же с ним случилось, и понять, где теперь находится, но люди в белых халатах объяснили:

– Вас нашли недалеко от дома. Вы лежали без сознания. Возможно, на вас было совершено нападение. Поэтому, когда вы немного окрепнете, в клинику придёт представитель полиции и задаст вам несколько вопросов. Так положено... А теперь расскажите, как вы себя чувствуете? Что вас сейчас беспокоит?

– Меня... преследуют кошмары, – тихим голосом ответил пациент. – Кошмары, которые из сна переходят в явь...

Две линии современной подземки, соединяющие окраины Кёнигсберга, бывшие поселки: Прибрежный, Васильково, Исаково, Космодемьянский и все административные районы города, пересекались недалеко от центральной площади Победы, в непосредственной близости от драматического театра, зоопарка и Северного вокзала, от которого пригородные электропоезда мчали отдыхающих к морю. Подвесное метро «Балтийская стрела» связало железнодорожные и автовокзалы с международным аэропортом Храброво. Таким образом, транспортная проблема миллионного города давно была решена...

Валерий Васильевич и Сергей Иванович также воспользовались бесплатной подземкой и встретились на Южном вокзале, откуда выехали в столицу нашей Родины на «ночном» экспрессе «Альбатрос». Время в пути до Москвы составляло всего 10 часов с остановками: Вильнюс, Минск и Смоленск. В 8.00 поезд прибыл в столицу, где дороги друзей разошлись: Пилюлькин поехал в Минздрав, А Валерий Васильевич – в Академию медицинских наук России.

Вечером этого же дня они встретились, чтобы обсудить результаты своих хождений по инстанциям. И решили, что доктор Пилюлькин остаётся ещё на день-два, а Валерий Васильевич возвращается в Кёнигсберг, «затыкать» возникшую в сфере «скорой помощи» незапланированную «брешь». Он своё дело сумел сделать в течение одного дня и, как тогда казалось, весьма успешно. Сергею же Иванычу избежать чиновничьих проволочек, к сожалению, не удалось.

Через два дня на связь с Москвой вышел отставной офицер.

– Сергей Владимирович, с вами разговаривает Борисов Виктор Анатольевич...

– Сергей, - мягко поправил тот. – Для вас – просто Сергей.

– Ну, совсем так, как при первой нашей встрече! – обрадовался Борисов. – А я думал, что вы меня не узнаете... Общались-то мы нечасто...

– Но та, первая встреча была весьма и весьма запоминающейся, – усмехнулся в экране «Ваньки» высокий чиновник из Генпрокуратуры. – Вы тогда проделали изумительную работу и утёрли нос многим нашим специалистам! А такое, знаете ли, не забывается.

Они дружески улыбнулись друг другу.

Их знакомство состоялось более четверти века назад, на Центральной площади Калининграда. Тогда судмедэксперт Борисов высказывал свои подозрения по поводу насильственной смерти пожилых людей и только выходил «на след» Андрея Орлова, которого впоследствии и обвинил в нескольких убийствах.

– А сейчас я, Сергей, обращаюсь к вам с необычной просьбой. Понимаю, что, возможно, отрываю от важных дел, но проблема действительно очень серьёзная.

– Нисколько не сомневаюсь. Уж я-то знаю вашу хватку. Внимательно слушаю...

– Речь пойдёт о болезни Гофмана. Известно ли вам, что это за инфекция, и каковы её последствия?

– Конечно. Насколько я знаю, ряд научных учреждений уже занимаются этой проблемой. В том числе и кёнигсбергская Альбертина... Кстати, у нас уже есть сигналы из министерства здравоохранения, но мы ещё не успели их проверить... Уж не по поводу ли задержания группы специалистов вы мне звоните?

– Именно так. Я рад, что вам известно и о задержании, и о важности самих исследований. Не скрою, среди задержанных есть люди, чья судьба мне небезразлична...

– Кто ведёт дело?

– Подполковник Сулейманов. Вам о чём-нибудь говорит эта фамилия?

– Ещё как говорит... тот ещё крендель. Знаем, чей он протее. И что же, у вас есть основания полагать, что в данном случае имеет место незаконное содержание под стражей группы учёных, занимающихся серьёзными исследованиями?

– Вы правильно меня поняли.

– Хорошо, Виктор Анатольевич, мы организуем служебную проверку. Если ваши подозрения подтвердятся, нами будут немедленно приняты самые жёсткие меры...

Завертелось дело, закрутилось, когда за него взялись настоящие профессионалы. В воздухе запахло скорыми переменами. Вот бы ещё отыскать сам «катализатор»...

Ильин и Орлов «зарылись» в Интернете, пытаясь найти хоть какую-то информацию о том месте, куда им следовало ехать. Слишком мало координат дал им приходящий в сновидениях профессор. Прибайкалье – обширный район, попробуй, найди в округе огромного озера «то самое» место, которое он имел в виду...

– Аномальных зон тут хватает, – пробормотал Андрей, выводя найденную информацию на экран монитора. – Но вряд ли мы здесь обнаружим то, что ищем. По-моему, следует связаться с местными... краеведами...

– Ты прав, – согласился Кирилл. – Ещё надо разобраться, что из всего этого вымысел, а что – реальность.

Действительно, множество фактов аномальности, связанных с полетами НЛО, с наличием секретной подводной базы инопланетян на острове Ольхон и описанием трёхметровых пловцов, иногда появляющихся и исчезающих в водах Байкала, сбивали с толка. Показания очевидцев, утверждающих о наличии крупных вращающихся воронок в спокойной воде и вылете из них больших огненных шаров, а также существование огромной пещеры, якобы расположенной на подводном склоне мыса Ижимей, тоже не внушали особого доверия.

Одно место, пожалуй, выделялось необычайно жуткой, но вполне реальной «репутацией» – мыс Рытый. С этим местом связано множество легенд и преданий. Оно, как отметили приятели, располагалось напротив полуострова Святой Нос в центральной части озера. В древние времена в эти места запрещено было ходить местным жителям. Даже шаманам не рекомендовалось заходить дальше определенной границы, а точнее – протекающей здесь реки Риты.

– Местечко действительно препоганенькое, – заметил Андрей. – Пропадают люди и скот. Странные свечения, возможно, радиация, НЛО...

– Аномально ведут себя приборы, – добавил Кирилл. – Проваливаются в подземные пустоты машины, падают самолёты и вертолёты... Множество непонятных явлений, которые исследуются учёными... Просто какие-то российские Бермуды! Похоже, это то, что нам надо.

Чем больше они изучали загадочные зоны Байкала, тем больше росла их уверенность, то мыс Рытый – это и есть цель их поездки.

– Конечно, хорошо бы совершить тур по прекрасным местам Священного моря, – мечтательно сказал Андрей. Затем он зачем-то ушёл на кухню, откуда вернулся, вытирая губы. – Но нам некогда любоваться красотами Байкала. Мы должны посетить самое гиблое его место...

– Вот, послушай, произнёс Ильин. Зачитываю ссылку из Интернета: «В центральной части Байкала на западном берегу, напротив самого широкого места в озере, расположен мыс Рытый (Хэр-Хушун — гневный, сердитый мыс). Здесь нет никаких поселений, одиночные катера, не приставая к берегу, проплывают мимо. До этого места не доходят никакие автомобильные дороги и здесь нет даже тропы по побережью. Местные жители старательно избегают посещения мыса, именуя это местом «проклятым». Однако, разговорившись, могут поведать много зловещих и загадочных историй, связанных с этой местностью»...

– Не сомневаюсь, что старый профессор именно его и имел в виду...

– «...В настоящее время нет возможности однозначно объяснить феномен мыса Рытый, – продолжал читать Кирилл. – Ни одна из существующих теорий: живого биополя Земли, космических пришельцев, четвёртого измерения или теллурического излучения разломов не дает ответа на вопрос, почему мыс Рытый был проклят и почему это проклятие действует до сих пор?» Ты прав, Андрей. Нам надо именно туда. Пожалуй, стоит взять в экспедицию и доктора Борисова. Втроем как-то веселее и увереннее...

– Конечно... Из всех врачей бескорыстная дружба возможна только с патанатомом, - съязвил Орлов.

– Думаю, нам может пригодиться его опыт военной и походной жизни.

– О-хо-хо, - вздохнул Андрей. – Прощай, моё кресло, прощай, моё перо, перо философа, созерцателя и просто мудрого человека! И ты прощай, моя... нет уж, ты и в пути мне понадобишься!

– Ты о чём это?

– Так, готовлюсь к смене стиля жизни...

Благополучие любого края можно определить, посмотрев, насколько представлены его «родные» клубы в российском спорте и какие у них позиции. Любимая кёнигсбержцами футбольная команда «Балтика» уже лет двадцать как прочно «обосновалась» в высшей лиге отечественного футбола. В последние годы она упорно боролась за чемпионское звание, и лишь досадные недоразумения мешали надеть на футболистов золотые медали чемпионов РФ. У команды много богатых спонсоров, один из которых – Администрация Калининградской области. Девяносто пять процентов мировой добычи янтаря, три крупнейших морских порта, нефте- и газодобывающие предприятия, гиганты «Судоремонтный завод «Янтарь», «Вагонзавод» и множество других предприятий сделали область богатейшей в России, а справедливое и грамотное распределение средств между федеральным бюджетом и собственными нуждами подняло уровень жизни населения региона на невиданные доселе высоты.

Волейбольный клуб «Янтарь», баскетбольный клуб «Атлантика», хоккейный «Фридрих Вильгельм» (названный так в честь прусского короля, некогда правившего великим европейским государством) тоже находились в высших дивизионах своих видов спорта. Жители Кёнигсберга любили спорт и гордились достижениями земляков на спортивных полях, аренах и рингах. Конечно же, у каждого спортивного клуба были и свои фанаты.

Движение футбольных фанатов «Кёниг Легион» и фанклуб «Балтийские львы» были схожи своим неистовым поведением. Они болели за «Балтику» страстно, а порой даже яростно. Была у них общая штаб-квартира, где они встречались, обмениваясь мнениями, отдыхая и обсуждая насущные вопросы. Располагалась она в кафе «Baltic», что открылось лет пятнадцать назад на улице Грига. Разумеется, полиция пристально наблюдала за скоплением молодых людей в плане употребления ими алкогольной продукции и наркосодержащих препаратов. Прецеденты, конечно, случались. Но, в последнее время их количество заметно снизилось. И надзорные органы начали успокаиваться. И, между прочим, зря. В «Baltic-клубе» попивали спиртное, и не только пиво, активно покуривали, и не только кальян, словом, «прошерстить» это заведение ой, как не мешало бы!

– Торчилово есть? – спросил Гришка Босяк у своего старого дружбана Кольки Кривого. – Хоть колёсико, хоть косячок...

– Да у тебя, приятель, и так башка червивая... Капуста наличествует?
 – Немножко...
 – Сколько «немножко»?
 – Полштуки...
 – Иди ты на луковую грядку! На твой «мармелад» ни «золота», ни «лимона» не понюхать, и в «космос» не слетать. Купи себе стакан водяры у Попугая и торчи.
 – Хватит выёживаться! Ну, хоть пару затяжек «промокашки»...
 – Сделай себе татуировку: «Не забуду таблицу умножения»... Четыре штуки! А хочешь,... вон Рыжий какой-то новой дури принёс...
 – И почём?
 – Поди, спроси... У него целый флакон... Заяц попробовал, говорит, кайф есть ...
 Было полвосьмого вечера. На подиуме расположилась популярная местная группа «Братва»...

Шло обычное дежурство на «скорой помощи». Валерий Васильевич «травил» свои байки. Он сидел в диспетчерской и развлекал девушек-фельдшеров, рассказывая им анекдоты и смешные случаи из собственной практики, коих было видимо-невидимо. Процесс вызова «скорой» был полностью автоматизирован. Свободные бригады получали карту вызова, спускались на лифте внутрь крытой автостоянки, садились в свободную машину и убывали по указанным адресам. Барышни только контролировали процесс: одна отвечала за связь с центральной станцией, другая – за обстановку внутри подстанции.

– С незапамятных времён, девчата, все лекарства врачи сначала опробовали на себе. – Доктор почесал бородку и многозначительно взглянул на диспетчеров, будто всю жизнь тем и занимался, что лично готовил микстуры и проверял их действие на собственном организме.
 – Именно поэтому настойки и бальзамы всегда изготавливаются на спирту...

Девушки прыснули.

– То-то я гляжу, среди врачей немало людей, увлекающихся этим... – одна фельдшерица щёлкнула пальцами по тоненькой шейке.

– Не все, далеко не все... Только самые опытные и ответственные. А вот ещё случай... «Доктор, после приема вашего лекарства меня всего просто вывернуло наизнанку...

– Валерий Васильевич сделал страдальческое лицо. – «Ничего удивительного, ведь лекарство-то... – наружное!». Или вот: звонок на «03»: «Скорая слушает!» «Мой ребёнок проглотил авторучку!». «Понятно, выезжаем!» «А нам-то самим что делать?!» «Что делать? Пишите пока карандашом».

– А это взято из жизни или просто анекдот?

– Кто его разберёт?.. Но многое, очень многое взято из жизни, а со временем превратилось в анекдоты... Вот, например, к врачу приходит пациент: «Доктор, у меня желудок болит...». «Вот как... Пьёте?» «Пью, доктор. Ох, и пью... Но... но не помогает...».

В кармане у Валерия Васильевича что-то пискнуло.

– Ну вот, похоже, и по мою душу...

– Да, – подтвердила одна из девушек. – Психиатрическая бригада требуется. Кто-то буянит в клубе «Baltic»...

– Никак, снова фанаты разбушевались? – пару секунд доктор оценивал ситуацию. – Знаете, девчата, поверьте моему опыту, одной машиной мы сегодня не отделаемся... Посылайте сразу три! – и поднялся.

На девять часов вечера ситуацию в клубе «Baltic» можно описать так: два столика были перевернуты и изображали ворота. Вратарём был лысый здоровяк в порванной рубашке и с ссадиной на лице. Его взгляд был каким-то диким, глаза горели решимостью отстоять ворота. Шкафоподобное тело парня размахивающего татуированными руками клонилось то в одну, то в другую сторону, а губы были сжаты на манер «куриной гузки»...

– «Балтика» – чемпион! – орал другой «спортсмен», собираясь ударить по мячу. Только никакого мяча поблизости не наблюдалось. Грузный малый студенческого возраста, по кличке Арбуз, разбежался для удара (а для создания игрового пространства пришлось отбросить в сторону мешающие столики), но, не найдя мяча, останавливался и принимался шарить по соседним столам и сбрасывать с них всё, что там находилось: скатерти, приборы, солонки, бутылки с водой, спортивные куртки и бейсболки.

– Давай, бей! – кричал «вратарь».

– Ну, держись! – Арбуз уж в который раз начинал свой разбег.

Ансамбль, пытавшийся провести короткую репетицию, совсем недавно был изрядно побит, музыканты расползлись кто куда, собирая инструменты и «зализывая» раны...

– Боже мой, – стонала администратор кафе, потирая ушибленную руку.

Абсолютно голый Гришка Босьяк, в который раз порывался пробиться на улицу. Его пытались удержать Колька Кривой и завсегдатай клуба Архип. Они сами едва стояли на ногах, причём Архип во всю глотку кукарекал, а Колька хрюкал.

– Вызовите полицию! – кричал стриженный под ноль парень, лежавший в узком проходе между столиками. – Пусть они приедут и посмотрят, как умеют отдыхать настоящие болельщики! Судью на мыло, свисток – на порошок! Помощников арбитра – на кол!..

– Инспектора матча – в Сибирь! Навеки! – поддержал его Арбуз и, наконец, нанёс мощный удар. Он попал в ножку стола, та подломилась, и стол рухнул. На него упал, скорчившись от боли, и сам «нападающий».

Гришка, наконец, сумел вырваться, но, сбегаая по ступенькам вниз, попал в объятия Валерия Васильевича.

– Что тут происходит? – спросил доктор.

– Играем в футбол...

– А кто ведёт в счёте? – осведомился врач.

– Мы, – ответил «футболист», тщетно пытаясь освободиться от железной хватки пожилого эскулапа.

– А вы, парни, далеко... не дураки... – похвалил тот, передавая обнажённого парня санитарам, – ну, а вблизи – полные идиоты...

В сопровождении трёх полицейских и двух санитаров Валерий Васильевич поднялся к месту проведения «матча».

Закончив погрузку и «фиксацию больных», врач обмолвился парой слов с капитаном полиции.

– Похоже, укололись... Или обкурились? – спросил полицейский, доставая сигарету.

– Не могу сказать ничего определённого, – ответил доктор, нахмурившись. – Немного алкоголя... Возможно, было и что-то наркотическое, но трудно понять, что именно...

– Изъяли гашиш и «золото», – подошёл другой человек в форме. – Но тут явно что-то другое. На обычное наркотическое опьянение не похоже... Просто какая-то эпидемия... глупости.

Капитан пожал плечами и пошёл к музыкантам, которых с трудом удалось привести в чувство. Валерий Васильевич двинулся было следом, но отчего-то свернул в коридор, а

оттуда – в подсобное помещение. Машинально включил свет. В тесном помещении стоял стол, на полу были разбросаны стулья. На столешнице в полном одиночестве красовалась стеклянная бутылка, довольно странной формы. Врач сразу определил, что в этом сосуде хранится что-то, предназначенное для строго дозированного применения – из тонкого горлышка можно было вытряхнуть за один «присест» лишь одну каплю зеленоватой жидкости. Нюхать содержимое бутылочки он не стал: всерьёз опасался за своё здоровье. Зато сразу обратил внимание на этикетку. На ней было чётко написано «Образец. Ц-113». И стояла подпись с фамилией «Веряскин». Плотно закупорив сосуд, врач сунул его в карман и отправился к ожидавшим его машинам.

ЧАСТЬ II. ОПЕРАЦИЯ «БАЙКАЛ»

Размышление свободной души – 8

Я чувствую, что они где-то рядом. Они просто ждут, когда я «спущусь» на «нижний» уровень для общения с земными обитателями. Они пытаются меня сканировать, то есть, определить внутренний потенциал и решить, в какой ипостаси использовать меня в дальнейшем...

«Перехватчики» не шутят...

Никогда...

Глава 8. «Бродяга Байкал переехал...»

Больной ужасно страдал... Он понял, что жестокость болезни даже не в сумасшествии, как таковом, а в минутах просветления, когда ясно понимаешь, что с тобой случилась непоправимая беда и ты – погибаешь... Но эти минуты все реже, а безумие все глубже... И вот уже мир заполнился отвратительными чудовищами - тварями, которые глумятся над тобой, преследуют и наступают везде, даже в больничной палате. Они раздирают и пожирают твою плоть, мучают и причиняют ужасные страдания, но никто, кроме тебя, их не слышит и не видит...

Наталья Орлова с удовольствием возилась на кухне. В её дом опять пришли гости и муж закрылся с ними в комнате. Обсуждают что-то... Ей нравилось, когда к ним заходят знакомые, когда они отрывают Андрея от пассивного созерцания и пустого мудрствования с бутылкой коньяка и заставляют смотреть на мир живо, с интересом, когда в его глазах зажигаются огоньки азарта, того самого, знакомого ей и любимого ею со времён их молодости. Сегодня у Андрея Кирилл, частый гость Орловых, и седой мужчина, строгий на вид, с военной выправкой (уж её-то никуда не спрятать). Он нечасто заходил к ним, про него она знала только то, что его жена года на три старше самой Натальи, а их взрослый сын – тоже офицер, который служит в военно-космических войсках. И, пожалуй, главное: этот бодрый пенсионер – полноправный член их, как она называет всю эту компанию, «медицинского братства». Да, именно «братства». Вместе с Кириллом пришла и Лена. Сразу

заметно – окрылённая. Если согласиться с тем, что вид и поведение женщины о многом может рассказать, то сегодня её внешность «говорила стихами»!

Наталья улыбнулась. Накануне адвокат сообщил, что ему, наконец, удалось добиться рассмотрения дела в более высокой инстанции. И, возможно, уже сегодня её сын и племянник будут отпущены на свободу. В крайнем случае – завтра.

Она испекла румяный пирог, водрузила его на широкое блюдо, прикрыла салфеткой и, деликатно постучавшись, вошла в комнату.

– А вот вам к чаю!..

Но на неё не сразу обратили внимание. Шла оживлённая дискуссия.

– ...Только через тур! – доказывал Кириллу Андрей. – Закажем, приедем, а там, уж на месте и попросим изменить маршрут. Я думаю, за хорошие деньги они куда угодно отвезут, хоть на Северный полюс!

– Может быть, может быть, – вяло соглашался с ним Ильин. – А если... арендовать катер?

– Никак, пирог готов! – бывший военный оказался «на высоте», вовремя «обнаружив» присутствие хозяйки. – Как кстати! Кое-кому надо передохнуть от споров...

– Давайте разливать чай! – подхватила Лена. – Присаживайтесь и вы к нам!

– Нет-нет, у меня ещё дела на кухне, – поспешила отказаться Наталья. «Неужели собрались куда-то ехать? – с тревогой подумала она. – А мой-то снова расхорохорился... Орлом хочет выглядеть... Ох, не к добру это...»

«Орёл» между тем вскочил со своего места, подлетел к супруге, одной рукой подставил стул, другой мягко усадил её со словами:

– Присаживайся, хозяйюшка, присаживайся, хлопотунья моя... У тебя чашки нет? Сейчас я принесу!

– Побудь намного с нами, – улыбнулся Кирилл. – А то у нас опять спор возник...

– Да уж вы – спорщики знатные, – улыбнулась Наталья. – Никак, ехать куда-то задумали?

Андрей прошмыгнул на кухню, достал с полки чашку и блюдце, поставил на столик, рядом с ними словно по волшебству возникла чистенькая рюмка... Затем Орлов открыл холодильник и достал из него бутылку коньяку. Секунду он оценивал полноту содержимого стеклянной посуды и, видимо, остался доволен. Со словами: «благослови, господи», наполнил хрустальную ёмкость тёмно-вишнёвой жидкостью и неспешно её «освоил». Спрятал бутылку в холодильник, подхватил чашку и блюдце, и со словами: «а то ты совсем от коллектива отбилась» поставил их перед довольной хозяйкой.

– На Байкал? В такую даль?.. И ты тоже собрался? – Наталья озабоченно взглянула на мужа.

– А как же, он у нас особенный: отмечен, так сказать, доверием свыше! – ответил Борисов.

– Надо ехать, мать, – пожал плечами Орлов. – Не бойся, это ненадолго! За неделю управимся!

– Один, что ли? Ребята, не отпускайте его одного!..

– Не волнуйся, – успокоил Наталью Кирилл, наливая ей чай. – Я еду с ним. И Виктор Анатольевич...

– А я? – спросила Лена.

– А ты – жди Диму. Чтобы к нашему приезду всё было готово к свадьбе! – они рассмеялись.

– Виктор Анатольевич, вы же сами говорили, что данные о «проклятии» не подтверждаются... – Лена по-детски капризно поджала губки.

– Не подтверждались, – поправил тот. – До двадцатых годов на мыс Рытый было направлено несколько экспедиций... Ничего особенного они не обнаружили. Да, судя по всему, там был древний город, от которого сохранились... лишь остатки стены длиной около трёхсот метров... и пирамидальные каменные «туры»...

– Следовательно, раньше там жили люди...

– Никто не уверен, что это – городская стена. Она вполне могла служить... забором, мощной оградой, закрывающей проход на... нечто запретное. Но я не договорил... В 2021-м году очередная экспедиция в страхе убежала с мыса. До сих пор уцелевшие люди не могут дать вразумительного объяснения... А в следующем, 2022-м году – другая экспедиция, состоящая из десяти опытных таёжников, бесследно исчезла и с тех пор, вот уже пятнадцать лет, ни у кого нет желания испытывать там свою судьбу... В 30-м и 33-м годах были замечены огненные шары, вылетающие из ущелья, что возле мыса...

– К тому же, – заметил Кирилл, – на мыс Рытый не допускаются особи женского пола... Не положено-с...

– Господи, а вам-то что там понадобилось? – рука Натальи так и застыла с кусочком пирога. – Это же опасно...

– Вот поэтому мы едем туда «узким», так сказать, кругом ограниченных людей, – улыбнулся Борисов. – Мы постараемся повернуть наше дело быстро и успешно. Но для этого нужна тщательная подготовка... Видимо, на мысе Рытом что-то спрятано... или захоронено... Не нами, а ими, внеземными цивилизациями, – он усмехнулся. – Но, возможно, они и сейчас... продолжают пользоваться этим... хранилищем...

На пару минут все замолчали, пробуя и оценивая угощение, причмокивая и нахваливая мастерство хозяйки, приготовившей такой замечательный пирог. Однако в комнате по-прежнему ощущалось какое-то беспокойство.

– Ох, чует моё сердце,... – только и успела проговорить Наталья, как вспыхнул экран монитора, на котором высветилась чрезвычайно довольное лицо адвоката.

– Приветствую всю собравшуюся публику в очередной раз, – объявил он. – Можете готовиться к встрече долгожданных гостей...

Перед тем, как сказать что-то приятное или, напротив, горькое, адвокат всегда отводил свой взгляд вниз или в сторону, а на его губах появлялась слабая улыбка. Первые слова так и произносились с опущенными глазами, как бы в раздумье. На важном слове взгляд резко вскидывался и «держал» лицо собеседника.

– Из Генпрокуратуры прибыла комиссия, Сулейманова отстранили от ведения дела... Короче, завтра или даже сегодня наших подопечных выпустят! Ждите моих сообщений!

– Спасибо, – ответил Андрей. – Нам это уже известно... – а, когда монитор погас, добавил: – Поцелуй тебя кирпич!

Борисов, Кирилл и Лена захлопали в ладоши.

– Bravo! – воскликнул Ильин. – Сейчас бы отметить это событие, но боюсь, праздник придётся отложить на недельку, пока мы не возвратимся... Вот тогда, надеюсь, будет двойной, или даже тройной повод!

– Ну, а пока... вернёмся к нашим делам... – Виктор Анатольевич снова стал серьёзным. – Напомню, что мыс Рытый входит в состав Байкало-Ленского заповедника. Следовательно, необходимо заручиться соответствующим разрешением...

– Вот, у меня несколько лиц, с которыми полезно поддерживать связь... – и Лена предъявила распечатку, сделанную ею накануне.

Борисов кивнул и продолжил:

– Не следует также забывать, что то место, куда мы едем... это не просто таинственный и загадочный объект, но и священный... Поэтому, предлагаю запланировать встречу и... желательно, заручиться помощью одного из местных шаманов.

Прошло всего два дня. И вот наши путешественники уже выходят из аэропорта города Иркутска, где их встречает весьма примечательный человек. Он был, без преувеличения, огромен: высокий рост и широкие плечи, на голове – жёсткая щетина чёрных волос. Глаза тоже, чёрные, цыганские, но взгляд не бегаёт, а напротив – приветлив и открыт. Такому парню в руки хоть соху, хоть гармонь – со всем справится. На вид ему было лет тридцать пять.

– Константин Петрович Гришин, – представился он, зорко оглядывая прибывшую команду. – Я – ваш инструктор.

Друзья тоже назвали себя. Пожав всем руки, Гришин достал из дипломата файл с документами.

– Прошу просмотреть наши договорённости. Если что-то не так, лучше разобраться с этим и исправить сразу...

Наш маршрут будет проходить, большей частью, по воде. Однако, по суше – тоже. Поэтому, я должен предупредить: возможна встреча с дикими зверями, включая медведя, возможны различные форс-мажорные ситуации... Настоятельно прошу выполнять все мои требования и соблюдать меры безопасности. В предстоящем пути мы — одна команда, где нет «клиентов и обслуживающего персонала», а есть её равноправные члены, от каждого из которых зависит успех всей группы... Впрочем, мы это уже обсуждали. Люди вы, как я вижу, серьёзные и задача у вас – не пустое времяпровождение, а, насколько я понял, достаточно важное исследование. А если возражений нет, то прошу садиться в машину. Мы убываем в Листвянку. Там нас ждёт катер.

– С одного корабля на другой, – заметил Орлов.

– Да, с воздушного судна на морское. Путь от Иркутска до Рытого – более трёхсот километров. Но мы сразу туда не поедem. Наша дорога, как вы знаете, лежит сначала в Онгурёны, а оттуда – на мыс Рытый.

– Итак, – продолжал Гришин уже в машине, – прибыв в Листвянку, мы грузимся на катер и проверяем экипировку. А затем хороший завтрак и лёгкая прогулка по морю. Ольхон мы обогнём с западной стороны, то есть, пройдем по мелкому Малому морю... До Онгурён...

Вообще, для искателей приключений и любителей экстрима экспедиция в Байкало-Ленский заповедник – серьёзная и интересная «прогулка», – он усмехнулся. – Конечно, необходима физическая подготовка и моральная готовность к нештатным ситуациям. На суше можно повстречаться с крупным хищником, на море – испытать настоящие шторма... А мыс Рытый – самое таинственное место на Байкале, оно окутано мрачными легендами. Там нельзя находиться женщинам и детям...

– Это нам известно, – ответил Борисов. – Как и то, что там до сих пор не могут найти следы экспедиции, пропавшей пятнадцать лет назад...

– Да, – несколько помрачнел Константин. – Было дело... С тех пор туда ещё меньше народу ходит... А места очень интересные... На мысе сохранились остатки древней стены

и каменные «туры» ... Это такие столбы, ориентированные по сторонам света, до сих пор бытует версия, что когда-то там был город...

– Надеюсь, разрешение на проведение исследований... – начал было Виктор Анатольевич...

– Всё есть, всё оформлено, оно у меня, я его предъявлю на границе с заповедником... Вы знаете, я даже рад, что удалось «пробить» вашу группу на Рытый. Глядишь, другие потянутся... Только, вот...

– Что «только»? – спросил Кирилл.

– Говорят, народ повадился расхищать культурные ценности: разные артефакты, включая осколки древней стены, камни с сакральными рисунками... Вот духи и...

– Отомстили? – Орлов, похоже, обрадовался.

– Да, наказали... Надеюсь, у вас нет желания унести с собой что-то с мыса Рытого?

– Нет, будьте спокойны. Мы не нарушим восстановившегося... равновесия.

Немного позже группа кёнигсбергских врачей погрузилась на катер, познакомилась с его командой, а именно: капитаном Юрой, коком Николаевной (Надеждой Николаевной), матросами Ильёй и Павлом. Гришин, осматривая экипировку «туристов», был весьма удивлён их снаряжению: Виктору Анатольевичу удалось раздобыть три комплекта лёгких костюмов «Атом», применяющихся при выполнении различных видов экстремальных работ. Они были термостойки, защищали от радиации и «активной химии», но легки и удобны. Кроме обычного инструмента, необходимого в подобных походах, у группы оказались миниатюрные универсальные приборы, фиксирующие уровни радиации, напряжённости электрического и магнитных полей, а также некоторых других полей, как объяснил старший из исследователей, «товарищ Борисов», – «... и для обнаружения «тонких материй...»

Отчалили и пошли вдоль западной береговой линии Байкала. А тут и кок порадовала: завтрак готов. Вскоре накрыли стол...

– До вечера можно расслабиться, отдохнуть и любоваться байкальскими видами, – объявил Гришин. – Шторма пока не предвидится, но на всякий случай... В общем, не забывайте, что мы идём морем!

Исследователи угостили Константина коньячком и пригубили сами. Как, всё-таки, здорово! Ещё ночью они были в Кёнигсберге, в самом западном городе России, а сейчас, в разгар утра – уже в сердце Сибири, в водах священного Байкала!

– Прекрасно, – с удовольствием смотрел в сторону берега Борисов. – Какая красота!

Тем временем, они проплывали мимо скалистых берегов, поросших лиственницами и кедрами. Леса перемежались участками со степной растительностью, иногда на берегах виднелись убогие деревеньки и пастбища, теснились могучие утёсы, вдали синели вершины гор.

С моря дул свежий ветер, настоящий баргузин, дышалось легко, отчего во всём теле ощущалась необычная лёгкость и бодрость. Мерно постукивало сердце двигателя, плескалась за бортом вода, а катер, словно маятник, покачивался на упругих волнах.

– Вы всю ночь не спали, так что, пожалуйста, в каюту, там можете вздремнуть, – предложил путешественникам Гришин. Но они отказались.

– Попозже. Дай полюбоваться этим чудным видом...

– Да уж, у нас есть на что посмотреть! Такая красота!.. Ольхонские ворота! Идти нам ещё прилично. До самого вечера... – и поднялся в рубку побеседовать с капитаном.

– «Бродяга Байкал переехал...» – вдруг запел Кирилл. – А правда, что существует мнение, будто захоронение на мысе Рытом – это дело рук марсиан?

– Не исключаю, что так оно и есть, – промолвил Борисов. – Хотя, кто же может знать наверняка?.. Возможно, миллионы лет назад, когда у них началась страшная эпидемия... они стали искать спасение на Земле... Что тут произошло в действительности, мы уже никогда не узнаем... А вдруг здесь спрятан их космический корабль?... Или его останки? Но, вероятнее всего, хранилище каких-нибудь ядовитых, радиоактивных или биологически заражённых отходов...

– Ну, за миллионы лет всё должно было распасться, – с надеждой произнёс Ильин.

– Или покрыться надёжным слоем осадочных пород...

– А вот я абсолютно уверен, что жизнь занесена на Землю из Космоса, – заявил Орлов. И тут же принялся развивать свою теорию: – Наша планета насыщена живыми организмами в таком изобилии и разнообразии, что это потрясает воображение!

Он пригубил рюмку и продолжил рассуждение:

– Ни один современный ученый не может нам толком объяснить, как же возникла жизнь из неживой материи. Химикам ни разу не удалось воспроизвести это экспериментально. И вот почему. Известно, что даже одноклеточные организмы непостижимо сложны, поэтому... цитирую: «вероятность случайного зарождения жизни в первичном «бульоне» сравнима с вероятностью, что энциклопедический словарь является результатом взрыва в типографии». А что, если случайностей в природе вовсе не бывает?..

Его не перебивали. Борисов и Ильин иногда посматривали друг на друга, а порой, кивали головой, мол, продолжай, коллега, мы тебя внимательно слушаем, мы согласны с твоей теорией, только дай в неё «въехать». Но на фоне благостной природы этого так не хочется...

– О том, что миром правят не случайности, а «разумные силы», недоступные человеческому пониманию, писали еще Циолковский, Вернадский, и «отец» кибернетики Винер...

К столу подошла Николаевна... Видимо, она хотела предложить блюдо, которое, несомненно, украсило бы стол, но, услышав разглагольствования учёного мужа, не отважилась его отвлекать и удалилась, под нахмуренные взоры других членов команды.

Павел сменил капитана за штурвалом, Юра с Константином тоже сели за столик. Орлов, заметив их, повысил голос, пытаясь объяснить уж вовсе вразумительно:

– Идём дальше: синтез белков, из которых построено все живое, как известно, зависит от ДНК, но вот незадача: ДНК не может образоваться без уже существующего белка. Видимо, как в загадке про «курицу и яйцо», они появились одновременно, а не эволюционировали... Археологические находки также свидетельствуют о том, что различные виды живых организмов появлялись на земле внезапно, существовали на протяжении долгих периодов, не испытывая значительных изменений, пока некоторые из них не вымирали. Причем потомки нередко были менее приспособлены к условиям окружающей среды, чем их предки. Какая же это эволюция?

Окружающие пожали плечами. Действительно, эволюцией здесь и не пахнет.

– Согласен, что наиболее адаптированные виды животных имеют гораздо больше шансов выжить, но это совершенно не объясняет то, как они появились. Наконец, невозможно признать эволюцию удивительного человеческого интеллекта, как результат беспорядочных изменений в клетках мозга низших животных. А наше

самосознание, осмеливающееся иногда утверждать, что чудес не бывает, не является ли оно само по себе чудом?

– И поэтому существует равноправная версия – это теория привнесения жизни на нашу планету из космического пространства... – подхватил, наконец, Кирилл.

– Да, конечно, коллега! Хотя она вовсе не отвечает на главные вопросы происхождения жизни, а лишь отодвигает проблему её появления на окраины Вселенной. Нам же она может быть интересна в ином аспекте... Опираясь на имеющиеся сегодня научные данные, можно смело утверждать, что человек произошел не от обезьяны. Все обезьяноподобные существа, жившие в прошлом, были не кем иным, как вымершими видами человекообразных приматов...

– А неандертальцы? – Ильин вновь наполнил рюмки коньяком.

– Древние люди – неандертальцы, как ни странно, существенно отличались от нас с вами, потомков кроманьонцев.... Изучение ДНК неандертальца показало очень большую разницу с нашим генетическим кодом. Хотите вы этого или нет, но такое открытие свело на нет теорию Дарвина, согласно которой мы произошли от неандертальца, в процессе его постепенной эволюции от обезьяны к человекоподобному существу. Но опять же, кроманьонцы появились на Земле совершенно неожиданно и это трудно объяснить. Откуда они взялись? Как так случилось, что сорок тысяч лет назад вместо звероподобного неандертальца планету заселили высокие, стройные и красивые люди? Вы не знаете? Я уверен, что они прибыли именно с Марса.

– Ну, за марсиан!.. За наших далёких предков! – приятели чокнулись.

– Господа учёные, – провозгласил Константин. – Предлагаю немного поспать. Вечером мы прибудем в Онгурёны, где нас ожидает шаман пятого посвящения... Короче, один из самых настоящих шаманов современной Бурятии... Вот ему будет очень интересно послушать новую теорию происхождения жизни на Земле!

Размышления свободной души – 9

Иногда люди вызывают духов... Они серьёзно полагают, что им откликаются души тех, к кому они взывают... Убогие, наивные людишки... Вы разговариваете с «перехватчиками»...

Души никогда не откликаются. С «Земли» до них невозможно достучаться. Зато эти попытки хорошо видны «перехватчикам» и они выходят с вами «на связь».

И вы никогда не поймёте, что охота началась уже на вас...

Глава 9. «Спасибо, доктор!»

Страшно осознавать, что тебе конец. Он ещё не пришёл, но неизбежен, близок... Странная болезнь, от которой нет спасения... Утром, выходя из кошмарных сновидений проверяешь, на месте ли твои конечности... Ведь их всю ночь грызли страшные крысы...

И все чаще убеждаешься в том, что это был не сон...

– Надеюсь, с рыбалкой тут всё в порядке? – Андрей и Кирилл стояли в компании с Константином, расспрашивая его о местных обычаях и одновременно любуясь красотами природы.

– И с рыбалкой порядок, и с охотой, – ответил инструктор. – На обратном пути будет возможность в этом убедиться. Мы сейчас идём по Малому морю, самой мелкой части Байкала. Глубина здесь – примерно двести метров...

– Ничего себе... – присвистнул Ильин.

– Вот тут, в основном, и ловят: омуля и другой рыбы – полно.

– А змей на берегу много? – спросил Орлов. – Я их не очень-то уважаю. Кроме, пожалуй, одного... зелёного...

– Из ядовитых пресмыкающихся на Байкале распространён щитомордник. Есть полоз, но он безобиден... Так что, со змеями у нас полный порядок... На берегу вполне безопасно...

Вечерело. Плавание проходило спокойно. Пассажиры успели отдохнуть после бессонной ночи и вдоволь налюбоваться байкальскими пейзажами. Неоднократно наблюдали на берегу озера красавцев изюбрей, выходявших из зелёных лесных массивов, лосей и даже медвежью семью, чьё появление вызвало целую массу радостных эмоций. Не менее восторженно встречали каждую особь байкальской нерпы.

Чайки и бакланы подлетали к судёнышку совсем близко, с любопытством и опаской оглядывая незваных гостей своей славной обители. Мимо проплывали большие и маленькие островки, эта часть Байкала изобиловала ими. Справа был хорошо виден Ольхон.

– Красота! – только и могли вымолвить впечатлённые кёнигсбержцы.

– Да, это – действительно красота...

– Я слышал, что байкальская вода оттого такая чистая, – сказал подошедший Борисов, – что здесь водится особый вид креветки, этаким малюсенький монстр, который здорово фильтрует воду...

– Да, говорят, – подтвердил Гришин. – Но куда бы эта чистота подевалась, если бы здесь стояли целлюлозно-бумажные комбинаты, вокруг озера курсировали бы товарные поезда, а берега Байкала распродавались бы нуворишам и предпринимателям? Наш народ любит своё озеро и следит за его чистотой... Вы же сами видите, мы ни одного окурка не бросили за борт, всё складываем в специальный бачок, который потом отправим на утилизацию... – Он посмотрел на часы. – Скоро прибываем. Пора понемногу собираться...

Уже начинало темнеть, когда катер причалил к берегу. Вот и Онгурёны, как говорят буряты, – «конец пути». Действительно, дальше дорог нет. Конец цивилизации.

Выгрузились на берег. Впрочем, решили ничего из вещей с собой не брать. Планировали отдохнуть и переночевать, сходить в баньку да побеседовать с местным шаманом. Некоторое время пришлось привыкать к суше, ведь после катера на земле слегка «штормило».

Пока осваивались, подъехала машина из посёлка. Из кабины вышли два человека, судя по внешности – буряты. Поздоровались с Константином, о чём-то поговорили. Потом направились в сторону наших путешественников. Поздоровались и с ними. При этом местные жители вели себя как-то напряжённо и беспокойно.

– Беда пришла в Онгурёны, – наконец, произнёс Гришин. – Местного охотника медведь заломал. Еле добрался до посёлка, упал почти замертво: рваные раны, много крови потерял... А помощи всё нет. Обещали вертолёт из Иркутска, но у нас подобные дела так

быстро не делаются... Кинулись было к местному шаману, а он туман напускает, говорит, помощь придёт оттуда, откуда не ждёте...

– Где раненый? – деловито спросил Кирилл. – Мы поможем.

– Среди вас есть врач? – с надеждой спросил инструктор.

– Дружище, – ответил Орлов. – Мы все трое – очень знатные шаманы. Двое из которых могут оказать помощь прямо сейчас, а третий... очень пригодится если эти двое окажутся бессильны... – и покосился на Виктора Анатольевича. – Да-да, не волнуйтесь! Мы все – врачи. Кирилл, где наша медицинская укладка?

– Сейчас принесу! – Ильин поспешил на борт катера. – Как же доброму доктору без инструментов и перевязочного материала?

– Так что, успокойтесь, ребята, – обратился к приехавшим из посёлка людям Борисов. – Сейчас мы осмотрим больного и сделаем всё, чтобы он дождался вертолёта.

– Сам бог вас к нам послал! Я – Роман, а это – Петя... – ответил, широко улыбнувшись, один из прибывших поселъчан.

– Ну, поехали! – Кирилл сошёл на берег. В руках он держал медицинскую сумку. – Вот уж не ожидал, что так скоро она пригодится...

В течение часа, пока солнце продолжало свой неспешный поход на ночёвку за ближайšie сопки, был проведён осмотр и лечение. Руководил процессом, да, в основном, и действовал, Борисов. Андрей ассистировал ему, а Кирилл готовил шовный и перевязочный материал, обеспечивал покой и порядок в помещении. И, как мог, поддерживал близких. Его голос, негромкий, но очень уверенный, казалось, отводил всякую тревогу, успокаивал и обнадёживал. Операцию проводили в доме охотника. Виктор Анатольевич остановил кровь, наложил десятка два аккуратных швов на лице и волосистой части головы пострадавшего, вставил дренажи, ввёл противостолбнячную сыворотку. Переломы плеча и голени были надёжно иммобилизованы с помощью тонких дощечек и импровизированного «сапожка».

– Теперь – полный покой, – сказал врач-пенсионер. – Опасности для жизни больше нет. Даже если вертолёт прилетит завтра утром, не беда...

– Ай-ай-ай... Старый охотник, а так нарвался... – причитали местные жители. – У медведей сейчас свадьбы! Попадаются злющие... Как допустил такую промашку?

– Скажите, а он будет жить? – приставали с вопросами иные.

– Будьте уверены, братцы! Операцию сделал не какой-нибудь знахарь, а врач-профессионал. Причём, очень высокой категории! – успокаивал людей Ильин.

– Ладно, Андреич, совсем захвалил, – отмахнулся Борисов.

– Я тоже не ожидал такого проворства от ветерана-прозектора... – вполголоса произнес Орлов, но Виктор Анатольевич его всё же услышал.

– Ты, дружище, верно, забыл, что я два десятка лет был корабельным хирургом? – улыбнулся он. – В моих походах случались ситуации и посложней... Приходилось ставить диагноз без какого-нибудь оборудования.. Такая методика называется: «палец – пол – потолок»... и оперировать в одиночку... А тут мне такой отличный ассистент подвернулся... Вот мы шутя и справились.

В течение короткого промежутка времени прибывшие в деревню путешественники и местные жители перезнакомились и почти сдружились. Теперь, когда дело было сделано, и опасность миновала, все вывалили на улицу и закурили. Виктора Анатольевича обступили люди и стали горячо благодарить.

– Однако, ловко вы этим... ножичком своим и иголкой кривенькой тоже... Да-а-а...

– Не впервой, – устало отвечал Борисов, отгоняя комаров от своего лица.

Появился Гришин. Узнав, что всё обошлось благополучно, сообщил:

– Вертолёт будет завтра. А сейчас – в баню! Она уже натоплена и ждёт! А потом – ужин!

Орлов стоял в сторонке, тоже дымил сигаретой и поглядывал на домики, в которых уже зажглись окна. На первый взгляд, посёлок был небольшой, не более трёхсот жителей. Никаких достопримечательностей, кроме старого паровоза в центре селения. «Интересная, наверное, история у этого памятника старины»... – подумал Андрей. Услышав про баню, он словно очнулся. – Да, в баньку бы не мешало...

– Спасибо, доктор, – вдруг произнёс подошедший к нему Пётр, родственник раненого охотника, и крепко пожал Орлову руку. – Вы спасли моего брата...

– Как ты сказал? – переспросил Андрей...

«Спасибо, доктор»... Боже мой, как же давно я не слышал этих слов...» В горле тотчас образовался горький комок... Что-то забытое, но родное шевельнулось в его душе... «Спасибо, доктор»... Ведь всё это уже было! И слёзы радости, и искрящиеся счастьем глаза... И чувство гордости за своё искусство... И благодарные слова Учителю... «Спасибо, доктор»... Ведь он же действительно – врач! Был врачом и остался им! А всё остальное – библиотекарь, переводчик и философ-наблюдатель – это наносное, неправильное, преходящее. Его истинное призвание – лечить людей, возвращать их к жизни и как знак высшей благодарности – слышать от людей: «Спасибо, доктор»!.. Ведь из всей его 55-летней жизни самым ярким и важным был лишь тот маленький период, правда, канувший уже в прошлое, когда он... работал врачом.

– Дружище, – обратился Орлов к Петру, сглотнув слюну. – У вас тут коньячком затариться можно? Или уже поздно?

– Для вас – легко, – ответил тот. – Только коньяком мы не балуемся.

– А что у вас в наличии?

– Кедровка. Настойка такая. Сорок пять градусов...

– А она нервную систему успокаивает?

– Ещё как, – хмыкнул тот.

– А работу желудочно-кишечного тракта улучшает?

– А то! Для того и пьём!

– Артериальное давление нормализует?

– Не жалуемся...

– Ладно. Сойдёт.

– Сбегать, что ли?

– Да, пожалуйста, как тебя?.. Петя... Двести рублей хватит на литрушку?

– Для вас – бесплатно. Я сейчас, пулей... А вы проходите в баню!

Валентин Чомгаев внешне не походил на шамана. Он появился в доме Петра в самый разгар ужина и вызвал соответствующую его статусу суматоху. Только вошёл, как сразу стал объектом всеобщего внимания.

– Прошу любить и жаловать, – объявил Константин кёнигсбергским врачам. – Наш шаман, один из немногих, настоящих... – сказал он уже более спокойным тоном. Чувствовалось, что уважением к этой категории людей, по прошествии веков и тысячелетий, нисколько не угасло и в эпоху Интернета.

Валентин одевался просто, но по-современному, даже со вкусом. С виду и не скажешь, что это представитель таинственного клана людей, умеющих общаться с духами... Просто улыбчивый человек с монголоидным типом лица и умными глазами, глядящими через узенькие щёлочки век, которому и до старости ещё далеко, чего уж тут говорить о посвящении в древнее и таинственное искусство камлания...

Хозяйка, жена Петра, поставила перед шаманом чашку, налила в него молока. Тот кивком поблагодарил. Прерванная трапеза возобновилась. Собравшиеся за столом люди с интересом наблюдали за шаманом, полагая, что прямо сейчас, за столом, он начнёт свои хитрые манипуляции...

– Значит, на Рытый собрались? – как бы между прочим спросил он. Его взгляд был как облако: он есть... и его нет, он рядом, но не здесь.

– Да, – тут же ответил Борисов. – Хотелось бы в общих чертах узнать об этом месте... Из ваших, так сказать, авторитетных источников...

Собеседник не спешил с ответом. Задумался. Придвинул к себе тарелку с картошкой, взял в руки вилку... После чего недобро сверкнул глазами, словно пустил изучающий импульс в сторону незнакомцев.

– Наши поселчане, – наконец, ответил Чомгаев, – мыс Рытый побаиваются. Так уж издавна повелось ...

Он рассказал о том, что мыс носит и другое название: Хыр Хушун. По-бурятски это означает «гневный». Мыс является излюбленным местом древних шаманских обрядов. Женщинам запрещается появляться на нём, а в нескольких километрах севернее мыса даже есть место, которое на картах отмечено как «Анютка». Название заимствовано из бурятского «анюурхла», что означает «моргнуть» или «закрыть женщине глаза перед святым местом».

– В шаманских гимнах говорится, что только верующим мужчинам разрешается приближаться к распадку... К тому месту, где река Рита уходит в «подземный мир»... То есть, она течёт и вдруг... пропадает под землёй... Здесь они молятся и приносят свои жертвы духам Ухэр... Шаману же разрешено одному идти по реке Рита вдоль ущелья, но только до голой скалы, из которой растёт кедр. А уж далее... даже ему идти нельзя... Рядом со скалой стоит Ухыл-Шулуун – «мёртвый камень»... Проклятое место... Я бы, честно говоря, не советовал вам соваться туда без особой на то надобности...

– Так что вы подумайте, – закончил шаман, доставая и прикуривая трубку, – так ли уж нужен вам Хыр Хушун... Мест для приятных прогулок много. И все они гораздо безопасней, чем «гневный мыс». Да и на самом мысу надо чётко понимать, куда вам можно, а куда – нельзя.

Голос у него был хриловатый и какой-то «тяжёлый», если уместно такое сравнение. Сказалось ли на его голосовых связках влияние громких певческих упражнений, иногда довольно продолжительных, которые, как известно, необходимы в шаманских ритуалах, или же это – результат постоянного курения табака, но что-то превратило этот речевой инструмент в жёсткие, хлёткие ремни.

– Мы не на прогулку собрались и не на экскурсию, – проговорил Борисов. – Этот вопрос уже обсуждался. Если на мысу есть самое опасное место, то нам надо попасть именно туда.

Шаман понимающе кивнул.

– Прежде чем идти с вами на мыс и проводить обряд, – объяснил он, – я должен был... составить о вас впечатление... Чтобы уговорить духов не препятствовать вам... Вы –

люди дела, – он выпустил изо рта клубы дыма, – духи благоволят к таким. И вы не ведёте за собой бхуту и «верхнего демона»...

– Это злые духи, – подсказал на ухо Борису Гришин. – Очень древние и очень злые...

– Вы уважаемые люди и настоящие целители... Врачи... Это очень хорошо, – продолжал рассуждать Чомгаев.

– Помыслы наши чисты, – добавил Орлов, – аки слёзы младенца. С мыса мы не заберём ни единого камушка, ни самой маленькой пылинки...

– Наши важные исследования имеют под собой строго медицинскую основу, – подтвердил Кирилл.

– Хотелось бы узнать, хотя бы в общих чертах,... – повторил Борисов, – как сами шаманы объясняют те странности, что происходят на Рытом... или Хыр Хушуне...

– Вы кушайте, кушайте, – суежилась хозяйка у стола, пододвигая к беседающим мужчинам яства, разложенные по мискам, чашкам и горшочкам. – Вот мясо, вот грибочки... вот яблочки мочёные...

– Старики рассказывают то, что слышали от своих далёких предков, – помедлив, начал говорить шаман...

Оказывается, очень давно, целые тысячелетия назад, здесь был захоронен Ухэр-нойон, владыка Северного Байкала, «отец семи ветров», хозяин земель, что протянулись от мыса Рытый до северной оконечности Байкала. Ухэр-нойон вместе с сыновьями жил в том ущелье.

– Ещё с тех незапамятных времён это место было всегда особо почитаемо, – говорил шаман. – Духи могли прогневаться в любой момент... Очень страшное и опасное место. Давно люди стали замечать, что пастухи и охотники неожиданно умирают после посещения этого места. Тогда шаманы объявили запрет на вход в ущелье. И этот запрет действует по сей день.

Валентин рассказал, что ни один бурят не войдёт в это ущелье по собственной воле, несмотря на обилие белки и соболя. Те охотники, которые нарушают запрет, долго не живут.

– Пятнадцать лет назад группа чужаков осмелилась проникнуть в ущелье, – продолжал он. – Много было людей. Сейчас там, среди унылых скал, бродят их духи, – он пыхнул дымом и зажмурился. – Ущелье забрало их...

На некоторое время в избе воцарилось молчание. Все думали о том страшном происшествии, которому до сих пор не найдено разумного объяснения.

– Мой отец говорил, – текла скрипучая речь шамана, – будто бы ольхонские старики рассказывали ему, что в этом месте сходилась граница охотничьих, пахотных и пастбищных земель. За владение землями мыса разгорелся жаркий спор между эвенкийским, якутским и бурятским родами. Однажды решено было провести сражение. От каждого народа вышли по великому шаману и богатырю... И началась великая битва, продолжавшаяся не один день и не одну ночь...

Сражение, проводившееся шаманами и богатырями, по словам Валентина, не принесло никаких результатов. Но именно с тех пор это место и стало проклятым. Великая битва разбудила дух захороненного здесь Ухэр-нойона, и на плодородную равнину обрушился ужасный сель, засыпав всю землю огромными камнями.

– Раньше, посередине мыса росло священное дерево, – продолжал он свой рассказ, – а перед входом в ущелье было святилище. Сюда могли добраться только шаманы. Они молились чёрной ночью, на перевернутом чёрном котле... Но, с тех пор всё нарушилось, и теперь дух Ухэр-нойона мстит людям, проходящим в то место, где захоронено его тело...

После ужина все вышли на воздух. На дворе стояла ночь, тихая, прохладная и звёздная. Гришин распоряжался насчёт ночлега команды, а шаман подозвал Петра и троих кёнигсбергских медиков.

– Идите за мной...

Они зашли за дом и приблизились к сараю. Пётр отворил дверь, которая громко скрипнула, недовольная тем, что её побеспокоили. Вошли. Резко пахнуло сеном и потом животных.

– Приготовил? – тихо спросил Валентин.

– Да, – ответил Пётр и включил свет. Почуввав людей, замотала головой корова, ягнята протянули свои мордочки к вошедшим. В дальнем загоне одиноко ютился молодой барашек.

– Купите у хозяина этого барана, – сказал шаман. – Завтра на мысу мы принесём его в жертву...

Размышления свободной души – 10

Вы спрашиваете, кто такие «перехватчики»?

Мне трудно объяснить, но попробую... Это – «ловцы» душ. Издавна известно, что за душами людей идёт настоящая охота. Про то немало сказано в человеческих легендах и преданиях... Но саму природу «ловцов душ», их истинную силу и возможности, ум, вероломство и беспощадность не знает никто...

Из ныне живущих...

Глава 10. Тайны Хыр Хушуна

Выписка из истории болезни больного N:

«Контакт с пациентом затруднён. Больной полностью дезориентирован в обстановке, времени и происходящих событиях. Критика к своим поступкам отсутствует.

Попеременно возникают недоумение, отчаяние, удивление, но наиболее частым и постоянным остаётся страх. Он беспокоен и возбуждён, видит себя то птицей, то деревом, то камнем. Пытается описывать странных существ, неземные пейзажи, слышит голоса и приказы своего «марсианского хозяина», за невыполнение которых его должны покарать смертью...

Фрагменты реальности смешаны с фантастическими представлениями. Окружающих людей он считает участниками переживаемой ситуации, бреда и галлюцинаций, своими преследователями или двойниками... Галлюцинаторные образы изменяются, движутся, переходят один в другой, иногда становятся сценopodobными, изображая целые действия, могут калейдоскопически сменять друг друга.

Ночью проявления болезни усиливаются.

Проводимая терапия эффекта не имеет...»

– Что-то есть в этих шаманских байках, – промолвил Орлов. – Много занятного и поучительного... Ведь, если разобраться, то на большинство наших вопросов был дан ответ... А на первый взгляд – сказка сказкой...

– Ты прав, – согласился с ним Кирилл. – Но что именно произошло, мы так и не узнали. Хотя, есть некоторые догадки.

Борисов тоже не смог промолчать:

– Я скажу только одно. Речь идёт действительно о древнем... марсианском захоронении... Может, и не марсианском... Но то, что инопланетяне «похоронили» здесь какую-то тайну и надёжно её спрятали – это факт... А некоторое время назад, сейчас нам трудно сказать, какое именно, кто-то «вскрыл» этот могильник...

Все замолчали, глядя в сторону приближающейся суши. Впереди, покрытый дымкой тумана, тихо «вырастал» мыс Рытый, цель их путешествия.

По пути члены экспедиции отметились на кордоне Байкало-Ленского заповедника. Константин предъявил человеку в форме, которого сопровождала немецкая овчарка, необходимые документы и перекинулся с ним парой слов. Затем группа двинулась дальше.

А сейчас Гришин коротко произнёс:

– Прибыли. – И исчез в каюте.

Словно по команде, друзья начали экипироваться. Надели чудо-костюмы «Атом», достали и проверили свои приборы, вытащили на палубу сумки и рюкзаки.

– Матрицы не забыли? – осведомился на всякий случай Борисов.

– Ни в коем случае, – ответили Кирилл и Андрей. У обоих были пробирки с растёртым в пыль янтарём – проверенное средство для изготовления матрицы. Оставалась самая малость – зарядить её «энергией смерти» в самом опасном месте мыса Рытого. И – можно возвращаться домой. Если, конечно, с ними ничего не случится...

Подошёл Константин, бегло оглядел троих докторов, одобрительно кивнул. А вот на корме появился и шаман. Поверх свитера он накинул что-то типа плаща, какую-то светлую накидку, всю увешанную мелкими металлическими предметами, отчего она издавала странный, завораживающий звон. Среди «подвесок» различались маленькие колокольчики, миниатюрные луки, наконечники копий и стрел, металлические фигурки коней, птиц и людей в ромбовидных рамках.

– Это – оргой. Все талисманы необходимы для борьбы со злыми духами, – шёпотом объяснил Гришин, увидев, что одеяние шамана вызвало интерес и удивление кёнигсбержцев.

– Ну, теперь нам нечего бояться, – улыбнулся Андрей. Заодно он проверил наличие заветной фляги, без которой путешествие в «мир демонов», как он подозревал, было бы скучным и тяжким.

На свою голову Валентин водрузил что-то вроде древнего скандинавского шлема или короны. Своеобразная «шапка» состояла из железного обруча, к которому были приделаны ещё два полуобруча – крест-накрест; вершину одного из них венчала железная пластина с отогнутыми концами в виде рогов или лучей. К горизонтальному обручу были прикреплены две дополнительные конические подвески.

– Это холбохо, – добавил Гришин.

– Как всё серьёзно, – покачал головой Кирилл, одновременно проверяя содержимое медицинской укладки. – Но мы тоже подготовились на всякий случай...

Матросы Паша и Илья также собирались в поход в качестве «группы обеспечения». Капитан Юра с ухмылкой следил за сборами, как он называл, «туристов» и попыхивал трубочкой. Он и кок, Николаевна, оставались на борту. Капитану не полагалось покидать своё судно, а дамам, как известно, путь на мыс Рытый был заказан.

– Надолго собрались? – спросил Юра, оглядывая небо, сплошь покрытое набежавшими тучами.

– За день, максимум – два, думаю, управимся, – ответил Константин.

Шаман взял в руки две металлические палочки, одну подлиннее, другую покороче. Предвидя вопрос Орлова, Гришин пояснил:

– Это морин хорьбо. Конные трости. Они имеются у всех шаманов прибайкальских бурят... Конных тростей у шамана бывает две, и делаются они из дерева или железа. Железные трости вместе с шапкой поступают в распоряжение шамана только после «пятого омовения тела». Правая трость делается несколько длиннее левой...

– А зачем они?

– Затем же, – хитро улыбнулся инструктор. – Для борьбы со злыми духами. А ещё имеется хур. Такая трещотка, видели, наверное?

– Да, что-то музыкальное, – вспомнил Кирилл. – И где он?

– В серебряном футляре... Ну вот, наш шаман готов. Теперь слушайте его и ни в чём не прекословьте. На некоторое время он тут – главный...

– А где же у него бубен? – поинтересовался Борисов.

– Наши шаманы уже давно ими не пользуются, – пояснил Гришин. – Вместо бубна используется хэсэ – такой небольшой колокольчик.

Катер тихо подошел к берегу, матросы бросили швартовы.

Едва сошли на сушу, Валентин сразу же распределил обязанности между участниками экспедиции. Илья пошёл за дровами, видимо, не впервой тут был и знал, где их раздобыть. Паша отправился готовить площадку для обряда. Докторам был доверен баран и котёл. Бедное животное, видно, догадалось, что его взяли с собой не для того, чтобы выгулять на зелёной лужайке, и заметно приуныло.

– Пошли, брат, на заклятие... – Орлов взялся за конец верёвки.

Заодно и огляделись. Поначалу мыс Рытый на участников похода особого впечатления не произвёл. Каменистая почва, очень неровная, как будто кем-то перепаханная, взрытая (оттого и название). Редкие деревья, колючие кусты и клочки стелющейся травы. Чуть поодаль начиналась возвышенность, поросшая кедрами, за ними – небольшие горы. Где-то там и должно находиться знаменитое ущелье.

Между тем, над мысом собрались тучи – чёрные, тяжёлые, мохнатые создания.

Вскоре шаман приступил к делу. Пока длился обряд камлания и жертвоприношения, лил дождь. Гришин сказал, что это – обычное явление: духи беседуют с шаманом и присматриваются к людям. Сейчас они объявят свою волю.

Как оказалось, шаман постарался на славу. Свершилось ли чудо, или это так пошутила матушка Природа, но едва закончился «обряд на вхождение», важное и ответственное мероприятие, включающее в себя приветствие духам и просьбу посетить священное место, как дождь прекратился. Причём, внезапно. Выглянуло солнце и, радостно осветив путешественников, словно сказало: «Айда, братцы, на прогулку! Духи не возражают!»

Валентин объявил, что дорога на Священную землю открыта. Но обряд ещё не завершён. Требовалось сварить барана в котле и обязательно вкусить его мяса.

– Ну, это мы с превеликим удовольствием, – пробормотал Орлов, почувствовав, что на Хыр Хушуне ему начинает нравиться.

Через пару часов, отведав «священной баранины», шаман достал заготовленные заранее кусочки белой и синей материи, на некоторых написал имена участников экспедиции, причём писал он замысловатыми тибетскими буквами. Позже лоскуты ткани были развешаны на деревьях.

– Это хадаки, – пояснил Гришин. – Символы чистоты помыслов, доброты и дружелюбия.

– Однако, пора! – шаман поднялся. – Солнце уже высоко. До ночи можем не поспеть.

Остальные члены команды тоже встали, привели в порядок снаряжение, убрали остатки еды, мусор сожгли в костре, огонь залили водой.

– Идём так, – Валентин указал направление. – Солнце должно светить преимущественно слева. Я – впереди, за мной – учёные, за ними – инструктор. Павел и Илья идут справа и слева метрах в тридцати. Не растягиваться!

И – тронулись в путь.

Вот тут и началось. Буквально с первых шагов почувствовалось, что место это действительно непростое. Словно живёт здесь кто-то могущественный и страшный, а люди идут по его владениям, опасаясь разбудить и разгневать хозяина. Весь воздух был пропитан тревогой. Казалось, что раздаётся откуда-то тихий, но настойчивый звон. Словно туча комаров непрерывно следует за людьми, оставаясь невидимыми. Казалось, что сейчас они облепят своими телами путников и начнут беспощадно кусать...

Кирилл проверил показания прибора. Отмечалась «неопасная» аномальность.

– Ну, как ощущения? – спросил инструктор. – Немного неуютно, не правда ли?

– Да что-то «эдакое» действительно витает в воздухе, – согласился с ним Борисов. – И это не только пчёлки... Такое впечатление, что мы вошли в какую-то зону... Пока трудно передать словами, но что-то тут не так...

– Какой-то тоскливый пейзаж, – подтвердил Кирилл. – Видно, что здесь сошёл обильный сель, который всё засыпал камнями, даже реку... Ощущается мощь природных сил... Пардон, конечно, духов... И эти камни... словно они и нас придавили...

– Всё вам не так, – отозвался Орлов. – И воздух не тот, и ощущения странные. На вас не угодишь. Сидели бы у себя дома на диване, на худой конец, на бережку тихого пруда с удилицем и клевали носом. Эх вы, романтики! Мы отправились в бесподобное путешествие! Кто бы мог подумать, что на старости лет нам удастся такой великолепный поход! А вы уже нюни распустили!

Друзья рассмеялись.

– Ох, уж Андрей Валерьевич! – воскликнул Борисов. – И что бы мы делали без твоего энтузиазма!..

По каменистой почве идти было нелегко. Ступали не торопясь, осторожно ощупывая подошвами ног поверхность и балансируя руками, словно шли по натянутому канату, стараясь бодрыми словами и взглядами прогнать тревогу, которая всё больше овладевала их душами.

– Тут с путешественниками странные случаи происходят, – продолжил рассказ Гришин. – Идёт, например, человек и вдруг падает...

– Замертво? – недоверчиво пробурчал Кирилл.

– Нет, он словно засыпает... Хотя не совсем так... Просто, чувствует неодолимую усталость, слабость и какое-то блаженство... силы его покидают и он внезапно валится с ног. Лежит, словно во сне, но снов не видит. Подойдёшь, бывало, приведёшь его в чувство... и... порядок. А он и сам объяснить не может, что с ним произошло. Вырубил... и всё!

– С вами подобное случалось? – спросил Виктор Анатольевич.

– Нет, со мной не случалось...

– Эй! – воскликнул Паша, шедший справа, и взмахнул рукой. – Стена!

Чуть поодаль возвышалось строение, уходящее вглубь мыса. Группа остановилась, рассматривая издали массивное сооружение, воздвигнутое руками неизвестных строителей. Затем все направились к стене, решив произвести короткий осмотр этой достопримечательности. Но только весьма беглый, чтобы не терять дорогого времени. Приблизились.

– Вот она, древняя реликвия мыса Рыгтый, – произнёс Борисов. – С какой же целью тебя тут возвели?

Но каменная кладка хранила молчание. Она снисходительно взирала на очередную группу туристов и не собиралась им отвечать. От неё исходила неведомая сила, казалось, готовая в любой момент материализоваться... По крайней мере, таковы были ощущения.

– Науке это неизвестно, – пожал плечами Гришин. – Она выглядит, скорее как забор, чем крепостная стена...

– Валентин, – обратился Кирилл к шаману. – А что по поводу этого сооружения говорят духи?

– Оно ограждает окружающий мир от сил Зла, – послышался ответ. – Для того здесь поставлено и этой цели служит до сих пор.

– По ту сторону стены, – сказал Константин, – исследователи не раз находили расписные глиняные изделия... Точнее, черепки... Выходит, что когда-то тут жили люди...

– Чисто по-соседски отгородились друг от друга, – добавил Орлов. – А мы теперь ломаем голову...

Продолжив свой путь, члены экспедиции заметили и другие следы пребывания на Хыр Хушуне древних людей.

– Вот они, знаменитые каменные туры! – воскликнул Кирилл, обнаружив неподалёку пирамидальное сооружение, высотой метра в полтора. Подошли поближе.

– Там, чуть в стороне, ещё один, – заметил Илья.

– Их тут много...

– Тоже загадка, – пробормотал Кирилл. – Ведь они выстроены здесь в определённом порядке... Интересно, какую роль выполняли? Что это – древняя обсерватория?

– Я заметил, что и на шаманской одежде, да, в общем, много ещё где... встречаются именно пирамиды... или конусы... Наверное, это не случайно?

Вопрос Борисовым был задан, видимо, Валентину.

– Всякая гора, – ответил шаман, – будь это курган, пирамида, конус... как половинка песочных часов - это всего одна часть Целого. А вторая часть – Космос. В основании любой пирамиды могут происходить странные и необъяснимые вещи. Она может придать вам сил, а может забрать всю вашу энергию. Она способна переместить в иную реальность – прошлое или будущее... Всё зависит от того, как сегодня перевернуты эти чаши...

– А с какой целью здесь выстроены эти каменные курганчики? – спросил Кирилл. – Ведь есть же в них какой-то смысл... Учёные строят гипотезы, что-то доказывают. А что об этом думают шаманы?

– Моряки в открытом море ориентируются по звёздам, – задумчиво вымолвил Валентин. – Звёздное небо – это одна половинка песочных часов. А здесь – другая...

– Ну, посмотрели? – Константин взглянул на хронометр. – Можно двигаться? Как самочувствие команды?

Оказалось, что все чувствуют себя вполне нормально.

– Мы приближаемся к конечному пункту нашего пути, – отметил инструктор. – На самой крайней точке, дальше которой нам уже нельзя, мы остановимся. Шаман проведёт

камлание, чтобы испросить у духов разрешение пройти... нашим дорогим врачам-исследователям в запретную зону. Похоже, придётся провести здесь всю ночь... А наутро, если будет дано «добро», вы, господа учёные, отправитесь туда, куда вам надо. А мы по мере возможности будем вас прикрывать и оберегать...

– А сегодня уже не успеем? – спросил Орлов.

– Нет. Камлание займёт... длительное время. И потребует много сил. Это со стороны кажется, что всё просто... Пожалуй, самое время пожелать нашему шаману удачи...

Размышления свободной души – 11

Не всегда души после пребывания в человеческом теле возвращаются в свою обитель целыми и невредимыми. Некоторым необходимо обновление. Очень уж блёклыми и какими-то «сдутыми» они становятся... Отчего это? Неужели жизненные невзгоды так ранят тела и калечат души людей?..

А самые страшные раны душа получает от самых-самых... близких людей...

Глава 11. Ночь на границе с ужасом

Больному становилось всё хуже.

Приходя днём в сознание, он был вынужден повторно сходить с ума каждую ночь...

Недавние приятные сновидения и увлекательные грезы... из доброй, захватывающей, музыкальной сказки превратились теперь в кошмары, наполненные животным страхом и мучительной болью.

А наутро, пытаясь понять происходящее и оценить своё положение, он задумывался только об одном...

О добровольном уходе из жизни...

О самоубийстве или эвтаназии...

– Вот тут и остановимся, – объявил Константин.

Шаман осмотрелся и кивнул головой. Его спутники тоже огляделись. Пейзаж практически не изменился. Каменистая земля, редкие деревья, высокие кусты... Неподальёку журчит речка Рита, которая примерно через километр должна уйти под землю... Впереди же, прячась среди высоких горных отрогов, затаилось таинственное ущелье. Нередко, бросая взгляды в его сторону, у людей возникала мысль, что они видят широко разинутую пасть...

Путники сложили свою поклажу в одну кучу.

– Деревья для костра не рубить, – сказал Валентин. – Собирайте хворост. Я с Пашей и Ильёй буду недалече... Мой костёр вам будет хорошо виден...

– Скажите, а обряд проводить обязательно? – спросил запыхавшийся Орлов. – Мы, вроде, уже рядом с ущельем. Нам бы отыскать местечко, зайти в него и... сразу вернуться обратно... На всё про всё... максимум – полчаса-час... И ещё до темноты вернулись бы на катер...

– Не вернётесь, – глухо процедил шаман. – Похоже, вы так и не поняли, куда пришли...

– Нет-нет, – вступились за Андрея товарищи. – Мы вас поняли... Мы выполним всё, что необходимо...

– От вас требуется только ждать восхода и... быть мудрыми...

– Мудрыми? – не поняли врачи. – Это как?

– Мудрость – это гармония человека с остальным миром... – ответил Валентин. – Проведите эту ночь в беседах с Хыр Хушуном... И с самими собою тоже. Я же попрошу духов оградить вас от сил Зла. Завтра вам предстоит тяжкие испытания. Без поддержки добрых сил нечего и думать лезть в ущелье... И не забывайте, что жизнь – это страдание и дорога к просветлению... А просветление может быть внезапным или постепенным...

Он махнул рукой Илье и Павлу, и отправился дальше. Долго глядели вслед удаляющимся спутникам Константин и врачи. Примерно в пятистах метрах от них шаман оставил двух своих помощников, а сам отправился дальше.

– Гляди-ка ты, – обронил Орлов. – Тоже служитель культа, а каков! Куда до него нашим попам...

– Я вот о чём подумал, – пробормотал Борисов. – Мы привыкли считать, что шаман – личность, конечно, незаурядная, но он... должен быть как-то проще, что ли... У нашего же Валентина речь уж больно грамотная, даже заумная.... Короче, высшее образование у него на лбу написано...

– Вы правы, – ответил Гришин. – Он в своё время закончил Байкальский государственный университет экономики и права. В Иркутске. Собирался работать по специальности. Но, как-то вызвал его к себе умирающий дед. А он был известным байкальским шаманом... Передал ему все свои премудрости... И вот, дипломированный специалист пошёл по стопам своих предков...

– Интересно...

– Конечно. Позже он даже в Тибет ездил, учился у тамошних мудрецов... Ну что же, давайте готовиться к ночному времяпровождению. Тут у подножья каменной гряды должно быть предостаточно валежника. Я – за дровами. А вы пока располагайтесь...

– Погоди, я с тобой! – сказал Кирилл. – Дров потребуется много...

– Ну, а мы с Андреем установим палатку... – Борисов расстегнул ворот куртки, подставляя шею и грудь свежему дыханию байкальского ветерка, затем взглянул на прибор. – Да, показания изменились... Уровень опасности 0,5...

– Это ещё не страшно, – Орлов потянулся за фляжкой. – Самое страшное, видимо, ждёт нас впереди...

После ужина стали готовиться к ночлегу, однако, было видно, что спать никто не собирался. Звёздная ночь накрыла своим куполом маленький мыс Рытый и находящуюся на нём компанию... Один костёр трещал поленьями и сыпал в ночное небо искры здесь, возле Константина и трёх неугомонных врачей, другой – яркой светящейся точкой давал знать, где шаман производит свой таинственный обряд.

Над костром растопырилась металлическая тренога. На ней тонко гудел закипающий чайник.

– Вот приходят к нам люди, – начал разговор Гришин. – Приезжают издалека, как вы, например... И говорят: «Хорошо тут у вас. Природа, тишь да благодать. Завидуем мы вам. У нас, в городе – дым и грязь, шум и суета, а вы постоянно на воздухе, на природе, среди всей этой красоты...»

– И правильно говорят, – поддержал беседу Кирилл. – В городах сейчас нелегко...

– Всё так, но я не про это... Я вот завидую вам... Не поймите превратно, я просто, по-человечески. У вас есть какая-то цель, которая не даёт вам спокойно сидеть дома да греть ноги у камина... Вас тянет к чёрту на кулички да ещё, не побоюсь этого слова, в настоящую опасность! Вот это – и есть жизнь!

Неподалёку послышалось заунывное завывание. Сначала тоскливое, но затем – усиливающееся и явно угрожающее.

– Волки пришли, – невозмутимо произнёс инструктор. – Я должен включить «Барьер».

– Что-то отпугивающее зверя? – поинтересовался Борисов.

– Да, вещь весьма полезная, – он полез в рюкзак и вытащил из него металлическую коробку. Нажав несколько кнопок, сунул её обратно. – Незаменимая в походах вещь. Так-то волки не подходят к костру и людям, особенно летом. Они в основном выманивают собак... Но, на всякий случай... Ближе ста метров они к нам теперь не приблизятся...

– Выманивают собак... – повторил Кирилл.

– Да, не знаю, что они «говорят» собакам этим своим воем, но те реагируют очень живо. Нередко собаки выходят к ним, а те их раздирают... Поэтому мы не берём в такие походы собак, а используем «Барьер».

Новый всплеск жутких звуков послышался чуть поодаль.

– Не волнуйтесь, – произнёс Гришин. – Сейчас они уйдут. Волки – это далеко не самое страшное, что можно здесь встретить...

– Да, – произнёс Орлов, вытягивая ноги. – Отдых на полную катушку...

– Приятно ощущать себя в безопасности, – добавил Кирилл.

– А как там наш Валерий Васильевич? – воскликнул Борисов. – Вот бы его сюда! Ох, и послушали бы мы его рассказы!

– Они с Пилюлькиным сейчас отдуваются за троих, – произнёс Кирилл. – Приближается лето, самая жаркая пора... Не знаю как вы, ребята, а я уже соскучился по нашему Кёнигу...

– А медведей нам следует остерегаться? – спросил Андрей.

– Здесь – нет. А вот если свернуть в тайгу, то – непременно. Мы рекомендуем ходить по двое, разговаривать громко и соблюдать осторожность. А уж если кто почуял неприятный запах... знаете, медведь обычно прячет добычу на время, приваливает хворостом, чтобы она полежала и дала душок... то тут уж нужно сразу уходить.

– Вот она, романтика таёжной жизни! – хохотнул Орлов. – Ну, а как здесь на счёт снежного человека?

Ответ был неожиданным.

– Здесь его зовут «йети», – спокойно молвил инструктор. – И встречи с ним не так уж редки, особенно, в последнее время. Но в здешних местах он замечен не был. Видимо, тоже остерегается местной «природной аномалии»...

– А тебе он встречался? Видел ли ты его сам? – спросил Ильин.

– Видел. И неоднократно. Последний раз – на Среднем Кедровом мысу. Это совсем недалеко отсюда...

– И – как?..

– В основном его видишь с катера, когда он резвится на берегу... Просто так, в тайге к нему не приблизишься... Не подпустит...

...На огне костра булькал закипающий чайник и, подобно ему, постепенно накалялись страсти собеседников.

– Кто-то привык бросать в огонь по прутику, чтобы он дольше не гас, – рассуждал, помешивая уголья костра, Андрей Орлов, – но я предпочитаю большой, горячий костер. Пусть это короткое зрелище, но зато яркое и весёлое, а всем присутствующим на нём становится тепло и интересно. К такому огоньку тянутся уставшие и озябшие путники... Возле него люди оттаивают и отдыхают душой, мирятся, а порой даже влюбляются...

Свет и тени от пламени костра бегали по лицам людей, преображая их, порой, до неузнаваемости.

– А вот мне, – оживился Кирилл Ильин, – жизнь прежде представлялась нескончаемым сериалом, а теперь кажется обычной короткометражкой. Только здесь, по-настоящему соприкоснувшись с природой, понимаешь, что всё, что мы делаем – это сплошная беготня и толкотня. И порой гвоздь, на котором висит картина, может оказаться ценнее самой картины...

Внезапно по верхушкам деревьев промчался то ли ветер, то ли проснулась и шарахнулась прочь большая ночная птица... Наши герои замолчали, невольно вслушиваясь в ночные звуки. Стволы деревьев жалобно скрипнули, а из густых кустов послышался какой-то невнятный шёпот, затем чьи-то вздохи... Освещённые отблесками костра ветви качнулись, наподобие того, как разводят в недоумении руками люди, когда не знают, как же им поступить...

Константин поднялся, сделал несколько шагов от огня и долго всматривался в темноту. Затем вернулся к товарищам и сел на прежнее место.

– Да, ребята, – поддержал неторопливый разговор Борисов. – К сожалению, большинство наших современников почти утратило способность ощущать, что за величественными картинами природы есть ещё некая невидимая реальность, изначальная и вечная, находящаяся вне диапазона наших пяти чувств. Пожалуй, многие законы Природы, о которых мы сегодня лишь догадываемся, реально существуют, хотя пока ещё и не открыты... Может, поэтому мы и столкнулись с невозможностью познать мыслительные процессы, протекающие в нашем мозге, о чём еще в двадцатом веке неоднократно заявляла академик Бехтерева?

– Да, не всё происходящее с нами поддается объяснению с научной точки зрения, – продолжал развивать тему Орлов, сняв чайник и наполняя кружку кипятком. – Я имею в виду спиритические сеансы, телекинез и телепортацию, ясновидение и вещие сны, шаровые молнии, случаи чудесного исцеления и многое-многое другое. Пытаясь постичь сокровенные тайны природы, мы нередко словно упираемся в глухую «стену», а, всматриваясь в бесконечную бездну звёздного неба, невольно переходим на шёпот и признаемся в своей полной ничтожности и никчемности, то есть – капитулируем. Кстати, собираясь в эту экспедицию, я просмотрел все брошюры и вырезки из газет о паранормальных явлениях, которые собрал лет двадцать назад. Был в моей жизни один период, когда я этим серьёзно увлекался... Так вот, заметок много, да толку от них маловато: они ничего не проясняют. А вопросов накопилось масса... Даже Эйнштейн считал, что человечество познало менее одного процента окружающего его мира. Сколько же удивительных открытий ждут нас в остальных 99? Нам давно твердят об информационной памяти воды и о том, что наша мысль материальна. Если с этим согласиться, то можно предположить, что есть особая память у нашего озера, этого камня, деревьев и других неодушевлённых предметов...

– И у каменной стены Хыр Хушуна, – с улыбкой добавил Гришин, закуривая сигарету.

Минуту помолчали, созерцая то пламя костра, то мерцающие в высоте звёзды... Как бы ненароком, пытаясь прощупать взглядом притаившуюся за их спинами тьму.

– Во время военной службы мне не раз приходилось бывать в городе Приморске, – припомнил случай задумчивый Борисов, – там находится здание-памятник, в котором долгое время размещалось туберкулёзное отделение военно-морского госпиталя. Изумительной красоты особняк был построен более двухсот лет назад. Прекрасно сохранившееся живописное здание окружал дендропарк с редчайшими растениями, а в его просторном холле стояло массивное старинное зеркало... Так вот, в этом необычном доме обитало обыкновенное приведение. Во всяком случае, мне поведали о нём, как о самом рядовом событии, как-то слишком даже буднично... Туманный, полупрозрачный женский силуэт в балахоне и одеждах до пола, периодически наблюдали по ночам сотрудники и пациенты отделения. Чаще всего он возникал на широкой лестнице, ведущей на второй этаж, причём лучше всего его было видно через то самое большое зеркало, расположенное напротив входа. О похожих призраках мне не раз рассказывали и в других медицинских учреждениях.

Итак, уважаемые любители ночных разговоров и прогулок в потусторонние миры... как вы считаете, что или кого на самом деле видели мои рассказчики? Проще всего переложить всю ответственность на потусторонние сверхъестественные силы, но хорошо бы найти и научное объяснение этим фактам...

По кронам деревьев вновь пробежала какая-то дрожь, и они взмахнули своими лапами, как бы делая запрещающий знак или перечёркивая всё сказанное Виктором Анатольевичем.

– Физики утверждают, – решил пояснить Кирилл, – что призраки – это ничто иное, как голограммы, порождённые человеческими полями на термочувствительных материалах. Например, излучения в микроволновом диапазоне даже при чрезвычайно малых мощностях способны вызывать сильнейший биоэффект. Я читал, что когда эти лучи становятся согласованными, человека можно рассматривать, как своеобразный лазер, способный создавать зримые картины.

– Считается, что приведения вызывают страх, – оживился Константин. – Но, скорее всего, происходит обратное – сам страх порождает привидение. Чем сильнее люди волнуются, тем выше вероятность порождения собственного призрака!

– И, стало быть, тем отчётливее будет его изображение, – подхватил Ильин. – Поскольку голограмма – это объективная реальность, а не обман зрения или игра воображения, увидеть её способен... конечно же, находясь в соответствующей компании, даже абсолютно уравновешенный и спокойный человек. Определённые жизненные ситуации и обстановка: полумрак, пламя свечи, тлеющий камин, тоже тому способствуют. Видимо, поэтому приведений чаще всего наблюдают в одних и тех же местах, при сходных внешних условиях...

– А я вам напомним, что, наряду с «тихими» приведениями, попадаются и «шумные», бьющие посуду, поджигающие обои и именуемые полтергейстом, – перехватил слово Андрей Орлов, слегка отодвинувшись в тень и незаметно приложившись к фляге. – Вероятно, что и они также являются продуктом нашей жизнедеятельности.

Тут, в самый разгар беседы, со стороны горного массива послышался отдаленный гул, затем под ногами задрожала земля... И вновь послышался отдалённый вой. Только уже не волчий, что звучал недавно, а какой-то иной... Орлов оглянулся, его не оставляло странное ощущение, что за собеседниками наблюдает кто-то незримый, но вполне осязаемый... Андрей поднялся и стал пристально всматриваться в темноту ночи. Потом он обернулся к своим приятелям. В какой-то миг ему померещилось нечто ужасное: у костра сидят не его друзья, а некие существа, напоминающие черепах: шеи собеседников внезапно

стали короче, головы «ушли» в плечи, а спины округлились... и задышали друзья осторожно, бесшумно, почти незаметно...

– Если это – зверьё, – сказал Андрей, помотав головой, прогоняя наваждение, – то близко к костру не подойдет... А если что иное... то, думаю, тоже... Спать сегодня будем по очереди. Дров, надеюсь, до утра хватит...

Некоторое время пили чай. Каждый был погружён в собственные мысли. Пламя костра завораживало, а его тепло успокаивало. И всё же, оставалось чувство, что они здесь не одни. Вот-вот послышатся чьи-то шаги, кто-то глухо кашляет и произнесёт: «Доброй ночи, путники. Не меня ли заждались?»

Неожиданно среди ночной тиши послышался новый звук. Словно кто-то с приличной высоты бросил горсть камней. Они ударились о другие, разбросанные по берегу, и разлетелись в стороны. Стук камня о камень словно повис в неподвижном воздухе...

– Что это было? – еле слышно произнёс Кирилл.

– Не обращай внимания, – ответил Орлов. – Ночные духи резвятся... Точнее, их голограммы...

– А я, друзья, вот о чём подумал, – произнёс Борисов, ставя на камень кружку. – Вот, живём мы на свете... А зачем живём? Как оценить, насколько правильно мы живём? Где то мерило, каким можно произвести эту оценку? Наша жизнь редко течет ровно и плавно, – продолжил он, закуривая. – Обычно она – зубчатая, как кардиограмма... Порой думаешь: отчего ещё вчера все было так хорошо, а сегодня вдруг внезапно нагрянула беда... Где теперь искать убежища и спасения? Это в сказках к герою в нужную минуту обязательно является кто-то совершенно невзрачный – маленький и смешной, например, Царевна-Лягушка, Сверчок или Щелкунчик, которые подсказывают ему выход из невероятно сложной и запутанной ситуации или произносят самые важные, ключевые слова...

– Теперь нас приглашают в мир сказок, – чуть слышно пробормотал Андрей.

– Да, так бывает только в сказках, а в жизни нам необходимы верные и надёжные друзья. Только на них и можно положиться, лишь они никогда не солгут, не подведут, а протянут руку помощи или подставят свое плечо, если ты оступился...

Дружба, дорогие мои путешественники, – самое великое... явление нашего бытия. Она облагораживает человека, призывает его не брать, а отдавать, думать и заботиться о ком-то другом, порой даже жертвуя собой.

Нередко жизнь разлучает людей, только для настоящей мужской дружбы нет преград и непреодолимых препятствий, а после проверки временем и невзгодами, она становится лишь крепче. Приходит пора и друзья, подобно перелётным птицам по весне, вновь возвращаются в твой дом. И вашей радости нет предела! Дружья – наше главное богатство. Разве можно быть счастливым без них? Особенно, если они прошагали рядом с тобой большую часть жизни...

Вот мы собрались здесь... для чего? Разве не для того, чтобы помочь нашим друзьям? По-моему, это величайшая ценность – иметь возможность прийти на выручку тем, кто тебе дорог... И вот, когда видишь эти родные лица и слышишь знакомые голоса, то понимаешь, что жизнь прожита не зря, более того – она прожита правильно, коль бог наградил тебя такой великой радостью! Уж извините за сумбурное изложение мысли...

– Ничего, всё доходчиво и верно, – ответил Кирилл. – Если, на исходе дней, ты осознаёшь, что у тебя были или есть настоящие друзья, то значит, жизнь прожита не зря.

– Хорошо с вами, – отхлёбывая из чашки, произнёс Константин. – Много повидал я разных людей, но с такими интересными собеседниками веду разговор впервые ... Только рано вы заговорили о конце жизни, – он улыбнулся.

– Кто знает, – ответил Борисов. – Завтра у нас нелёгкая прогулка. Конечно, я надеюсь, что всё обойдётся, только на душе всё равно как-то беспокойно...

– Всё будет хорошо, – попытался обнадежить его инструктор. – За вашу безопасность отвечаю я, а я – человек бывалый.

– В ущелье мы полезем одни. Или один из нас. Всю ответственность на происшедшее мы берём на себя. Будем надеяться на лучшее, но и готовиться к самым серьёзным последствиям.

Гришин умолк. Задумался. Он понимал, что ничего уже не может изменить...

– А по-моему, смерти как таковой не существует, – сказал Орлов. – Есть череда перерождений... реинкарнация... Мы на земле – гости. Вот, проживём своё и вернёмся в наш дом... Воссоединимся с общей биоэнергетической системой Вселенной...

– Я тоже склонен к этой мысли, – подхватил разговор Кирилл. – Взять того же Майбаха... То есть, взять, к примеру, давно умерших людей. Много описано случаев, когда они приходят к нам во сне и вмешиваются в нашу жизнь. Спасают, например, от разных напастей...

– Да-да, – подтвердил Константин. – У моего друга был подобный случай ... Именно во сне пришёл к нему умерший отец и строго-настрого наказал: не лети самолётом. Езжай поездом! Тот и поехал... Произошла страшная авиакатастрофа...

– Да, во всём этом что-то определённо есть, – вздохнул Борисов. – Согласитесь, что наше бытие во многом теряет свой смысл и значение, если знаешь, что после нас остается только «ничто». Чем же на самом деле является смерть и ждёт ли нас что-нибудь после её прихода? Не является ли она простой метаморфозой и сменой оболочки, как в случае превращения: гусеница – куколка – бабочка? В Смоленске живет один профессор – Владимир Глотов, ему уже под восемьдесят... Так вот, он первым доказал, что у большинства умерших в ближайшие три дня после смерти значительно повышается амплитуда сигналов с биологически активных точек на поверхности тела. И это еще не всё. «Активность» точек дает парадоксальные «всплески», после любого вмешательства или манипуляции над трупом. Из чего следует, что умерший человек непостижимым образом продолжает реагировать на внешние раздражители, а другими словами – «чувствовать»! Его наблюдения говорят о том, что даже тогда, когда нет жизненных функций организма, какие-то уровни сознания продолжают воспринимать окружающее, то есть человеческая жизнь не прекращается со смертью тела...

– Я так и думал, – отозвался Орлов.

– Вот, Андрей Валерьевич, а почему бы вам не достать свою фляжку, я уверен, что там ещё что-то осталось, несмотря на некоторые попытки опустошения оной с вашей стороны...

– А как же! Она у меня только наполовину опустошена. А наполовину – полнёхонька! Раздался дружный смех.

– ...Вот мы и отметим наше бессмертие! А также морально подготовимся к встрече с ним!

Неподалёку послышалось хлопанье крыльев совы. А может, это была не сова, а некий ночной демон? Мало ли подобных существ обитает в аномальных зонах?..

Размышления свободной души – 12

Тяжело пребывать в человеческом теле. Здесь мы как бы заточены в строго определённые рамки. Мы чувствуем холод и жару, испытываем телесные и душевные страдания, болезни и старение... К тому же, там для нас течёт Время. Постоянно, неумолимо, в одном направлении... И нам отмерян ничтожный Его промежуток.

Человеческая жизнь – это своего рода испытание для свободной души. Относительно кратковременное... Возможно, таким образом, нас доводят до совершенства. Кто и зачем?..

Отвечу так: чтобы стать достойными частицами Вселенной.

Ведь для того, чтобы целое осталось целым, от него постоянно приходится что-то «отсекать», многое менять, отчего-то отказываться...

Глава 12. Путешествие в «преисподнюю»

– Доктор, – голос больного был слаб и прерывист, казалось, его грудь сдавил тяжёлый груз. – В нашей стране разрешена эвтаназия?

– Эх, куда вы хватили, молодой человек... – Врач присел рядом с больным. – Вопрос этот не раз обсуждался, но... до сих пор однозначно не решён. Лично я считаю, что эвтаназия в определённых случаях возможна, но применять этот метод на практике мы пока не имеем права... У нас нет регламентирующих эту процедуру и исключающих любую возможность злоупотреблений законов, для неё не готовят профессионалов, её технология научно не разработана, и самое главное – не подготовлено сознание самих граждан... А почему вы заговорили об эвтаназии?

– Доктор, у меня нет больше сил терпеть... Я измучился сам, измучил родных и вас... Если бы была возможность доползти до трамвайных путей, чтобы покончить со всем этим, то я был бы счастлив! Но я не могу... Спасите меня! Пожалейте и помогите... умереть!

– Успокойтесь, вы ещё так молоды, вам рано об этом думать...

– Но ведь не существует действенных методов лечения моей болезни! Не придумали ещё!... Поэтому мне... всё равно – конец...

– Вот и подождите, пока придумают. Не нужно терять надежды! Терпите, насколько это возможно... А мы постараемся облегчить ваши страдания...

– Доктор, – по щёкам больного потекли слёзы. – Я прошу вас! Мне так больно и страшно! Я готов письменно изложить свою просьбу... и отдать все свои деньги и всё имущество за эвтаназию...

– Ещё раз повторяю: успокойтесь. И выбросьте это из головы! Всё будет хорошо...

Андрея разбудил странный шум. Он и прикорнул-то всего на пару часов – ночной разговор затянулся почти до утра, во всяком случае, небо на востоке уже начало светлеть. Близость костра и специальная ткань костюма «Атом» не допускали холод к телу, зато дышалось в нём легко и свободно.

А разбудил его, как ни удивительно, цокот копыт. «По-моему, это уже было... – подумал Орлов. – Так стучали копыта по мостовой старого Кёнигсберга... В далёком сне...»

Но сейчас он находится на каменистом мысу вблизи озера Байкал и к тому же не спит. Что же его разбудило?

Он лежал и прислушивался, не открывая глаз. Судя по звукам, приближались всадники. Отчётливо различалось фырканье и шумное дыхание коней, звон сбруи... без сомнений, копыта коней были подкованы. И идут они со стороны моря... прямо на них.

Орлов поднял голову, оторвал тело от земли и сел, тревожно озираясь. Ничего, кроме серых очертаний ближайших деревьев и россыпи камней он не увидел. Зато отчётливо слышал, что конный отряд вплотную подъезжает к месту их стоянки!

Разинув от удивления рот, Андрей хотел что-то произнести или крикнуть, но не смог выдавить из себя ни звука. Между тем, невидимые всадники уже поравнялись с группой исследователей. Вот проснулись Кирилл и Виктор Анатольевич, последним вскочил Константин... У всех на лицах – недоумение. Все ясно слышат проходящий мимо них отряд, но никто не видит таинственных всадников! Мало того, явственно ощущается запах конского пота, чувствуется тепло от разгорячённых тел животных! Тихонько поскрипывают седла, устало понукают коней и негромко переговариваются меж собой невидимые седоки... А сзади, похоже, громяхают колёса повозки...

– Иэ-э-эй! Аррава коль хон! – послышался резкий крик, от которого наши путешественники вздрогнули и едва не лишились чувств.

– Аррава, аррава хон ли чу! – тотчас послышалось в ответ с противоположного конца невидимой кавалькады.

Ехавший впереди человек что-то довольно пробормотал. А опешившие наблюдатели словно провожали взглядами невидимых наездников. Они казались реальными, просто скрытыми какой-то дымкой. Вот-вот дунет ветер, отгонит утренний туман и перед глазами предстанет грозный отряд, возглавляемый опытным предводителем и насчитывающий не менее двадцати воинов! Копыта звенели подковами в каких-то двух шагах от притихших путешественников, казалось: протяни руку, и схватишь коня за уздечку...

Всадники, судя по всему, ехали парами, плечом к плечу. По тихим голосам становилось ясно, что среди них есть как взрослые мужчины, так и совсем молодые юноши... Кто-то произнёс короткую фразу на незнакомом гортанном языке и раздался дружный смех. Скрипели ремни упряжи, слышалось, как постукивают ножны мечей о бока лошадей и древки копий о гладкие камни... А в повозке кто-то тяжело стонал. Возможно, раненый воин или пленный враг.

И вот кто-то затянул заунывную песню. Тотчас разговоры смолкли. Казалось, что и кони сбавили шаг... Голос певца был высок и звонок, но чувствовалось, что лет ему немало... И ещё – мелодия показалась Андрею знакомой. Чем-то далёким и очень родным повеяло от песни невидимого исполнителя... Сердце Орлова внезапно защемило от невыразимой грусти, как будто оно вспомнило давно забытый материнский напев... Порой, Андрей чувствовал, что сам может продолжить мелодию, вот только слова... слова были чужими... «Где, где я мог слышать эту песню?» – крутилась навязчивая мысль в мозгу взволнованного врача. Действительно, где? Может быть, она тоже приходила ему во сне? Или её пели в далёком детстве Андрея сидящие за столом взрослые, гости его родителей? Или она – память его далёких предков, накрепко засевшая в генах, как нестирающийся след от всех прежних жизней?

Кавалькада постепенно удалялась в сторону ущелья...

Обсуждение увиденного, а точнее, услышанного закончилось с появлением Валентина. Шаман был хмур, узкие щёлочки его глаз таили что-то важное, видимо, бессонная ночь и неистовое камлание дали ощутимые результаты. И ещё было заметно, что он от бессилия едва держится на ногах. Если бы не помогавшие ему Илья и Павел, «бурятский волшебник» мог свалиться на камни в любой момент. Его посадили на раскладной стульчик, Кирилл быстро раздул угли и согрел чайник.

– Можно идти, - произнёс шаман, сделав несколько глотков обжигающего напитка. – Я провожу вас до Ухыл-Шулууна... Дальше пойдёте сами. За камнем найдёте вход в пещеру... Самое опасное место – там... Но не забывайте: путь по камням скользок...

– Ухыл-Шулуун – Мёртвый камень – напомнил Константин.

– Мёртвый камень – мёртвая энергия, – еле слышно пробормотал Кирилл. – Это то, что нам нужно...

– Всякий человек является зеркалом какого-нибудь камня, а камень – отражением человека... – продолжал шаман. – Идите смело, и сделайте своё дело... Многие всю жизнь ждут, чтобы совершить что-то действительно стоящее... И помните: после нас, кроме земных свершений, всегда остается наше сознание. А это - не так уж мало...

...Когда солнце поднялось над вершинами раскидистых кедров, друзья простились с шаманом и шагнули в пещеру. Неизвестно, как бы чувствовала себя команда кёнигсбергских врачей, если бы услышала тихо брошенную им вдогонку фразу Валентина: «Ступайте... Духи требуют взамен только одного из вас...».

Включили фонари, сверились с показаниями приборов.

– Уровень опасности ноль семьдесят три!

«Уровень опасности» определялся из соотношения величин разного рода «агрессивных» полей (включая СВЧ-излучение, радиацию и некоторые виды биологических полей), влияющих на организм человека. Костюм защищал их до уровня «ноль девяносто восемь». Далее испытывать судьбу было чрезвычайно опасно.

Уровень 0.73 требовал выполнения дополнительных мер защиты. Исследователи подняли капюшоны и опустили на лица маски из прозрачного защитного материала, надели перчатки и включили переговорные устройства. Убедились, что слышат друг друга хорошо.

– Ну что, друзья, в путь? – бодрым голосом объявил Борисов. – Кёнигсбергское время 2 часа 45 минут!

«В путь» означало движение вглубь пещеры по длинному сводчатому тоннелю, явно не природного происхождения, а прорубленному чьими-то руками. Заблудиться они не боялись – миниатюрный аппарат «Метка» «наносил» на стены невидимые «точки», по которым потом определял обратный маршрут. Одновременно он выводил на экран карту с обозначением местонахождения путешественника и возможные варианты возврата в исходный пункт.

– Вперёд, – произнёс Андрей.

– С богом, – добавил Кирилл.

Все надеялись, что путешествие в опасную зону не займёт много времени.

– Активируем костюмы, – скомандовал Борисов.

Активация костюма «Атом» означала включение и перевод в рабочий режим вшитых в него датчиков, аудио- и видеотехники. Всё, что видит, слышит и говорит исследователь, тщательно записывается на карту памяти, также внедрённую в костюм. Все параметры окружающей обстановки, равно как и самочувствие носителя костюма, тоже фиксируются и

вносятся в память. Однажды такой костюм сняли с погибшего человека (кстати, благодаря «Атому», который посылал сигналы бедствия, несчастного и удалось отыскать). Обстоятельства гибели удалось определить досконально. Сам же костюм, определив максимальную степень риска, выдавал исследователю звуковой сигнал, чтобы тот не увлекался поисками, а позаботился о собственной безопасности. На вопрос, где ему удалось раздобыть «Атом», Виктор Анатольевич обычно загадочно улыбался и переводил разговор на другую тему.

Вскоре друзья обнаружили, что коридор напоминает скорее извилистую нору. Словно здесь старательно потрудились огромный червь, оставив после себя практически ровный, круглой формы тоннель в огромном монолите скалы. Диаметр «норы» составлял примерно два с половиной метра. Стены были если не отшлифованные, то достаточно ровные и гладкие.

– Хорошая техника поработала, – заметил Кирилл. – Не похоже, чтобы здесь трудились работяги каменного века...

На жилище пещерных людей туннель явно не смахивал. Было ясно, что это – часть какой-то коммуникационной системы, созданной мощным и суперсовременным оборудованием.

И это было удивительней всего! Здесь разом переплелись научные гипотезы о высокотехнологичных строениях древности и о посещении Земли инопланетными пришельцами, а также мифы, легенды и предания... Ещё вчера всё увиденное казалось сказкой, затерянной где-то «во глубине сибирских руд», а сейчас вот оно – перед глазами и под ногами, протяни руку и коснёшься!

Первые полчаса пути исследователи взахлёб делились впечатлениями. Они не чувствовали ни времени, ни усталости, ни страха перед неизвестным. Глаза привыкали к темноте и лучам фонарей, тела – к костюмам, которые со включённым оборудованием и активированной защитой стали напоминать... нет, не рыцарские доспехи, а что-то живое, тёплое и очень надёжное.

На некоторых участках стены исследователи находили рисунки. Но это были не изображения оленей, лошадей и медведей, а, странные знаки, напоминающие иероглифы и непонятные чертежи. Нанесены на стены они были отнюдь не краской. И даже не выбиты, а, скорее всего, чем-то вдавлены. Как будто поставлен штамп в когда-то мягкую скальную поверхность.

Остановившись у очередного рисунка (Борисов отметил время – 3 часа 23 минуты), друзья не удержались от нахлынувших фантазий.

– А вот и их автографы, – тихо добавил Орлов. – «Здесь были мы, марсиане»...

– Ну что ж, очень может быть, – согласился с ним Борисов. – Пусть наши костюмы зафиксируют эти письмена, глядишь, потом специалисты разберутся...

– Некоторые из этих знаков чем-то напоминают возникающие на фермерских полях таинственные рисунки, – высказал догадку Кирилл.

– Вот мы и познакомились с народным творчеством наших предков-инопланетян, – произнёс Андрей. В его мозгу всё ещё звучала мелодия услышанной час назад песни...

– А вдруг это предупреждение? – предположил Кирилл. – Мол, остерегайтесь гоблинов-мутантов...

– Всё может быть, – пробормотал Борисов. И вдруг воскликнул: – А это что такое?

Луч света вырвал из тьмы бесформенную серую фигуру, которая бесшумно метнулась вглубь тоннеля.

– Вы видели? – в голосе Виктора Анатольевича проявилась тревога.

Исследователи остановились.

– Похоже, мы тут не одни, – произнёс Кирилл. – Если это животное, то наверняка не выносит света...

– А если нет? – спросил Андрей. – Если это не животное?

– Какая разница? – пожал плечами Борисов. – Ну, спугнули какое-то существо... Вреда оно нам вряд ли причинит – костюмы включены на самозащиту... Зубы обломает и получит удар электрошокера ... Похоже, оно само здорово напугано...

– Уровень аномальности – ноль восемь, – объявил Кирилл. – Вроде, правильно идём. Двигаемся дальше, посмотрим, что там. Я думаю, немного осталось...

– А вообще, это даже здорово, – хмыкнул Андрей. – Представители подземной фауны... или одичавшие особи некогда жившей цивилизации... Давайте его поймаем?

Они тронулись в путь, но уже с гораздо большей осторожностью. При этом, особой опаски в их движениях не было: они знали, что мягкий чудо-костюм при необходимости мог превратиться в жёсткий, стальной панцирь.

Чувствовался сильный уклон вниз. Борисов взглянул на прибор: они прошли около семисот метров и одновременно спустились вниз метров на пятьдесят. Проходя мимо того места, где друзья заметили странного обитателя (очень похожего на животное, но никак не на голограмму), они обратили внимание на рисунок, украшавший стену. Одновременно отметили показания датчиков, зафиксировавших изменение температуры. Стало ясно: минуту назад здесь находилось существо, несомненно, состоящее из плоти, но с очень низкой температурой тела.

– Есть ли какие-нибудь предположения? – спросил Виктор Анатольевич, освещая стену.

– Низкотемпературный фантом, – шутливо определил Кирилл. – Весьма характерное явление для привидений.

– К тому же, весьма посредственный художник, – заметил Андрей, прикоснувшись к стене. – Эти каракули появились здесь только что...

На стене, примерно на высоте полутора метров от пола отчётливо виднелись три треугольника. Один из них был обведён кружком. Нарисовано было чёрной краской неизвестного состава...

– Это не каракули, – сказал Борисов. – Но и не чертёж... Возможно, они что-то означают.

– Они и означают... Только вот что? – произнёс Кирилл.

– Зря спугнули гоблина, – ухмыльнулся Андрей. – Надо было дать ему дорисовать до конца. Глядишь, стало бы понятней...

– Как вы думаете, друзья, вдруг эта информация предназначена именно для нас? – предположил Виктор Анатольевич, глядя на странный рисунок. – Как бы узнать, с кем мы имеем дело?

– Существо, несомненно, разумное, если умеет рисовать такие чёткие и ровные фигуры...

– Конечно, разумное, раз не захотело с нами встречаться, – вздохнул Андрей. – Я думаю, ответы на эти и другие вопросы ждут нас впереди.

– И то верно, – согласились с ним остальные члены экспедиции.

– Уровень 0,83. Это уже серьёзная опасность. Не думаете ли вы, граждане, что где-то здесь пора заряжать матрицы?

– Не думаю... Точнее, не уверен, – ответил Кирилл. – Чтобы наверняка подействовало, надо достичь максимально возможного уровня и уже там заряжать... Хотя, вполне возможно, что будет достаточно и этого...

– Пойдём дальше, – проговорил Орлов. – Нам уже недолго осталось...

Некоторое время шли молча, только постоянно сверялись с показаниями приборов. Становилось понятно, что их путь пролегает по винтовой траектории, постепенно опускаясь вглубь земли.

Ничего особенного в течение следующего получаса не произошло. Иногда на стенах появлялись рисунки, но были они сделаны много веков назад и имели уже знакомый стиль изображения.

– Мы опускаемся всё ниже, – заметил Борисов. – И идём по спирали. Сейчас уже четвёртый виток... Любопытно, что их диаметр одинаков – около ста метров... А спустились мы уже метров на 200. Но кислород здесь есть, а вот скопления метана, что так характерно для подземелий, я не наблюдаю. Между тем, из-за метана даже неглубокий колодец может оказаться смертельной ловушкой...

– Это не простой колодец, – уверенно заявил Кирилл. – Это ход, который ведёт к определённому объекту. Там, в глубине, наверняка, что-то спрятано...

– Хотя местные обитатели, полагаю, вполне могут дышать и метаном, – добавил Орлов. – А если мы будем и дальше приближаться к охраняемому объекту, нас непременно попытаются остановить...

– Странно, что до сих пор никто ещё всерьёз не попытался, – пробормотал Борисов. – Думаю, скоро упрёмся мы в глухую стену... В лучшем случае...

– Да, такое впечатление, что мы забрались на запретную территорию и бредём в ожидании оклика: «Halt»! – не удержался от реплики Орлов.

Дальше ход начал выпрямляться. И вот они уже идут по ровному тоннелю, освещая пространство впереди себя на расстояние порядка тридцати метров. Уклон всё ещё ощущается. Показания прибора тоже растут, приближаясь к уровню 0, 85.

И вот, впереди забрезжил свет.

– Очень похоже, что пришли, – проговорил Борисов, останавливаясь.

– Это и есть наша «Плутония»? – вздохнул Кирилл. – Ну, что же, здравствуйте, гоблины!

– Чем будете угощать? – спросил Орлов, пристально вглядываясь вперёд и пытаясь рассмотреть источник света.

Они сделали ещё несколько шагов вперёд и увидели, что свечение распространяет шар, размером с футбольный мяч. Шар висел в воздухе, не касаясь сводов, излучал бледно-голубое сияние и был похож на маленькую луну.

Исследователи подошли поближе. И тут навстречу к ним от шара полетели маленькие светлячки. Казалось, посыпались снежинки или крошечные мыльные пузыри, святающиеся во тьме. Только не сверху вниз, а по горизонтали. Закружились, словно в вальсе, и в полной тишине помчались в сторону непрошенных гостей. Они переливались всеми цветами радуги, а их чистые и прозрачные тона, несомненно, обрадовали бы маленьких детишек и растрогали их родителей...

Внешне они не вызывали никакой тревоги – ни дать, ни взять – обычные снежинки... Вот только приборы у всей группы зафиксировали резкий подъём «агрессии».

– Становимся все вместе, рядом! – скомандовал Борисов. – Пусть наши защитные поля соединятся и усилятся...

На расстоянии двух метров от людей снежинки начали «таять»... Было ясно: защита костюмов «гасит» смертельно опасную энергию.

– Уровень ноль девяносто два! Это уже слишком! – проговорил Кирилл. – Не будь на нас костюмов, нас бы уже испепелили!

– Мы бы вообще не дошли до этого места, – заметил Орлов. – Интересно, не та ли это собака, рисовавшая треугольники, включила нам свою «светомузыку»?..

– Самый малый вперёд, – по-флотски дал команду Виктор Анатольевич. – Отслеживаем уровень...

Друзья медленно, ступая будто по гвоздям, пошли к шару. Но сделали всего несколько шагов, как источник «шаровых молний», как его назвал Кирилл, внезапно погас. А вместе с ним – и излучаемые снежинки-убийцы. «Уровень опасности» медленно «пополз» вниз и остановился на отметке 0,86.

– Что бы это значило? – прошептал Борисов. – Решили, что с нас довольно? Или нам приготовлено очередное «острое блюдо»?

Размышления свободной души – 13

Случается, что душу, покинувшую очередное тело, наша энергоинформационная система не может принять в себя тотчас. По тем или иным причинам её могут отправить обратно, и тогда человек неожиданно оживает... А бывает, что она бесконечно долго скитается между двумя мирами... Отчего-то не всегда эти души интересны даже «перехватчикам»...

Глава 13. В логове «матушки» Смерти

– Это вы просили об эвтаназии? – обратился к больному один из врачей. Он стоял в окружении своих коллег и внимательно наблюдал за пациентом.

Этого доктора со строгим лицом тот видел впервые.

– Неужели... можно? – затеплилась робкая надежда у несчастного.

– Об эвтаназии даже не думайте. Но есть другой вариант: мы создали нанопрепарат для борьбы с болезнью Гофмана.

– Наконец-то, появилось... лекарство... от моей... болезни? – каждое слово приходилось мучительно выдавливать из себя, словно зубную пасту из пустого тюбика.

– Пока ещё рано судить об её эффективности. Мы лишь проводим испытание. И предлагаем вам принять в нём участие... Если эксперимент пройдёт успешно, то вы непременно выздоровеете. Если же нет, то... всё останется, как есть...

– И... какова вероятность моего исцеления?

– Пятьдесят на пятьдесят... Согласитесь, это не так уж плохо...

Как и предполагалось ранее, тоннель закончился тупиком. Точнее, стеной.

– Ну, вот и пришли, – вздохнул Борисов. – Неужели это – конец пути?

Он ещё раз тщательно осветил скальную породу, и тут все заметили, что в стене имеется закамуфлированная дверь. Или люк, поскольку сооружение имело круглую форму диаметром около двух метров. На его поверхности, на высоте полутора метров был замечен свежий рисунок: три треугольника, один из которых был обведён кружком и заштрихован.

– Наш художник проявляет поразительную фантазию, – заметил с усмешкой Кирилл.
– Теперь я уверен, что он хочет нам что-то сказать...

– Ну что, будем пытаться проникнуть внутрь? – спросил Борисов. – Видимо, за этой дверью и находится цель нашего путешествия. Зайдём, зарядим матрицу и – в обратную дорогу.

– Если удастся её отпереть... – с сомнением произнёс Кирилл. – Что-то я не вижу здесь ни ручек, ни кнопок... Видимо, открывается она автоматически, по сигналу...

– Уровень опасности ноль девять, – отметил Андрей. – Поддеть бы её чем, да больно уж щёлочки узенькие... Даже нож не просунешь...

Он в сердцах толкнул дверь рукой... и та неожиданно подалась...

Медленно повернулся двухметровый круг, открывая вход в тёмную пропасть, внутри которого порой что-то вспыхивало, словно лопались пузыри в некоем огромном вареве, выбрасывая облака пара розового и жёлтого цветов.

Не решаясь пройти внутрь, группа остановилась и стала совещаться.

– Прежде чем войти, нужно подумать, как будем выходить, – сказал Андрей. – Если дверь за нами захлопнется, то мы окажемся в ловушке...

– Да, один из нас должен идти, а двое прикрывать его с тыла. И подстраховывать на всякий случай, – согласился с ним Кирилл.

Дверь оставалась открытой.

– Подпереть бы её чем... – пробормотал Борисов. – Но мне только одно приходит на ум...

– Что именно?

– Костюм. Если кто-то из нас ляжет, перекрывая проход, то люк так просто не закроется. Костюм будет препятствовать сжатию и кому-то придётся сильно постараться, чтобы сломить его сопротивление. Во всяком случае, один из нас может подстраховать других на случай, если люк вздумают захлопнуть...

– Отлично, – произнёс Кирилл, внимательно осматривая дверь в поисках поворотного механизма, а также возможных замков.

– К тому же, если предположить, что «гоблин» даёт нам подсказку, – продолжал рассуждать Виктор Анатольевич, – то рисунок должен означать: из нас троих только кто-то один может проникнуть внутрь... На это указывают и кружок, и штриховка треугольника... Есть иные соображения?

– В принципе, то, что увидит один, то увидят и остальные. Костюм всю информацию сохранит...

– Если исследователь вернётся назад...

– А куда он денется! Значит так: двое держат люк, а один заряжает матрицы. Остаётся распределить обязанности. Времени у нас не так уж много. Мы в подземелье уже около двух часов, а возвращаться придётся, поднимаясь вверх, на что уйдет значительно больше сил и времени. К тому же, неизвестно, что нас ожидает на обратном пути! – Борисов взглянул в лица участников экспедиции, насколько это было возможно, учитывая полумрак и наличие масок. – Давайте решим, кто идёт заряжать, а кто страхует!

– Тут и думать нечего, – сказал Андрей. – Пойду я. Дело мне знакомо. Я с «энергией смерти» давно на «ты», – он заглянул в проём люка. Дорога тут обрывалась, а у подножия люка виднелась лёгкая металлическая конструкция, похожая на подвесной мостик, весьма хрупкий на вид. Благодаря скудному освещению, которое давали лишь разноцветные вспышки, удалось различить, что мост перекинут над огромным провалом, в котором

находилось что-то чёрное, весьма впечатляющих размеров. – Я думаю, это дело нескольких минут...

– Может, всё-таки я? – Борисов коснулся рукой люка, словно хотел его покачать. – Я из вас самый старый, а риск тут... очевиден...

– Ты у нас не старый, а старший, – заметил Кирилл. – Твоё дело командовать, а уж исполнять будем мы. Андрей, пойти должен я...

– Давай сюда матрицу, – Орлов был непреклонен. – Некогда объясняться, только время теряем!

И вот уже Андрей стоит перед хлипким мостиком с одним поручнем на уровне пояса. Создавалось впечатление, что он – воздушный гимнаст в цирке. На огромной высоте над ареной он должен выполнить свои кульбиты без страховки и вернуться назад.

Без сомнений и страха Андрей ступил на узенькую металлическую дорожку, которая сразу же заколыхалась под его ногами. «Спокойно, – сам себе сказал Орлов, – должно выдержать»... – И сделал второй шаг... затем третий.

Конструкция, хоть и не совсем устойчиво, но держала. Сколько ещё следует сделать шагов? Пока уровень опасности – 0, 94. Пожалуй, нужно пройти ещё немного...

Он старался не смотреть вниз и по сторонам. Основное внимание – под ноги и на показания прибора. Но Андрей всё же заметил что там, внизу расположилось нечто огромное, напоминающее гигантский котёл, прикрытый крышкой, вокруг которой сквозь щели вырываются клубы цветного пара. Действительно, что-то словно варится внизу или там происходит какая-то химическая реакция. Некоторые всплески этого варева поднимались настолько высоко, что достигали ног Андрея. Костюм реагировал на эти «касания» резким звуком и сжатием, затрудняющим движение.

«Так это же потерпевшая крушение летающая тарелка!» – осенило Орлова, когда он всё же разглядел очертания загадочного объекта.

– Ради бога, Андрей! Соблюдай предельную осторожность!.. – слышались голоса друзей.

– Я осторожен, ребята...

«Конечно, я буду внимателен, – думал он, ощущая дрожь и низкий, утробный звон костюма, сигнализировавшего об уровне крайней опасности, – я вернусь и принесу вам заряженные матрицы. Я же не самоубийца и собираюсь ещё пожить!.. Случись это, скажем, лет тридцать-сорок назад, на рубеже веков и тысячелетий, когда в стране царил кризис и хаос, а жизнь человека была совершенно обесценена, тогда – другое дело А сейчас я хочу принести пользу моей стране, родному Кёнигсбергу, милому Янтарному краю... – звон усиливался и становился тоньше. Костюм сжимался, затрудняя движения. – Я ещё потружусь! Нет, мне не надо материальных благ, у меня всё есть... Мне нужны только любимая работа и мои близкие! Ради этого я способен отдать всего себя... Как отдал свою жизнь великому делу мой Учитель...»

Андрей выпрямился, затем глубоко вдохнул и протяжно выдохнул, демонстрируя свою готовность к любым испытаниям и полную сосредоточенность...

«Истина, как известно, одна, но для каждого она своя... Раньше я искал ее, как холостяк, выбирающий наиболее чистую рубашку в ворохе грязного белья... Но все изменилось, а время многому меня научило. Прежде всего, тому, что за правду нужно драться! За нее приходится страдать!»...

Прибор указывал уровень опасности 0,95. Андрей продолжал движение, одной рукой держась за поручень, другой – нащупывая футляр с пробирками, спрятанный в кармане костюма.

«В прошлом у меня никогда не возникало ни малейшего желания серьёзно заняться спортом и устанавливать какие-либо рекорды, – размышлял он, вынимая из кармана пробирки с матрицей. – Напротив, я долгие годы старался не высовываться и держаться в тени. Но теперь мне кажется, что жизнь – это спортивное многоборье, соревнование, в котором каждая посредственность стремится стать быстрее, выше и значимее остальных. В ней много дисциплин, и в каждой есть свои лидеры и аутсайдеры. Вот мы и бежим, толкаемся, боремся... Поскольку очень хочется стать первыми. Но побеждает кто-то один – сильнейший... Только не всегда он самый умный и добрый»...

Уровень 0.96. Костюм словно оцетинился. Его звон стал похож на вой, который словно вонзался в тело множеством острых игл. Выполняя защитные функции, он непроизвольно нагрелся. Орлов ощущал жар, исходящий от своей необычной одежды, и сухость во рту. Затем появилось чувство сильной жажды...

И вдруг Андрей вновь услышал ту самую мелодию. Она зазвучала в нём, заглушая сигналы, издаваемые защитной системой костюма. Да, да! Он много раз слышал её, он прекрасно знает эту песню! Знает, но не может вспомнить...

Зато он хорошо помнит другие эпизоды из своей жизни... Вот он, маленький мальчик, сидит на коленях у мамы и она ласково гладит его по голове... Вот он азартно натирает горбушку хлеба кусочком чеснока, макая его в соль... Вот они с отцом на рыбалке, вот первый пойманный Андреем карасик!.. Вот школьная парта, испачканная и исписанная его предшественниками... Вот конспекты студенческих лекций, которые внезапно превратились в листы таинственной книги Иоганна Майбаха и рецепты выписываемых им лекарств...

«...Сойти с дистанции нельзя, – продолжил прерванные размышления Андрей. – Остановиться – означает: умереть. В этой сумасшедшей гонке приходится забывать о боли и страхе, отдавать последние силы и жертвовать здоровьем. Чем ближе к финишу, тем трудней... Но победа, победа над самим собой и своими слабостями стоит того, чтобы за нее так дорого платить!

Итак, господа, состязание продолжается, и я сейчас выхожу на финишную прямую... Я должен всем показать, на что способен. А я способен на многое!

Ради своего сына, моих друзей и памяти Учителя я сделаю это...».

Уровень 0.99... Руки почти не слушаются. Костюм предпринял последнюю попытку для спасения своего хозяина. «Спокойно, – обратился к нему Андрей. – Я уже на месте. Дай мне немножко свободы, чтобы я выполнил свою миссию».

– Ребята, я в нужной точке! Достая матрицы. Ещё 120 секунд и возвращаюсь!

Матрицу следовало заряжать в течение двух минут.

– Аккуратней, Андрей. Всё будет хорошо! – крикнул Кирилл.

– Главное – спокойней, дружище! Мы – рядом! – ободрительно вторил ему Борисов. – Мы держим дверь, всё нормально. Делай своё дело и возвращайся!

Орлов вынул пробирки из футляра.

– Время пошло! – у него получилось произнести это почти весело... Он даже попытался улыбнуться, однако со стороны это было больше похоже на оскал: ведь улыбаться – это всегда немного показывать свои зубы...

– Отлично!

А воспоминания продолжали мелькать в его сознании. Вот пронеслись события, предшествующие его заточению в спецлечебницу с интенсивным наблюдением, вот нервная беседа с Виктором Анатольевичем, вот его камера-больничная палата... первая встреча с Кириллом...

– Сто секунд осталось!.. – друзья отслеживали время.

А внизу «пыхтел» громадный чёрный котёл, творение веземной цивилизации, источающий столько злобы, ненависти и ужаса, что мощная защита современного костюма едва справлялась с ними.

– Шестьдесят секунд...

Вот и другие картинки... Он уже дома, растёт его сын, взрослеет племянник, хорошеет жена... Вот их врачебное «братство», застолья и рыбалки, споры, поиски и взаимовыручка... А вот и долгожданное «спасибо, доктор»!...

– Всё, достаточно! Андрей, возвращайся!

– Иду, ребята...

Он спрятал пробирки в футляр, бережно сунул его в карман, застегнул «молнию» и уже собрался уходить... Только лестница под его ногами странно завибрировала и слегка закачалась. Было похоже, что с другого конца мостика кто-то начал движение в его сторону. Явственно ощущались чьи-то торопливые шаги... Вот к первому шедшему присоединился второй... Затем – третий... Топот нарастал...

Андрей поспешил к ожидавшим его друзьям.

– Ребята, кажется, мы здесь не одни...

Те попытались осветить пространство своими гелиевыми фонарями с дистанционной подзарядкой. Им в этом помогали вспышки и сполохи, исходящие от зловещего «котла».

– Успокойся, никого не видно...

– Не беги, ступай аккуратнее... Так, давай руку...

Протискиваясь сквозь узкое отверстие входа, он обратил внимание, что люк всё-таки пытался закрыться. Но эта попытка была остановлена его друзьями. Следовательно, меры предосторожности, предпринятые ими, оказались совсем нелишними. Навалившись на дверь, он помог Ильину и Борису освободиться.

– Все живы-здоровы? – спросил Виктор Анатольевич, поднимаясь с пола.

– Все...

– Тогда наша миссия закончена. Пора уходить!

– Там, - задыхаясь, кивнул на захлопнувшийся люк Орлов, – кто-то есть. Я ощущал их шаги по мостику...

– Вот и мы о том же, – восстанавливая дыхание, произнёс Кирилл. – Пора уносить отсюда ноги! Ты всё сделал, как надо?

– Да, конечно. Как положено.

– Молодчина.

Путь обратно не занял много времени. Если вглубь скалы друзья шли медленно, осторожно, то обратно – почти бежали. Слава богу, никаких помех на их пути не возникло. Выбрались из пещеры, сбросили маски, жадно хватая воздух пересохшими ртами.

Словно ниоткуда, возник шаман.

– Все живы? – казалось, он был сильно удивлён этим обстоятельством. – Пора уходить.

Их ожидал марш-бросок до берега. Лишь на катере они могли чувствовать себя в относительной безопасности. Встретивший их Константин и Илья с Павлом предложили немного отдохнуть, но врачи напрочь отказались.

– Нас преследовали, – с трудом переводя дыхание, сказал шаману Борисов. – Не знаю кто, но нам с трудом удалось оторваться.

– Лучше поскорее отсюда убраться, – добавил Андрей, тяжело дыша. – Не хотелось бы затевать свару с гоблинами...

– Тем более что мы получили то, что хотели! – Кирилл вытер мокрое от пота лицо. – Отдохнём на корабле...

Группа торопливо, насколько это было возможно, отправилась к катеру.

И вот, катер отчалил от берега. Бравый капитан Юра дал прощальный гудок.

– До новой встречи, Рытый! Жди нас, Хыр Хушун! – и в сторону путешественников: – Что, запыхались, «турысты»? Сейчас вам Николаевна накроет шикарный стол! Полечитесь байкальскими настойками и мясными изысками! Эх, и я бы с вами с удовольствием, да не могу. За рулём... То есть, за штурвалом...

Вечерело. Немного отдохнув и сложив экипировку, друзья полностью успокоились и заняли места за столом.

– Хорошее получилось путешествие! Славное местечко! – провозгласил Андрей.

– Путешествие ещё не закончилось, – заметил Борисов. – Но вылазка завершилась и ответственное задание выполнено!

– Теперь – домой! – жмурясь от солнца, счастливо вздохнул Кирилл. – Ну, и что нас ждёт на ужин?

Илья и Павел, приступив к своим «флотским» обязанностям, отправились на отдых. Одному из них скоро предстояло встать вахтенным за штурвал. Шаман спустился в каюту и, предварительно выкурив трубку, тоже лёг спать. А кёнигсбергские врачи ужасно хотели есть. И только после еды – спать.

Катер, покачиваясь на волнах, бодро набирал ход.

Солнце клонилось за сопки западного побережья. Дул свежий ветерок, дышалось легко и свободно.

Борисов склонился над «Ванькой». Он заказывал билеты на ближайший рейс до Кёнигсберга.

– Сразу домой? – подсел к нему Константин. – А порыбачить?.. Здесь столько ещё прекрасных мест для отдыха имеется! А вы сразу уезжать...

– Спасибо, Костя, – ответил Виктор Анатольевич. – Вот выберемся специально на отдых – и ходим! Хочешь, лично к тебе в гости приедем? – он улыбнулся.

– Конечно, приглашаю от души! Только дайте знать заранее! Мы поедem в Онгурёны, там у вас уже есть добрые друзья. Организуем охоту, рыбалку... попытаемся увидеть йети...

– А что? – Орлов с видимым восхищением смотрел на ловкие руки Николаевны, которые водрузили на стол бутылку кедровой настойки, и расставили тарелки с жареным мясом. – Заманчивое предложение! Пусть я не охотник, но побродить по тайге... да ещё в надежде побрататься со снежным человеком... Всегда рад. А ты? – спросил он у Кирилла.

– Только не сейчас... Дайте дочку выдать замуж!

– Хорошая у вас настоечка, – отметил Андрей, наполняя рюмки. – Вот у нас есть товарищ... некто доктор Пилюлькин... Он тоже любитель разных настоек... Экспериментирует на разных травах...

– Ох, не говорите мне об этих любителях, – отмахнулся Гришин. – Знавал я одного такого... Рассказать?

– Расскажи, – попросили врачи, принимаясь за еду.

– Однажды, накануне ноябрьского праздника, – начал Константин, деловито «освоив» первую рюмку, – заглянул я к своему коллеге... Надо было группу «на охоту» организовать... Всё быстро сладилось, и давний приятель предложил: «Давай выпьем по пять капель моей целебной настойки?». А я что? Русскому человеку два раза предлагать не нужно. Тем более что я знаю толк в подобного рода напитках. Быстро собрав на стол, приятель выставил бутылку подозрительно мутной жидкости.

«Это что еще за бурда?» – испугался я.

«Потом расскажу, а сначала выпьем», – заторопил хозяин. – Ты только нос пальчиками зажми»...

После первого же глотка у меня перехватило дыхание, а из глаз градом потекли слезы.

«Что, забористо? – засмеялся коллега. – Эта штука, брат, лечит все болячки: ужасно повышает иммунитет и потенцию! Закуси грибочком и давай повторим, – раскомандовался он. – Сам я уже месяц пью «это» по рюмочке на ночь, результат – просто фантастический! Хоть у жены спроси»...

Выпили еще и закурили.

«Ну, теперь слушай, – приосанился мой приятель. – Этот старинный рецепт я вычитал в одном журнале... – и он протянул мне оригинал. – Рекомендует его известная целительница, а средство называется – «настойка на дождевых червях»...

После такого «просвещения» я поперхнулся и долго кашлял... Помнится, что не только кашлял... Не стану повторять слова, которыми я «благодарил» коллегу, но после того случая, мы с ним уже второй год не здороваемся.

Дружный хохот пронёсся над Малым морем, спугнув любопытных чаек, круживших над катером.

Андрей вышел из-за стола, достал сигарету.

– На червях? – пробормотал он. – Надо будет попробовать...

– А что вы там говорили о гоблинах? – спросил Константин Борисова. – Действительно, что-то видели? Страшно интересно. Нет, только без шуток, если ничего не видели, то и не говорите! Но уж если что-то такое было...

– Тебе, как местному краеведу, интересно, что мы обнаружили в пещере?

– Ну, конечно...

– А шаман позволит рассказать? – усмехнулся Кирилл.

– Ну, если нет, то и не надо...

– Эй, ребята, – послышался голос заступающего на вахту Ильи. – Там с вашим приятелем плохо! Лежит на палубе и, кажется, не дышит...

Размышления свободной души – 14

Мы всегда чувствуем, когда там, в людском мире о нас вспоминают. Бывает, вспоминают с теплом и благодарностью, а случается – с ненавистью... От сказанных там слов и промелькнувших мыслей, от их эмоциональной окраски и энергетики зависит и то место, которое мы занимаем здесь, в своем измерении...

Особенно приятно, когда с твоим именем, словно флагом, идут на самопожертвование ради благополучия других людей...

Как тут удержаться и не помочь такому человеку?

Как его не простить?..

Глава 14. «Впереди много жизни»

Из истории болезни пациента N: «...В 20.00 больному внутривенно был введён экспериментальный образец препарата «Амадин»... 9.30. Впервые за весь период лечения сон у больного был спокойным и глубоким, без сновидений. Выглядит бодрым и отдохнувшим, настроение хорошее. Жалоб на состояние здоровья не предъявляет. Бред и галлюцинации отсутствуют»...

Лето в Кёнигсберге – удивительная пора. Преображается древний город, молодеет душой, с удовольствием впитывает в себя щедрое солнечное тепло... Открываются летние кафе, из которых доносится густой кофейный аромат и звучит лёгкая музыка. Приморские города-курорты принимают тысячи гостей из областного центра, пляжи заполняются отдыхающими... Из Пионерского, где не так давно открылся новый порт, отправляются в круизы по Атлантике пассажирские суда: большие и маленькие, гордые и скромные, теплоходы, паромы и парусники.

В самом городе разморенные жители то прячутся в тень от палящего солнца, то укрываются зонтами от хлестких струй тёплого ливня. Служба управления погодой по мере сил старается обеспечить комфорт горожанам, но не всегда капризная кёнигсбергская погода поддаётся такому «управлению».

На зелёных улицах, в парках, на стадионах, в специально открытых комплексах и водоёмах проводится множество культурно-развлекательных и спортивных мероприятий.

Здорово летом в Янтарном крае!

Прошёл всего один день после возвращения наших героев с далёкого озера Байкал. Спешим заметить: Андрея Орлова удалось привести в чувство после неожиданного обморока на катере. Он довольно быстро пришёл в себя, и вся компания благополучно добралась до Листвянки, где пересела на сухопутный транспорт и затем убыла в аэропорт. Вскоре троица совершила посадку в славном городе Кёнигсберге, где все разъехались по своим домам.

Встреча Андрея с сыном, племянником и его невестой, а также с обожаемой супругой произошла просто триумфально. После завершения торжественной части и обсуждения семейных проблем, когда веселье и чудное настроение всё ещё витало в воздухе и совсем не хотелось говорить о чём-то сверхсерьёзном, Дима всё-таки задал главный вопрос: а зачем, собственно, была совершена поездка на Байкал? На что Орлов ответил:

– Для «оживления» вашего экспериментального катализатора, батенька! Ты уже в курсе, что образец Ц-113 был обнаружен нашим вездесущим коллегой Валерием Васильевичем при весьма пикантных обстоятельствах... Так вот, мы предприняли «мозговой штурм»... Успокойся, у нас были возможности и время... и пришли к выводу, что для того, чтобы катализатор начал «работать», в него должен быть внедрён самый важный компонент. Вот за ним мы и ездили в те дальние края. Завтра в образце Ц-113 будет растворена

привезённая нами заряженная матрица, после чего можете считать, что ваш эксперимент удался!

– Спасибо, отец! – обрадовано произнёс Саша. – Вот уж не думал, что ты так интересуешься нашими проблемами и способен на такие, не побоюсь этого слова, подвиги!

– Не только я, но и мои друзья... – скромно заметил старший Орлов. – Да что там говорить, вот соберёмся все вместе, и тогда вы узнаете, на что способны «старички-разбойники»!

– Да какие вы старички?! – воскликнула находящаяся рядом с Димой Елена. – Я просто поражаюсь, откуда у вас столько идей, энергии и сил! Вы и ребят из тюрьмы вытащили, и нашли способ, как реализовать их научную идею, и даже... достали недостающий для препарата компонент, хотя для этого, насколько я понимаю, пришлось очень много потрудиться и претерпеть!

– Всё это здорово, но... возможно ли такое? – сомневался Дмитрий. – Хотелось бы узнать всю... «подноготную» вашего удивительного вещества... Что это за «заряженная матрица»?

– Всё в своё время, Дима. Механизм её действия я тебе вскоре объясню. Для подтверждения всех моих слов недостает всего лишь одной мелочи – добавить в катализатор то, что мы привезли. И – проверить его на деле! Заметь – испытаем уже готовое лекарство!

– Это просто чудо, – только и смог пробормотать младший Орлов. – Я не могу поверить...

– Знаешь, сынок, – ответил на это Андрей, – твой отец уже в молодости совершал немалые чудеса. А сейчас он стал гораздо мудрее и от этого чудеса у него стали получаться ещё более значительными!

Наталья отметила, что её муж всё больше напоминает ей прежнего Андрея, такого, каким он был лет тридцать назад...

На следующий день было запланировано соединение матрицы с опытным образцом катализатора и дальнейший комплекс работ, связанный с созданием препарата «Амадин». Но, неожиданно Андрей вновь почувствовал себя плохо. Надев на руку домашний медицинский прибор «Валеотест» и подключив его к «Ваньке», куда должны были сбрасываться развернутые показатели функционирования его организма, Орлов дождался, когда данные отразились на экране. Взглянув на них, он поморщился от досады: прибор не ставил никакого диагноза, однако настаивал на немедленной госпитализации. Результаты анализов были приведены довольно скупо: гемоглобин и лейкоциты, уровень гормонов, оксигенация крови (4) и даже пикфлоуметрия (5)... все показатели оказались в «красной зоне» – заметно ниже границы нормы... Полное истощение резервных возможностей организма...

– Может немножко коньячку? – озабоченно склонилась над мужем Наталья.

– Позвони Кириллу, – еле слышно прошептал Андрей и опустил голову на подушку: его беспокоили ужасная слабость и одышка.

Выглядел он также совершенно больным: бледное лицо и губы, темные круги под глазами, на лбу холодный пот...

Не на шутку перепуганная жена тотчас выполнила просьбу супруга. Глядя на мужа, она не смогла сдержать слёзы.

– Андрюша, что с тобой происходит?..

– Что у вас случилось? – немедленно отозвался Ильин. – Что с Андреем? – он взглянул на показания, выданные прибором, и присвистнул: – В чём дело, дружище?

– Сам не понимаю... – еле шевелил языком Орлов. – Какой-то холод внутри, нет сил пошевелить даже пальцем ...

– Потерпи, я сейчас буду...

– Приезжай, хоть простимся по-человечески, – хрипел Андрей. – Ты знаешь, я, кажется, разгадал ту надпись, – он с трудом находил силы для продолжения разговора, – в пещере...

– Ты о чём? В какой пещере? – не сразу понял его Кирилл.

– Ту, что написал... гоблин. Три треугольника – это мы... Один из нас... должен был остаться там, внутри... И это, видимо, – я...

– Не раскисай, Андрюха! Постарайся продержаться хотя бы полчаса. Я сейчас доставлю тебе универсальное лекарство...

– Что с ним? – растерянно взглянула на экран «Ваньки» Наталья.

– Успокойся, Наташа. Я мигом... Вылечим...

Андрей вновь в пещере... Он опять на шатающемся мостике, перекинутом над гигантской ямой, в глубине которой – разлагающийся и смердящий труп инопланетного звездолёта. Но сейчас Орлов – совершенно один. И прибыл он не за «энергией смерти». Он ищет возможность спуститься в «бездну», с этого моста к чёрному «пыхтящему котлу», который сейчас отнюдь не кажется безжизненным...

Вот винтовая лестница (как он её не заметил раньше?), ведущая круто вниз. Там, в полутьме, озаряемой выбросами святающихся облаков, таится нечто завораживающее и манящее. Кажется, сейчас откроется люк в корпусе корабля, и чья-то рука поманит исследователя в недра летательного аппарата...

А в сознании, словно слайды, проплывают виденные недавно на скальные изображения... Теперь они ему понятны. Как же он раньше не догадался, что означают эти замысловатые рисунки на стенах подземелья? Ведь это так просто... Вот, первая картинка... Это же изображение живой клетки! Следующая колонка замысловатых знаков – расшифровка кода ДНК... А тут – схема аппарата искусственного кровообращения для проведения операции на сердце! Как ясно и толково! Все рисунки, зафиксированные костюмами путешественников, носят медицинский характер и являются, по сути, энциклопедией, настоящей кладью ценнейших знаний! Вот – человеческий мозг и перечисление возможностей, которые можно открыть при несложных манипуляциях над «серым веществом»!.. Аж дух захватывает!..

А вот другая картинка: метеорит... Нет, комета... Да нет же, это – космический аппарат, прорвав небесный купол и неся за собой хвост пара, дыма и огня, врывается в землю!.. Следующий эпизод – возле упавшего небесного странника столпились люди. Они высоки и статны, у них светлые волосы... Вот, один из них повернулся к Андрею:

– Здравствуй, брат, – голубые глаза светятся мудростью и печалью. – Готов ли ты отправиться к нам, в мир твоих предков? Хочешь ли вновь встретиться со своим Учителем?

И опять звучит эта мелодия...

Андрей не против: он пытается кивнуть и с радостью собирается сказать «да», но... вдруг появляется запах... Густой, пряный запах мёда, завораживающий и обволакивающий аромат полевых цветов и свежескошенной травы... Запах дождя и дух горячего хлеба,

натруженных отцовских рук, речной воды, лопнувшей берёзовой почки и ещё... чего-то такого родного и близкого...

Андрей открыл глаза и увидел перед собой раскрывшийся в улыбке бутон незнакомого цветка.

– Очнулся, - услышал он. – Слава богу...

Это был голос Натальи.

– Вовремя мы... Теперь дело пойдёт на поправку, – с облегчением подтвердил Кирилл.

Он бережно поставил горшок с цветком на подоконник и повернулся к Андрею.

– Ну, знаешь, ты своими шуточками нас когда-нибудь до инфаркта доведешь!

– Да брось ты... от смеха ещё никто не умирал,... кроме тех, кто неудачно пошутил...

– тихо ответил ему Орлов.

Болезнь Андрея Орлова, такая странная и страшная, для всех, кроме Натальи, в его семье прошла незаметно. Как неожиданно началась, так же внезапно и закончилась, хотя женщине пришлось изрядно переволноваться. Но, самым удивительным было то, что приехавший Кирилл не стал делать уколы или проводить другие манипуляции, соответствующие своей высшей врачебной категории, а вместо этого притащил горшок с каким-то пахучим цветком и первым делом сунул раскрывшийся бутон под нос её мужу.

Однако же результат поразил супругу немолодого эскулапа.

Позже, уже сидя за столом с чашкой чая (Саша и Дима были в университете, а Андрей мирно дремал на диване), Кирилл поведал Наталье удивительную, буквально сказочную историю, непосредственным участником которой он сам и был. Разумеется, некоторые подробности он тактично опустил.

– Так вот, Наташа, – закончил рассказ Ильин, – такова поразительная сила этого цветка... Я уверен, что вместе со своим ароматом он источает важные компоненты удивительного бальзама Иоганна Майбаха. Иначе чем объяснить его чудесное воздействие на наши организмы? Берегите его, он принесёт в ваш дом то, чего не купишь ни за какие деньги... Я бы и раньше подарил его Андрею, но... его «подвиги» в молодости... словом, что-то меня удерживало. И вот сейчас, после нашего путешествия, где он рисковал своей жизнью ради... науки и своих близких... я понял, что совсем не знал Орлова... Представляешь, там, в пещере, он находился над источником смертельной энергии... мы позже сняли информацию с его костюма... Так уж случилось, что он получил избыток смертельных излучений, от которых его костюм был уже не в силах защитить... А Андрей держал над всем этим адом пробирки с матрицами совершенно спокойно... я не знаю, смог бы так же поступить Борисов, но вот за себя почему-то не уверен... Ровно 120 секунд и ни секундой меньше! Да это настоящий подвиг! Извини, я волнуюсь... – Он отхлебнул из чашки чай, задумчиво посмотрел в окно и продолжил: – Вот это стойкость! Уверен, его Учитель был бы сейчас горд за него...

– Ты, Кирилл, говоришь об этом... Майбахе, словно он жив и разгуливает где-то рядом...

– Это трудно объяснить, Наташа. Порой, именно так мне и кажется. И не только мне... В мире много необъяснимых вещей...

Женщина вновь бросила взгляд на цветок. Но уже не сомневающийся, как прежде, а, скорее, восхищённый.

– Какой-то особый уход за ним нужен?

– Нет, – ответил Кирилл. – Поливай два раза в неделю. Держи на свету... Если будет разрастаться, отсаживай побеги... и дари близким людям... Нам он помогает уже четверть века. И я уверен, будет ещё долго цвести и дарить здоровье, силу и радость... И омолаживать...

– Удивительно...

Кирилл взглянул на экран «Ваньки».

– Вот, смотри, Наташа, «Валеотест», подключённый к нашему больному, выдал новые данные... Всё возвращается к норме... Думаю, завтра-послезавтра наш герой будет вполне здоров.

Прошла неделя. Андрей «встал на ноги», отдал должное удивительному цветку и чуткости друга, повстречался с остальными членами «медицинского братства», принял участие в создании лекарства от болезни Гофмана – нанопрепарата «Амадин» и стал свидетелем довольно большого количества самых разных событий.

Этим утром он поднялся в каком-то необычном настроении. Минут пять рассматривал себя в зеркало. Потом четверть часа простоял на балконе, любуясь городскими кварталами, обласканными нежарким утренним солнышком. Затем побрился и умылся, ласково поцеловал супругу, накрывающую стол для завтрака.

А после этого закрылся в своей комнате, достал «Ваньку» и развернул клавиатуру...

– Что-то последний месяц я сам себя не узнаю, – он почесал подбородок. – Уж не знаю, к добру ли всё это?..

Только через час он закончил свою работу и отправился на кухню просить у жены прощения за сорванный семейный завтрак и попытаться наверстать упущенное.

И всё-таки, страшно интересно, что же он написал? Вот бы заглянуть ...

Словом, мы и заглянули, пользуясь занятостью семейной пары и отсутствием других домочадцев, а стало быть, безопасностью и безнаказанностью. А чтобы вы не выдали нас, то мы и вас ознакомим с тем, что обнаружили.

Итак, вот и сам текст.

«Что ни говорите, а все же наша жизнь – великий пир, праздничное застолье, на котором все мы желанные и дорогие гости!

Молодость – словно сладкое игристое вино: веселит и кружит голову, вызывает самые смелые желания и мечты, создает иллюзию беззаботности и неограниченных возможностей. Она переполняет нас любовью, от которой до ненависти всего «один шаг», ощущением того, что ты – центр вселенной, способный и даже обязанный изменить свою судьбу и окружающий мир.

Мы с жадностью пьем эти годы... Верим и надеемся, кого-то боготворим, в чем-то разочаровываемся, обижаемся и тут же прощаем. Горопливо транжирим бурлящие силы на совершение опрометчивых поступков. В эту пору всем кажется, что веселью не будет конца...

Зрелость – это уже рябина на коньяке. Её пикантная горчинка располагает к созерцанию и размышлению, расслабляет и успокаивает, вызывает светлую грусть, а порой – искреннюю слезу... Наслаждайтесь терпким букетом этого возраста. Цените его удивительный и сдержанный вкус. Дорожите теми, с кем делите свою трапезу – хлеб и вино, печаль и радость. Не унывайте – праздник продолжается! Только знайте меру выпитому...

Старость – неизбежное похмелье, желание все перечеркнуть и начать сызнова, не повторяя прежних ошибок. Это пора воспоминаний и раздумий, прозрений и усталости...

подведения итогов, угрызений совести за то, что совершил, и сожаления о том, чего не сумел или не успел сделать...

Переосмыслить былое не сложно, вот только исправить уже ничегошеньки нельзя. Потому что время, увы, ушло... Как говорится, кончен бал... и гостям пора расходиться. Каждый хочет, чтобы вечер его жизни был спокойным, мудрым, светлым. Чтобы рядом оказались люди, способные выслушать, понять и простить.

Только... пусть каждому воздастся по делам его».

– Андрей, смотри, началась прямая трансляция из университета Канта! Наши показывают! – Наталья схватила пульт, усиливая звук. На экране монитора возникло серьёзное лицо Дмитрия.

– ...Объясняя простыми словами, – говорил молодой докладчик, делая паузы и подыскивая эти самые «простые слова», – действующее начало препарата «Амадин», созданного нами для лечения «чумы 21 века» – болезни Гофмана, это – заряженная матрица, заключённая в контейнер – наночастицу. Последняя делает её «невидимой» для здоровых клеток организма, но обеспечивает доставку лекарства непосредственно к больным участкам мозга.

Таким образом, удастся избежать побочных эффектов, а также повысить дозу лекарства, добившись накопления препарата в поражённых клетках и тканях...

Когда был дан более общий план, Наталья и подросший к ней Андрей увидели, что идёт пресс-конференция. За столом сидят светила медицинской науки, среди которых – их сын и племянник.

– Поверхностный слой наночастиц, – продолжал Дима, – позволяет распознать болезнетворные «техновирусы», а также притягивать и блокировать их на клеточной мембране. Именно такое «узнавание» позволяет препарату накапливаться в поражённой области, не попадая и не разрушая своей энергией здоровые клетки.

Было видно, что выступление молодого учёного вызвало не просто интерес, а настоящий фурор в научных кругах.

– Видишь, дорогая, – произнёс Орлов. – И мы кое-что умеем...

Но тут микрофон был передан их Саше, а точнее – Александру Орлову.

– Внутри частицы, – отвечал на чей-то вопрос их сын, – находится непосредственно терапевтический препарат – матрица. А сам контейнер образован биоразлагаемыми и биосовместимыми полимерами, которые «раскрываются» и высвобождают «энергию смерти» лишь в области, поражённой заболеванием...

– Это наш сын, – всхлинула от радости Наталья, крепко сжимая руку Андрея.

– Да... – прошептал Орлов.

– ...Сохраняя изолирующую упаковку, обеспечивающую направленную доставку к целевому органу, – продолжал убедительно говорить их наследник, – можно создать и сотни других лекарств, лишь меняя действующее вещество в наночастице...

Когда трансляция закончилась, Наталья утёрла слёзы, открыла холодильник и достала оттуда непечатую бутылку коньяку.

– Хочешь, Андрюша?

– Спасибо, дорогая, – ответил тот, принимая стеклянную посудину и разглядывая красочную этикетку. Затем поставил ёмкость обратно и закрыл дверцу. – Скоро свадьба. На праздничном столе пригодится. А я, Наташа, с этим делом завязал... Полностью...

– Неужели?.. – удивилась супруга.

– Да... Недавно я взглянул на мир по-новому, свежим взглядом, как бы перебив все свои «окна»... Внутри меня проснулись... дремавшие доселе силы... Мне теперь нужна исключительно свежая голова и трезвые мысли... Впереди ещё так много дел...

Впереди ещё много жизни...

Эпилог

– Включай скорее! Новости начинаются!

На широкой софе уселись три дамы. Все они находились в родственных отношениях. Племянник хозяйки дома Наталья, Дмитрий, наконец, женился на давней своей возлюбленной Елене Кирилловне. Сама Лена, её матушка Вера и Наталья – вот об этих трёх дамах и идёт речь.

Перед ними вспыхнул виртуальный экран.

Главной новостью Кёнигсберга на этот час оказалось переименование улицы Больничной в улицу Иоганна Майбаха. Пока шли городские зарисовки и на экране мелькали зелёные деревья, дома и люди, голос диктора вещал о том, что для современной истории и мировой культуры вновь открыто имя кёнигсбергского врача, в прошлом – профессора кёнигсбергской Альбертины. Оказывается, недавно обнаружено хорошо сохранившееся захоронение этого замечательного человека.

– «Сегодня, благодаря нашим краеведам и увлечённым последователям учения великого врача, его имя стало известно во всём мире»...

Подруги подвинулись поближе друг к другу. Они и не подозревали, насколько тесно их собственные судьбы переплетены с именем немецкого учёного.

– «А теперь перенесёмся в район, который в старом Кёнигсберге носил название «Фиалковая гора». Здесь, на месте захоронения знаменитого доктора сегодня открывается его монумент. Это событие превратилось в настоящее народное торжество»...

Замелькали другие планы: постамент, покрытый белой материей, большое скопление людей.

– «Сегодня на этом месте открывается памятник Иоганну Майбаху»...

– Гляди-ка, а вот и наши стоят! – Вера заметила мелькнувшие на экране знакомые лица.

– Действительно! Ну, давайте за наших мужчин!.. – Всё-таки они – молодцы!

Наталья поставила на стол бокалы, достала бутылку французского вина.

– Придут, а мы уже навеселе, – усмехнулась Лена.

– Ничего, сегодня можно!

– «Дорогие друзья, – вещал чиновник из администрации города, – стараясь описать словами гамму наших чувств и переживаний, мы обычно сильно их упрощаем, обедняем или искажаем. Как бы не был «богат и могуч» наш язык, но все же палитра человеческих эмоций намного богаче и ярче»...

– Давайте, девчонки, за наших парней!..

– «... 18-й век был столетием просвещения и культуры»...

– А народу и впрямь собралось... Полгорода, не меньше...

– Почему же мы не пошли?

– А что там в такой толпе увидишь? Зато здесь – комфортно и уютно!

– «...Перед началом эпидемии чумы 1709 года в Кенигсберге проживало сорок тысяч человек, – выступал седоватый мужчина, по-видимому, историк. – А это – в два раза больше, чем в самом Берлине. Но с середины осени до начала весны от страшной болезни умерло более четверти жителей нашего города. В ту страшную зиму уцелело всего несколько врачей, которые не покладая рук и презирая смерть, сражались за жизнь простых людей...

Имя одного из них нам недавно стало известно. Это – Иоганн Майбах, сын обыкновенного каменщика, который, благодаря своему трудолюбию и таланту, смог стать выдающимся учёным своего времени и уважаемым гражданином Кенигсберга»...

Бокалы со звоном столкнулись...

И тут камера вновь «выхватила» из всей многотысячной толпы группу мужчин, стоящих обособленно, в непосредственной близости к памятнику.

– Вот они, наши родные...

Крупным планом – серьёзное и сосредоточенное лицо Дмитрия Веряскина, положившего руку на плечо улыбающегося Александра Орлова. Слева от сына стоял Андрей, он платком вытирал глаза. Тут же находился Кирилл Ильин. Вот он бросил короткую фразу Валерию Васильевичу, стоящему рядом, чем вызвал улыбку на его лице. Доктор Пилюлькин, Сергей Иванович Пелюгин, внимательно слушал выступление учёного и, казалось, старался разглядеть кого-то в стоящей напротив людской толпе. А вот и худощавая фигура Борисова. Виктор Анатольевич повернул голову, продемонстрировав свой «классический профиль». Лёгкий ветерок колыхнул седые волосы пожилого доктора...

– ...За заслуги перед жителями старого Кенигсберга в период массовых заболеваний опасными инфекциями, - вновь взял слово представитель власти, – за проявленное мужество и самоотверженность, милосердие и преданность врачебному искусству, а также учитывая огромный вклад в развитие мировой медицинской науки...

Ещё раз со звоном встретились бокалы.

– ...«постановляем»...

Крупным планом – памятник Иоганну Майбаху. Сброшено покрывало и публике открылось само произведение искусства. Невысокий суховатый старик в треуголке, одной рукой опирающийся на трость, другой – держащий сумку с медицинскими принадлежностями, казалось, спешит к кому-то на помощь.

– А вот и сам виновник торжества!..

– Какой приятный человек... веет от него каким-то благородством...

Внезапно... то ли качнулась камера, то ли возникли помехи в эфире, но трём женщинам явственно показалось, что каменный доктор на одно мгновение лёгким учтивым поклоном поприветствовал стоящее рядом с ним «медицинское братство».

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 – уважаемый (узб.).

2 – За всю историю отечественной адвокатуры не было в ней человека более популярного, чем Фёдор Никифорович Плевако (1842 – 1908). И специалисты, и правовая элита, и обыватели, простонародье ценили его выше всех адвокатов как «великого оратора», «гения слова», «старшего богатыря» и даже «митрополита адвокатуры». Сама фамилия его стала нарицательной как синоним адвоката экстра-класса: «Найду другого

«Плеваку», – говорили и писали без всякой иронии». Письма же к нему адресовали так: «Москва. Новинский бульвар, собственный дом. Главному защитнику Плеваке». Или просто: «Москва. Федору Никифоровичу» (из Интернета).

3 – Дезоксирибонуклеиновая кислота́ (ДНК) — макромолекула (одна из трёх основных, две другие — РНК и белки), обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов. ДНК содержит информацию о структуре различных видов РНК и белков (из Википедии).

4 – содержание кислорода в крови.

5 – функция внешнего дыхания: пиковая, или максимальная скорость выдоха. Этот показатель по-английски называется пикфлоу (peak flow), то есть, «максимальный поток». Максимальная скорость выдоха зависит от многого, но самое главное - она показывает, насколько сужены бронхи.